

Светлана Нина

Алая дорога

Светлана Нина

Алая дорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29833470

SelfPub; 2018

Аннотация

Дворянка и революционер... Разность взглядов не помешала им найти друг в друге недостающие каждому в отдельности качества. Их запрещенный по всем канонам времени роман заставил героиню пойти против воли семьи и привел к краху нескольких судеб. А революция внесла в сумбур последней блестящей эпохи свою страшную закономерность и заставила каждого из персонажей терять, переосмысливать и несмотря ни на что надеяться.

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	51
Глава 5	62
Глава 6	76
Глава 7	87
Глава 8	96
Глава 9	109
Глава 10	126
Глава 11	139
Глава 12	147
Глава 13	153
Глава 14	165
Глава 15	170
Глава 16	179
Глава 17	194
Часть 2	200
Глава 1	200
Глава 2	211
Глава 3	227
Глава 4	240

Глава 5	246
Глава 6	257
Глава 7	272
Глава 8	282
Глава 9	294
Глава 10	305
Глава 12	320
Глава 13	330
Глава 14	343
Часть 3	349
Глава 1	350
Глава 2	359
Глава 3	364
Глава 4	373
Глава 5	381
Глава 6	387
Глава 7	396
Глава 8	404
Глава 9	416
Глава 10	423
Глава 11	430
Глава 12	438
Глава 13	446
Глава 14	458
Глава 15	466
Глава 16	474

Глава 17	484
Глава 18	494
Глава 19	504
Глава 20	518

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

Александр Блок

Часть 1

Глава 1

– Оленька, закрой, пожалуйста, окно, очень дует.

– Бабушка, ну что ты вечно мёрзнешь? Весна же, – с нескрываемым наслаждением произнесла хорошенькая девушка лет восемнадцати. – Что может быть лучше весны?

Элегантная дама, сидящая в кресле напротив внучки, с горечью усмехнулась.

– Помню себя в твоём возрасте. Я так же восхищалась миром, алкала счастья, не верила ни во что плохое. И что в итоге вышло... – она опустила морщинистые веки, под которыми явственно светились сиреневые жилки.

Оля, или, скорее, Ольга, потому что так бабушке казалось звучнее, поджала свой небольшой рот и не слишком печально вздохнула. Так она поступала всегда, когда её бабушка, Елена Аркадьевна Грушевская, начинала грустить. И, хоть они жили в Германии, процветающей стране, раз за разом восстающей из пепла подобно Фениксу, тень тоски по родине неизменно омрачала даже самые светлые дни. Это чувствовала и Ольга, никогда не бывавшая в России, но поневоле поддающаяся царящему в доме преклонению перед днями давно минувшими. Так случается порой: слушая тягучие, ис-

полненные настоящих чувств рассказы близких о прошлом, мы, если обладаем воображением, создаём в мечтах мир их юности. И всегда он кажется прекраснее, поэтичнее и живее, чем наш собственный. Люди редко удовлетворены действительностью – они или грезят о будущем, надеясь исправить что-то, либо идеализируют прошлое, в котором им уже не суждено оказаться. Оттого оно и притягательнее. Это, должно быть, и есть ностальгия.

– Это ты о революции? – тихо спросила Ольга, обняв пожилую даму за плечи.

– И о ней тоже, – ответила та без нотки трагизма в голосе.

– Бабушка, – неуверенно начала Оля, заглядывая в красивое кода-то, да и сейчас ещё не лишённое отпечатка истинной привлекательности лицо своей собеседницы, – вечером так приятно слушать басни о былом, – она блаженно зажмурилась темно – серые с желтыми крапинками в радужке глаза. – Ты как? Расскажешь?

Елена Аркадьевна встала с кресла и подошла к шипящему от ветра окну. Невесомые шторы на нём плясали удивительный танец, дразня. За несколько десятков лет не чужбине Елена так и не привыкла к нравам иностранцев. «Это они сейчас всё на лету схватывают, а мы устарели, ничего не можем, только хандрим», – подумала она, а вслух сказала:

– Ели это басни, не думаю, что я большой мастер по ним.

Оля смутилась. Она всегда восхищалась силой духа Елены Аркадьевны, её стойкостью и героизмом, даже непре-

клонностью, способностью победить в любой схватке с жизнью. Но едва ли юная девушка всерьез задумывалась о том, что бабушка тоже могла быть молодой когда-то, совершать ошибки, бояться и винить себя, быть ранимой и мягкой. Жизнь порой меняет людей больше, чем само время. Бабушка казалась её оплотом, стеной настолько нерушимой, что ничто за ней не страшно.

– Бабушка, пожалуйста. Дома только мы одни, Лёша от друзей вечером вернётся. Никто не станет мешать.

– Ох уж мне его эти ммм... – Елена Аркадьевна остановилась, вспоминая подходящее слово, – гулянки, – слово резануло слух, и она подняла непреклонные брови. – Добром не кончатся, в наше время молодые люди из-за них всё состояние в рулетку проигрывали.

Оля улыбнулась.

– Брось, бабушка, у нас нет состояния.

– Что-то есть. У меня всегда что-то было.

Несмотря на плачевное положение выгнанных из родной страны дворян, долгие годы ютившихся по дешёвым квартиркам с ржавыми ванными, Елене Аркадьевне удалось избежать дна, так что её небольшое обиталище в Ганновере всегда было обставлено со вкусом.

Сегодня что-то тянуло с улицы, запах вкусного весеннего вечера, немного прохладного, немного пряного и свежего, запах травы, запах самой жизни. И вдруг Елене Аркадьевне отчаянно захотелось перенестись в свою молодость.

Ощутить тот ветер, ту любовь. Как было славно... Но рассказывать это кому-то, пусть даже собственной внучке, было странно. Даже брезгливо. О, эта вечная, с детства втертая аристократическая воспитанность, от которой её саму уже давно тошнило!

Под брошенным на неё любопытно – строгим взглядом выцветших пронзительных глаз Ольга, как всегда, почувствовала, насколько она глупа и недостойна.

– Оля, иди лучше почитай что-нибудь, у тебя скоро экзамены.

– А... Дедушка?

– Ручаюсь, ты услышишь, когда они с отцом приедут.

Ольга отметила про себя, что её назвали сокращённым именем, и поняла, что сегодня ничего не добьется. «Неужели ей есть что скрывать?» – подумала девушка, выходя из комнаты. Бабушка не была словоохотлива, если речь шла о дореволюционной России. Внуки имели представление о быте и нравах людей того времени, но о том, что происходило в душе их прародительницы, не подозревали.

Ко всем насвистывающим тоску думам Елены Аркадьевны, проскальзывающим в сегодняшнем особом, странно торжественном дне, добавлялось ожидание, непрерывное, нервирующее ожидание. Спустя столько лет увидеть кого-то с родины, мифической, ставшей похожей на детские воспоминания, напололам разбавленные фантазиями и жгучим, нетерпеливым желанием, чтобы все обернулось слегка не

так, как было на самом деле. Иногда старая дама не верила, что события ее биографии вообще происходили с ней.

Жаль, что Елена сама не смогла встретить на вокзале Александра. В последнее время она не выносит большие скопления людей – все кричат, куда-то торопятся, точно их существование имеет смысл или хотя бы оправдание. Все так вульгарны, особенно эти девицы с крошечными лоскутками ткани на ногах. В ее время так не позволяли себе выражаться даже женщины определенной профессии!

Почувствовав, что впадает в ворчливое состояние, которое ненавидела, Елена Аркадьевна обрадовалась, когда в прихожей долгожданно хлопнула дверь.

– Мама! – крикнул Павел притушенным голосом. – Мы дома!

«Мы дома». *Мы...* Сколько лет Павел не видел отца и не знал даже, жив ли тот? Никогда они не были привязаны друг к другу, но то, что случилось, то, что она натворила, ужасно. Почему только теперь Елена Аркадьевна начала сокрушаться по этому поводу, она не могла объяснить даже приближенно. С годами она начала соображать менее легко, хоть и пыталась казаться столь же мудрой и стойкой, как раньше.

Пряча за спину дрожащие кисти рук с раздувшимися, непомерно уродливыми, как ей казалось, фалангами, Елена Аркадьевна Грушевская – Жалова – Вандер без былой грации выплыла из спасительных стен своей спальни. На секунду у нее перехватило дыхание, а в горле застрял камень

непрощенных слез, давящий не сознание, мешающий сосредоточиться и с честью принять визитера. Гость прошлого, первый муж, осунувшийся, постаревший, как и она, но узнаваемый и не лишенный даже бывшего лукавства, что в лучшие времена привлекало дам, потерянно находился в холле и косился на сына. Решительно не представляя, о чем говорить с этим переросшим все каноны мужчиной, Александр Жалов лишь смущенно покашливал и мял в руках запыленную странствием шляпу. Как такой взрослый возмужавший человек может быть его продолжением? Ведь у него виски обильно расстилает седина, а на темени предательски выпирает лысина. Понятно, ему за пятьдесят... Не так далеки те времена, когда он сам был молод и кружил в танцах прекрасных незнакомок, разлетевшихся, как и он, в прах неосуществленных амбиций.

«И почему родственные встречи в первые мгновения обнажают случайно оказавшихся рядом чужих людей, которым не о чем говорить, да и не особенно хочется? А никак не счастливо воссоединившиеся души, которых удерживают вместе не только сходные по строению молекулы ДНК, но и духовность», – уныло думала Ольга, с опаской обнимая деда и ощущая исходящий от него запах старости, тщательно маскирующийся за опрятностью. Она поморщилась, но виду не подала и проронила глупость, за которую потом долго казнила себя. Ужасно, как можно так оплошать в первую встречу с предком?! Бабушка всегда учила ее вежливости и

почитанию старших, а она, балда...

– А я готовлюсь поступать в университет, – ввалила Ольга и даже улыбнулась.

Ну, можно ли при первой встрече упоминать подобные глупости?! Этот человек бог знает что пережил в этом страшном СССР, а она тут со своими экзаменами, которые, кстати сказать, занимают ее много меньше музыки [The Beatles](#).

– Саша, – проронила Елена так тихо, что сама не поняла, услышали ли ее собравшиеся.

Александр услышал. Он повернул к Елене свою обросшую непонятным пушком голову, демонстрируя и дряблые щеки, и пигментные пятна, и еще многое, что отличает поживших. И вместе с тем его облик выдавался чем-то светлым, добрым и беззащитным гораздо сильнее, чем в былые времена. Елена, переступая через плитки в полу, приблизилась к бывшему мужу, и, крепко обнимая его, подумала, что глаза у него очень милые. Почему она не замечала этого раньше? Да нет же, замечала, только не предавала значения. Наверное, он прошел хороший путь. Удивительно, как по-разному мы реагируем на одно и то же через призму рассыпчатого времени.

Александра поразила перемена в Елене. А чего он ожидал? Почти полвека они не виделись, и если его внешность претерпела роковые изменения, что послужило существенным поводом для сокрушений, почему его так поражают перемены в наружности той, что когда-то представляла для

него ценность?

– Саша, Сашенька! – повторяла Елена все громче и громче, и непрошенные слёзы счастливой благодарности туманили ей взор. – Я уже не надеялась, что снова свидимся, – последняя фраза прозвучала глухо, потому что она прижалась ртом к его воротнику.

Александр оттаял, начав улыбаться, и без прежнего стеснения поглядывал на сына и внучку.

– Ну, ну, Лена. Будет, будет. Все прекрасно.

– Мама, перестань, – в свою очередь проговорил Павел.

Он, как и все присутствующие, не находил себе места и рад был возможности сказать хоть что-то. Ему не понять этого взрыва в матери. То по целым дням сидит и оглядывает рамы окон, а то – на тебе – бросается на шею отцу, которого сама оставила и не вспоминала всю жизнь. Павел долго ждал отца на вокзале, терзаясь не меньше матери в ее убежище. Конечно, сам он не горел желанием увидеть родителя, которого помнил весьма смутно. Павлу Александровичу было всего четыре года, когда он эмигрантской волной оказался оторван от родного края, и почти не сожалел об этом обстоятельстве. И вообще, эта склонность матери к вздохам о прошлой жизни в последнее время настораживала его. Раньше она больше парила в действительности. Когда Александр Жалов, сутулый из-за возраста, в странного кроя пиджаке очутился на перроне, Павел, беспричинно догадываясь, кто перед ним, вынужден был поднять высоко над головой таб-

личку с именем ожидаемого. Отец подошел, они неуклюже обнялись с каким-то чувством вины и молчали всю дорогу до квартиры Елены. Как странно, этот старик с оттянутыми благодушными щечками – его отец. Конечно, Павел очень скучал и по отцу и по Алексею, но теперь не помнил своих прошлых чувств. А, если и помнил, не хотел раскрывать их.

Уступка матери! Для нее это, конечно, важно. Это ее мир, ее молодость, ей, должно быть, приятно прикоснуться к частице себя, только более молодой. Старики склонны к сентиментальности, и даже его стойкая мать не исключение! Павел, почти всю жизнь прожив в благополучной в сравнении с Россией Европе и пройдя через войну, чувствовал себя неоправданно молодым и бесчувственным. Он нежно любил мать, но не высказывал ей обожания без особенной надобности. Обычно излишества случались, когда кто-то из членов семьи попадал в беду, то есть критически редко.

Воссоединившаяся семья тихо пообедала. Разговор мало-помалу входил в обычное для родственников бесед русло, несмотря на то, что ее члены не имели счастья созерцать друг друга на протяжении полувека.

– Жаль, что Алеша придет повидать тебя только завтра, – объяснилась Елена Аркадьевна. – Он не соизволил даже ради деда презреть свои глупые планы!

Не утратившие своего блеска глаза Александра с понимающим сочувствием остановились на бывшей жене.

– Так ты назвала внука Алексеем... – осторожно и как буд-

то выжидательно проговорил он просевшим от длительного курения голосом.

Ольга взглянула на отца, сделавшего вид, что ничего не произошло. С Павлом, как и с матерью, у нее сложились ровные благодарные отношения. Но сокровенным она обычно делилась с бабушкой. Тем же платил и Павел, считая, что внутренний мир дочери не так богат и разнообразен, чтобы копаться в нем. Давняя догадка, что у Елены до всего этого, до них, существовала тайная жизнь, а, быть может, любовная связь (разумеется, не с законным мужем) сводила привыкшее к мистике воображение Ольги с ума. И вот опять это сладостное чувство обделенности... Хоть бы кто-нибудь поделился с ней историей ее собственной семьи!

После трапезы Елена, таинственно потирая ладошки, уединилась с Александром, оставив изнывающую от любопытства внучку коротать время с телевизором. Павел, отвратительно проведший ночь, пошел отсыпаться. Жена уехала в командировку, так что дома его никто не ждал. Дети выросли, у них с Генриеттой начались конфликты... Всю жизнь быть подле одной женщины и не терзаться запретными плодами, как мать (он не осуждал ее, но каждый раз при воспоминаниях об Алексее ему становилось неудобно, как при причастности к антиправительственному заговору). Но теперь Павлу мерещилось, что он не любил Генриетту по-настоящему, так, как следует любить. Откуда взялись эти крамольные мысли, он не подозревал. Должно быть, он стареет.

Что вообще значит любовь, ради которой иные перечеркивают, растерзывают благоустроенную жизнь? Разве не приятнее спокойно жить рядом с человеком, способным отдать тебе не только мифический накал страстей? Родители в этом плане далеко обошли Павла. Хотя им на долю и те же войны пришлось, и самоопределялся он не меньше матери. В чем же дело? Та их дворянская эпоха, которую он только зацепил кончиком носа, наложила отпечаток на образ их сознания, а у него вызывала стыд, поэтому он даже таким образом не хотел воздавать ей дань?

– Столько всего сказать хочется, что и не знаю, с чего начать, – улыбнулась Елена, поглядывая на Александра и так до конца не признавая, что это в самом деле он.

– Может быть, с того, что твои зубы теперь не целиком натуральные? – усмехнулся он, разглядывая безделушки, заботливо разостланные на полках Ольгой.

– Да, – усмехнулась Елена. – Неприятно было расставаться с ними, почему-то жутко, как будто теряешь часть себя. Хотя я привыкла к этому. Хорошо хоть, это происходило постепенно.

Помолчав, она серьезно прибавила:

– Тебе многого стоило выехать из СССР? Нас тут потчуют байками, что у вас творится черти что, нет свободы печати.

– Так и есть. Но не все так страшно, Лена. Люди живут по-своему, и многие счастливы. Да, нет печати, ну и что? Зато в космос первые полетели. А твой русский стал ужасен. Ты

говоришь не то чтобы с акцентом, но темп речи не тот, и выражения...

– Что поделаешь... Практически не общаюсь с земляками. Но ты мне другое скажи, все мы о пустяках болтаем. Нам трудно всегда приходилось с нахождением тем для разговора, – усмехнулась она. – Так что, долго собирал бумаги, чтобы выпустили за границу?

– У меня есть связи, – туманно протянул Александр и по привычке, если речь заходила о чем-то запретном и обнажала его способности к коммуникабельности, улыбнулся.

– Всегда все решают связи... Как я счастлива, что увидела тебя, Саша!

– И я рад, – искренне заверил Жалов. – Рад, что, спустя столько лет, удалось найти друг друга. Подумать только. Мне твой адрес дала какая-то учительница!

– Я переписывалась с ней. Она много мне рассказала об общих знакомых. Так страшно переезжать никуда и не знать даже новое место обитания тех, кто значил для тебя что-то. Страшно все, что было...

– Досталось вам от фашистов?

– Думаю, вам от них пришлось вытерпеть больше.

– С этим не поспоришь. Только я уже не воин был. Возраст, да еще контузия со времен гражданской... Работал на заводе, производил детали. Вся страна поднялась. Страшно было, но такая сплоченность... Не все еще потеряно, ты не думай.

– Я рада.

Елена, вспомнив о чем-то, опустила глаза.

– Как Наталья погибла?

– При бомбардировке, – тяжело вздохнул Жалов. – Знаешь, от дома один подвал остался. Хорошо еще, Настя тогда трудилась в госпитале.

– Сколько выпадает на долю русских женщин... Да и не только женщин. А второй ваш ребенок? В письмах ты мог бы и подробнее расписать все. Хотя я понимаю, об этом тяжело и говорить. Прости, но мне нужно это, как воздух. Насущно.

– Понимаю. Сам прошел через это. Очень доволен был, когда узнал твой адрес. Расстались мы нехорошо. Борис попал в плен, там его расстреляли. Хорошо, Дашенька выжила несмотря на то, что провалилась под лед в сорок третьем, когда убегала от немцев. Зато нашла мужа-врача. Вот и все, вся печальная история моей семьи. Ну, а ты? Были у тебя еще дети?

– Нет, и никогда больше не хотелось. Чтобы их сгноили в новых войнах? Хватит, сыта. Пусть другие дураки заселяют планету. Тебя пытались репрессировать?

– А за что? Ведь я подался на сторону красных, так что омыл грех рождения, – съехидничал Александр Антонович, почесывая подбородок. – Хотя, быть может, это простая случайность.

– Хоть на это ума хватило, – похвалила Елена. – Всем нам пришлось выкручиваться.

– Да... Это была идея Натальи.

Елена ободряюще рассмеялась.

– Женщины всегда практичнее смотрят на вещи, потому что нам нужно думать о насущном, о первостепенном, ведь мы за стольких кроме себя отвечаем. Тяжело тебе без нее? – спросила она погодя, изменив тон на сочувственный.

– Сначала было тяжело, потом привык. Только теперь, когда ее нет, я понимаю, сколько она значила для меня. Без нее я давно бы сгинул в окопах.

– Она направляла тебя? – удивилась Елена. – Мне казалось, ты никогда никого не слушал, прямо как мой отец.

– Нет. У нее выходило.

– В отличие от меня, хочешь сказать? Прости, у меня были занятия важнее, чем жить лишь твоими нуждами и интересами.

– Ну-ну, Лена, – успокаивающе проговорил Александр. С возрастом он окончательно лишился способности конфликтовать.

– Ох, прости, Саша! Заболтала тебя совсем. Ты, верно, устал с дороги!

Елена принесла охапку чистого белья, и, пока стелила кушетку, наблюдала за тем, как Александр снимает пиджак, вытаскивает и раскладывает на тумбочке принадлежности. Ни капли роскоши, излишества, все предельно просто и даже скучно. Тот ли человек перед ней? Только вот выправка у него осталась офицерская. Эту мужскую статью, отличающую

дворян, не спутать ни с чем!

– Ну, отдохай, – сказала Елена Аркадьевна. – За месяц успеем еще наговориться. Хорошо будет, если ты поладишь с внуками. Понравилась тебе Ольга?

– Да, – прокрихтел Александр, забираясь под одеяло и блаженно вытягивая ноги. – Только славянского в ней немного.

– К счастью, я думаю... В славянах глубоко застряла неудовлетворённость и при этом безынициативность... Ну, спи.

Пройдя в спальню и оставшись одна, Елена Аркадьевна села в стилизованное под старину кресло и надолго задумалась над тем, что яркой волной всколыхнул Александр. Задумалась о том, что часто дороже всего – о молодости, когда чувства ещё не припорошены жизненными неурядицами. Давно она не вспоминала то время, беспредельное счастье, дарованное ей только раз, счастье, которое она осознала лишь спустя годы; людей, унесённых, истлевших, исчезнувших, растворённых на горизонте сознания. Взгляд её стал отсутствующим, на мгновение она испугалась обступивших воспоминаний, обрывками выскакивающих из кладовой памяти, как чёрные силуэты деревьев, заполняющих горизонт при движении поезда.

Глава 2

Елена унеслась в мир, существовавший давно в прошлом. Так много мыслей пронеслось в голове, что она не успевала осознавать их. Сначала серые набережные Петербурга, его молчаливое величие и мёртвая красота; мать, которая сейчас, по прошествии стольких лет, казалась светловолосым ангелом, тихо укачивающим её на своих острых коленях. Гости, гости, поток которых никогда не иссякал в их огромной квартире в центре города. Позже – ужас от сознания, что мама ушла и никогда не вернётся, долгие тёмные дни, исполненные печали, когда даже отец, не обращающий на мать внимания, ходил бледный и ругал слуг. Вспомнила она и свою гувернантку, угрюмую женщину, находившую успокоение только в английской литературе. Потом – скучную череду гимназистских будней, грусть и недовольство настоящим, преследовавшее её на протяжении всей жизни. В юности – бесконечные зелёные низменности, яркие сарафаны молодых девушек, пыль, кони, удушающий летний зной, длинные юбки, в которых она путалась и которые при каждом удобном случае снимала, приводя в негодование отца, страшного педанта во всём, что касалось чести семьи.

Отец Елены Грушевой считал, пусть дочь задыхается в корсете и нижних юбках, потому что правила хорошего тона... Что же скажут соседи? Да потом, никто не возьмёт дочь

в жёны, если она бежит по полям, одетая простолюдинкой, читает по ночам стихи каких-то рифмоплётчиков и не отвечает на ухаживания соседских щёголей, со смехом, но беззлобно осаждая их. Видеть свою дочь, к которой постепенно привязался потому, что она была *его* дочерью, старой девой, было кошмаром для Аркадия Петровича, и он мечтал увидеть Елену у алтаря с тех пор, как ей минуло шестнадцать лет. Поэтому он благосклонно отзывался обо всех соседских юношах, приезжавших домой на каникулы, как бы пусты они не были, и промышлял устройством званых вечеров. Елена не была похожа на него, но любила отца. Так полагалось, а она была благодарной и воспитанной девушкой. Выходить замуж она не спешила, не думая, вопреки решению ее круга, что одно только замужество способно принести женщине беспредельное счастье или хотя бы успокоение.

В тот год, тысяча девятьсот одиннадцатый, Елена Грушевская жила свою восемнадцатую весну, не ведая ни горя, ни страха, никаких забот. Её жизнь протекала в безделии и абсолютном счастье. Она не задумывалась ни о чём кроме невинных наслаждений и только смутно подозревала, что в мире могут быть предательство и страдания, читая о них в книгах и впечатляясь.

Предлагаемые отцом женихи больше интересовались её состоянием и респектабельностью, чем ей самой, были в меру недалёки и самонадеянны, что не вызывало восторга у Елены. Друзья отца, люди сомнительного ума, отзывались о

Елене Грушевой как о милой молодой барышне, которой нужен муж. На другие подвиги женщина тогда не считалась способной. После нескольких неудачных попыток пристроить дочь за приемлемого кандидата Аркадий Петрович осерчал и повёз её в Петербург, к родственникам. Елена считала, что лучше подчиниться воли семьи, чем растрачивать хрупкое время на пустяки вроде споров с родными. Тем более она понимала, что все равно это рано или поздно случится, но надеялась отдать руку достойному кандидату. В рассуждениях всё было предельно просто, но, стоило делу дойти до настоящего, вмешивались чувства.

Елизавета Петровна Грушевская, в замужестве получившая фамилию Ваер, родная сестра отца Елены, была женщиной на редкость самолюбивой и приятной. Между ней и братом существовала определённая привязанность, что неизбежно при схожести характеров, но в некоторых вопросах мнения и расходились кардинально, хотя сестра, будучи тонкой и мудрой, редко устраивала скандалы. Елизавета составила удачную партию, выйдя замуж за обрусевшего немца Фридриха Ваера, и жила теперь весьма сносно, растя четверых чистеньких детишек и мечтая об удачной судьбе для них. Муж её, мужчина средних лет, с гладкой лысиной и безупречным немецким акцентом, состоял на земской службе и был несказанно доволен этим обстоятельством. Он был добродушной и деятельной, но ворчливой натурой, обожая свою семью. При всех выгодах жизни в богатой России, где

обычные люди голодали и кляли власть (хотя какое до этого ему было дело, он же составил себе протекцию в привилегированные слои, поймав родовитую аристократку), Фридрих тосковал по родине. Он отлично понимал политический ветер, который после революций тысяча девятьсот пятого и седьмого годов дул угрожающе сильно, и уже подумывал о миграции, при каждом удобном случае вспоминая невысокие холмы Германии.

Увидев Елену, только что переступившую порог уютного дома Ваеров, зачарованного царства полусвета и изящества, возводимых богачами для удобства и эстетической наполняемости мгновений, Фридрих в праве был восхититься. «Ох уж эти русские женщины», – подумал он, беззащитно улыбаясь гостье и посапывая. Елена и правда была хороша. Вступив в самый благодатный для женщины возраст, когда достигается расцвет естественной красоты, она привлекала взгляды. Хотя ничего выдающегося не было в её лице – ни огромных манящих глаз, ни тоненького вздёрнутого носика, ни коралловых губ. Она попросту была красива льющимся изнутри сиянием, преображающим наружность и отражающим на лице чистые, не замутнённые горечью мысли.

Плавные линии её утончённого облика внушали уверенность в мягкости, но при более близком знакомстве становилось понятно, что эта девушка, хоть и воспитанная в лучших дворянских традициях, не только ставит собственное мнение выше рассуждений о фасонах платьев и развлечениях,

хотя это тоже доставляет ей удовольствие, но и желает отставить его. Елена держала себя спокойно, а иногда, для устрашения собеседника, и вовсе строго, но не смогла убедить в своей сухости даже Фридриха, не блистающего пронизательностью.

Её тёмно – русые волосы, на солнце переливающиеся ореховым оттенком, пышно прятались под широкими полями огромной цветущей шляпы. Подбородок на бледном лице немного выступал вперёд, что нисколько не портило общее впечатление. Глаза привлекали удивительным цветом – словно на палитру нанесли светло – синюю и зелёную краски, забыв хорошо смешать их. Так они и остались навечно в её взгляде. Когда Елена улыбалась, а происходило это часто, её широковатый рот обнажал светлые, пожалуй, чересчур выступающие зубы и придавал лицу по-детски незащитное выражение. Вообще в чертах её было что-то откровенное, ясное, мягкое. Стройная фигурка пряталась под темными складками юбки, в беспощадной жесткости корсета, среди кружев на кипельно – белой блузке. Талия казалась неправдоподобно тонкой в такой одежде, но в этом и был весь шик. Словом, Елена была молода, очаровательна и отлично знала это, иначе вряд ли была бы так улыбчива.

Серьёзная, но немного сонная, она оживлялась, стоило затронуть её любимые темы – искусство и любовь. О любви она грезила и была убеждена, что не свяжет себя семейными узами только затем, чтобы похвастаться новыми туалетами

и окольцованным пальчиком. Высшее проявление человеческих чувств было для нее способом добиться нового счастья, вдоволь помечтать, испытать что-то неведомое, но прекрасное, дающее надежду, и обрести понимающую душу рядом, чтобы никогда не быть одинокой. Это было эфемерное желание, имеющее мало общего с действительностью. Когда же на горизонте появлялся потенциальный кавалер, Елена предпочитала не понимать намеков и спешно отходить в сторону, позволяя незадачливому жениху увлечься кем-нибудь другим.

С момента приезда в столицу для прекрасной Елены Грушевской началась бесконечная череда приёмов, балов и визитов. Её семья была в городе на хорошем счету, а обаяние отца и её собственная прелесть открыли для них двери самых влиятельных лиц Санкт-Петербурга. Аркадий Петрович, казалось, помолодел на несколько лет, окунувшись в бесконечный праздник жизни. Ему невероятно нравились бесцельные собрания ленивых прожигателей жизни, не знающих, что им нужно и куда можно деть себя. Задавая пышные балы, приглашая к себе толпы разряженных людей, всё петербургское общество руководствовалось одной целью: прогнать скуку, наваливающуюся на них ежедневно по вечерам, если они не очень сильно устали. Устраивались, конечно, и собрания настоящих интеллектуалов, литературные вечера с лучшими поэтами современности, но Аркадий Петрович считал всё это слишком скучным, а Елена не видела

ничего страшного в том, чтобы подчиняться воле отца, какой бы она ни была.

Это было прекрасное время, весёлое и хмельное. Елена не тосковала по дому, на это у неё попросту не оставалось времени. Она познакомилась с множеством интересных и огромным множеством неинтересных людей. Разношерстное общество вобрало в себя, казалось, все слои населения: от родовитых образованных дворян до выходцев из низов, благодаря своему уму или любовным связям закрепившимся в желанном для любого мире. Несколько раз, танцуя с каким – нибудь хорошеньким офицером, она ловила себя на мысли, что готова влюбиться, но желанное чувство всё не приходило. Никогда прежде тишь ее девичьей спальни не разрезали вздохи о человеке из плоти и крови. Полюбить и отдаться воле проведения Елене мешал какой – то странный барьер, не допускающий к себе недостаточно достойных людей, поэтому круг ее деревенских знакомых был весьма узок. Ведь в любимых стихах образы являлись сплошь лучшие, на меньшее она не желала соглашаться.

Все те, с кем теперь соприкасалась Елена, были слабыми, охотно плыли по течению, сознавали нужду в переменах, болтали об этом ночи напролёт, но не делали абсолютно ничего. Становясь военными или высокопоставленными чиновниками, они продолжали созерцательную политику сотен своих предшественников, катясь в бездну. Некоторые, наиболее умные и совестливые, пытались повернуть Россию на

путь перемен. Но они большую часть времени проводили за работой и не были частыми гостями в свете.

Глава 3

На приём, устраиваемый в чьём-то шикарном поместье, Грушевские попали благодаря популярности Аркадия Петровича в кругах невест. Молодые девушки, как водится в любое время, искали себе женихов, чтобы потом, выполнив священный долг, проклинать свою судьбу и ненавидеть мужа, превращая его жизнь в чистилище вслед за своей.

Отец Елены очень похорошел за те два месяца, что жил в Петербурге. С него словно стёрлась десятилетняя пыль деревни, явив высшему столичному обществу красивого мужчину в расцвете лет, щёголя и сердцеда. Было, правда, в его внешности что-то неуловимо – неприятное, но это видел не каждый. В его жёстких ершистых волосах уже поблёскивала седина, а эффектные голубые глаза порой обнажали мысли, от которых Елена задумывалась. Но это выражение чаще всего являлось за ужином, наедине с близкими, когда уже не надо было играть раз и навсегда установленные роли. Обычно же Аркадий Петрович стонял с себя чванливость и, готовясь выйти на сцену, в улыбке поднимал опущенные обычно уголки рта.

Многие степенные кумушки с полудюжиной дочерей на выданье обратили на Аркадия Петровича свои всевидящие глаза. Они отдавали должное не только его умению держаться, но и множеству других не менее привлекательных ка-

честв – банковскому счету и наличию лишь одной наследницы. Стоя за спиной его взрослой дочери, они тихо, чтобы она не могла расслышать, поверяли друг другу эти животрепещущие соображения. Да Елена и не хотела слышать ничего в подобном роде, ведь была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на глупую болтовню охотниц за мужьями.

Елена сидела за столом и увлечённо разговаривала с престарелым полковником, который счёл её очаровательной и постоянно твердил об этом, смешно покашливая и выпивая всё больше лёгкого столового вина, отчего его щёки стали пунцовыми. Кое – кто танцевал, количество кружащихся пар всё росло, и Елена, одетая в переливающееся голубым атласное платье, оказалась в их числе. Как молодые люди с образованием и состоянием были хороши, обходительны и элегантны! Выбирать она имела право – хорошенькая молодая наследница с живым умом и прекрасным характером. Свет заметил, что она никогда не спорит, но при этом имеет своё мнение, и почёл это премилым.

Протанцевав полонез с другом Аркадия Петровича Дмитрием Денисовичем, которого отец больше других жаждал видеть зятем, и наслушавшись его комплементов, но принимая знаки внимания лишь как ничем не обязывающую игру, Елена утомилась. Отказываясь от того, чтобы партнёр за руку проводил её обратно, она отошла к стене и пыталась отдышаться. Корсет, хоть и облегчённый, стягивал рёбра и мешал восстановить ровное дыхание. Она стояла в одиночестве, по-

тому что отец любезничал с какой-то молодой девушкой, а Елизавета Петровна с мужем давно увлеклись закусками. О таких глупостях, как танцы, они давным-давно позабыли.

Пытаясь пристроить на место выбившийся локон, Елена невольно засмотрелась на группу молодых людей, стоящих недалеко от неё. Они вели себя со сдержанным достоинством (более вяло, чем остальные собравшиеся), и, казалось, пришли сюда не за весельем – не искрились беспричинным хохотом, не флиртовали друг с другом до судорог в шее. Они спокойно смотрели на остальных и с интересом вели беседу, да так, что Елене захотелось поучаствовать в ней. Эта маленькая самобытная группа состояла из четырёх человек – двух девушек и двух мужчин, причём, бесспорно, все они принадлежали к высшему сословию и по происхождению, и по воспитанию. Это видно было в манерах, уважении к себе и остальным, читавшемся по глазам. Елена замечала их прежде, но тогда не обратила на них должного внимания. Сейчас же, стараясь унять яростное биение сердца, она задержала свой взгляд на человеке, спокойно рассказывающем что-то высокой брюнетке. Наклонив голову на бок и слегка прищурившись, она принялась наблюдать, постепенно приходя в восхищение и начиная даже тихо улыбаться, забыв о румянце, прядях волос и даже о том, что за ней могут следить.

Темноволосый молодой человек, находящийся в возрасте превращения восторженного юнца в зрелого мужчину. Уве-

ренность, пожалуй, первой высвечивалась на его смугловатом лице. Он не был красавцем в общепринятом смысле, не нёс победоносного выражения на лице, но чем-то притянул её, выделился из массы. Елена всегда преклонялась перед волевыми людьми, большей частью из-за того, что никто из её близких таковым не являлся. Бывает, что наружность человека говорит сама за себя, отражая на лице душу. Елене хотелось надеяться, что она умеет читать по лицам и не ошибается. Раньше ей не приходилось видеть такого выражения – умного, немного разочарованного и ироничного, но не колкого и не злого. При его появлении вряд ли кто-то трепетал или падал в обморок, но Елену мало тревожило мнение остальных девушек, если они способны были лишь кидаться на волокит.

Сила, ум побеждали в чертах незнакомца? Безусловно. И что-то ещё, чего она понять не могла, но инстинктивно чувствовала. Когда он улыбнулся, она пожалела, что эта искренняя, дающая ключ к тайнам сердца улыбка предназначена не ей. Елене стало горько оттого, что она одна и не может ведать душами четверки, а, главное, темноволосого молодого человека.

Сколько угодно можно спорить о том, связаны ли ум и красота, или кто красивее – умные или глупые, но то, что человек бездушный и мелочный может притягивать к себе, вряд ли можно доказать. Ведь по большому счёту дело даже не в красоте, а в том, как человек подаёт себя, как гово-

рит, а главное – что он говорит. Стоит только посмотреть на портреты великих людей – многих не назовёшь красивыми, но их одухотворённые лица привлекательны. Красота, если за ней не стоит ничего, бывает отвратительнее уродства, а решающую роль во внешности играют обаяние, интеллект и забота о себе. Клеопатра не была неземной красавицей, но кружила судьбы виднейших мужчин своего времени. Ошибка думать, что только миловидные люди способны влюблять в себя. Все эти мысли спешно проскочили в сознании Елены и приободрили её.

У незнакомца глаза сверлили сердце, пронзали и заставляли поверить в то, что он видит жизнь насквозь, как она есть. Елену заинтриговала то ли атмосфера вечера в обществе, склонном к мистификациям, спиритизму и убеждению, что по одному взгляду можно понять противоречивую, а порой и вовсе парадоксальную натуру другого существа, то ли всего-навсего надежда на судьбоносную встречу. Жаль, сама госпожа Грушевская не была искушена и не имела возможности гордиться собой и выдавать точные определения об окружающих.

Чары всех воздушных мыслей, пролетевших в юной головке Елены, разрушил красавец Александр Жалов. Его большие удивлённо – восторженные глаза и залихватски причёсанные волосы заставляли людей думать, что он чист, нежен и добр, чем он охотно пользовался. В действительности никто, даже он сам, не мог дать точной оценки своего ха-

рактера. В нём совмещалось столько противоположных качеств, что это удивляло даже знатоков человеческой природы. В сущности, большинство его поступков реализовывались не тщательно обдуманно, а спонтанно, по велению случая. Поэтому Александр Жалов, даже натворив что-то противоречащее морали, не считал нужным терзаться муками совести.

Александр быстро увлёкся Еленой, как и многими её соратницами в разное время, и уверенно начал ухаживать, ни на минуту не задумываясь, что может не быть в радость. Елене нравился тот обмен любезностями, которым они непременно одаривали друг друга на встречах в высшем обществе, и она великодушно позволяла ему и себе лёгкий флирт. Это было сродни забавной игре. О браке оба не задумывались – каждый был больше увлечён своей персоной. Жалов обладал богатством, поэтому не заботился о выгодной партии, хотя о женитьбе ему по негласному приговору окружающих пора было задуматься. Он весело проводил время, влюбляя в себя бестолковых девушек, участвуя в кутежах многочисленных приятелей, и довольствовался своим существованием. Был он хорошо сложен, хоть и невысок, понимал, как на нём смотрится военная форма, и не дорожил избыточным женским вниманием.

– Александр Антонович, кто те молодые люди? – спросила Елена, повернув голову и заметив, что темноволосый незнакомец повёл на танец брюнетку. – Вы всех здесь долж-

ны знать.

– Разумеется, – её собеседник улыбнулся с чувством лёгкого и вполне дружелюбного превосходства. – Этот белобрысый увалень – Пётр Астафин. Неприятный человек, материалист. Я его знаю с малолетства, наши матери дружны, – Александр поморщился. – Та простушка рядом с ними – его невеста Ольга э... Как же её фамилия?

– Петра и Ольгу я знаю, Александр. Неужели вы забыли, как мы веселились на Рождество у Багрицких? Я тех, кто только что стояли рядом с ними. Они сейчас танцуют.

– О ком вы?

– Та красивая черноволосая девушка в белом платье и её партнёр.

– А, это Наталья Воронова. Умница, в неё многие влюблены. Но без состояния. Собирается, видно, стать гувернанткой или учительницей, если только не выйдет замуж.

Елена огорчилась.

– А этот, – продолжал Жалов с преображено – загадочным выражением, свойственным светским сплетникам, когда они открывают кому-то чужие интимные подробности, – Алексей Нестеров, незаконный сын Марии Литовой, княгини, – он умолк, услышав, что его кто-то окликает.

Елена вздрогнула. Она что-то слышала об этой щекочущей воображение истории. Великосветские язычки обожали смаковать подобного рода дела, и, хоть она сама и не любила сплетни, это запомнила.

– Расскажите, Александр, прошу вас, – от нетерпения Елена теребила воротник платья. Ей было довольно жарко, но снять платье сейчас она, конечно, не могла. Это выводило из себя, как при тщетной борьбе с ветром, нападающим на волосы.

– Ох, ну это же все знают, Елена Аркадьевна! Мария Литова уже вдовела несколько лет, когда произвела на свет сына. По светским понятиям, так как она имела много веса в обществе, она не могла его оставить у себя и отправила к дальним родственникам, мещанам. Те его, как водится, усыновили за приличные деньги. История более чем заезженная. Но у них своих детей десяток был, так что он вырос какой-то... Станный, необщительный, всё о чём-то думает, то ему не нравится, это. Образование у него, конечно, любой позавидует, деньги, но... У нас как-то спор вышел о военной службе, так он сказал, что последнее дело – убивать невинных людей для тех, кто на этом наживается. В обществе его не любят, вечно он спорит со всеми, но терпят из-за состояния. Он же от матери всё унаследовал после смерти брата, кроме титула. Но это, похоже, невест не смущает, – он усмехнулся. – А человек он предезкий.

Александр не мог спокойно вынести, что кто-то не является, или не притворяется (он не различал подобные тонкости) патриотом Российской Империи. Родину Жалов смутно любил. Так учили на службе.

– О, – только и смогла произнести его собеседница.

– Елена, а пойдёмте, угостимся мороженым? Вы сегодня моя дама.

– А где же Ада? На приёме у Князевых она была вашей дамой, – ответила Елена, смеясь.

Александр сделал хитрое лицо. Аделаида Орлова, ставшая подругой Елены за время её пребывания в столице, пользовалась таким же расположением Александра, как и сама Елена.

– Кто же может устоять перед вашими чарами, вы же – волшебница!

У Елены на сей раз не оказалось желания поддерживать игривый разговор и бусинами рассыпать кокетливые слова.

– Александр, пойдёмте к ним, пожалуйста. Я думаю, они интересные люди.

Александр поджал рот.

– Мне бы не хотелось.

– Почему же? – испугалась Елена, почувствовав страх и обиду на себя, словно сделала что-то не так, польстившись сомнительными личностями.

– У них свои какие-то дела, – он словно колебался, – они не те, что мы с вами. Всё им не хватает чего-то, они и на собраниях не веселятся.

– Ох, бросьте, Александр.

– Как хотите.

Они подошли к той группе.

– Добрый вечер, – Жалов кивнул, но Ольге руку не поце-

ловал. – Прекрасный вечер, не правда ли?

Елена слегка наклонилась, с интересом рассматривая недавнего своего знакомого Петра Астафина, полноватого, но приятного молодого человека. Его лицо, грустное и замкнутое, удивляло её каждый раз, когда она смотрела на него. Такого не могло быть у человека, ставящего превыше всего мишуру, фарс. И, хоть Елена ещё не начала смотреть в мир широко раскрытыми глазами, которые не застилали бы вековые предрассудки, вдолбленный с детства образ мышления или страх перед мнением окружающих людей, она почувствовала интерес к нему. В свободное от гостей время Елена не вспоминала об окружающих людях, но, стоило ей оказаться в окружении, начинала выдумывать про каждого невесть что.

Ещё больше интриговала Елену невеста Петра, Ольга. Это была невысокая девушка со странной манерой держаться. Когда она улыбалась, её плечи трогательно вздрагивали, задираясь вверх. Заметно испуганное выражение лица позволяло испытывать к ней жалость, а Елена не любила общаться с теми, кого жалела. За жалостью непременно следовало отвращение, а это тошнотворное чувство было пока что непрошенным её душе. Гораздо лучше было смеяться над шутками какого-нибудь остроумца, посещать балы и слышать ненароком, как тебя называют жемчужиной. А ночью тайно пробираться к окну и долго сидеть под ярко сверкающими звёздами, вдыхать сладкий запах лета и думать о чём-то неоформленном, но неизменно желанном.

В тот момент, когда завязался ничего не значащий разговор между едва знакомыми людьми, из зала вернулась пара, на которую засмотрелась Елена. Поймав взгляд Алексея, она почувствовала, что он сможет стать угрозой её покою. Страшная, обжигающая, но приятная мысль.

– Алексей, Наталья, знакомьтесь, Елена Аркадьевна Грушевская, – добродушно представил её Пётр.

Поклонившись, Елена опять подумала, что больше всего хочет стать своей в этом обособленном кругу, но расположение этих людей ей ещё придётся заслужить. Им, по всей видимости, было безразлично её происхождение, связи и умение вести непринуждённую беседу. Они требовали от людей чего-то большего, сами были чем-то большим. «Что они тогда тут делают?», – мелькнула у Елены мысль. На вечера дворяне собирались затем, чтобы лишний раз убедиться, что ещё что-то представляют собой. Елена, хоть и не отдавала себе в этом отчёт, не любила задумываться об устройстве мироздания, о не касающихся её напрямую вещах.

– Вам нравится приём? – бросила она всем сразу.

– О, конечно, здесь столько красивых лиц, – ответила Наталья, нечётко выговаривая слова, – я просто в восторге.

– В здешних местах много таких, – подхватил Александр, сделав масляные глаза. Больше всего он любил разговоры с красивыми женщинами, где в полной мере раскрывалось его собственное обаяние. – Я сейчас, по крайней мере, люблюсь тремя хорошенькими дамами.

Наталья была очень красива, с этим даже предвзятое мнение согласилось бы. Её нетипичное для России лицо с выпуклыми скулами и остреньким подбородком дарило наслаждение идеальными пропорциями. Небольшой недостаток – щербинка между передними зубами – нисколько не испортила общего впечатления, а, напротив, придавала внешности пикантности. Она была настоящая, искренняя и очень весёлая, так что сразу располагала к себе людей. Прямые чёрные волосы не переносили завивку. Весёлый свет голубых глаз за внешним благополучием таил скромную печаль, и Елене показалось, что Наталья – девушка с непростой судьбой. Она не могла объяснить, откуда брала свои идеи, из книг или интуитивно, но часто они оказывались верны. Елене захотелось сделать что-то приятное этой черноволосой скромнице, но пока занялась поглядыванием на Алексея. Наталья тоже с интересом слушала его, отстранённо, но заинтригованно улыбаясь.

Наталья не флиртовала с Алексеем, а только смотрела, и от этого взгляда с него осыпалось выражение отрешённости и снисходительного безразличия. Елене не надо было быть умудрённой опытом и годами женой, чтобы уловить, что Алексей не безразличен Наталье, а он относится к ней намного лучше, чем к остальному обществу. Но Елена находилась не в том возрасте, чтобы размышлять о человеческих судьбах и думать о последствиях. Пусть всё идёт, как должно, но за своё счастье она ещё поборется.

Елена не могла не почувствовать, что Наталья – девушка достойная. Было в её манерах и благородство, и прекрасное воспитание, и врождённая, наверное, мягкость. «Мужчинам нравятся такие», – говорила тётушка Елизавета, и была, верно, права. «Чем больше в женщине покорности и нежности, тем большую любовь мужчин она сыскивает. Им нравится чувствовать себя сильнее. И как они в итоге заблуждаются. Женщина сильнее хотя бы потому, что больше страдает», – добавляла она уже без улыбки.

– Ох, вальс начинается. Как я люблю Моцарта! – воскликнула Наталья.

– Так пойдёмте танцевать! Недопустимо, чтобы ваша любовь не реализовалась, – весело пропел Александр.

Они потонули в потоке кружащихся пар. Ольгу отвлекла какая-то полная дама с колючей верхней губой.

– Елена, а вы не составите мне пару на тур вальса? – дружески спросил Пётр. Необычная внешность Елены, её умные глаза и приветливое, хоть и задумчивое лицо часто располагали к ней людей.

– Конечно, – ответила Елена глухо, потому что именно сейчас хотела оказаться приглашенной Алексеем. Но он спокойно смотрел вбок, не обращая внимания на её скромно бушующие мечты.

Закружившись в танце с неповоротливым, но заботливым партером, Елена спросила:

– Чем вы думаете заняться в жизни, Пётр Львович? У

мужчин обычно широкий выбор профессий.

– Я надеюсь сделать что-то полезное для людей, – уклончиво произнёс Петр, глядя на огромную сверкающую люстру под потолком, словно боясь прочесть догадку на лице партнёрши, хоть и не сказал ничего страшного.

– Политика? – Елена заинтересовалась и приготовилась показать соответствующие случаю знания.

– И да, и нет. Понимаете, Елена Аркадьевна, сейчас в России непростая ситуация, все это знают, все об этом говорят, а особенно – передовые дворяне, но никто ничего не делает. И так – уже много лет, почти век.

– А Столыпин? Разве он не...

– Вряд ли это к чему – то приведёт, – стойко, но сочувственно, точно сожалел, что Елена верит таким глупостям, отозвался Петр.

– Может быть, они ничего не делают не потому, что не хотят, а потому, что это совершить невозможно?

– Это отговорки, – сказав это, он с уважением посмотрел на девушку, через призму менталитета которой пробивалось здравомыслие.

Они немного помолчали, отдаваясь власти прелестной музыки.

– Пётр Аркадьевич, а почему не танцует ваш друг?

– Он не особенно жалуется эти светские развлечения.

– Почему же?

– Такой у него характер.

– Но с Натальей он танцевал только что.

– Наталья своя, – ответил Пётр извиняющимся тоном и отвёл взгляд.

– Зачем же он пришёл суда, если не хотел получить удовольствие? – допрашивала Елена, смутившись предыдущим ответом.

Пётр не захотел сдерживать улыбки. «А в ней есть что-то», – благодушно подумал он.

– Это вам лучше спросить у него.

Елена улыбнулась, слегка приподняв бровь. Лицо у неё стало хитро – обаятельным, что шло ей бесподобно.

– А он, по-моему, не очень хочет со мной разговаривать. Первый раз встречаю такого мрачного господина. Он, верно, не особенно любит людей?

– Вы несправедливы. Он очень душевный человек, просто не любит болтать всякую чушь. Попробуйте заговорить с ним о важном, высоком. Он патриот, истинный патриот. Патриотичнее многих в этой зале.

«Боже, уж не революционеры ли они?!», – мелькнула у Елены удушающая мысль. Елена много слышала о противниках царизма от отца. Он называл их «изверги», выразительно жестикулировал и всем своим дворянским видом показывал, что порицает их. При всём этом вдобавок гневно дышал и гордо вскидывал голову. Что натолкнуло Грушевскую на подобную мысль, она не подозревала. Таинственный ли вид честной копании, многозначительный шепот Жало-

ва, ускользящий смысл слов Астафина... Или ее затаенное желание встретить, наконец, кого-то необычного?

– У вас есть какие-то мысли по поводу организации государства, как у кружков?

– Да, но мы не кружок, мы просто размышляем о том, что важно и насущно, что напрямую касается нас всех от царя до самого последнего бродяги. Понимаете, это не может не быть интересно.

Елена задумалась над таким склизким вопросом первый раз. Вся жизнь казалась ей игрой, прекрасной светлой игрой в сказку, а при осмыслении таких вопросов сказка обречена была растаять. Она, конечно, знала, что в мире много зла, насилия и несправедливости, но всё это было весьма абстрактно, было где-то и с кем-то, но, к счастью, не с ней.

Танец закончился, пары плавно двигались к стенам, где стояли те, кому не посчастливилось блеснуть грацией и пластикой. Елена и Пётр подошли к тому же месту, где небрежно стоял Алексей Нестеров. Он о чём-то разговаривал с вернувшимися Натальей и Александром, причём атмосфера плохо напоминала дружескую беседу. Александр и не пытался сдерживать раздражения, отчётливо написанного на его вытянутом лице. Алексей держался лучше, но спокойное презрение, читавшееся в его усмешке, так испугало Елену, что она поторопилась отвернуться, попав взглядом в Ольгу, тоже весьма смущённую.

– Вы несёте чушь, – спокойно ответил Алексей на ка-

кую-то реплику Александра, не расслышанную Еленой из-за гудения зала, – реформы нам не дадут абсолютно ничего. Калеку заговорами не вылечишь. «Уж сколько раз твердили миру» ...

Александр чуть не задохнулся от возмущения. «Сейчас что-то начнётся», – подумала Елена. Она никогда не видела двух образованных молодых людей, двух дворян, пусть и с сомнительным происхождением, но великосветских, столь близкими к ссоре. В её поместье дрались только пьяные мужики, опустившиеся, омерзительные подобия людей, затевающих побоища даже не из-за неприязни, а просто от непосильной ноши освобождённых крестьян. Прислушавшись к собственным ощущениям, она пришла к неутешительному выводу, что это волнует и может служить отличным развлечением.

– Значит, по-вашему, в правительстве дураки сидят, а вы – самый умный? – в интонации Жалова послышалась издевка. – Сами – то, наверное, пальцем не пошевелили для родины.

Нестеров теперь оказался задет не на шутку. Только он собрался излить свою желчь на оппонента, Наталья тронула его за рукав.

– Прошу вас, не надо. Здесь праздник у людей, выйдет скандал.

И он послушал её, что вообще-то было странно для Елены. Её отец, единственный дворянин, ежедневно созерцае-

мый ей за много лет, никогда никого не слушал, а, иногда, подозревала Елена, и вовсе делал что-то назло.

Пётр спешно начал рассказывать весёлую университетскую историю, главными фигурантами которой были он сам и Нестеров. Ольга вторила жениху, улыбаясь некрасивой улыбкой, показывающей десну. Наталья тихо смотрела на них со свойственной свахам материнской нежностью, когда они пьют за здоровье молодых на свадьбе. К Алексею вернулась невозмутимость. Вспышка агрессии прошла, но он был доволен собой. «Ещё не хватало позволять какому-то сверкающему нахалу оскорблять себя», – думал он. Жалов, отдышавшись, был недоволен мирным исходом дела но, дабы не спровоцировать нового инцидента, шепнул на ухо Елене, что пора и честь знать. Грушевская не двинулась с места. Слишком удивили её эти странные люди, спокойные, но страстные, умные, но разочарованные.

– Я останусь, – шепнула она своему спутнику. Тот ушёл в скверном расположении духа, обругав по пути швейцара.

– Не стоило вам с ним спорить, – обратилась она к Алексею, – он упрямый, очень упрямый, его вы никогда не переубедите.

Нестеров хмыкнул.

– А зачем переубеждать кого – то? По-моему, это дело гиблое.

– Тогда зачем всё это? – удивилась Наталья, опередив тот же вопрос из уст Елены. – Разве спор – это не попытка навя-

зять своё мнение другому человеку?

– Как вы, женщины, всё усложняете! – откинул назад голову Алексей. – Это просто разговоры, обычная болтовня, ничего ей не сделаешь. Просто тот господин спросил моего мнения, я ему и ответил то, что думаю. Ему это показалось нахальным, вот и пошло.

– Похвально для светского человека говорить то, что думаешь. Причем, если дело касается по-настоящему важных предметов – тихо рассмеялся Пётр, а за ним и Ольга.

Алексей и Пётр были старинными университетскими приятелями. «Они сошлись – волна и камень» – было не о них. С первых же дней Алексей обнаружил в приставшем к нему мальчишке желанные черты – целеустремлённость, человечность, ненависть к бездействию и лицемерию. И старался воспитывать их, водя на подпольные собрания, внушая понятия о справедливости. Пётр вдохновлялся примером товарища и ощущал себя сильным и волевым, чего ему не доставало в обычное время. Однако Пётр был немного мягче, и, соответственно, мудрее, а Алексей не признавал полутонов. Для него существовали только две группы людей – правильно мыслящие и все остальные. В университете он избегал общения почти со всей богатой молодежью, считая их безвольными детьми погибающего класса. Класа, лишившего его матери, а потом с лицемерной улыбкой раскрывшего ему свои душевные объятия. Зато он близко сошелся с теми, кто пока ещё, может быть, и не был революционерами, но вплот-

ную к этому подошёл.

– Иногда люди сами не знают, что думают. А бывает вообще, что говоришь то, что услышал где-то, не вдумываясь в суть. Говоришь просто потому, что так считают все. Пришло в голову – ты и повторил, – с опаской произнесла Елена. Её отец пришёл бы в ярость от таких фраз. Но она впервые заговорила с кем-то на такую интригующую тему. И боялась, что то, до чего она почти доходила в неясных, как лунный свет, просачивающийся через портьеры, думах глубокой сладкой ночью, склонив распушившиеся волосы над каким-нибудь шедевром русской классики – просто ерунда, слишком далеко зашедшее воображение, фальшь и фантазия.

– Повторил, и счастлив произведённому эффекту, – подхватил Пётр.

– Великая вещь – общественное мнение. Формирует наш образ мышления, а потом не даёт думать самостоятельно, – с грустью прибавила Ольга, – вы только подумайте, может, люди не действовали бы так жестоко, если бы не боялись осуждения всесильных.

– Да, я это и имела в виду, – ответила Елена, чувствуя лёгкую досаду на то, что не смогла яснее выразить свои мысли.

Алексей посмотрел на неё с недоверием, боясь, что его предубеждение против разряженной дворяночки может перерасти в симпатию. Он понятия не имел, какая она, но на всякий случай насторожился. Вдруг вопреки её свободолобивому выпадку она окажется бессердечной кокеткой, мудрые

фразы которой взяли их книг по философии. Редко кто из знакомцев в высшем свете оказывался «настоящим». «В конце концов, даже такие, как она, бывают людьми», – подумал он вдруг.

Уже сидя в охватывающем пространстве кареты, Елена так глубоко задумалась, что только отчётливый, с властной ноткой, голос отца смог оторвать её от прогулки по лесу размышлений. Уставшая, разбитая от танцев, с гудящими ногами в узких туфлях, она рассеяно отвечала на вопросы, рассеяно слушала откровения родственников, постоянно смотрела мимо собеседников и скоро попросилась спать. На деревянной постели, полураздетая, сонная, она чувствовала в душе напряжение, словно озноб. Что-то тёплое толкало так, что вздрагивали кончики пальцев, разливалось в груди, заставляя блаженно улыбаться. Нервы были совсем расстроены, перед удивлённо распахнутыми навстречу звёздному свету глазами проносились несколько прошлых часов. В этих видениях она говорила слова умнее и глубже, говорила то, что думала на самом деле, уже не сомневаясь в своей правоте. Ей хотелось побежать обратно, к ним, этим удивительным людям, умеющим рассуждать не только о моде и светских развлечениях, а главное – к нему, увидеть ещё раз задумчивое лицо и понять, что этот мир далеко не так прост, как ей казалось до приезда в Санкт – Петербург.

Глава 4

Через неделю после судьбоносного в глазах сударыни Грушевской приёма из Степанова пришла весть, заставившая отца и дочь бросить бездумную петербургскую погоню за удовольствиями и вернуться домой, в родовое имение. Екатерина Васильевна, мать Аркадия, дворянка старой школы, властная и сильная, но при этом легко поддающаяся эмоциям, умерла на руках у ключницы Аглаи, до самого конца отвергая возможность помощи от «девки».

Умерла тяжело, обиженная на весь мир, не простившая никого из старых врагов. Ушла, завидуя тем, кто остаётся. Перед смертью она хотела видеть детей, но они в это время сверкали отполированной кожей на «ярмарке тщеславия». Когда же, наконец, известие о болезни дошло до родственников Екатерины Васильевны, ей уже незачем было говорить. Проснувшись в предсмертной агонии, гонимая страхом перед той бездной, откуда никто не возвращался и поэтому не знал, что же там, Екатерина Васильевна скороговоркой – полупшепотом скрежетала обрывки воспоминаний, ставших сейчас особенно ценными, будто ничего и не было у неё в жизни кроме этих полу лживых мыслей. Умрёт она, и ничего после неё не останется на земле, а все другие, кому повезло родиться позже, будут существовать и радоваться, легко пропускать год за годом, пока так же, в день своей смерти, с

разрывающимися от ужаса воспалёнными глазами, не задумаются о вечном, равном для всех, и не зададут закономерный вопрос: «А зачем я вообще жил?»

Екатерина Васильевна Грушевская, женщина чрезмерно сухая и резкая, принадлежала, как и многие из её окружения, к замечательному типу характеров, выше всего ставящим родовитость и богатство. Служа всю жизнь этим принципам, она воспитала в них и сына Аркадия. С малолетства она проявляла большую заботу о внешнем благополучии своей семьи, чем о её внутреннем равновесии. Поэтому ни сама она, ни её единственный сын не могли похвастаться наличием проницательности и благодушия, необходимых для чувствующих. Видя Аркашу моральным оплотом, Екатерина Васильевна постепенно отошла от дел, передав ему управление их имением Степаново. Вся жизнь Екатерины Васильевны прошла в большом уютном доме, и она надеялась дожить в нём её остаток, слушая бахвальство сына и созерцая расцвет красоты единственного его законного отпрыска. Те, что были прижиты Аркадием от служанки, не могли рассчитывать на её благосклонность, хоть и походили на Грушевских гораздо больше Елены. В них был азарт, страсть, упрямство, а в Елене только бесконечная наивность и восхищение жизнью, умение найти радость в простоте и вечная нежность. Эти качества она переняла у матери – странной, и, как безразлично отмечала Екатерина Васильевна, «не совсем в ладу с собой».

Аркадий Петрович Грушевский после кончины жены Ан-

ны особенно не переживал. Ни на минуту он не задумался, что чем-то обидел супругу, сделал её существование безрадостным. Он не был способен на порочащие себя мысли, подчинялся правилам эпохи и строго судил тех, кто плыл против них. Судил тем суровее, что сам не был святым.

Известие о смерти матери застало Аркадия Петровича в самый неподходящий момент: никогда ещё жизнь не казалась ему такой прекрасной, вино таким сладким, а юные красавицы такими очаровательными. Одна из них, Ада Орлова, та самая, которая наравне с Еленой пользовалась расположением Александра Жалова, была хороша настолько, что Аркадий Петрович всерьёз, наперекор своим недавним заверениям, задумался о второй женитьбе. До знакомства с юной чаровницей Грушевский не собирался связывать себя новыми брачными узами. Он замечательно проживал свои дни – абсолютно бесцельно, доставляя окружающим как можно больше неприятностей и при этом считая себя вершиной человеческого ума. Ежедневно он изоощрялся в остроумии, выдумывая новые пустые афоризмы. Но в деревне слыл умницей, водил дружбу с такими же высоконравственными дворянами и разводил лошадей. В отличие от большинства приятелей, передавших землю в дворянские собрания, ему удалось сохранить усадьбу и наслаждаться в ней мирным течением дней.

Спустя несколько затворнических лет в деревне Аркадий не понимал, как раньше обходился обществом малограмот-

ных девок, это стало казаться ему просто омерзительным. «Проводить время с какой-то простолюдинкой! А у Аделаиды – манеры, воспитание, семья... Прелесть что за женщина». Вниманием прекрасной половины человечества Грушевский никогда не был обделён, в их доме даже обитала проказливая прачка, во многом способствующая разрушению отношений между матерью и отцом Елены, теперь она взлетела до ключницы. Это была Аглая, цветущая крестьянка с восхитительными чёрными глазами, огромным красным ртом и полнейшим неведением во всём, что касалось чего-то по-настоящему важного. За совместно прожитые годы она родила Аркадию Грушевскому троих детей. Когда Елена узнала о существовании своего единокровного брата, ей было десять лет, год назад скончалась её обожаемая мать. Она не знала, что думать, и несколько дней сторонилась отца. Ей было стыдно, неловко, противно. В своем детском воображении она разжигала эту обыденную историю до немислимых размеров и плакала оттого, что не может воспринимать это вполне понятное событие, как должно. Но бабушка, к которой отец и дочь перебрались после похорон Анны, быстро убедила её, что в этом нет ничего противоестественного, что мужчина в этом мире может делать всё, что захочет. Если он дворянин, конечно.

Грушевский кривился, что придётся теперь всё бросать и ехать на похороны полубезумной старухи, последние годы которой прошли в ненависти на весь мир из-за несосто-

явшейся жизни, наполненной болью, утратами близких людей и обузой материнства. Екатерина Васильевна в молодости стремилась завоевать высший свет, блистать остроумием и красотой, кружить головы недалёким наследникам, сойтись с великими людьми. Вместо этого её заставили выйти замуж за престарелого дворянина, состоятельного и ограниченного женоненавистника. Он целыми днями сидел в кресле и осуждал всех и вся, пил чай, ругал слуг, надеялся на нерушимость самодержавия и ни минуты не сомневался, что лучшие времена канули в Лету. Жена нужна была ему для ухода за дряхлеющим телом и напомианию соседям, что он ещё не умер.

Елена не была по-настоящему привязана ни к кому из своих родственников, но сожалела о смерти бабушки. Она, пусть противная и ворчливая, была частью её жизни, и первая потеря родного человека стала для Елены если не ударом, то чертой, отделяющей от эфемерности, собственно-ручно выстроенных воздушных замков. Как в тумане бродила она по комнатам, где носилась в детстве, вызывая раздражение гувернантки и получая за свои проказы выговоры. Когда отец осуждающим взглядом давал понять: «Из этой девчонки ничего путного не выйдет», Елена готова была убежать в самую чащу леса, который рос за оврагом, и сидеть там до тех пор, пока Аркадий не поймёт, как сильно обидел её, и не извинится. Всю жизнь она пыталась доказать ему, что стоит чего-то, пусть и самой себе не признавалась в этом.

Она понимала, что далека от обожествления Аркадия Петровича, что не восхищается им и без снисхождения смотрит на его поведение. Но, стоило им оказаться вдвоем, она видела не исчадь ада, послужившее, как всегда смутно подозревала Елена, причиной раннего угасания её матери, а лишь человека, не признающего ничего, что было ему чуждо и закоренелого в своем смехотворном упорстве. Как ни пыталась она распознать в нем тирана, ничего не выходило. К дочери он был ровно спокоен и порой равнодушен, временами срывал на ней неблагоприятное настроение, но не более. Никаких взрывов агрессии и заточений в темнице.

– Что же теперь мы будем делать, папа? – спросила Елена после похорон.

– Поедем в Петербург. Здесь нам делать больше нечего, – отчеканил отец. – Имение на Проньку оставим.

Прохор Игнатьев, или попросту Пронька, был ушлым крестьянином, который благодаря незаурядному уму и удивительному дару располагать к себе людей добился успеха в жизни. Аркадий Петрович, оставшийся настоящим русским баринoм несмотря на то, что крепостное право отменили ещё до его рождения, любил всё необычное, любил хитрых беспринципных людей, поэтому, хоть крестьян не ставил ни во что, Проньку уважал и даже, неверное, побаивался. Это доставляло Грушевскому странное удовольствие, словно он говорил: «Вот какой я русский мужик, всех люблю, ко всем благосклонен!»

Елена слегка наморщила лоб.

– Обманет тебя, крестьян в чёрное тело загонит.

Аркадий Петрович почувствовал подползающий к горлу приступ раздражения.

– Учить меня вздумала, девчонка, так я понукать собой не дам! Ни матери твоей не позволял, ни тебе. Нашла себе забитую мишень! Мужем своим так вертеть будешь, а отцом не смей, – процедил он уже спокойнее.

Он любил дочь, но ещё больше любил свою свободу и мнимую силу.

– Я просто хотела, как лучше, – сказала Елена, пытаюсь скрыть обиду. Слезы выпадут отца у неё уже давно не вызывали.

– Ну, перестань, красавица моя, – голос Аркадия Петровича потеплел. – Уедем в столицу, свадьбу твою сыграем. Дмитрий весь восторгами излился, твердя, какая ты красавица.

Елена повеселела.

– Что ты, папа. Я уверена, ничего такого у него и в мыслях не было. Твой Дмитрий как рожь в поле – из стороны в сторону кланяется, то одной даме улыбнётся, то другой. Состояние у него большое, жениться он не думает. Он, если можно сказать, дамский угодник.

– Ничего, Еленушка, если семье будет угодно, против её воли он не пойдёт. А ты, я смотрю, тоже против такого мужа не была бы.

– Не знаю я, папа. Всё так в душе спутано. И зовёт она куда-то, и велит на месте стоять.

Елена научилась не воспринимать всерьёз намёки отца, его непонятное убеждение в том, что он не может ошибаться в оценках окружающих. Всерьёз она не задумалась над его словами, а ответила то, что от неё хотели услышать.

В этот момент, когда они уже подходили к дому, Елена сощурила глаза и удивлённым голосом спросила:

– Это Аглая?

Им навстречу, растрёпанная и взволнованная, бежала любовница Аркадия Петровича. Эта томная женщина за годы добровольного рабства потеряла не только своеобразную красоту, но и всякое подобие самостоятельности. По самому пустяковому поводу она спрашивала совета у барина, глядя на него, как на божество. Их мир неспешности и выдержанного сияния казался Аглае настолько прекрасным, воздушным и сказочным, что она благоговела перед каждым, его олицетворяющим. Гладкие ткани, приглушённый свет, чистота и эстетика притягивали эту неграмотную женщину и заставляли её впадать в экстаз при виде своих благодетелей.

В разговоре с дворовыми Аглая благоговейно отзывалась о помещиках, причём эта тема занимала львиную долю её времени. Она не считала Аркадия и всех ему подобных виновными в несчастиях её клана. Напротив, раз они стоят выше её, так и надо; если земледельцы бедствуют, они сами виноваты. Когда кто-то из завистливых крестьянок начинал

осыпать Аглаю ругательствами, та нисколько не принимала настрой окружающих близко к сердцу, а только цедила: «Дуры вы, да мой во сто крат лучше ваших будет, руки не подымет, пьяный не приползёт, а речи таки правильные бормочет, што диву даёшься!» Женщины умолкали и расходились по своим вечным делам, в душе понимая, что Аглае действительно «шибко повезло». Она жила в отдельной чистой комнате, ела, что хотела и только и делала, что следила за служанками и покрикивала на них. Остальные же, работающие до упада то в поле, то в избах, только мечтали о такой жизни. Теперь же, когда пронёсся слух о том, что баре собираются совсем переселиться в Петербург, оставив главным Проньку, Аглая готова была от отчаяния утопиться. Уедет её барин, центр её маленькой жизни, и что, что останется? Пустота, бессмысленная череда долгих серых дней без любви, без радости.

– Барин! – кричала она истошным, наполненным страха голосом, – барин!

– Боже мой, что она тут делает? – помрачнел Аркадий, – ну вот, объясняй теперь этой дуре...

Елена почувствовала ползущее изнутри чувство омерзения. Оно, должно быть, ощущается теми, кто натывается на людей, способных без задней мысли опоганить нерушимое и раз и навсегда священное для иных. Быть с женщиной, заиметь от неё троих детей, сделать счастливой, а потом так поскотски говорить о ней, словно она и не человек из-за того,

что родилась не той. «Не понять этого мне, – подумала Елена. – За такого, как отец никогда не пойду!» – озарила вдруг новая, неожиданная мысль, но не послужила, как раньше при нелестных отзывах о близких, поводом к раскаянию.

– Барин, на кого ж бросаешь, родимый, что ж будет без тебя, ой, горе, горе! – запричитала Аглая, по-деревенски крича и плача навзрыд, словно в этом находила своеобразное утешение.

– Будет вам, Аглая Тимофеевна, – сжав губы, прошипел Аркадий, недружелюбно косясь по сторонам. Его эстетизм восставал против такой сугубо мещанской сцены. – Прохор позаботится о вас.

– А детки как же? Единокровные сыночки, как же им без батюшки родного расти? Негоже это, барин! Ой, горе мне горькое! – она села на траву перед Еленой.

Та попыталась поднять её, говорила ничего не значащие слова утешения. Глава семейства только хмурился.

«Это просто отвратительно!» – решил Аркадий Петрович, теряя самообладание.

– Хватит! Устроила здесь плач Ярославны, дура неграмотная, чего тебе нужно? Живёшь в помещичьем доме с нами на равных! Так ты вздумала, что я при тебе всю жизнь буду? Не смей кричать, иди домой и успокойся. Не выношу сцен!

Он гневно дёрнул рукой и зашагал вперёд. Елена свыкалась с открытием, что её отец, недавно с изысканным видом рассыпавшийся в комплиментах разряженным дамам, может

с каменным сердцем кидать такие жестокие слова матери троих своих сыновей. Он, родовитый дворянин и охотник за изысканностью! Такого удара она не ожидала, по всему телу словно ползли гадкие насекомые, рассыпались по спине и заставляли кожу гудеть. Елена села рядом с вопящей Аглаей и обняла её.

Глава 5

По возвращении набережные Петербурга были так же хороши, дамы пахли так же восхитительно, а простой люд был так же неприветлив и мрачен. Но что-то переменялось...

Хотя на второй день после возвращения Елена забыла тяжкие думы. Утром, когда они с отцом, дядюшкой, тётушкой и крошечным Александром, сыном Елизаветы и Фридриха, спокойно завтракали, слуга доложил о прибытии гостей.

– Oh, mein Got, эти ваши женихи, Елена, не дают нам покоя. А я только начал поправляться после болезни! – слезливым голосом запротестовал Фридрих. – Meine Liebe, ich mochte keine Gaste! – добавил он, обращаясь к жене.

– Мой дорогой, я просила тебя говорить по-русски, ты ведь не в Германии! – снисходительно произнесла Елизавета.

– Когда-нибудь мы уедем туда, обещаю!

Елизавета внушала Елене уверенность в семейной надёжности. Белокожая, ухоженная, она всегда спокойно выслушивала и давала советы. Её тёмные, слегка рыжеватые волосы всегда были безупречно уложены в модную причёску. Вся её жизнь, казалось, была посвящена семье и своей внешности, так что в этом она не давала себя право на небрежность. Как и многие её современницы, она каждый день оли-

цетворяла собой ненаписанный шедевр. Яркая, воздушная, бесшумно порхающая по дому, всех и всегда (иногда против их воли) поддерживающая, Елизавета Ваер больше всего гордилась своим домом. Немного кокетливое, но всегда открытое умное лицо её с маленьким носиком и себялюбиво изогнутыми бровями приятно улыбалось. Иногда, правда, она казалось чересчур разморенной, безынициативной в злободневных вопросах и вздорной, но общее впечатление производила превосходное.

Елена полюбила тётю почти сразу. В детских воспоминаниях Елизавете Аркадьевне отводилось мало места, всё пространство занимала Анна. Иногда Елене казалось, что тётя – единственный по-настоящему родной ей человек. А до обретения Ады и единственный друг. Елизавета Аркадьевна обладала уникальным даром убеждать людей, что казалось Елене, считавшей, что предубеждение не искоренить, равносильным чуду.

Елена ерзала на стуле, словно сидела на иголках и вилкой изучала роспись на фарфоровой тарелке, но старших перебивать не решалась. Она не разговаривала с отцом после случая с Аглаей и ждала момента, чтобы выплеснуть то, что творилось на душе. Она не сомневалась, что к ним прибыла Ада, как всегда, элегантная и знающая себе цену. Истинная её элегантность не бросалась в глаза, никому не докучала, но восхищала. В чертах не канонически прекрасного, античного, но по-своему привлекательного лица Аделаиды сквозила

порой надменность, что делало её похожей на Аркадия Петровича.

– Позвольте, я выйду к визитерам, а вы спокойно завтракайте, – миролюбиво предложила Елена.

Хитрить она не умела, поэтому ни у кого не возникло ощущения, что готовится проказа.

– О, конечно, иди, дорогая, – Елизавете не хотелось оставлять Фридриха наедине с братом – зятя редко беседовали без взаимных шпилек.

Елизавета могла быть чересчур заботливой, и четверо её детей, трое из которых познавали азы наук в гимназии, а один мирно посапывал на высоком стульчике, тяготились этой заботой не меньше безразличия. Только безразличие рождает озлобленность, а опека – раздражение.

Выйдя в гостиную, Елена почувствовала толчок в сердце ещё до того, как поняла, кто оказался в двух шагах от неё.

– Доброе утро, Елена Аркадьевна, – произнёс пухлый молодой мужчина с добрым лицом.

– Ах, это вы, – Елена не смогла сдержать яркой улыбки, – здравствуйте, Пётр, Алексей Дмитриевич, я рада видеть вас.

Алексей поклонился. Сегодня он выглядел дружелюбнее, чем на балу, и от этого стал ещё привлекательнее. Бывает, конечно, что пренебрежение дружбой и недовольство миром подталкивают впечатлительных барышень в объятия разочарованного, одиноко стоящего в углу и ждущего, когда к нему подбегут с расспросами, героя. Но Елене, хоть она сама

некоторым образом пленилась загадочностью гостя, больше импонировали дружба и открытость, когда ничего не скрывается и не опошляется. Она родилась богатой, красивой и не сталкивалась ещё ни с чем действительно страшным, поэтому миром восхищаться было просто, пусть и ее жизнь не протекала без разочарований и потаенных проблем.

– Вы, верно, удивлены увидеть нас. Мы слышали о печальном событии в вашей семье и пришли выразить соболезнования, – голос Петра звучал огорчённо, а бесцветные глаза бесхитростно – жалостливо смотрели на Елену.

– О, спасибо, прошу, садитесь. Мои домочадцы ещё не поднимались, прошу извинить, – спокойно соврала она.

Этот неожиданный визит свалился на Елену восхитительным подарком. Петра она уже немного знала, но от Алексея, двухчасового знакомца, это было невероятно лестно, поэтому её довольный вид, пока она рассказывала о жизни в деревне, никак не сочетался с недавней утратой.

– Бабушка прожила долгую и плодородную жизнь, – пояснила Грушевская, наконец. – Мне сложно это говорить. Не поймите меня неправильно, но её горничная открыла мне, что она мучилась, и смерть принесла только облегчение. К сожалению, мы слишком поздно узнали об её состоянии.

– Вы, наверное, правы, – озадаченно произнёс Алексей, впервые вмешиваясь в разговор. До этого он тихо сидел и оглядывался по сторонам. – Гуманность так многогранна, что часто таковой не кажется.

– А в чём вообще суть гуманности? – присоединился Пётр. – Человечество окрестило своим именем прекрасное качество, но имеет ли оно право на это? Гуманное – значит хорошее, доброе. А агрессивное и злое окрещается «звериным». А ведь животные зачастую поступают милосерднее многих «человеколюбцев». Сколько людей только затем и живут, чтобы причинять боль другим, купаются в роскоши, а другие умирают за кусок хлеба.

– Всё это сложно, – общественный уклад казался ей чем-то данным, раз и навсегда установленным, не нуждающимся в комментировании.

– А что тут сложного? – спокойно вмешался Алексей. – Одни загнали других в бедность и невежество, чтобы самим не заботиться ни о чём до скончания века. Получили возможность развивать интеллект и насмеяться над остальными. История обыденная, но актуальная как никогда.

– Алексей, прошу тебя, – предостерегающе произнёс Пётр. Он всегда вынужден был быть на чеку, поскольку его друг ни с кем не считал нужным сдерживать свои мысли. Вседозволенность слегка пьянила его, но не использовалась для мелких целей.

Елена вдруг почувствовала волнение, вспомнив отца и Аглаю, но продолжать разговор не стала. Слишком много спутанных мыслей вертелось в голове.

– А почему вы пришли без Ольги и Натальи? – спросила она, запнувшись. – На балу у Орловой вы были неразлучны.

– Они не смогли, готовятся к свадьбе, – скромно ответил Пётр.

– К свадьбе? – Елена почувствовала, как горячее волнение заполнило кровь.

– Да, ведь Пётр и Ольга скоро венчаются, и не говорите, что вам ещё не насплетничали, – манеру Алексея изъясняться нельзя было назвать саркастической, но Елена ещё не привыкла к ней, хотя и не падала в обмороки, впечатлившись. Нестеров наводил на неё не ужас, а, скорее, что-то более приятное и покалывающее.

У Елены отлегло от сердца.

– Ах, как же я могла забыть? – с тихим смешком сказала она. – Я вас поздравляю, Пётр, мне показалось, что Ольга – прекрасная девушка.

– Мы с не прекрасными не водим знакомства, – в голосе Алексея опять почувствовались нотки иронии.

«Что он за человек такой?» – подумала Елена, устремив на него свои странного цвета глаза. На секунду взгляды их скрестились, и она, опалившись, отёрнула зрачки.

– Елена Аркадьевна, – Пётр смутился и уставился в пол, – мы с Ольгой будем рады видеть вас на нашей свадьбе. Она тепло о вас отзывалась, да и мне будет приятно. Разумеется, письменное приглашение уже послано.

«Интересно, что я сделала, чтобы удостоиться подобного?» – подумала Елена, а на губах её распустилось удовольствие. Алексей не успел отвернуться раньше, чем она заме-

тила его взгляд.

– О, с радостью! – и она искренне засмеялась перезвоном солнечного колокольчика. – Я тоже хотела бы подружиться с ней. Где же вы познакомились?

– Мы вместе учились с Натальей, только она на женских курсах. Через неё мы познакомились с Ольгой. Они дружили давно, с гимназии.

– Чудесно. Значит, вы должны быть Наталье благодарны. Алексей рассмеялся.

– Да, что-то в этом роде. Хотя Пётр благодарен вообще всем на свете за всякие пустяки.

– Разве это плохо? – спросила Елена с таким пушистым недоумением, что любой захотел бы озадачить её ещё больше.

– Нет, – Алексей едва сдержал гулкий смех.

С ним вместе повеселели все.

– Так значит, вы учились вместе, – Елена не могла не вернуться к интересующей её теме. – А кем же вы будете? На государственной службе?

– На государственной. Хочется людям помогать, сделать что-нибудь для народа, хотя бы попытаться.

– Попытками своими ничего не добьёшься, Петя, время только потеряешь. Ты можешь себе представить аппендицит, вылеченный травяными настоянками?

– Боже, Лёша, опять ты за своё! – покачал головой Пётр. – Простите его, Елена Аркадьевна, сел на своего любимого

конька, теперь до вечера может не остановиться. Вы же понимаете, что это всё не всерьёз.

– Что не всерьёз? – насторожилась Елена.

У этих людей было что-то, о чём они осекались говорить, едва начав.

– Понимаете, Елена Аркадьевна, может, это вам и неинтересно, но не спросить не могу, вы представляетесь мне мыслящим человеком. Вам не кажется несправедливым, что такие, как мы, живут в богатстве и безделии, а другие, вроде ваших слуг, нищенствуют? – спросил Алексей громким шёпотом.

Он поймал её, потому что тема неравноправия в обществе, о котором говорили много и правильно все великие литераторы и вообще сколько-нибудь образованные люди, была для Елены азбукой для неграмотного. Своего мнения эта восторженная барышня не имела, а только сыпала обрывками смешения чужих мыслей, разговоров отца с чиновниками и фразами из литературы. Что-то начало бродить в её сердце, когда она обнимала плачущую Аглаю, но эти неприятные звонящие мысли быстро потухли, стоило ей вернуться к себе прежней, благополучной.

– Я, – неуверенно начала она, боясь сказать что-то неправильное, что разочарует Алексея, – думаю, что эти люди такие же, как мы, и имеют право жить так же.

– Вот видишь, это все признают, но никто и пальцем не шевелит, все с сочувственным видом кивают и глаголят про-

писные истины, но никто ничего не делает. Какой – нибудь будет толк, если в сотый раз появится публикация в газете? – выпалил Алексей на одном дыхании, обращаясь к своему другу. Его воодушевление невольно распалило остальных. – Русского человека не расшевелить даже выстрелом из пушки!

– Ну почему никто не делает ничего? – запротестовал Пётр. – Реформы идут, только ими можно добиться чего-то, а не кровью...

– Реформы, реформы, реформы! Сотню лет твердят о реформах, а жизнь всё хуже и хуже, все ближе конец, и никто не хочет этого видеть. Ты вспомни, о реформах ещё Карамзин бубнил, и что, с тех пор стало нам лучше? Все твердят о постепенных преобразованиях, о либеральном пути, но Россия – не та страна, где этот номер пройдёт.

– Может быть, просто государь... – тут Пётр посмотрел на жадно впитывающую каждое их слово Елену и решил, что они пришли сюда не пугать невинную девушку. Он ошибочно принял ее восхищенное одобрение за испуг.

Но Алексей придерживался другого мнения.

– Ты что, к славянофилам перебежал? Нельзя относиться к народу, как к домашней собачке. Потрепать за ушком, убедить, как он талантлив и умён и оставить его в том же диком состоянии пьянки и ужаса. Ты посмотри, как они живут! Пойди по дворам – хлам, грязь, безысходность! И они, они ведь всё понимают, потому и пьют горькую. Тьфу, противно

всё это. «Народ, народ, великий народ!» Похвалили пёсика и отпустили обратно в будку. А в салонах – только и разговору об этом, «будем учить», «будем проповедовать». А это ли им нужно? И можно ли осуждать и казнить кого-то за то, что он хочет глотнуть свободы, настоящую жизнь увидеть, пробиться?! В каком-то веке нераскачанный наш люд поднимается, требует! Мы – никто, они – всё, на них всё держится, а мы их... Непостижимо! Правительство им не судьи, а слуги. Так медленно и потаённо бродит вино смуты, что видно это окажется уже в необратимости разрушения и созидания нового, прекрасного! И все теперешние казни народовольцев не продут зря. Им ещё памятники поставят. Хотя, что я... Простые крестьяне на вольнодумцев как на прокажённых смотрят, вы Тургенева почитайте... Но всё меняется, рабочих, к счастью, легче раскачать.

Почувствовав, что он слегка запутался в собственных непреложных истинах, Алексей умолк, поправляя волосы. Всё, что он говорил, было для него правдой, но правдой многоликой. «Так договоришься чёрт знает до чего, вплоть до осуждения того, что голосил в начале. А потом, если рассудишь, ерунда это всё».

Пётр слушал поносящую речь друга, вертясь в кресле и испуганно поглядывая на Елену. Она в свою очередь полу раскрыла рот и жадно ловила выступление.

– Простите нас, Елена Аркадьевна, мы любим страху нагнать. Думаю, пора нам идти.

– Конечно.

Проводив гостей, Елена почувствовала, что нужно побыть одной, и, не забегая в столовую, поднялась в свою комнату, но не могла поймать отклика на услышанное, открыв, в конце концов, «Евгения Онегина».

– Что ты опять устроил? – спросил Пётр, неуклюже топая по мощёной камнем пыльной улице. – Думаешь, ей нужны твои идеи?

– Нужно вытащить её из сонного царства, где она сейчас обитает. Девушка она неплохая, видно сразу, не лицемерит, не цедит жеманно ерунду. Я даже удивился.

– О, и ты думаешь, что она воспламенится революцией и пойдёт плечом к плечу с тобой?

– Я пока не мыслю так широко... Но почему нет, многие идут. Ольга тебе не пример?

Пётр не нашел, что возразить.

– Дело не в том, ты всегда со всеми так говоришь, тебя в обществе опасаются.

– В обществе разряженных ослов и безмозглых кукол? Велика беда. Я погиб, погиб!

– Ну, вот как быть с тобой? – засмеялся Пётр.

– Просто давай делать то, что мы должны, и не смотреть по сторонам на убогих.

– А ты не прав, всё миром нужно.

– Пусть миром, Петя, только бы подействовало.

Пётр, тесно сошедшись с Нестеровым во время учёбы, поначалу ужасался и побаивался его пламенных разоблачений и циничных, как считали в высшем обществе (у остальных категорий населения не было права не только высказывать свои соображения, но и вообще думать), но притягательных, особенно для молодых людей с горячими сердцами, разговоров. Господин Астафин вырос в глубоко, правоверно дворянской среде, и до поступления в университет даже не представлял точно, кто такие радикалы. Ясно видя уверенность Алексея, его абсолютную честность в преследуемых идеалах, а не просто желание быть интересным, загадочным, эдаким плывущим против всех романтичным бунтарём, Пётр искренне начал думать, что аполитичность не преступна, ибо несёт в себе желание справедливости и счастья для всех.

Никто из их сообщества вольных идеалистов, даже Наталья, которая за внешним спокойствием неумело для зорких людей скрывала безграничную, порой безвольную мягкость, парадоксально граничащую с убеждённым упрямством в единожды выбранной цели, не признался, даже не подумал бы, что сухой Алексей подминал их под себя. Какое-то время после знакомства, пока те не научились сопротивляться, а Алексей не ослабил хватку, загоревшись дружбой, все находились в плену его горячности и словоохотливости.

Нестеров вовсе не вынашивал наполеоновских планов и

не пытался заставить кого-то думать подобное ему. Просто своим обаянием и умом он располагал к себе тех, кто не был труслив, глуп и закостенел, а жадно искал выхода из тупика. В какой-то мере Нестеров повлиял на формирование взглядов своих товарищей, что, конечно, польстило бы ему, узнай он об этом. На самом же деле он искренне считал, что его друзья изрядно преуспели в науке о жизни и тайно надеялся, что и он способствовал этому. «С кем поведёшься», – усмехался Алексей, с отрадой наблюдая за развитием мышления товарищей. Он не пытался влиять на их судьбу и не указывал, что им делать. Он только подталкивал их, разжигая искры внутри. Его пытливый ум как губка впитывал то, что ему казалось правильным (почти всё это было незаконно) и с отвращением отражал остальное, противоречащее первому. Всякая пропаганда и навязывание удобных взглядов вызывало у него сарказм и нездоровую иронию, ещё больше отдаляя от официально принятого.

До тропы отщепенцев или преступников все они были ещё очень далеки.

После той встречи Елена чаще стала выбегать в холл на малейший шум, с гулким биением сердца ожидая посещения, стала внимательнее прислушиваться к воркованию влюблённых барышень, день ото дня обсуждающих свои по-

молвки, романы или просто воображаемую симпатию. Раньше она не проявляла интерес к этому, её влекло большее, лучшее. А теперь она достигла этого лучшего, и поняла, что, хоть её жизнь и окрасилась в доселе невиданные оттенки, она попала, тем не менее, в капкан. Дольше сидела она на подоконнике в своей белой спальне, слаще дышала ночным воздухом, больше задумывалась над ускользящими стихотворными рифмами. «Пришла пора – она влюбилась», – думала Елена, покоряясь подарку судьбы. Она поняла своё состояние почти сразу, блаженно рассмеялась и отправилась жить. Ничего не боясь, не стесняясь, только торопясь, как будто кто-то мог отнять долгожданное счастье.

Она искала его в любом обществе, и чувствовала, как по телу пробегает горячая дрожь, если находила. Она говорила с ним без умолку и не могла наговориться. Она не могла поверить, что он, такой со всеми холодный и язвительный, её принял в свой маленький круг, уважает её, улыбается, если она говорит что-то новое, возникшее у неё в мыслях секунду назад. Весной 1912 года Елена Грушевская была счастлива полностью и безоговорочно.

Глава 6

На венчании Петра и Ольги Елена стояла рядом с Натальей и Алексеем. Умиротворяющая атмосфера церкви расслабляла, уносила в чистоту высоких мыслей. Долгая церемония медленно плыла хрустальными голосами певчих, и Елена смотрела то на жениха и невесту, стоящих перед священником в светящемся облаке счастья, то на Алексея, и сердце её жалостливо сжималось. Никогда раньше он не выглядел таким искренним. Его карие глаза такой трогательно – домашней улыбкой открывались друзьям, что многие из приглашенных удивлялись не меньше Елены. А она только доверчиво любовалась новым Алексеем.

Здесь он даже «выглядел как хороший человек», как шепнул кто-то на ухо Аде. Та насмешливо скривила пухлый рот и подняла бровь вверх, поскольку знала, как это изысканно получается у неё. Этот приём она позаимствовала у Елены. Они были немного похожи – обе юные, хорошенькие, улыбчивые. Только у Елены даже игривая улыбка раскрывала светлую сторону души, а у Ады казалась насмешливой и наводила на мысль, что та замышляет что-то недоброе. Аделаида всегда со всеми, даже с любимыми людьми, держалась так, словно знала что-то, что могло их опорочить. Даже необычное сочетание выпуклых тёмно – серых глаз и каштановых волос, тяжёлыми прядями уложенных в массивную

причёску, не могло отвлечь от этой неприятной догадки. Ада была первой во всём, и некоторых пугала своим бесстрашием, но с теми, кто мог оценить её, умела дружить, хоть и ничего не прощала. «Кто предал один раз, предаст и второй», – часто говорила она Елене, победоносно выпрямляясь. Как единственная дочь своей знаменитой матери, она могла требовать всего, чего хотела, и отказов не терпела.

Ада в тот день имела право ликовать не меньше Елены, потому что её строптивое желание стать мачехой подружки скоро обещало стать явью. Накануне, гостя в доме матери Ады, женщины великосветской и либеральной, Аркадий Петрович посватался к девушке после пятимесячного знакомства, в самых романтических выражениях убедив всех в неизбежном успехе такого союза. С Аркадием Ада хотела связать судьбу больше всего. Так не похож был элегантный опытный мужчина на тех птенцов, которые россыпью вялых перьев вертелись возле завидной невесты Петербурга, досажая ей. Выбор был очевиден. Ада с удовольствием слушала многочисленные истории из жизни Аркадия Петровича, а мысль быть навсегда связанной с таким мудрым и сильным мужчиной переполняла её гордостью. «Подумать только, как мне будут завидовать!» – думала Ада, сидя рядом с Аркадием в гостиной старинного имения её семьи и незаметно от матери позволяя Грушевскому теребить свои тонкие унизанные поблескивающими перстнями пальчики. Аркадий Петрович в тот момент мечтал о другом и мысленно корил себя,

что со свадьбой решено повременить.

Ада не могла открыться подруге в церкви со столькими ушами. Такая ошеломительная новость требовала более интимной обстановки. Аделаида не сомневалась, что Елена придёт в восторг от будущих уз.

На праздновании свадьбы собралось немного гостей, большинство из которых Елена видела впервые. Её отец отказался идти на торжество под предлогом недомогания, хотя отсутствие Аркадия Грушевского никого не тяготило. Елена не удивилась, ведь он ценил только родовитых людей, исключительно богатых мог назвать своими друзьями. Ольга Астафина родословной похвастаться не могла, а её внешность отталкивала эстета Грушевского. Состояние же новой семьи было не столь обширным, чтобы заставить его поступиться остальным.

Отец Ольги был состоятельным выходцем из купеческой семьи, дворянином в первом поколении. Этим обстоятельством она хвастаться не могла. Право на вступление в высший свет Оленька получила благодаря связям отца и великолепному образованию, почерпнутому из нескольких университетов и курсов, в некоторых из которых была вольнослушательницей. Окончательное закрепление в статусе светской женщины она получила, выйдя замуж за дворянина Петра Астафина, что, конечно, не преминули выразительно телеграфировать друг другу высокородные сороки. Этот брак, вопреки всяким традициям, заключался по истинной

любви, и от него, скорее, выигрывал Пётр, получая осязаемое приданое. Ведь семья Астафиных оставила своим потомкам лишь уважаемое имя и потёртый капитал.

Ольга росла и училась в Царском селе. Всё там казалось ей гармоничным и утончённым, воспитывающим истинный вкус. С трепетом вспоминала она огромный голубой дворец, множество скульптур, летящих в движении, тихие аллеи, по которым так приятно было бродить, зная, что их топтали великие петербуржцы. Почти физическое ощущение духа гениальности, красоты и неудовлетворённости действительностью Ольга пронесла через себя, при любой возможности посещая место своего детства. Она и подумать не могла, что жизнь способна быть другой. Если Ольга и поддерживала революцию, то в меньшей степени из-за своих истинных взглядов. В основном благодаря влиянию друзей.

После богослужения гулянье переместилось в особняк, арендованный отцом Ольги. Смех и благодушная болтовня не смолкали, гости поочерёдно подносили новобрачным подарки, завуалировано шутили о плодородии и целовали всех направо и налево. Пётр ненароком подумал, что задохнётся от обилия незнакомых ему щёк. Елена и Алексей сидели за одним столом с Натальей и ещё несколькими людьми. Иногда, глядя на Наталью, Елена чувствовала, что сделала ей что-то непозволительное, только не могла понять, что именно. Наталья с самого начала знакомства была с ней холодно – любезна, не больше. Это казалось Елене непонятным и

обидным, но она не пыталась наладить связь с Вороновой, слишком та казалась ей замкнутой и нелюбезной, особенно в сравнении с теплой Ольгой.

Елена, по натуре своей жизнерадостная и слепая, что обычно не свойственно её полу, видела только весну – жаркую, наполненную букетом неведомых раньше чувств к мужчине. Плыл май, царь всех месяцев, душистый и зелёный, с восхитительными багряными закатами, нежными цветами на молодых деревьях и свежими вечерами, несущими в себе ключ к наслаждению. Елена ни на минуту не задумалась, что жизнь её может сложиться не такой, какой она создала её в своём воображении, гуляя по пахнущим тиной набережным Петербурга.

– Как вы думаете, – спросила Елена Алексея, когда новоиспечённая семейная пара закружилась в «вальсе молодых». Для этого она даже наклонившись к нему с загадочным видом, чтобы вопрос не услышал кто-нибудь другой, – они будут счастливы?

Алексей посмотрел не неё добрым, немного ироничным взглядом, которым обычно мудрые матери одаривают крохотных детей.

– Конечно, будут.

– Но... – Елену всегда смущала его безапелляционность, – ни в чём нельзя быть уверенным, ход жизни нам не подвластен.

– Елена, – вздохнул Алексей, словно услышал что-то глу-

пое, – запомните, жизнь – это то, что мы с ней делаем сами. Никто её не строит – ни бог, ни какие-то люди, только мы сами, каждый выбирает свой собственный путь. Если, конечно, не какие-то из ряда выходящие обстоятельства – войны, например. А Ольга и Пётр – люди великие, они не убьют своё счастье так, как это делает большинство.

Любой, даже самый нейтральный, вопрос Елены заканчивался философскими размышлениями, но это так увлекало, что она не противилась. Алексей, глядя на свою собеседницу, задумался, как можно быть настолько воздушной и мимолётной в этом адском мире, не видеть того, что творится под её носиком, того, что по его разумению, невозможно было не замечать. «Наверное, она просто такая, и всё. Ничто не может вырвать её оттуда, где она сейчас существует. Или может? Жизнь и не таких ломала». Против воли в его затуманенной душе поднималась что-то светлое, нежное и очень хрупкое к этой молодой девушке, такой... наивной до удивления. Видя её на каких-то великосветских приёмах у каких-то непонятных ему людей, он тянулся к ней. Тянулся к её живости, своеобразному уму, чистоте и невероятному жизнелюбию. «Неужели я в её годы тоже был таким?» – думал он как старик, забывая, что старше Елены всего на семь лет. Впрочем, он прекрасно понимал, что дело не в возрасте, а в личном мироощущении. Алексей, выросший без матери у чужих людей, не мог так же беззаботно смеяться, словно и не существовало на земле лицемерия.

– Нужно учиться отделять пропаганду от истины. Ели что-то принято и общепризнано, не значит ещё, что это правдиво, – расслышала Елена голос Натальи, доказывающей что-то глуповатого вида студенту – кузену Петра. – Разумные люди редко верят власти, её улыбочкам и приветливым жестам. За этим кроется корыстолюбие и расчёт.

Наталье непонятно почему хотелось казаться непреклонной перед Алексеем. Она не могла обнажить, насколько обескуражена и растеряна, поэтому прикрывалась непримиримостью и жёсткостью, донося до собеседника свои настоящие мысли и чувства в более грубой форме, чем на самом деле считала.

– И что же делать? – спросил студент, опасливо косясь на девушку, привлёкшую его своей внешностью и говорящую теперь такие соблазнительные вещи.

– Бороться, восставать. Пусть не думают, что все безынициативны.

– Но не все бастуют.

– Не всем это нужно – кто-то живёт себе припеваючи на чужих харчах.

– А вам нужно?

– Не знаю, – отозвалась Наталья, хмурясь и гадая, слышит ли её Алексей. Ведь она говорит умно, не терпя возражений, как он всегда хотел, чтобы она говорила. – Знаю, что не могу смотреть на всё спокойно, устраивать своё будущее, наплевав на всех. И ещё знаю, что не верю ни одному царепривер-

женцу или тому, кто утверждает, что Россия спасётся в православии и трясине. Сколько она ими спасается, и что, есть результат? Совсем в другую сторону простонародье бежит, к оружию. Все только и делают, что лгут. Вельможам выгодно это.

На второй день свадьбы Елена познакомилась ещё с одним достойным, как она именовала всех особ, приближённых к Алексею, представителем радикально настроенной молодёжи. Воодушевлённая и польщённая Елена поклонилась, услышав, как Наталья в ответ на её молящий взгляд сдержанно произнесла:

– Это мой брат Евгений.

Брат Натальи оказался невысоким сухим господином с непонятного цвета волосами и узким лицом, на котором обильно выступали изжёванные скулы. Он безразлично оглядел Елену и процедил что-то в ответ на её заверения в том, что они обязательно подружатся.

При приближении Алексея, еле отделавшегося от ряженых, но, тем не менее, находящегося в прекрасном расположении духа, Евгений обменялся с ним парой фраз. Несмотря на неожиданный интерес последнего, просиявшего от одного звука его имени, Евгений забился в угол и не прикоснулся к сладостям, щедро разостланным по столу самой Ольгой. Елена вновь почувствовала себя непосвящённой в таинственные обряды и вздохнула.

– Почему он так себя ведёт? – спросила она у Натальи.

– У него создались определённые проблемы... – уклончиво ответила та и с непредсказуемым интересом начала следить за виртуозной игрой приглашённой на торжество пианистки.

Елена, рассеянно следя за движением обволакивающей мелодии и думая совсем о другом, краем глаза заметила, какими заостренными взглядами обмениваются Алексей и Евгений.

Когда гости начали расходиться, Евгений поймал сводную сестру за рукав.

– Как ты, Женя?

– Если учитывать всё, не так уж плохо.

– Ты поздравил новобрачных?

– Я не мог быть неучтивым. Ты недооцениваешь меня, Та-та.

– Извини, ведь я не видела тебя. Как Ольга отнеслась к этому?

– Ты зря опасаяешься. Меня вряд ли бы пустили, не пригласи она меня сама.

– Ты плохо выглядишь.

– Не слишком приятно сидеть под стражей, а потом видеть, как от тебя шарахаются старые приятели. Благо хоть вы не отвернулись.

Наталья понимающе кивнула, а потом, прищуриив глаза, спросила:

– Это точно не из-за неё?

– Умоляю тебя, Тата, я не страдаю всю жизнь из-за одной неудачи. Отказала – отказала, это её право. Это я дурак, приплёлся к матушке, думал, так лучше будет. Надо было у неё самой спросить, не в прошлом веке обитаем, к счастью!

На заре формирования общества, так привлекавшего Елену, Наталью, только познакомившись с Алексеем через Евгения, стала свидетельницей того, как её непутёвый братец загорелся Ольгой. Евгений бредил террором гораздо сильнее друзей и частенько попадал в лапы правосудия. Для него противодействие было доказательством того, что он способен на необдуманные, смелые поступки. Его отец, вынужденный постоянно выкупать сына, в конце концов не оставил ни гроша и Наталье заодно с Евгением. Дочь была воспоминанием о его второй, так же скончавшейся жене. Евгений долго сопротивлялся возможной женитьбе на подруге сестры и никогда не дошёл бы до предложения руки, если бы его не подтолкнула Наталья, мечтающая о справедливости к обездоленным не меньше брата. Ольга даже при своих взглядах на свободу наверняка пошла бы на поводу у семьи и вышла замуж за пугающего суровостью Евгения (обеспечения он лишился позже, а до того смотрелся перспективным юристом), если бы её отец во времена сватовства не отсутствовал в городе. Мать же так желала дочери счастья, что, выпытав у неё всё, мягко, но категорично отказала претенденту, уверив его, что он непременно найдёт суженную. Где-нибудь в другом месте.

Ольга поражала, как иные поражают глупостью или обаянием, всепоглощающей добротой. Перед ней ярые безбожники – террористы склоняли голову, видя то, что хотели наблюдать во всех, включая себя.

– Странно видеть девушку, которую когда-то мнил своей, на свадьбе с другим. Причём достойным, вот в чём беда. Нестеров с кем попало не свяжется. А кто эта восторженная дворяночка, что просила тебя представить её? – спросил Евгений.

– Новое увлечение Алексея.

– Не повезло тебе, – сдержанно посочувствовал ей брат после паузы. – Но не расстраивайся, из него хорошего мужа всё равно не получится. Пусть лучше спутается с этой наивностью и отрастит живот. Тебе о другом бы подумать...

– Я вовсе не расстроена. Но... – прорвала она пленку сдержанности, не утерпев, так ей хотелось поговорить о Нестерове, – почему не получится?

– Он будет разрываться между домом и поприщем. Не нужно людям дела думать о браке! Вот Пётр – молодец. Оставил свои игрушки и остепенился – борец из него никудышный. Будет теперь детишек нянчить, – поморщился Евгений.

– Ты говоришь так, словно всё на свете знаешь, – проворчала Наталья, досадуя на брата.

Глава 7

– Елена, – сказал Аркадий Петрович своим хрипловатым голосом, – я намерен жениться.

Елена почувствовала, как холодная волна пробежала по животу, а кончики пальцев оцепенели. С её губ чуть было не сорвался бессмысленный вопрос: «На ком?», но остановился. С кем отец любезничал всё это время, на кого выплёскивал запасы галантности? Елена не могла подумать, что её отец, проживший без жены столько времени и прекрасно обходясь служанками, вдруг опять захочет испортить чью-то жизнь. Сначала, конечно, медовая патока и несколько счастливых месяцев, как и у всех новобрачных, но потом... Она прекрасно знала отца, гораздо лучше, чем думала, и понимала, какую жизнь он устроит Аде. Елена могла, конечно, отогнать неприятное, хватающее за сердце чувство, и сказать себе, что Ада не мама, она сильнее и жестче. Но Елена пыталась быть честной перед собой, поэтому сдалась.

– Что же ты молчишь, Ленушка? – мягко спросила Елизавета Петровна. – Не рада, что отец нашёл своё счастье?

Нужно было что-то сказать.

– О, конечно, рада... Поздравляю, папа.

Заходя на выставку русского искусства, Елена думала о будущем союзе и лихорадочно создавала перед собой картину под названием «Счастливый брак». Бесконечные адюль-

теры отца, его равнодушие к страданиям ещё недавно по-своему любимой жены, ссоры, слёзы, упрёки, ненависть, болезнь, и, если и не смерть, то состояние, к ней близкое. Дать Аде вот так сломать свою жизнь, а потом смотреть, как она превращается в отупевшую старуху, какой стала мама? И тут же, глядя, как к ней спешит Алексей, решила, что выйдет замуж только за такого, как он, а ещё лучше – за него самого. Сердце её наполнилось нежностью, поднимающейся до краев и даже переливающейся через них.

– Доброе утро, Елена Аркадьевна, простите за опоздание, по дороге встретил мать Пётра, так она чуть не расплакалась, что её дорогой сыночек вылетел из гнезда. А сыночку уже двадцать пять лет, представляете? – в голосе Алексея звучала ирония, но Елена уже привыкла к этому. Говорил он не зло, а остроумно, но на него всё равно часто обижались люди, лишённые воображения. Теперь это казалось Елене смешным и странным, хотя поначалу она сама опасалась Алексея. – Как можно так потребительски относиться к собственным детям?

– Наверное, она просто до безумия его любит. Со всеми матерями так.

– Нет. Не со всеми, – последние слова Нестеров произнёс медленнее, чем обычно.

Елена промолчала, решив, что он думает о своей матери, и засмотрелась на картину кисти Кустодиева. Елена всегда поражалась своеобразной красоте изображаемых им женщин.

Игривая, обаятельная, до умопомрачения красивая, словно из зефира слепленная, но... «С прошлым», – невольно подумала Елена. Такие мысли после знакомства с Алексеем перестали казаться крамольными, больше не вызывали еле заметного румянца. А после сознания собственной недалекости и способности краснеть из-за ерунды, на которую нужно смотреть свободно, если желаешь шагать в ногу со временем. Да и что страшного в том, что у женщины может быть прошлое? Ничего. Зачастую это ей только на пользу.

– Вот такой была моя мать, – донёсся до Елены задумчивый голос Алексея.

Она недоуменно оглянулась на него, изящно изогнув шею, увидела нескрываемую горечь и смущенно повернулась обратно к холсту.

– Такой же красивой? – Елена ждала, что он усмехнется, но решила сделать вид, что не понимает его едкой откровенности.

– Такой же неугомонной, – со вздохом сказал Алексей. – Не думающей ни о чём, кроме насыщения.

Елена снова развернулась к Алексею. Никто из родных не знал, что она встречается с посторонним мужчиной без компаньонки, иначе пришли бы в волнение и, скорее всего, устроили бы серьезную беседу с попирающей нормы морали Еленой. Но именно сознание того, что она идет против желаний семьи, пьянило Елену и представлялось приятным развлечением, тем более с Алексеем, общество которого она

предпочитала всем прочим. Нестеров, статный, мрачный и в то же время открытый, позволяющий ей созерцать себя не идеализированным борцом, а живым человеком, выделялся на фоне посетителей выставки и составлял странный контраст с ними и даже воспевающими вечную красоту полотнами. Манера держаться и поведение шли ему только на пользу. Так, по крайней мере, считала Елена, смиренно опуская взгляд, чтобы не растерять слишком многого. В последнее время она начала надеяться, что заработает взаимность.

– Она умерла, ведь так?

– Да, её погубил мужчина, кто бы сомневался.

– Она...

– Покончила с жизнью после расставания с ним. Мне было тогда одиннадцать лет, и я только начал понимать что-то.

Елена смотрела на него во все глаза, не желая верить. Она всегда была чересчур чувствительна к таким вещам, ей стало страшно. Елена прекрасно понимала, *что* для него значит этот рассказ. Она вошла в узкий, почти закрытый круг людей, которым он доверял.

– Вы ведь не жили с ней? – решила она на фразу, которую не сказала бы, если бы он сам не начал этот разговор.

Он вздохнул, понуро кивнув.

– Я жил с её дальними родственниками, мещанами. Они не знали ничего, кроме того, что для жизни нужно работать и накопить больше денег. Я их не виню, кто я им был, и почему они должны были обращаться со мной как со своим ре-

бёнком? В доме и их собственных детей было полно. А я... страдал без неё, каждый день надеялся, хоть и знал, что она приезжает только в воскресенье, специально тайком пролезал к окну и ждал, что из-за угла вот-вот покажется её карета.

Мать Алексея была восхитительной женщиной с ямочками на щеках, мягкими карими глазами, словно погруженными в холодную ключевую воду, и пушистыми каштановыми волосами, неизменно выбивающимися из причёски, и казалась ангелом, пойманном с неба и запакованным в прекрасное полное тело. Совсем ещё молодая и жизнелюбивая, не представляющая, что кто-то может быть ей врагом, хохотушка и вдова, она была заманчивой мишенью для местных ловеласов. Овдовев в двадцать один год и родив одного сына, она хотела больше детей и любящего мужа. Но получила испорченную репутацию и необходимость отправить незаконного ребёнка подальше от любопытных глаз.

– Она могла остаться со мной, но тогда пришлось бы идти наперекор обществу, жить в уединении, а это было самым страшным, что она могла совершить. Ради меня она не бросила свет, который при малейшей возможности жаждал проглотить её и чуть не сделал это. Она могла бы жить со мной в деревне, подальше от ядовитых глаз, но не захотела, или не смогла, погружаясь в новые романы, а меня видя только по воскресеньям, на службах.

Такой была Мария Литова, в девичестве Лиговская, такой запомнил её сын, видевшийся с ней редко, но тем ярче

и памятнее были эти встречи. Лишённый матери ежедневно, он относился к ней как к божеству, благоговел перед ней, и невероятно, до помешательства, любил. Она, как могла, старалась стереть лаской и нереализованной любовью горечь его без материнских дней. Самыми светлыми воспоминаниями его безрадостного детства навсегда остались её ненавязчивый запах, волосы, на ощупь казавшиеся пеплом, её мягкие белые руки, обнимавшие его худенькую шейку при неизбежном прощании. Когда она говорила своё всегдашнее: «Скоро увидимся, сынок», Алёша готов был бежать за ней, пока его не собьёт карета, но эти слова всё-таки помогали ему видеть в жизни просвет. Он был сиротой с обоими живыми родителями, и это наложило свой отпечаток на его характер. Но он ни в чём не винил мать, она была неприкосновенна.

– А... а ваш отец? – спросила Елена, не стыдясь дрожащего голоса.

Они отошли от картин к окну, и теперь могли посмотреть друг на друга, оба страдающие его болью, сроднившиеся ей.

Алексей цинично присвистнул. Его лицо помрачнело.

– Ему было наплевать, хоть он и прекрасно знал, где я и что со мной. Да это вообще все знали.

– Это из-за него она... умерла?

– Нет. Она, конечно, была зависима от своих мужчин, но не до такой степени, чтобы унижаться. После такого! Знаете ли, он ведь даже не пришел ко мне ни разу. Такие люди...

Вы можете видеть их каждый день и не представлять, какая гниль может быть скрыта за их гладкой ровной внешностью.

– Почему ей не помогли родители?

– Это запутанная история.

– А я люблю распутывать, – сказала Елена и оторопела от собственной небывалой дерзости.

Алексей тихо улыбнулся, совсем как она любила.

– Ее родители были выдающимися людьми. Но к тому времени, как появился я, их уже не было. Бабушка в давность была актрисой, причем довольно известной. Пережила страстный, изматывающий роман с каким-то промышленником. Затем на ней, беременной, женился мой дед. Любил он ее страстно и давно. Ее первенец, тот самый, незаконный, связался с террористами...

– Кто в наше время с ними не связан, не говоря о прошлом. Темное время было, будоражащее... – пробормотала Елена, округлив глаза.

– Именно. Его казнили вместе с дочерью его настоящего отца. Тот ведь женился и жил припеваючи. Бабушка после того подкосилась. Она и так не была крепка здоровьем после бесчисленных родов, а тут такое... Вскоре она почилла. Дед держался, пока не пристроил детей, в том числе и мою мать... Анналы их жизни каким-то чудом дошли до меня через брата. Я мог бы ничего и не узнать о своих корнях, а это так горько... Словно нечем зацепиться, как растению, выброшенному на поверхность земли.

– Я люблю вас, – выдохнула Елена, сама испугавшись своих слов, произнесенных сгоряча.

Нужно было как-то вознаградить его за откровение, а она давно хотела сказать это, почти с того момента, когда поняла себя. Лучше подвергнуть себя риску, чем ждать того, чего, возможно, и не существует. Уже много раз она представляла себе эту сцену, каждый раз всё более прекрасную, но наяву оказавшуюся скомканной. Сердце Елены гулко стучалось о рёбра, пока Алексей ошарашено смотрел на неё, забыв о своей исповеди.

– Елена, – сказал он, наконец, опешив, но глядя на неё с скрываемым за старательной попыткой казаться бесстрастным восхищением, – я не думал...

– Не думали о чём? – она приободрилась от его взгляда, выражающего одобрительное удивление, в её голосе послышался вызов, напористость, характерная для Аркадия Грушевского в спорах за карточным столом. – О том, что мне понятны и близки ваши мысли, что я только и жду, когда встречу с вами снова? Свет мне больше не интересен, если там нет вас, а в душе, если не оправдается надежда на встречу, такая пустота и апатия...

Её решительность вмиг сдуло ветром страха, и теперь она готова была расплакаться, на этот раз от стыда. Елену начала бить дрожь, почти как от холода.

–Теперь вы меня возненавидите.

Но он тепло прижался губами к её перчатке, и, казалось,

не был настроен на порицание.

– Дорогая моя, вам лучше пойти домой, вы устали.

Елена содрогнулась.

– Вы меня презираете? – прошептала она, ступив вперед и прищепив своей шнурованной туфелькой его ногу.

С умиленным для него страхом встречая просветлевшие шоколадные глаза, она приободрилась.

– Что вы, Елена, – он немного подумал, и с ласковым лукавством посмотрел на неё, – надеюсь, ваш последний вальс на балу у Орловой – мой?

Елена почувствовала, как призрак страха и отчаяния, витавший над ней, с тихим вздохом, вырвавшимся из груди, растаял, подарив лучик света, готовый при возможности превратиться в яркое летнее утро. Алексей же был обескуражен такой стремительностью и порывался говорить о чём угодно, лишь бы не возвращаться обратно к объяснениям.

– Почему вальс?

– Это был любимый танец моей матери.

– А почему последний?

– Последнее лучше запоминается.

Он подал ей руку, и сквозь тонкую материю рукава Елена чувствовала его тепло. Они долго говорили, пока гуляли, точно старые друзья. Удивительно, что существуют люди, не делающие из чувств трагедию или мелодраму. Они просто принимают их и благодарят, или стараются поскорее забыть.

Глава 8

Настал знаменательный в жизни любого светского человека день – костюмированный бал, который устраивала в своём огромном Царскосельском поместье Наталья Львовна Орлова, светская королева Петербурга, женщина смелая, остроумная и кокетливая. В ней, что редко для таких людей, не было ничего пошлого и надменного, поэтому молодёжь, только что вырвавшаяся из гимназии, преклонялась перед её талантами. Юноши влюблялись, девушки подражали. Она действительно обожала ту жизнь, которую вела, но прекрасно знала, что есть и другая, стараясь не шиковать и не злить и так уже утрачивающих последние капли терпения бедняков. Елена до дня, когда Наталья Львовна стояла у входа в свой дышащий шармом дом и тихим голосом приветствовала собирающихся гостей, не была коротко знакома с этой законодательницей мод, богатой вдовой и интересной женщиной, матерью Ады. Елена видела их вместе много раз, но мельком, и не имела счастья свести с ней что-то большее, чем поверхностное знакомство.

– Ах, Helen, приятно видеть вас, моя красавица! Клянусь, во всём Петербурге не найти двух девушек прекраснее, чем вы и Ада. Ну, идите, радуйтесь. Для чего ещё нужны балы?! – пропела Наталья Львовна и ласково похлопала Елену по плечу, задрёнутому шёлковой материей.

Войдя в бальный зал, Елена в восхищении озиралась кругом и не могла насмотреться. Воображение человека, привыкшего к незатейливой, хоть и восхитительной, красоте родных деревенских просторов, не могло не затронуться. Сусальное золото на огромных люстрах, лакированный паркет с различными узорами из разного цвета древесины, золочёные стены, словно во дворце. Всюду ослепляющий торжественный свет, смех, буйство красок и огней, красивые и безобразные лица, платья различных эпох, умудрённые жизнью матроны и наивные девушки, охотники за наслаждениями, старые сплетники, передовая молодёжь и консерваторы. Невообразимо было представить, что у всего этого разношерстного общества есть что-то общее, но оно было – все принадлежали к высшему сословию, поэтому пользовались расположением Натальи Орловой. А если не пользовались сами, то были любовниками, детьми или друзьями тех, кто пользовался.

Наталья Орлова, не сказав *mademoiselle* Грушевской ничего, что не говорила бы десяткам других протеже своей дочери, проявила гораздо больший интерес к отцу Елены. И сегодня, когда со дня на день должна была быть объявлена помолвка Ады и Аркадия Петровича, хозяйка дома открыла бал именно с ним. Елена, стоящая в общей разряженной толпе, с восхищением смотрела на эту грациозную пару, плывущую по гладкому блестящему паркету и оставляя за собой только удары каблучков об пол. Тёмные мысли из-за грядуще-

го брака рассеялись в свете событий, напрямую касавшихся её самой, и Елена не сомневалась, что голубое весеннее небо будет вечно светить над её причёсанной головкой, подсушивая вставленные туда цветы.

Наталья Львовна позволила гостям проявить фантазию и не стала задавать тему для костюмов. Елена выбрала образ гречанки, а точнее – Сафо. Одеваясь к выходу, трясясь по выбоинам дороги в новеньком автомобиле, она думала только об Алексее, всё остальное сильно потускнело на его фоне. Зайдя в зал, Елена впервые отвлеклась от радужных мыслей – её наряд мог показаться кому-то чересчур смелым на фоне национальных русских костюмов, платьев времён Петра и Екатерины, карнавального безумия или одежд из популярных романов. Но Елена вспомнила слова Алексея: «Знаете, Елена, тот, кто мыслит, хоть раз вызывает недовольство общества». Елене хотелось мыслить, поэтому она выдохнула и направилась вперёд, всё время ища одно лицо. Протискиваться к спасительной стене, где можно было отдышаться перед штурмом паркета, было нелегко и рискованно. Существовала невыдуманная опасность помять платье, встретившись с массивными плечами дородных дам и пухлыми брюшками военных чинов. Тогда бал не принесёт никакой радости. Как прикажете очаровывать Нестерова, если юбка изменётся? Позор, да и только. А ещё девушка из высшего общества!

Так что горемычная обольстительница осталась стоять у

самого края сбившихся к стенам гуляк. Жалов, углядевший Елену раньше остальных её призрачных ухажеров, с улыбкой опытного ловеласа направился к ней, выкрикивая какой-то модный анекдот и параллельно отдавая должное её образу. Он был одет в гусара войны с французами, что, как и любая форма, шло ему безоговорочно.

– Вы сегодня хороши как никогда, Елена Аркадьевна!

– А что, обычно я никогда не хороша? – парировала Елена, пресытившись его галантностью. «Неужели нельзя просто поцеловать руку? Он ведь отпускает по сто таких компонентов на день», – нервно подумала она, чувствуя жжения в глазах от излишне надушенных плеч соседок.

Жалов слегка опешил, но быстро переменял тактику, угадав её настроение.

– Как приятно снова оказаться на балу, хоть и не во дворце. Матушка рассказывала мне, что последний стоящий костюмированный бал она видела в третьем году. Потом – японская война, – он поперхнулся. Его патриотические чувства не могли примириться с позорным фактом поражения, – вы понимаете, и они сами собой сошли на нет. Так что спасибо Наталье Львовне, она умеет делать такие вещи качественно.

– Да, вы правы, – рассеяно отвечала Елена. Отец стоял рядом с обеими Орловыми и, видимо, не думал подходить к дочери. Фридрих сразу же поспешил к карточным столам, а Елизавета, не бросая мужа, вынуждена была последовать

за ним, хоть ей не терпелось развлечься иными способами. Елена осталась без опеки, что не было грубым нарушением приличий на импровизированном балу.

– Вы подарите мне танец? – нараспев спросил Жалов.

– Полонез ваш.

– Полонез? – разочарованно воскликнул Александр. Нежная кожа на его гладко выбритых щеках сошлась в гримасу. – Скука смертная. Что же, вальсы уже отданы?

– Да. А где же ваша Ирина? – спросила Елена без тени ревности, просто потому, что что-то нужно было спросить. Ирина была очередным увлечением Александра, не слишком, впрочем, серьёзным.

Её собеседник озарился белозубой улыбкой, поняв холодность и вопрос Елены по-своему. Второй танец по старинке оказался полонезом, и Елена с Александром несколько минут принадлежали только миру тела и друг другу.

– О, её родители поставили меня в неловкое положение, спросив о моих намерениях относительно прекрасной Ирины. А что я мог ответить им? Что засыпаю от её увлекательных историй? – он усмехнулся. – Да и потом, я не намерен жениться.

– Ох, я слышала это тысячу раз от мужчин, подобных вам: «Я никогда не женюсь!», – мастерски передразнила она воображаемого повесу. – А потом – хлоп, и вы женаты на бедной девушке с поразительными глазами!

Последнюю фразу Елена произнесла выразительнее, чем

было нужно, потому что заметила в богато маскированной кучке Алексея. Он был одет в обычной манере, словно перепутал маскарад с простым собранием. Свободные рукава белой рубашки выгодно подчёркивали ширину его плеч, а узкий жилет облегал талию. Непринуждённая элегантность всегда сквозила в его жизни и касалась всего – одежды, поведения, связей. Даже ссорился он как-то особенно обаятельно. Орлова с неудовольствием осмотрела его «костюм», но он отделался заверением, что одет по моде второй половины прошлого века, и был великодушно прощён.

Алексей не танцевал. «Презирает сборища», – подумала Елена не без гордости. Алексей увидел её и широко улыбнулся обезоруживающей, но – увы! – нечастой улыбкой. Рядом с ним топтались неизменные друзья – Пётр и Ольга. Последняя слегка поправилась со дня свадьбы и выглядела претримо. Её испуганное выражение на лице немного стёрлось, правда, нижняя челюсть по-прежнему предательски выпирала вперёд, слегка портя её миловидное, но почти всегда озабоченное лицо. Ольга по привычке висела на руке мужа. «Как она умудряется ходить с таким выражением?» – удивлялась Елена всякий раз при встрече и загоралась прилежной улыбкой.

– Я полагаю, вальс за Нестеровым? – в голосе Александра Жалова Елена уловила что-то, похожее на ревнивую насмешку.

– Вы поразительно догадливы, – ответила она, нахмури-

шись.

– О ваших отношениях уже судачат словоохотливые ку-мушки.

– Они судачат всегда и обо всех, я бы посоветовала вам поменьше их слушать.

– Вам безразлично, что он незаконнорожденный?

Елена чуть не впилась ногтями в его руку. Было отвратительно слышать, как кто-то, походя, оскорбляет Алексея. «Да он и без семьи куда лучше тебя!» – чуть было не крикнула она, но воспитанность взяла верх над чувствами.

– Я думаю, это не так важно, как кажется. Главное – человеческие качества, – сказала она, не глядя на Жалова. «Хоть бы этот танец поскорее кончился!» – вспыхнула она, нехотя передвигая ноги.

– Думаю, ваш отец вряд ли придерживается такого же мнения.

Музыка умолкла прежде, чем Елена успела всё-таки наглубить человеку, которого до этой минуты считала другом, а теперь, ревностно охраняя свою любовь, готова была бросить его под ноги танцующим парам. Разумеется, отец не станет чинить препятствия её счастью! Стараясь уверить себя, что Александр сказал это не со зла, а по безответственной привычке ранить людей, Елена подошла к Алексею, Ольге и Петру. Они собрались на домашнем балу, так что необязательно было соблюдать все условности и неотрывно дежурить подле родных. Друзья приветливо встретили её, осыпая

градом восхищенных слов.

– Елена, вы похожи на богиню! – вскрикнула Ольга, неизящно махнув маленьким букетиком, покоящимся в её руках и едва не задев им новоиспеченного мужа.

– Благодарю, – приветливая улыбка Елены, хоть и смущённо, но снова красовалась на выразительном, но бледном лице (пудра и румяна только слегка окрашивали его). – Ольга, вы так похорошели! Не зря говорят, что замужество красит женщину.

Она не лукавила, и Алексей понимал это. Он смотрел на эту девушку с всё возрастающим восхищением. Он оценил ее шаг против предрассудков. Да к тому же, хоть он и старался, не в пример своим собратьям, не ходить на поводу у красоты, Елена день ото дня становилась всё милее, и оставаться равнодушным к её напору было выше его сил.

Ольга зарделась, скромно опустив глаза, которые красно-речиво выдавали: «Да, вы правы!»

– Вы планируете уехать из Петербурга? – обратилась Елена к молодожёнам, косясь при этом на Алексея и слегка приподняв уголок рта. Кокетству она научилась совсем недавно, да и то до конца не понимая, что оно светится в ней, завлекая и обезоруживая Алексея, обычно не терпевшего женские игры. Тех, кто шёл на поводу флирта, он презирал.

– Мы ещё не нашли подходящее имение, так что пока снимаем несколько комнат в Петербурге.

– Мой отец, кажется, планировал продать небольшую де-

ревеньку возле нашего Степаново. – Она тактично замолчала, вспомнив, что деньги понадобились ему для дорогого подарка одной актрисе, которой Аркадий Петрович был очарован. То, что он был почти помолвлен, его, казалось, не мучило.

Пётр оживился.

– Это было бы прекрасно!

– Тогда я поговорю с отцом. Вам он уступит, я не сомневаюсь...

– Елена Аркадьевна, – разомкнул уста Алексей после некоторого молчания, слегка насмешливо и даже покровительственно поглядывая на, как ему уже начинало казаться в свете последних происшествий с признаниями и прочими приятными вещами, даму своего сердца, – к нам приближается какой-то почтенный родоначальник, наверняка близкий друг вашей семьи, и явно с намерением. Так что достаньте карне, он непременно ангажирует вас. Только вот где ваш батюшка?

«Ну что за человек?» – беззлобно подумала Елена, едва не ответив на его безмолвный призыв презреть все правила, а вслух изрекла:

– Представьте, я не пользуюсь этими ухищрениями. Это старомодно.

Алексей улыбнулся с видом человека, чьи замыслы оправдались, но который был слишком сдержан, чтобы торжествовать открыто.

Время летело, растворяясь в музыке, смехе и приятном аромате зала. Елена танцевала нечасто, иногда оглядываясь на Алексея и злясь, что он видит её безоружность. Уговор был только о последнем вальсе, так что остальное время она была свободна, хотя и не стремилась к этому. Алексею, по-видимому, нравилось дразнить её, с лукавством заставляя ждать, и это и раздражало её, и нервно смешило. Елена догадывалась, что, несмотря на свой разочарованный вид, он с удовольствием пришёл на это «пресыщенное сборище». Спустя несколько часов некоторые гости вечера разъехались по домам, оркестр играл всё ленивее и чаще сбивался на фальшивые ноты. Столы с закусками пустели. Елена, путешествующая между комнатами, не хотела смотреть на Алексея, чтобы не давать ему повода возомнить, что его ждут, съедала очередной, лишний уже, кусочек воздушного пирожного и говорила что-то и так известное какому – нибудь заезжему аристократу. Отец её, не понимая, почему дочь отказывается ехать домой, злился и, напуская на себя вид оскорблённого праведника, брал Аду за руку, пока остальные были заняты мыслью, что неплохо уже выйти на свежий воздух. У Елены мелькала порой мысль, что её кавалер не должен так испытывать её привязанность и терпение, но быстро улетала, стоило ей начать говорить с ним. Во время этих бесед она перехватывала взгляд отца, но не хотела читать в нём безразличие к её времяпрепровождению и знакомствам, которые, как ему казалось, не приведут ни к че-

му серьезному. Поэтому пусть девочка развлечется. Аркадий Петрович, несмотря на своё давнишнее желание увидеть дочь хозяйкой чужого имения, весь бал провёл в обществе Ады и безразлично – нетерпеливо кивал, если какой –нибудь фронт просил позволения пригласить Елену Аркадьевну на тур вальса. Елена невольно подумала вдруг, что Алексей собственным принципиальным характером, как и любой убеждённый в своих идеях человек, может наделать много глупостей.

Наконец, Алексей подошёл к оркестру и, заинтригованно улыбаясь, указал на что-то. Дирижёр кивнул, посмотрел на разморенных праздником гостей и поднял палочку. Заиграло долгожданное вступление к красивейшему танцу, и Елена почувствовала, как где-то в глубине её стана разливается тёплая волна счастья, мелкими набегам парализуя тело. Алексей подошёл к ней вплотную и торжественно произнёс:

– Будете ли вы любезны вернуть мне обещанное?

Елена чуть не расхохоталась, но вовремя поднесла руку ко рту, оставив красноречие глазам.

– Конечно, господин Нестеров, долг есть долг! – ответила она со всей важностью, на какую была способна.

Они вошли в толпу танцующих пар, отдались власти музыки. Почувствовав руку Алексея на своей твёрдой талии, Елена как-то незаметно для себя засветилась, доверчиво открывая опытному собеседнику чувства. Смотря на него своими любящими сине-зелёными глазами, Елена не представ-

ляла, какое впечатление производит. Именно в этот миг Нестеров впервые ощутил всю мощь того, что сладко мучило его со дня, когда он увидел её по-настоящему – странную силу основного человеческого чувства, вечного и щиплющего душу, впервые понял, насколько ей удалось проникнуть в него. Её образ выплыл из неопределённости, захватил его, выдернул из печальных мыслей, приковал к себе, заставил глубоко вдохнуть ненавязчивый запах её блестящих волос. Алексею нравилось чувствовать её застенчивость, решимость и радость, смешанные воедино, нравилось касаться пленительной прохлады её перчатки, со вкусом сочетавшейся с древнегреческим платьем.

В этот миг она меньше всего походила на затянутую в правила приличия русскую дворяночку, которых он ненавидел, а была настоящей античной богиней, решительной и прекрасной в понимании своей власти. Она толи интуитивно, толи наивно – расчётливо знала, как одеться в великий день утверждения её любви. Пьяная от ощущения нереальности происходящего, прекрасная в расцвете юности и надежд, Елена твёрдо верила, что этот страстный вальс они растянут до конца жизни, упиваясь прелестью восхитительной мелодии. Звенел, кажется, Штраус, но они почти не слышали музыки, явственно ощущая только собственный пульс, и упоённо кружились в танце молодости и не растоптанных надежд. Вальс жил, пел, смеялся в них, поднимал из бездны души новые, или забытые, чувства. Между ними не было

преград, и, не будь здесь десятков посторонних людей, они сказали бы друг другу то, что не могли выразить глаза, пусть взгляды и не отрывались друг от друга весь бал.

Глава 9

Визит к Аркадию Петровичу Алексей нанёс через неделю после бала. Естественная мысль о женитьбе посетила его только за день до этого. Он существовал в каком-то тумане, ни на что серьёзное не решаясь, даже не думая ни о чём, что когда-то было важно для него; он просто вспоминал Елену и улыбался ей, как будто она могла видеть его. В общем-то, господин Нестеров не был настолько старомоден, чтобы думать, что брак способен сделать человека счастливым, но другого способа быть с женщиной и не испортить её репутацию в то время не существовало.

Алексей не решился сначала поговорить с самой Еленой, не признаваясь самому себе, что боится её. Боится даже не отказа, а её лица, горящего такой тягой к жизни, что даже его, не юного наивного мальчика, это удивляло. До встречи с Еленой Алексей всерьёз размышлял о возможном браке с Натальей. Но призрак собственного счастья, а не только спасения хорошей девушки, на этот раз победил в нём. Наталья скоро должна была искать себе место, что для дворянки, пусть и из разорившейся семьи, было унижительно. В конце концов, Алексей решил, что ничего никому не обещал, что его вечное желание осчастливить всех просто утопично, а Наталья вряд ли вообще надеялась на него. «Она бы хотела мужа, который любит её, а не женится из убеждений», – по-

следние мысли Нестерова были правдой. Он вздохнул о Наталье и постучал в дверь к Ваерам.

Аркадий Петрович с удивлением встретил Нестерова в гостиной у сестры, но ещё больше изумился, узнав о цели посещения. Елена гостила у Ады, поэтому мужчины беседовали открыто.

Аркадий Петрович уже давно мечтал о родстве с другом Дмитрием, хотя тот и не давал к этому серьёзных поводов помимо болтовни и завуалированных шуточек, а недавно и вовсе укатил на Кавказ, «лечить печень». Господин Грушевский, как и многие вращавшиеся с ним в одном кругу, не питал особенной привязанности к безродному Нестерову, атеисту и спорщику. Правда, состояние служило существенным плюсом для брака, ради него отец Елены готов был закрыть глаза даже на происхождение будущего зятя. Аркадий Петрович не имел чести слышать Алексея во всей красе, поэтому опасности своего будущего положения не предполагал. Считая себя либералом и воспитанным человеком, не желая принадлежать к тем варварским временам, когда молодых девушек силой затаскивали в церковь, Аркадий Петрович дал понять визитёру, что последнее слово останется за Еленой, но лично он не возражает. Аркадий Петрович, может быть, был из тех, кто может лишить ребёнка сладкого, но уж точно не из тех, кто заставляет его есть нелюбимый десерт. Елена могла не опасаться, что её, как Марию Троекурову, обвенчают силой.

Проводив Алексея жеманными выражениями признательности, но терзаясь мыслями о правильности вердикта, Аркадий побежал разыскивать сестру, чтобы точнее расспросить её, знавшую решительно всё обо всех, о достатке Нестерова. «Ничего, – подумал он, кривясь, – в крайнем случае, можно и отговориться. Велика птица!»

В то самое утро в огромном доме Натальи Орловой разразился настоящий скандал. Он странным роком предвосхитил дальнейшую судьбу двух похожих внешне, но очень разных внутренне девушек.

– Это неправда, мама, она лжёт, лжёт! – кричала Ада срывающимся, словно в истерике, голосом.

– Боже мой, перестаньте, барышни! Неприлично так вести себя двум воспитанным девушкам! – пыталась образумить их Наталья Львовна, хотя кричала только Ада, а Елена, несчастная оттого, что её поступок расценили неверно, смотрела на беснующуюся подругу с горечью, слишком глубокой, чтобы оправдываться.

Несколько минут спустя она тихо проскользнула к выходу. Никто её не удержал – все, в том числе и Наталья Львовна, были заняты успокоением Ады.

Возвращаясь домой по раскалённой Северной Венеции, Елена старалась не думать о произошедшем, но разум со свойственной ему непокорностью останавливался на самых болезненных моментах инцидента, заново переживая унижение. Какой же она оказалась маленькой дурочкой, если

подумала, что кто-то поверит в бескорыстность её желания освободить подругу от пагубного влияния Аркадия Петровича! Скоро Елена осознала, что ярость Ады вполне закономерна и даже понятна. Естественно, первая мысль в голове очарованной девушки: «Ты просто ревнуешь меня к отцу!» Елена на миг представила, что это правда, и против воли выдохнула. Втайне она всегда мечтала о том, чтобы отец отвлёкся от своих вечных поучений. Елена только сейчас поняла, что хотела бы этого брака, и, не будь Ада Адой, с радостью бы держала корону во время обряда. Не все понимали необратимость венчанных союзов. Вот что угнетало её больше всего.

Да и как можно было раскусить Аркадия Петровича? Разве те люди, которых мы видим в лучшем ракурсе – блистающими чисто вымытой кожей на маленьких собраниях, с которыми болтаем о глупостях или лениво обсуждаем последние события, могут поведать что-то о грязи в своей душе? Многие и не подозревают о такой в себе, считая всё остальное человечество дураками и подлецами, одобрительно кивая и хихикая после афоризмов модного остролова. «Да, как много в мире зла, куда катится человечество? Просто ужасно, все плохие. Исключая меня, естественно».

Понимая, *что* она наделала и подозревая последствия, Елена не в лучшем расположении духа наткнулась на Алексея, несшегося по улице с непонятного рода улыбкой. Увидев девушку, Нестеров опешил и минуту не мог выговорить

ничего путного. Он был взволнован, словно забыл о том, что они живут в одном городе и встретиться могут не только поговору. Было уже обыденно идти наперекор всем, говорить, что думаешь, избрать для себя иную дорогу, а признаться в любви женщине оказалось делом непосильным. Он и пошёл сначала к её отцу не из уважения к буржуазному педанту, а из страха увидеть её вздёрнутую бровь и смеющиеся над его словами черты. Пусть лучше она узнает всё от отца, тогда возможный отказ не будет так страшен. Алексей не забыл подумать и о том, что Елена в вопросе любви оказалась куда смелее его, и это так же не прибавило ему самоуважения.

Елена, напротив, предстала перед ним спокойно-уверенной, как будто поняла, что он запутался в её сетях не меньше, чем она в его, а, раз их шансы равны, что проку стесняться? Она рада была увидеть его, сейчас он один мог унять неприятные мысли.

– Алексей! Как приятно видеть вас снова. Уже неделя прошла после бала. Что-то случилось? – добавила она заботливым голосом, – вы неважно выглядите.

Вспомнив, сколько мучительных минут пережила, надеясь, что в доме раздастся звонок или курьер принесет записку, Елена хотела укорить Алексея, но передумала, наслаждаясь его близостью.

– Всё хорошо. У меня были дела, – буркнул он, уставившись на свои ботинки. – А вот вы прекрасно выглядите.

Елена улыбнулась. Алексей подумал, что его состояние

теперь похоже на помешательство. Он долго сопротивлялся влюблённости и следующей за ней беззащитности, но, будучи живым человеком, не устоял. За её улыбку он готов был... Он не придумал, что именно, потому что Елена быстро заговорила, понизив голос. Интонации её мягкой речи тихо вибрировали, что свидетельствовало о волнении.

– Алексей, мне нужно посоветоваться с вами. Я... я верю, что вы выслушаете и фыркать не станете, вы ведь... – она слегка покраснела.

– Разумеется, вы можете мне всё рассказать, попытаюсь сделать всё возможное.

– Вы ведь знаете Аду Орлову? Мою подругу.

Он кивнул, продолжая сосредоточенно слушать и вспоминая, как спорил с Адой месяц назад.

– Так вот... Она, то есть мой отец... Ох. Они собрались пожениться.

При этих словах Алексей присвистнул, давая понять: «Вот дал старик!» Он не думал об Аде, но, всё же, где-то в подсознании понимал, что она достойна лучшей участи. Еленин отец не вызывал у него никакой симпатии. Даже больше – недоумение и странную настороженную жалость, смешанную с частым у него отстранением от тех, кто не признавал его.

– Да, ну так... Алексей, я всё вам скажу, но не вынесу, если вы возненавидите меня! – при последних словах она посмотрела на Нестерова огромными от страха глазами. Он мог

бы подумать, что Елена выглядит жалко, но был слишком для этого влюблён, поэтому с досадой встретил эту мысль.

– Я вам клянусь, что не возненавижу вас.

– Хорошо. Не у вас одного была несчастливая семья. Моя мать зачахла в двадцать девять лет во многом благодаря отцу. Вы не представляете, каким он бывает с женщинами, причём даже с любимыми. Любить он своеобразно умеет, конечно, но... Ни во что не ставил маму, сделал её жизнь похожей на кошмар. Может, она и сама была в чём-то виновата, но всё – таки... Мы же уязвимы больше вас, а обычно все твердят, что мужчина должен быть главным в семье. Но главным же не значит – диктатором! Да, мама была слабой, но он должен был позаботиться о ней. А он, поняв это, стал шутить над ней. Ему-то казалось, что это всё безобидные шутки, а как она это воспринимала... Сидела, как статуя, и только вытирала платком глаза. А потом вовсе любовницу завёл у неё на глазах. Тут она и зачахла совсем, ребёнка носила, но не выносила. Умерла в родах. Ведь психическое состояние отражается на телесном образе, вы сами говорили мне это.

Елена поперхнулась подползшими к горлу слезами. Глаза застилала прозрачная плёнка. Алексей стоял тихо.

– Так вот, – продолжала Елена, вытерев слёзы нежной ладонью, – он её в могилу свёл. Кто-то может говорить, что она сама была в ответе за себя, виновата, что такая слабая, но... Тут уж ничего не поделаешь – свёл, и всё. Правда, перево-

рачивать случившееся по-всякому можно, но от истины не денешься никуда. Потом вы бы видели, как он с Аглаей общался, как с собакой какой-то!

– Аглая – это...

– Любовница его, или как сказать можно ещё – наложница, что ли. Она ему троих мальчиков родила, и все бойкие, смышлённые. А ему хоть бы что. Незаконные – и всё. Не люди, не дети. Он только меня любит, да и то, наверное, потому, что я в браке родилась. Теперь – то он строит из себя безутешного вдовца! Так он эту Аглаю... Вы бы видели, как она рыдала, когда мы совсем в Петербург переехали. А ему всё равно, только ворчал. Ну как так можно, как? – она с мольбой посмотрела на него, словно прося уничтожить несправедливость и боль. – А теперь я, как представляю, что он и Аду так же уморит, так мне жутко становится.

Нестеров молчал долго, глядя то на неё, то на струящуюся в канале воду, прозрачную и весёлую несмотря на сдерживающие её камни.

– Елена, – устало сказал он, – никто и никогда не сможет помочь всем, вылечить все пороки. Мы должны идти к этому, но по-настоящему идут только единицы. То, что вы рассказали, я не буду комментировать. Иначе получится пошло и фальшиво, как будто разряженный толстый дворянин стоит над умирающим от голода ребёнком и сочувственно кивает и, вместо того, чтобы обеспечить ему безбедную жизнь, кидает копейку. Вы не подумайте, мне очень жаль вас и ва-

шу мать, но помочь я ничем не могу, а пустые слова бросать – не моя привычка.

– Вот я, чтобы не бросать пустые слова, попыталась спасти Аду, и всё ей рассказала.

Алексей с интересом повернулся к ней.

– И что же?

– Она устроила истерику, кричала, что я ревную.

Алексей понимал, что смеяться в такой ситуации омерзительно, поэтому сдержался, что стоило ему усилий.

– Вот и делай людям добро, не правда ли?

– Я теперь не знаю, как быть.

– Вы можете спать с чистой совестью, Елена, вы сделали всё, что могли. И, как правильно вы подметили, каждый в ответе сам за себя, так что дайте Аде думать о себе самой. Она предупреждена.

Елена неудовлетворённо вздохнула. Вокруг её рта собрались морщинки.

– А моя репутация?

– Вы думаете, что пострадала ваша репутация? – удивился Алексей.

– Конечно. Орловы теперь ославят меня.

– Если они могут это сделать, значит, совершенно точно не стоят вашего внимания. Я думаю, всё образуется, прекрасная Елена. Не терзайте своё великодушное сердце.

Елена вновь улыбнулась, ободрившись. Алексей подал ей руку, и они пошли по направлению к дому Ваеров. Как было

чудесно ощущать чью-то силу, знать, что ты не одна, что тебя защитят и утешат. Елена с благоговением прижалась крепче к его телу, будто боялась, что Алексей может раствориться в воздухе.

Как было чудесно ощущать, что рядом с тобой ступает, семеня замшевыми туфельками на маленьком каблукке, прекрасная девушка, ждущая от тебя помощи и заботы! Алексей впервые со времён смерти матери так сильно привязался к другому человеку, и это чувство и пьянило, и мучило его. Он боялся, что не сможет сделать эту девочку счастливой, что она превратится в уставшую от брака растрёпанную ворчунью. «Что я такое думаю, – ужаснулся он, глядя на её тонкий профиль, – она никогда не изменится в худшую сторону».

Так ясно и глубоко ощущая близость любимого существа, он забыл о своих смешных страхах.

– Елена, я сегодня ходил к вашему отцу просить вашей руки.

Она вздрогнула, подняв на него расширенные глаза, не понимая ещё до конца смысл этой фразы. Так бывает, когда возжеленная новость обрушивается внезапно, не успевая подготовиться.

– Вы сказали, что любите меня, и я надеялся, что брак будет желанен для вас. Прошу простить меня, если ошибся и докучаю... – добавил он, сам не веря в искренность последних слов.

– Я... – она не могла говорить то ли от счастья, то ли от

чувства, что всё это происходит во сне. – Конечно, я буду рада, – сказала она твёрдо, закрыв глаза и ожидая, что небо захватит, заполонит её своей ватной синевой.

Всё происходило совсем не так, как она рассчитывала, но с Алексеем Нестеровым ничего не могло пройти задумано. Предложение самого важного жизненного союза должно было быть произнесено под ветвями удивительного дерева или на скамейке в старинном парке, а не в сутолоке петербургских будней, как-то между прочим, вскользь, после беседы о несправедливости мироздания.

С небывалой для него застенчивостью он прикоснулся к ней, близкой и одновременно парадоксально загадочной, губами. Поцелуй на улице был неприемлем, но им так хотелось почувствовать друг друга, что мнение окружающих не трогало. Волновала только бродящая в венах кровь.

До самого её дома они избегали смотреть друг на друга, словно разговор, который должен был сблизить, провёл между ними невидимую черту стыдливости и непонимания. Елена не знала, как теперь вести себя с этим человеком, жизнь которого непостижимым образом пересеклась с её жизнью. На стадии романа Елене было весело, хотя и не просто. Алексей не казался смущённым и, уж конечно, не краснел, но прилежно наблюдал то за лётком птиц, то за бегом лошади по дороге.

Нестеров, молодой здоровый мужчина, не находился во власти несущественных несуразных отговорок, что борцу не

пристало обзаводиться семьей. Ведь даже Ульянов... Конечно, его спутница – соратник, но Елена тоже станет такой! Если даже Склодовская – Кюри, дама, перешагнула не только через помехи материнства, но и, что насущнее, стереотипы, почему он, уверенный в том, *что* является непобедимой силой, не может жениться? Конечно, может, и непременно женится. Это не повредит делу, а семейная жизнь с умной привлекательной женщиной станет не только радостной, но и полезной. Сколько они еще пройдут вместе... Алексей внутренне улыбнулся при этой мысли.

Его всегда раздражали надуманные романистами нелепые препятствия. Если возможно заполучить счастье, почему не сделать это вопреки всему? Те, кто отрекается от него – непроходимые тупицы. Желаемое нужно покрепче ухватить, сжать и не отпускать, а не рассуждать об отвлеченных материях, из-за ерунды лишившись тепла и страдать всю оставшуюся жизнь. Только сильным воздается, Алексей твердо верил в это. Его прямолинейность к невесте откуда взявшимся выдумкам, способным только ухудшить действительность, не позволяла задуматься глубже, чем он того хотел. Более важное место занимали мысли о переустройстве мира.

Прощаясь, Елена без улыбки, смотря в пол, пригласила его на обед в среду, и скрылась за массивной дверью. Боясь увидеть отца, она осторожно проскользнула в свою комнату и там тихо бесслёзно плакала, вздрагивая и понимая, как нелепо выглядит. Так Елена Аркадьевна Грушевская сдела-

ла для себя странное открытие: не каждая девушка после решающего объяснения парит в облаках часами, заразительно смеётся и грезит о счастливой жизни с прекрасным мужем. Бывает, что она плачет об утрачиваемой безмятежности, страшась перемен. Брак ведь не всегда приносит успокоение и наслаждение тихими естественными радостями. И те, кто вступает в него, казалось Елене, должны понимать, насколько рискуют. Но попробовать, тем не менее, стоит.

Ведь Матери Елены, урождённой Анне Михайловне Красновой, женщине довольно болезненной и слабохарактерной, супружество не было защитой и опорой, поэтому ее дочь знала о несчастливом замужестве не понаслышке. Она умерла в самом начале двадцатого века, когда всё в Европе отворачивалось от пуританского прошлого, сбрасывало старую кожу и стремилось к прогрессу и процветанию, с невероятной скоростью приближаясь к эпохе тоталитаризма. Умерла в четвертых по счёту родах, не желая больше мучиться, не зная, чем заслужила столь безрадостную женскую долю. Двое её детей умерли в раннем младенчестве, осталась только Елена, хорошенькая, но чересчур легкомысленная, по мнению домашних, девочка, желающая, наверное, познать всё на свете. Она доставляла матери множество хлопот, но та находила утешение только в ней.

Супружество для Анны оказалось неудачным настолько, насколько вообще может быть неудачен брак по любви. Уважения, схожести характеров и порядочности на наблюдалось

за стенами их дома. Порядочность улетучилась, когда Анна носила первого ребёнка, а её супруг, терзаясь бесами, пригласил скоротать досуг ленивого барина привлекательную крестьянку, женщину страстную, или, если соответствовать лексике того времени, «сладострастную». Это было в порядке вещей для большинства людей, но Анна отреагировала на поведение мужа чересчур болезненно. Ей не пришла мысль свести счёты с жизнью, покарав этим неверного супруга, но всё её оставшееся существование прошло в тупом оцепенении, внезапных приступах нервозности и жалобах на горькую судьбу рябой девице, служившей у своей госпожи нянькой. Не для детей, а для самой Анны.

Бывали месяцы, когда Аркадий Петрович напрочь забывал о жене, предаваясь развлечениям. Она не ездила с ним на столичные приёмы, а гасла вне зависимости от внешних условий. Меланхоличность, которой даже счастливая череда событий, выливающих в яркую жизнь, не может доставить радости, составляла основу её понимания горестей. Анна Грушевская казалась созданной для несчастья, а судьба щедро приправила ими её жизнь. Она не упивалась страданиями, как некоторые аморфные женщины, а умирала от них, всё глубже скатываясь в свой внутренний мир глубокой дисгармонии. Быть может, найди она смысл или подходящее занятие, всё пошло бы иначе. Но Анна, как многие её современники, не выбралась из предреволюционного болота.

Происхождение Анны Михайловны вызывало определён-

ные пересуды, и поначалу смутило Аркадия Петровича, заставив его затянуть со сватовством. Она родилась вполне законно, но её матушка была не кем-нибудь, а самой настоящей преступницей против монархии, отловленной и посаженной в Петропавловскую крепость в назидание другим, солидарным с Софьей Перовской и не успокоившимся даже после казни той жуткой женщины и ее соратников. В заточении бабушка Елены Грушевской сошла в могилу ещё до суда. Трагедия её, если уж так повелось, что почти каждая жизнь мыслящего человека – трагедия, состояла в полном разочаровании и в казавшемся прогрессивным муже, и в дворянстве вообще. Михаил Краснов, вялый и не интересующийся ни радикалами, ни нигилистами, ни даже террористами человек ещё до рождения второго ребёнка утратил всякое влияние на супругу. Вновь связавшись с оставленным было кружком горячих сердец, мечтающих убийствами государей и генералов дезорганизовать общество и привести страну к выкидышу старой системы, Зинаида Краснова осталась с ним навсегда. Сколько ей ни твердили, что разорением всего старого делу не поможешь, она осталась при своём и отказалась причаститься перед смертью. Поговаривали, что причиной кончины оказалось самоубийство, ведь Зинаида не привыкла подчиняться и терпеть кажущиеся ей вопиющими порядки тюрьмы и сам факт лишения ее свободы.

Отцу малолетней Ани и её брата Василия стоило многих сил восстановить репутацию после тех печальных событий.

Не ради себя – ради будущего детей. После скоропостижного замужества дочери и устройства сына под крылышко давнему знакомому он по собственному желанию чах и скучал в удаленном от цивилизации поместье, пока благополучно не испустил дух.

Анна Михайловна с ужасом, как о чём-то постыдном, отзывалась обо всём, противоречащем официальному законодательству. В частности, и о матери, решительной и упрямой, не пожелавшей, раз уж получилось выйти замуж неудачно, отказываться от прошлого. Мир противодействия был так красочен и разнообразен, так романтичен! А дом мужа убог, скучен и безрадостен. Её старший сын вырос картёжником и в конце концов не нашёл выхода лучше, чем пустить себе пулю в висок, предварительно покаявшись и получив отпущение грехов. Но, хоть Анна отрицала взгляды матери, её ранняя смерть наложила свой отпечаток на душу девочки. Она чувствовала, как трясётся сердце всякий раз, когда фотография матери смотрит на неё своими картонными глазами. Вживую Анна не помнила лица самого родного человека.

Если бы Анна Михайловна способна была теперь наблюдать за горячо любимой дочерью, потерявшей голову от чувств к революционеру, она вдоволь могла бы посмеяться над иронией судьбы. Елена уже думала о том, что ни почившая мать, ни отец не одобрили бы деятельность Алексея, но это не занимало ее теперь. Она готова была пойти за жени-

хом, так его мир стал привлекателен для нее.

Глава 10

Несколько следующих дней прошли в сладком оцепенении, дрожи при каждом шорохе и укорах собственного сознания. «Что я так переполошилась, это всего лишь брак, – врала себе Елена, чувствуя, что глаза горят холодным огнём. – Не я первая, не я последняя», – повторяла чьи-то циничные от усталости слова и понимала, что это ей несколько не помогает. Закоренелые жёны, безразличные и вялые от неустанных забот за несметным количеством детей, смотрели на неё с удивлением, напрочь забыв, что во времена своей помолвки суетились не меньше.

Она и боялась, и страстно хотела вырваться из-под размеренной опеки отца, в последнее время всё больше ей досаждавшей. В спокойном уединении их имения можно было найти миллионы тайных мест для одиночного созерцания законченной красоты природы. Поэтому с отцом она часто встречалась лишь за ужином, до того уставшая, что все его мелочные, как ей казалось в моменты просветления, высказывания не трогали ни одной струны её взлетающей души. Отец в те ушедшие уже, но недалёкие времена только тем и промышлял, что разъезжал по соседям и стрелял в дрожащих предсмертной агонией зайцев, так что необходимости разговаривать с ним ежедневно не появлялось.

Здесь же, в Петербурге, они появлялись вместе, и Елена

обязана была что-то лицемерно изрекать, над чем-то смеяться, показывать живейшую заинтересованность и вторить гордецам: «Ах, да, вы правы, Мария на том приёме совершенно очаровала Дмитрия! Почему же она надела то ужасное платье?» Сначала это казалось ей действительно интересным, но потом начало раздражать. Почему она обязана кивать в ответ на безнравственную чушь, слетавшую пресыщенным голубем с аристократических уст её батюшки?

Стоя одним погожим июньским вечером на примерке нового платья, Елена отчётливо поняла, как её тянет домой. Хочется почувствовать летнюю прохладу мерцающей влажной травы, ощутить на коже бархатный поцелуй невесомого ветерка, увидеть полузабытые за год столичной жизни хребты низкорослых холмов и окончательно понять, что настоящая жизнь заканчивается тогда, когда отрываешься от спокойного обожания природы. Природы, которая не просит взамен своего совершенства ничего, кроме любви, поглощающей всё невзгоды.

Когда тяжело дышащая Наталья Орлова своей уверенной походкой пересекла холл и, не попрощавшись с Аркадием Петровичем, выскочила на улицу, чуть не прибив слугу дверью, в доме повисла гнетущая атмосфера. Елена, спускавшаяся по лестнице, недоумённо перевела глаза с растеряян-

ного лакея на отца и почувствовала, как внутри неё что-то сжалось в крошечный дрожащий комок. Под этим яростным немигающим взглядом родного батюшки она пожалела, что не может убежать в свою комнату и сидеть там, пока не случится что-то, что заставит его хотя бы мигнуть. Но убежать она не могла, ведь была послушной дочерью. Да и ноги не подчинялись ей.

– Елена... – то ли прохрипел, то ли прокричал Аркадий Петрович.

Елена молчала, а жила на шее выплясывала тарантеллу.

– Что это за поведение?! С чего ты взяла, что смеешь, маленькая дрянь, совать свой нос в мои дела?!

Елена не смела даже вздохнуть. Постепенно в её мозг ядовито проползла свинцовая мысль, что своим откровением с Адой она с корнем вырвала из своей жизни не только дружбу, но и нечто более ценное... Таким яростным отца она не видела никогда.

– Папа, я не... Что произош...

– Что произошло, ты ещё спрашиваешь, что произошло, мерзавка?! Как тебе вообще пришла мысль за моей спиной рассказывать моей невесте гадости обо мне? Ты... Да ты... – он закашлялся.

Елена по-прежнему стояла, оцепенев. Отец никогда не вёл себя так, никогда не кричал на неё. Даже слуга, всегда сонно – наглый, прирос к полу и застыл, как вода с наступлением первых крепких морозов. Уняв гневное скрежетание зу-

бами, Аркадий Петрович попытался заговорить с достоинством, присущим его связям и положению в обществе.

– Ни о какой свадьбе и не мечтай. Не бывать твоему браку с этим анархистом. Я только из любви к тебе дал согласие, но, поскольку ты не ставишь меня в грош... Если ты думаешь, что можешь играть мной, как сопливым кадетом, я тебе покажу, кто здесь главный! Ты не смеешь руководить мной, – снова сорвался он на крик. – Ты такая же, как твоя мать, убирайся, ты не посмеешь выйти из своей комнаты, пока я не позволю!

Елена не помнила, как смогла добраться до комнаты. Теперь в перерывах между рыданиями сознание бывшего благополучия вызывало у неё только непонятное злорадство. Всё было кончено. Её нелепые надежды на счастье раскололись из-за одного необдуманного поступка, и теперь она изводила себя бессмысленным самобичеванием. Елена то рвалась бежать, найти Алексея и «раненой птицей рухнуть в его сильные объятия», пусть он думает, что делать теперь; то считала себя великой грешницей и молила только о забвении. Эта восторженная девушка, выросшая в изнеженной среде всеобщего обожания абсолютно не была приспособлена к настоящей жизни, бурлящей за окнами, и опустила руки ещё до начала настоящей борьбы.

Она не могла думать ни о чём, кроме своего горя, и все мысли о побеге скоро потухли в её слабеющем от слёз теле. Она просто лежала на мокрой подушке, нежной щекой

ощущая её неприятную влажную прохладу, и бессмысленно смотрела на блестящие стёкла окна. За ним, угрожающе нависая над улицей и развесив свои широкие лапы, стояла ель, и казалась заплаканной девушке свирепым великаном, готовым растерзать её при любой возможности.

Алексей, прибыв на обед в среду, был озадачен приёмом, ожидавшим его. Аркадий Петрович, встретивший его в одиночку, всем своим существом выразил полнейшее презрение, которое раньше успешно обуздывал. Сейчас же, гонимый страшным желанием отомстить собственной дочери, Аркадий Петрович готов был, и не без тайного удовольствия, высказать гостю мысли по поводу его происхождения, поведения и друзей. «От такого я не пострадаю», – думал он с прищуром, вертя в руках цепочку от часов. Алексей покинул их дом меньше чем через десять минут после прихода, совершенно не понимая, чем заслужил такие поношения из уст человека, несколько дней назад отдавшего ему руку дочери. Впрочем, Алексей Нестеров был не из тех, кто удручённо замыкается в себе и ждёт, пока обидчик сам осознает тяжесть своего поступка, так всю жизнь можно страдать и не добиться прощения. Аркадий Петрович вознегодовал бы, узнай, как мало затронул чувства Алексея. Нет, всё дело было в Елене, которую Алексей не видел с той прогулки на мо-

сту. Нужно было понять, что произошло, почему так резко поменялись настроения её семьи, и, самое главное – почему она сама не показала, предоставив всё отцу. По рассказам Елены представляя диапазон характера Аркадия Петровича, Алексей почти ни на секунду не поверил, что тот сказал правду. Действительно, вряд ли можно было с лёгкостью принять такое быстрое охлаждение со стороны невесты. И, со свойственной ему бескомпромиссностью, Алексей решил добиться своего. «Если надо будет, порву все связи с обществом, мне они и не нужны. Почему я этого ещё не сделал? Лишь бы быть с ней, лишь бы знать, что хоть кто-то счастлив».

Пока Алексей энергично шагал по камням, ёжась от боли, если какой-нибудь неаккуратно посаженный камень ударял о ступни через подошву, его окликнули Наталья и Евгений. Они только закончили собрание, целью которого, как и всех остальных незаконных сборищ того времени, было свержение власти, и жаждали поделиться впечатлениями с единомышленником и пламенно очернить то, что было очернено уже сотни раз. Однако они быстро почуяли, что сегодня Нестерова не интересуется политика.

– Простите, друзья мои, мы поговорим об этом позже, – проронил он и, поклонившись Наталье, столь же быстро, как явился, оставил товарищей.

– Поговорим, – рассеянно произнёс Евгений, снова подавая сестре руку, – если кого-то из нас не сцапают...

– Не говори мне об этом, – испуганно прервала его Наталья.

– Ты продолжаешь думать, что мы играем для своего удовольствия, Тата? Избавляйся от вредных мыслей, – он вздохнул. – У тебя неверное романтическое представление о борьбе.

– Моё представление основывается на том, что ты можешь погибнуть. И меня потянешь за собой. После пятого года спуска революционерам не дают...

– Как будто раньше давали. Им нас не запугать. Или ты что, пойдёшь в гувернанточки и будешь сносить презрение высшего света? Хочешь, чтобы тобой помыкали? Они не терпят тех, над кем можно позлорадствовать.

– По-твоему, лучше умереть? Оставь это, прошу тебя, пока не поздно.

– Да никто не умрёт. А даже если умрёт, всё лучше, чем выносить всё это. Оглянись, Тата! Неужели лучше закрывать глаза и делать вид, что ничего нет?! Конечно, всегда выгоднее продолжать укреплять монархию, отказываться от преобразований и думать, что, если закроешь штору, всё плохое уйдёт...

– Ты говоришь то же самое, что и Алексей.

– Алексей... Оставь это, прошу тебя, пока не поздно, – передразнивание получилось зловещим. – Ты только сделаешь себя несчастной. Я видел, как он смотрит на эту... Ох, что вы с нами делаете?

Наталья промолчала, а Евгений решил сменить тему.

– Иногда я благодарю судьбу за тех людей, которых она мне подбросила. Если сравнивать тебя и Ольгу с теми женщинами, которых любил мой отец... Ничтожные люди, пирующие на костях. Шляпки, балы, пиры, они только берут, берут и не отдают ничего взамен. Настоящее здесь, с вами. Вы чувствуете жизнь. Я никогда не был особенно близок с тем человеком, которого когда-то называл отцом, ты знаешь, это невозможно при всём желании, но окончательно возненавидел его, когда он отказался дать тебе обеспечение. Ты тогда обиделась и на меня, а я...

– Не нужно об этом...

– Нет. Ты не должна думать, что я мыслю так же, как он.

Наталья доверительно улыбнулась ему.

– Я верю, что всё сложится хорошо.

Она снова замолчала, потом, не в силах терпеть, задала вопрос:

– Тебе нравится Елена?

– Кто?

– Та девушка в голубом платье. Она, кажется, пленилась нашим вольным слушателем.

– В ней нет ни капли жеманства или сознания того, что своими прихотями она может вертеть слабаками. Я считаю это порядочным. Ей туго придётся, если мы победим. Но она естественная, настоящая, как земля. Вкус у Алексея всегда был отменный, даром что воспитывался у мещан... Но ты же

знаешь – настоящая школа жизни в гимназии и университете. Ни в тебе, ни в Ольге тоже нет этого. Правда, ты слишком красива, так что охотники всё равно найдутся... будь аккуратнее.

Наталья укоризненно посмотрела на него.

– Перестань считать себя властелином наших судеб. Какое вы право имеете предостерегать меня и указывать? Мне двадцать один год, и за них не произошло ничего страшного. Ты говоришь, как старик. Откуда у тридцатилетнего мужчины такая мудрость?

– Жизнь научила.

– Ты говоришь, она простая, но она ведь из очень родовой семьи... – вернулась Наталья к Елене.

– Ох. Ну что ты привязалась к этой малышке? Да, она более светская, ей даже нравятся эти развлечения, но... Они не приоритетны для неё, понимаешь? Она не сгнила ещё вместе со своим классом.

– Послушать тебя, так ты Лев Толстой – обо всём судишь категорично и с тоном знатока. Ты видел её один раз.

– Это моё мнение. Поверь, мне достаточно того, что я видел. Конечно, каждый считает, что его мнение единственно верное. Возможно, будь в нас больше терпимости, мы жили бы в раю... Кто знает. Эта твоя Елена чересчур тихая. Изящная и тихая. Никто их нас не знает, какое впечатление производит на окружающих. Мним себя невесть кем, а на деле...

– Обычно умный вид напускают на себя идиоты или се-

бялюбцы, не стоит тебе быть судьёй всех и вся. Предугадать будущее человека по его виду невозможно. Возможно только жить и барахтаться... И не плоды суеверия: «Она такая-то, поэтому её ждёт несчастья, ты такая-то, поэтому едем со мной». Ты делаешь то, что творят гадалки, зарабатывая на хлеб.

– Что ж, в споре рождается истина. Никого не слушай, живи как вздумается, – легко сдался Евгений. Мысли его занимали иные.

Так или иначе, все друзья Алексея и, конечно, он сам, думали о терроре и революции, но никто не обсуждал этого вслух. Они доходили до точки кипения, но не обжигались. Евгений стал первым из них, кто имел проблемы с законом.

Придя домой, в небольшую мало заставленную комнату (наследство обрушилось на него недавно, и он не решил ещё, как им распорядиться, поэтому со своей квартиры не съехал), Алексей безынициативно, что редко происходило с ним, вдавился в кресло и глубоко задумался. Он думал надо всем на свете, а особенно над тем, как иногда несправедливы и мелки родные, своей мелочностью и эгоизмом не только отрезающие самим себе пути к счастью, но и тяня за собой остальных.

Его старший брат Илья Литов, получив по достижении со-

вершеннолетия все права на поместье, приносящее солидный доход, пожелал познакомиться со своим выброшенным за ограду жизни родственником и приблизил его к себе, дав шанс не только войти в знатные круги, но и иметь доступ к капиталам семьи. Поняв и оценив брата, Илья Николаевич за неимением жены и наследников (он боялся женщин и не уступил даже иступлённому натиску семьи, желавшей видеть его почтенным родоначальником) завещал почти всё доставшееся от отца через мать богатство Алексею, чем вызвал бурю открытого недоумения и скрытой зависти со стороны всех родственников. Они не могли поверить и изливались злословием в обставленных в стиле модерн гостиных (и особенно спальнях), что «бастарду», как они почему-то называли Алексея с лёгкой руки матери Марии, достались мифические сокровища князя Литова. То обстоятельство, что Мария фактически была продана семьёй человеку, польстившемуся её прелестью, не считалось при этом позорным и никоим образом не оправдывало элегическую девушку. «Честь династии важнее этих её глупостей», – клокотала бабушка Алексея, сухая обидчивая старуха, ненавидящая дочь за тот позор, что она навлекла на их обедневший, но гордый род, и наотрез отказывалась видеть не только второго внука, но и блудную дочь. Скоро после того, как завещание Ильи старанием интриганов стало достоянием общественности, она иссохла из-за злости и неповиновения окончательно и отошла в мир иной, благословив тех своих детей, которые не нару-

шили в её глазах кодекса безупречного поведения. А Алексей получил деньги, не зная, что ему с ними начать и только и делал теперь, что развивал свои теории, боясь создать что-то и не желая приносить в жертву не только своё благополучие, но и жизнь других, которую, возможно, придётся прервать во имя великой цели. Убийства случайных людей, неизбежные в переворотах, были привычны в разговорах и страшны на деле. Алексей понимал, что не готов к таким жертвам. «Зачем освобождать их, если они погибнут?» – размышлял он. Он не был столь радикален (или упрям), как Евгений, поэтому не оказался пока что перед дулами ружей.

Очнувшись, наконец, от обобщения и вспомнив недавние события, грозившие ему потерей, Алексей сел за письменный стол и задумчиво стал выводить слова на бумаге. Но все они получались безжизненными, глупыми, красиво говорить он никогда не умел, тайно уважая Базарова за то, что тот считал химию полезнее литературы. Наконец, он удовлетворенно потянулся, запечатал конверт, позвал слугу и приказал лично отдать в руки сударыне Грушевской. Не успел слуга уйти, ворча и чертыхаясь, в дверь постучали. На пороге стояла высокая миловидная женщина с рыжеватыми волосами, не вошедшая ещё в пору увядания. С трудом пробираясь через мысли, занятые Еленой, Алексей попытался вспомнить, кто это. На всех приёмах он чётко видел тех, кто интересовал его, остальные лица расплывались в светящейся дымке.

– Добрый день, Алексей. Вы помните меня, я тётя Елены,

Елизавета Петровна.

Глава 11

С самого дня безобразной ссоры с отцом Елена выходила из дома всего несколько раз, да и то под присмотром. Уже проносился июль, светский сезон закончился. Елена всем существом рвалась то в Степаново, то на квартиру к Алексею. Её тяготила неопределённость, она не могла вынести мысли, что он разочарован.

Аркадий Петрович не оставлял попыток помириться с Адой, поэтому и слышать не желал об отъезде. Наталья Орлова проявила завидное упорство и силу воли, не позволив дочери кинуться в омут брака, ставшего теперь нежеланным. Она, в отличие от Адочки, поверила каждому слову, озвученному Еленой. Елена же, не думая уже о благе подруги, надеялась, что они с отцом всё-таки поженятся, а она обретёт желанное. Аркадий Петрович день ото дня становился суровее и обращался к дочери только в крайних случаях, не забывая оцарапать. Он не желал извлекать из своего доблестного сердца такую слабость, как прощение.

Теперь Елене чудилось, что отец разговаривает с видом всезнающего оратора, причём безапелляционным тоном, хоть и без видимой злобы, которая могла запятнать его достоинство. При этом в обращении его с другими проскальзывало завуалированное пренебрежение и заведомое безразличие к чужому мнению. Он везде и всегда считал себя пра-

вым и ничуть не страдал из-за того, что его мнение не разделяется кем-то. Он просто жалел этих людей, хоть и яростно отстаивал свои идеалы. Больше всего Елену начал раздражать бесконтрольный снобизм, который, как она раньше свято верила исходя из книг, свойственен исключительно англичанам. Оказалось же, что и её окружению он отнюдь не чужд.

Елена, не в силах пережить мысль, что Алексей считает её пустышкой, не сдерживающей своё слово, пыталась написать ему, но письмо Алексея настигло её раньше. В этом состояла заслуга Елизаветы Петровны, не одобрявшей новый порядок в своём доме. То, что племянница заперта в своей комнате, и, если не плачет, то с оступевшим видом сидит перед пальцами с пустой иглой в руке, не нравилось госпоже Ваер. Елизавета намеревалась сообщить брату о том, как это отвратительно, но, воспитанная в почтении к старшим, а особенно – к мужчинам, так и не смогла, пытаясь помочь Елене более тонкими методами. Поэтому она разыскала Нестерова, условившись о том, что приведёт Елену, не вызвав подозрений. Алексей светлел на глазах, когда Елизавета, поминутно вздыхая, открывала ему истинное положение вещей. При их прощании в комнате не осталось и следа бывшего уныния.

Пылал зной, город казался обожжённым, притихшим. По

пыльным улицам большей частью пробирались мещане и чиновники, рабочие и лица, происхождение которых вообще невозможно было угадать. Словом, на лето в столице остались гнить в отвратительном сером зное те, кто не считался привилегированным слоем, чьё самочувствие никого не трогало. Разношерстное общество с неудовольствием косилось на двух красиво одетых аристократок, шедших по направлению к Дворцовой площади.

– Лиза, мне так страшно. Что будет? – спрашивала молодая.

– Будет теперь то, что будет. Что бы ты ни решила, помни, что девушке свою жизнь загубить ничего не стоит, потом только назад не воротишься, под родимый кров. Понимаешь ты? – отвечала та, что была взрослее.

– Я об этом и так всё время думаю. Кто меня заставлял про отца рассказывать! Я ведь не предполагала, что так всё обернётся.

– А могла бы подумать. Не делай людям добра – не получишь зла.

– Значит, ты никогда людям добра не делала?

– Таким людям, как Ада – нет. Ни к чему это, нужно сначала о себе думать.

– А чем тебе Ада не угодила?

– Не твоего она поля ягода, родная. Слишком уж она... Жёсткая, прямая, как струна, а в глазах – власть. Не простит она тебе, что ты её судьбу разрушила.

– Ничью я судьбу не рушила! – вскрикнула Елена, на миг остановившись. Она не могла пережить такой несправедливости. – Я думала, хоть ты поняла.

Елизавета нерадостно улыбнулась.

– Напрасно ты кричишь, Ленушка. Всё я понимаю. Сердце у тебя золотое, только не на то ты его тратишь. Ада не поймёт, да и многие не поняли. Гораздо легче подумать, что ты отца хотела при себе оставить, чем то, что кого-то спасти. Люди охотнее верят в черноту.

– Сейчас я бы с удовольствием отца отдала куда угодно, лишь бы воздуха глотнуть, – с горечью ответила Елена.

В этот момент они пересекли Триумфальную арку и оказались на Дворцовой площади. Почти во всё пространство перед ними раскинул свои зелёные крылья Эрмитаж, прекрасный и холодный, как и весь его город. Возле Александрийского столпа стоял, нервно оглядываясь, высокий молодой мужчина со слегка отстранённым взглядом. Увидев подходящих к нему женщин, он замер.

– Всё, Ленушка, дальше ты сама. Найдёшь меня у Розы, это в двух кварталах отсюда, да ты уж была там. Помни, о чём я говорила тебе. Прояви твёрдость, если нужно будет!

Тетя с состраданием посмотрела на Елену, провела ладонью по щеке племянницы и подумала, как непросто делать выбор, не только непросто, но и страшно. Что может быть прекраснее любви? И что может доставлять большие муки неопытному пытливому сердцу? Сладкие, щиплющие

муки из-за неведения, ответно ли твое чувство и буря негодования, ненависти и обиды, если что-то является помехой к достижению, как кажется, абсолютного счастья в лице избранника. Шаги Елизаветы Петровны быстро растворились в длинном проходе.

Елена подошла к Алексею, всё ещё неподвижно стоящему на месте. Её лицо показалось ему безжизненным.

– Елена, выход есть, вы не должны так истязать себя из-за прихоти отца! – заговорил он взволнованно. На его лице не осталось и тени обычной отрешенности.

Она только смотрела на него потухшими глазами.

– Я рада, что вы не осуждаете меня. Спасибо. Не нужно корить других за то, что им не подвластно.

– О чём вы? Елена, дело вовсе не в этом... Поймите, что вы имели в виду? – нахмурился Алексей, распыляясь. Его глаза выдавали сильное волнение, в душу ледяной змеей заползал страх.

– Я... Я не знаю... Отец теперь не даст благословения...

– Да на кой чёрт вам его благословение?! Вы – свободный человек, или хотя бы стремитесь к этому. Вся ваша суть такова – вы не рождены, чтобы всю жизнь слушать чьи-то наставления! Какая разница, что не позволяет делать вам человек, который вас совершенно не знает и не стремится узнать?

– Он мой отец.

– И сделал всё, чтобы лишить вас *жизни*.

Минуту они молчали, слышно было только сбитое дыха-

ние Алексея.

– Уезжайте со мной в Тулу, в имение моей матери. Зачем вам эта пустота здесь, если я вам могу предложить настоящую жизнь, безбедную, полную? Разве не этого вы хотели?

– Алексей, я не смогу жить, как Анна Каренина. Вдали от семьи, от всего, что было мило, не смея показаться людям на глаза. Это не жизнь, мы возненавидим друг друга. Я сначала приму ваши идеи, а потом начну думать, что они у меня счастье отняли... А вы не сможете жить бездеятельно, мы друг друга утопим.

Он смотрел на неё, не видя.

– Вам не близки мои идеи?

– Я не могу ещё принять их, порой они жестоки.

– Значит, для вас мнение света и вашего папеньки важнее, чем я? – спросил он совсем тихо.

– Алексей, послушайте! Не думайте так обо мне, прошу, я этого не выдержу! Из всех людей вашим мнением я дорожу больше всего. Нам нужно просто подумать, подождать, может быть, отец...

– Отец?! – гневно выкрикнул Алексей. – И кроме него есть люди, которые чего-то хотят и заслуживают!

– Нельзя ведь так, он меня вырастил, я разобью ему сердце.

– А почему вы не подумали о том, что он разбивает ваше сердце без всякой жалости?

– Ничего плохого он не хотел...

– Мне всё ясно, Елена Аркадьевна. Я вас больше не потревожу, спите спокойно. Ваш светский облик несколько не пострадает из-за какого-то Нестерова. И уж тем более – ваш папенька, – выпалил Алексей, театрально поклонился и пошел по направлению к набережной.

– Алексей, постойте!

Он не обернулся. Она побежала вслед, впилась в его рукав с отчаянием человека, на которого косо глянуло солнце, скривилось и спряталось за тучи.

– Неужели ты не понимаешь, что значит для меня бросить всё ради тебя?! Ты не лишаешься ничего, а я переворачиваю всю свою жизнь с ног на голову, теряю абсолютно всё, становлюсь проклятой семьёй!

– Я понимаю только, что ошибся в вас. Я думал, что вы, наконец, откроете глаза и увидите, в каком болоте находимся все мы, что всё, что делают *они* – не важно, мир катится в бездну, а вы думаете о приличиях, о семье, которая вас не ценит, о литературе... Это жизнь, милая!

– Как легко говорить так, когда вы не на моём месте!

– Прекрасно, что я не на вашем месте избалованной барыньки. Прощайте, Елена Аркадьевна. Нам, видно, идти в разные стороны. Доживайте свой беспутный век в компании почитателей старого режима.

Он развернулся и понёсся к мостовой. Елена оглушено стояла на месте и чувствовала, как всё её существо разрывается пополам. На шее через прозрачную кожу бешено пуль-

сировала вена. Через несколько минут, пролетевших долго и мучительно, она повернулась к арке и медленно побрела по широкому тёмному проходу. В голове у Елены не пронеслось никаких мыслей, тело плохо слушалось. На плечи навалилась усталость, будто она не спала месяц. Она только и думала: «Всё, всё, всё...» Палящее солнце, минуту назад казавшееся приветливым, с такой жестокостью светило в глаза, что на них выступили слёзы. Узкое платье сдавливало тело, причиняя боль.

Глава 12

По грузно-серому небу устало плелись тёмные, едва заметные облака, и только у далёкой линии горизонта размазанной линией блестел бледно-синий кусочек неба. Кое-где, там, где солнечные лучи пытались пробиться сквозь завесу туч, серебрились облака. Свирепый ветер, точно ненавидящий жизнь пёс, с треском бросался в окна, как будто надеясь навредить тем, кто прятался за ними в тепле и неге, но с беспокойным сердцем. Елена с отчётливым безразличием представляла, что природа, как-то откликнувшись на её состояние, полощет стекло дождевыми каплями ей в утешение. Но, помечтав немного у окна, сквозь щели которого прорывались ослабевшие, но ещё лютые, струйки ветра, она вспомнила, что уже конец октября, и фыркнула. Что она возомнила о себе? Разве может царица всего сущего – природа тратить силы на ничтожного человечка с его смехотворными в размере вселенной страстями?

– Что же вы, Елена Аркадьевна, стоите у окна с таким потерянным видом? Садитесь к нам, поиграем в карты.

Эти слова сладким голосом произнесла коротенькая пухлая женщина с приятным, но слишком жеманным лицом, что делало её похожей на переигрывающую свою роль актрису. Мать Александра Жалова, Ирина Владимировна, стала частым гостем в новом доме Грушевых. Аркадий Петрович,

поруговались всё-таки с сестрой, снял другую квартиру.

Приступ раздражения против дочери и желания покарать её прошёл у него сразу, как стало известно, что Алексей Нестеров покинул столицу и уехал в неизвестном направлении. Теперь Аркадий Петрович, так и не помирившийся с Орловыми, вел себя тише и внимательнее по отношению к дочери, но той было всё равно. Что-то ушло из её жизни, какая-то важная составляющая души раскололась вдребезги, и на мир Елена взирала с всё возрастающей апатией.

– О, – рассеянно пробормотала она, – я думаю, вы и без меня неплохо справитесь.

– Ну же, Елена! С вами нам будет куда веселей! – звучным голосом пропел Александр Жалов.

Иногда Елена ловила себя на сверлящей мысли, что возможность стать одной семьёй с Жаловыми как никогда близка к исполнению. Слишком уж частыми стали их визиты друг к другу. Правда, они не злили Елену, а наоборот умиляли. Было приятно, что кто-то заботится о ней и проявляет участие. При более близком знакомстве Александр оказался человеком, не лишённым души. Он истинно любил Россию, восхищался её мощью, но при этом был нагловат и не считал, что обязан жить ради других. Это слегка шокировало Елену, хотя в последнее время она часто размышляла о своей роли в обществе и признавала, что сбита с толку. Думая о том, что всех дворян воспитывают в почтении к традициям, оборачивающимся ханжеством, запрещающим говорить,

но отнюдь не думать о колких темах, она самопроизвольно приходила к выводу, что это только порождает лицемерие и злость. Общество не обсуждало кого-то открыто, но всегда косилось и шепталось за стеной. Супружеские пары задумывались о разводе в крайних случаях и боялись оскандалиться, но частенько заводили при живых спутниках любовников. Раздвоение во взглядах и реальных делах касалось всех сторон жизни.

– Вы сегодня слишком молчаливы, ещё больше, чем обычно, – сказал Жалов, подходя к ней.

Елена устало улыбнулась.

– День такой пасмурный, на душе тяжело.

– Понимаю. Осенняя меланхолия. Матушка тоже болезненно переносит это время.

Елена инстинктивно перевела взгляд на хохочущую Ирину Жалову с бокалом красного вина в полной руке и сама невольно засмеялась. Она согревалась в этот неприглядный день благодаря присутствию людей. Гостиная, освещённая яркими бликами искусственного света, дополнилась лучом её улыбки.

Александр посмотрел на Елену, как котёнок, не знающий, пнут его сейчас или приняты тискать. Второе было предпочтительнее. В глазах его читалась странная смесь страха, надежды и готовности оправдываться при первом же промахе. В последнее время он вёл себя не так разгульно, как вошло уже у него в привычку, и от этого казался взрослее и даже

трогательнее. А, когда Александр выжидательно смотрел на Елену, поблёскивая белками глаз, казалось, что он недалек от того, чтобы, наконец, позволить Амуру проткнуть себя стрелой. Елена казалась такой слабой и потерянной, что в нем неожиданно проснулся надёжный и заботливый мужчина. «Неужели она так убивается по этому Нестеровому?» – удивлённо заползла к нему в голову сомневающаяся догадка, побыла там немного и ушла в небытие, как и многие его мысли проиграв штампам. Всё чаще, глядя на эту грустную девушку, Александр Жалов вспоминал тихий шепот своей матушки: «Породниться бы нам с Грушевскими». Такая мысль в последнее время пленяла его воображение не меньше матушкиного. Было что-то возвышенное, геройское в том, чтобы спасти потерянную красавицу от несчастливой жизни, монастыря или чего ещё похуже... Конечно, это все были лишь думы. На деле Александр, как и прежде, не признавал за собой право создавать семью.

– Как вы рассказываете, Елена Аркадьевна, я чуть со стула не упала! – воскликнула Ирина Владимировна, утирая слезы.

Прodelала она это в ответ на рассказ Елены о своей бывшей гувернантке, прятанной под перину кусочки хлеба, поскольку была уверена, что Грушевские скоро разорятся и ей нечего будет есть. Открывая это сборищу интересующейся ее болтовней, Елена, не испытывающая поначалу эйфории от этой вопиющей, как ей казалось, истории, начала потихонь-

ку посмеиваться и к концу вечера не помнила уже, что вначале казалась мрачнее тучи. Собственный тон в конце концов рассмешил её, и она вопреки всем правилам рассказывающих анекдот самолично посмеялась над собственной шуткой.

– Матушка, – укоризненно покосился на неё Александр, – что вы такое...

– А что?! – с жаром выкрикнула Ирина Владимировна. – Я не могу в компании друзей упасть со стула?!

Раздался хохот, сотрясающий, казалось, даже кружева на туалетах дам. Ирина Владимировна сидела одновременно со смущённым и счастливым видом человека, которому удалось рассмешить окружающих. Даже Аркадий Петрович, не одобряющий обычно «коллективный гогот», улыбнулся, поглядев на дочь. Та отвела глаза. Елена всё с большим трудом переносила его общество. Каким-то краем сознания она понимала, что вырваться из цепких когтей Аркадия Петровича она сможет только замужеством, других путей не существовало, или она не знала о них. Она не раз хотела поступить на высшие женские курсы, но разубеждалась в своих идеях после проповеди родных. Теперь она жалела, что не поступила так, как хотела. Впрочем, ей становилось всё равно.

Не признаваясь себе, она всё ещё надеялась, что Алексей вернётся. Поймёт всё и вернётся. Поначалу она могла думать только о нём, хоть и отговаривала себя казнить прошлым, так жестоко обманувшим ее чаяния. Но прошло уже пять

месяцев, а он и духу не казал в Петербург, и даже Петр не мог с уверенностью сказать, где обитает его друг.

– Последнее письмо он прислал мне три недели назад. На конверте был волжский адрес, – только и смог он сказать на мягкие, но настойчивые расспросы Елены.

«А что ты потеряешь, если пойдёшь за Александра? Многим не везло так, как тебе. Выдавали за стариков или сумасбродов. Алексей не вернётся, так нельзя же свою жизнь погубить из-за человека, который так легко забыл тебя!» – говорил Елене её разум, и она была слишком честна, чтобы спорить с ним. К тому же, похоже, ей нравилась романтическая идея выскочить замуж назло первой любви. И... ведь тётя права... Ничего хорошего из этой партии всё равно бы не вышло...

– Елена, – снова вытащил её из болота голос Александра, – матушка приглашает вас в наш дом в пятницу. Будут некоторые интересные люди.

Елена улыбнулась почти так же тепло, как раньше, и позволила Александру принести себе вина.

Глава 13

Алексей Нестеров привык ждать от жизни только испытания. Не веря ни в старый мир, ни во что, что в нём почиталось, он, тем не менее, надеялся на будущее и с надеждой смотрел в него.

Поступок Елены, когда она отказалась бросить всё ради него, был встречен им даже со злорадством. Не в первых думах, не в осязаемых, а где-то в нехоженой глубине человеческих мыслей, оправдались его подозрения против всего дворянского сословия, убеждения, что аристократия России больше не может произвести на свет никого, достойного внимания.

Класс, сделавший его детство и юность беспросветными, посягнул и на нечто новое, то, что ещё не успело стать в глазах Алексея Нестерова таким же выжатым и жалким, как всё прошлое. И этот удар, сумевший ранить того, кто уже привык к плевкам жизни, разжёл в нём старую жажду не только ждать перемен, но и участвовать в них. Когда ничего не предпринимаешь, но обладаешь редкостной деятельностью, испытываешь неудовлетворённость происходящим, и, если это длится и длится, становишься безразличным ко всему. И он окунулся в биение настоящей русской жизни, тесно сойдясь с простым человеком.

Чем больше Алексей включался в идейное течение, тем

чаще ловил себя на мысли, что сделал что-то неверно, и это что-то режет лицо, как ледяные капли отскакивающей от скал воды. Алексей не испытывал должной радости от подпольных собраний, от печатанья агитирующих листовок и вдохновенных речей большевистских ораторов. День ото дня он всё больше тяготился каким-то грызущим чувством несправедливости со своей стороны. И это было мучительно. Ведь несправедливость – главное зло, с которым он собирался бороться всей своей незаурядной натурой. И однажды, вспоминая белоснежную шею, словно вырезанную из мрамора античным скульптором, Алексей, наконец, понял, что подтачивает его. Вина – невыносимое чувство для тех, в ком живёт совесть.

О помолвке бравого Александра Жалова, баловня судьбы и щёголя, о котором вздыхали многие неискушенные девицы, и миловидной Елены Грушевской, мишени охотников за благами путём женитьбы на наследнице, знали все. Сам факт, как водится, держался «в строжайшем секрете» для большего эффекта на оглашении, но это отнюдь не мешало кумушкам всласть сплетничать обо всех аспектах будущей жизни молодых. Назывались возможные препятствия перед браком, некстати вспоминались бывшие увлечения пары (видное место среди них занимало имя Нестерова, и

язычки ломали голову, почему Елена так скоро утешилась), но в целом свет был благодушен и приветлив. Такое блестящее соединение двух богатых родов, двух известных фамилий и просто красивых молодых людей было как нельзя кстати. От этого брака исходила нерушимость традиций, единение разламывающегося дворянства, прелестная легенда о благополучии и достатке. Словом, общество умилилось и застыло в сладком предвкушении праздника, на которое была приглашена половина Петербурга – все наперечёт богатые и счастливые.

Елена не успела опомниться, как оказалось обрученной. Не то чтобы она не хотела этого, но, как обычно происходит, то, о чем она много раз думала без всякого благоговения и вздохов, совершилось неожиданностью. Чувство чего-то неприятного, неправильного преследовало её долго после фееричного события.

В тот вечер Елена вместе с Аркадием Петровичем проводила в огромной квартире Жаловых, заражаясь их хвастовством и перебрасываясь умиленными взглядами с Александром. Елене было крайне весело, она готова была плясать, неудержимо смеяться и петь, что и продемонстрировала, исполнив дуэтом с кухиной Жалова «Утро туманное». Это был не только ее любимый романс, самый терпкий, пронзительный и «русский» из всех, несмотря даже на то, что в нем ни слова не заходило о валенках, добрых молодцах и самоварах. От него веяло чем-то полным и очень печальным, словно са-

ма predeterminedенность несчастливой, тоскливой любви передалась Российской Империи. Пока Елена, как могла высоко, тянула пронзительную мелодию, глаза присутствующих дам не раз заблестели больше обычного, да и сама сударыня Грушевская готова была поклясться, что сердце ее свербело от неподдельной боли. Впрочем, этому действительно была причина, хоть она и присыпалась чем-то отвлеченным – ощущением, что все предрешиено и недальновидно надеяться на счастье.

Перед прибытием гостей Александр, прямой, как струна (возможно, чтобы компенсировать свой не слишком большой рост) глубокомысленно стоял перед зеркалом и ждал, чтобы производимое им впечатление похвалил шныряющий неподалеку лакей. Но тот и не посмотрел в сторону хозяина, занимаясь прямыми обязанностями – высматривая, нет ли брешей в полу. Александр оскорбился и рад был излить свое недовольство работой прислуги подоспевшей матери.

– Да-да, ты прав, мой дорогой, – рассеянно ответила Ирина Владимировна, трогая бровь пальцами и по привычке отпачивая губу. – Но ты скажи мне другое. Что за слухи идут о твоей связи с Марицкой? Слишком рьяно она преследует тебя.

– Ох, мама! – воскликнул Александр, впервые переводя взгляд с себя на мать, благоуханно пристроившуюся за его стройной обнадеживающей фигурой. – Не первый год ты вращаешься, да как еще вращаешься, в свете, и не научилась

не верить сплетням!

– Так это домыслы, ложь? – не скрывая облегчения, спросила Ирина Жалова, встретившись внимательным, любящим и вместе с тем повелительным взглядом с отражением Сашеньки.

– Разумеется! – с жаром подтвердил ее сын. – Что ж, я по-твоему так глуп, чтобы спутаться с девицей? Это же скандал, мама! Мне только этого не хватало для продвижения по службе.

– Ты «путаться», как ты выражаешься (что за вульгарное слово!), не можешь ни с кем. Хотя ты, вероятно, придержи-ваешься другого мнения. Не пристало тебе составлять партию, не достойную тебя.

– А кто ж достоин меня? – засмеявшись, ответил Александр. Поразмыслив и стерев с лица довольную улыбку, он добавил. – Нет, мама, я не намерен жениться.

– Пора, радость моя. Тебе давно уже не двадцать лет. Тем более, как я поняла, в свете тебя всюю сватают за эту отвратительную Марицкую.

– Что ж, коли это неправда.

– Упорные слухи ходят о свадьбе, уж не возьму в толк, кто распускает их. Не знаю теперь, как ты собираешься выкручиваться. Ты скомпрометировал себя, мой дорогой. Говорила же я, не морочь голову девушкам, если не имеешь намерений. А ты снова за свое.

– И что мне делать? – с начинающей пробиваться сквозь

ровное вымытое лицо озабоченностью спросил Александр. – Уехать, быть может?

Ирина Владимировна несколько лет пыталась пристроить сына, потому как не могла контролировать его всецело и надеялась, что будущая невестка пособит ей в этом. Елена Грушевская едва ли не первая из всех кандидаток, появляющаяся в непосредственной близости к сыну, не вызывала у нее ревности. Воображение Ирины Владимировны, дамы весьма образованной и цепкой, рисовало спокойную девушку, смыслом жизни которой станет слежка за мужем и вытягивание его из очередных неприятностей. Вдобавок Ирина понимала, что начинает стареть, и как никогда захотела увидеть рядом с собой маленькое существо, плоть от плоти своей.

– Женись на Елене, – просто ответила она, инстинктивно следя за реакцией сына.

Он сначала прыснул, потом лицо его стало серьезно. Александр повернулся к матери и спросил:

– Ты всерьез думаешь, что мне пора остепениться? Я надеялся, это все шуточки. Родители обожают сватать детей, даже если не хотят, чтобы те ускользали от них.

– Конечно, мой дорогой! Образ твоей безалаберной жизни ничуть не импонирует мне. Женившись, ты поневоле станешь более ответственным.

Как и многие женщины, Ирина Владимировна лелеяла смутную мечту, что дорогой ей человек способен измениться к лучшему.

– Зачем же? – удивился Александр. – Мне вполне нравится моя жизнь.

– Ты прекрасно знаешь, что мне она не нравится.

– Я не верю в брак. Особенно после твоей размолвки с отцом...

– Сашенька, это другое. Мы прожили вместе столько лет и смертельно надоели друг другу. Если мы имеем возможность не жить вместе, но сохранять при этом видимость семьи, в этом нет греха. Так для всех лучше. И ты тоже сможешь сделать так, если захочешь, если станет невмоготу, – ответила она на безмолвное воззвание сына.

– Зачем же соединяться, чтобы потом разъехаться? – гнул свое Александр, но по мягкости своей уже начинал принимать мнение матери.

– А твоя репутация? Ты обретишь безопасность, женившись, пойми. Никто не будет в силах заставить тебя выполнить долг. Уж сколько я вытерпела в прошлый раз, хватит! – прибегла она к последнему, ключевому, аргументу.

Ирина Владимировна после некоторых усилий поймала, наконец, веский довод и могла теперь козырять им. Александр опустил голову, в которую обильно ударила кровь. До сих пор он испытывал неподдельную жалость к той девушке. Мать напомнила ему об инциденте с беременностью незамужней мещанки. Ее отец метал громы, молнии и прочие грозные устрашения, и Ирине пришлось вынуть из ларца все свое влияние и дипломатический талант, чтобы уладить де-

ло, заплатив солидный выкуп и пристроив дочь мещанина за какого-то... Она уже и не помнила, за кого. Спустя время она помнила только обиду на сына и отвращение за всю нечистоплотность истории. Именно с того момента она возымела желание окрутить сына и обустроить для него безопасность от подобных притязаний. Кстати пришлось и все прошлые соображения относительно продолжения рода и прочих приятных вещах.

– Что ж я должен делать? – сдался Александр, что незамедлительно почувствовала его матушка.

– Сделай предложения, уж здесь не мне учить тебя. Ты в обольщении кого хочешь заткнешь за пояс.

– А если она откажет?

– Найдешь другую.

– Нет уж, – воспротивился Александр, крутя пуговицу на кителе. – Уж если это необходимо, пусть Елена.

– Так она же отвечает тебе взаимностью, чего ты опасешься?

– Да, – замылся Жалов. – Но это не совсем то, чего я ожидал. По правде говоря, она слишком сдержанна.

– Не бери в голову. Она просто прекрасно воспитана и не бросается на тебе при удобном случае. Этим она, кстати сказать, и нравится мне.

«А ведь матушка, должно быть, права... Мы подходим друг другу, оба красивы и богаты, востребованы, семьи этого хотят, тем более мне пора жениться, а то заманит кто-ни-

будь другой. Как маменька все рассчитала», – бесхитростно, с восхищением и благодарностью размышлял Жалов, пока Елена в красках расписывала его круглолицей двоюродной сестре, как Пронька с царским видом расхаживает по их имению и отдаёт приказания.

Во время гулянья Александр выждал момент, когда медлительная Елена, он знал ее привычку выходить из комнаты последней, чтобы в некоторой степени оказаться незамеченной, осталась в гостиной опустить крышку фортепьяно. Во время выполнения этого важного дела она задумалась о том, как все в отлаженной правильной жизни пошло сложно, стоило только пустить в нее мужчин.

Остальные гости, толпясь и беспрерывно острословя, прошли в столовую полюбоваться экзотическим цветком госпожи Жаловой. Молодой сын хозяйки медленно семенил к Елене, по пути весело болтая о пустяках – вечере, наряде гостей, их пристрастиях. Поведывая все это, он склонился к Грушевской так низко, как только мог, и, почти касаясь аккуратно подровненными усами ее кожи, зная, что комплементы – ключ к ответному обожанию и владея этой наукой в совершенстве, прошептал:

– Вы так хороши, что у меня иногда захватывает дух и становится страшно – не растворитесь ли вы во мраке ночи, увижу ли я вас завтра? Не так просто казнить эту мыслью, – эти обманчивые в какой-то степени слова показались ему весьма милыми, приятными и свежими. И он преиспол-

нился отрадного чувства собственной значимости и права так обращаться со сливками общества, к которым принадлежал сам.

Елена рассмеялась, борясь с ощущением, что то, что они делают, не очень прилично. Впрочем, у нее были дела важнее, чем казнить себя за пустяки.

– Думаю, вам не стоит думать, что я исчезну, – с неизвестно откуда взявшейся смелостью и игривостью ответила Елена, внутренне дрожа.

В тот самый момент, когда Александр, окрыленный успехом и подмываемый безотчетным инстинктом охотника, собирался запечатлеть права победителя поцелуем, в пустую комнату вошел Аркадий Петрович. Ирина Владимировна настоятельно рекомендовала ему вернуться и проследить, чтобы дети не наделали глупостей, разбавляя неуклюжесть слов многозначительной улыбкой. Аркадий, находясь не в лучшем расположении духа из-за охладившихся отношений с дочерью, улыбнулся в ответ и позаботился о том, чтобы застать их в самый интересный момент.

– Что здесь происходит? – грозно спросил Аркадий, для надежности сжимая кулак. Во второй руке он держал дымящую сигару. – Молодой человек, потрудитесь объясниться!

– Аркадий Петрович, – не смутившись, подхватил Александр. – Я лишь пытался выразить Елене Аркадьевне свое восхищение ее добродетелью и надежду, что могу надеяться на то, что она согласится стать моей женой.

– О! – воскликнул Аркадий Петрович, сразу смягчаясь и делаясь невероятно милым, как это на него находило во время лучших собраний в благородном обществе. – Так это прекрасно, дети мои! Благословляю.

– Только вот Елена Аркадьевна пока что не изволила дать согласия, – пролепетал Жалов, хитро косясь на Елену.

– Как же так, Елена? Столь блестящий кавалер... Впрочем, дадимте ей время, Александр Антонович. Это свалилось на нее неожиданно, и девица в подобных вопросах...

– Я согласна, – тихо промолвила Елена, не поднимая разгоряченного лица.

– Вот и чудно! Поздравляю, дети мои! – восхитился Аркадий Петрович и, поочередно облобызав новоиспеченную пару, скрылся в дверях, имея целью раструбить о внезапно свалившемся счастье кому ни попадя. Елене его поведение показалось наигранным и манерным, и стало противно.

– Вот и чудно, милая, – отозвался Александр, не решаясь больше целовать Елену и ограничившись рукопожатием.

Елена онемела от унижения и лжи и способна была лишь кивнуть, уставившись в пол. Пусть мужчины теперь разбираются, всегда они доставляют только проблемы! Она чувствовала себя чудовищно заляпанной, скомпрометированной, проявившей слабость перед отцом... Хоть бы не вышло кривотолков! Хорошо еще, что застал их отец, он – то сор из избы выносить не станет.

Так вот каково это, получить ещё одно предложение. По-

разительно, что на одно и то же событие она реагирует так различно. Теперь она невеста? Что ж, разве не об этом она думала последние дни, ведь к этому вели все дороги, все улыбочки за спиной и понимающие переглядывания, а у кого-то и вовсе зависть. Так будет лучше. Замужняя женщина больше, чем свободная, защищена. Почему ей нужно было стать защищенной, Елена не знала. Возможно, чтобы самой не натворить глупостей. И еще что-то сквозь спутанные раздумья приятно хватало внутри. Алексей когда-нибудь узнает об этом. Сам он, понятное дело, не будет счастлив без неё. И когда он, воротившись с чужбины и ища поддержки у старых приятелей, увидит её счастье и благоденствие, он пожалует о том, как глубоко и жестоко ошибся. Сознание, что она своеобразно отомстила обидчику Нестерову, преисполнили ее мстительного интригующего злорадства. Так сильно он ранил не только чувства, но и гордость, заставил её колебаться в правильности лелеемых с детства убеждений и едва не погубил её из принципа, только по капризу, пусть и далеко идущему. Пусть мучается теперь не меньше её! Мысль о возмездии заставила Елену унять разгоревшееся желание вернуть всё назад.

Глава 14

Ранним ноябрьским утром 1912 года Елена Грушевская впервые проснулась с теплотой в сердце. Накануне Пётр и Ольга, олицетворяющие в её глазах гармоничный союз, приехали навестить Грушевских. Сделка о покупке небольшой деревеньки возле Степаново была подписана под звон хрустала и благодушный смех Аркадия Петровича. Отец Елены несказанно радовался тому, что дочь подцепила жениха со связями и состоянием, и даже вспоминать не хотел, что чуть не случилось несколько месяцев назад. Теперь – то всё чудно устроилось! Аркадий Петрович вовсе не был глуп, но и представить не мог, что кто-то способен испытывать чувства, отличные от его желаний. Весь мир принадлежал ему, и все окружающие были лишь актёрами, играющими в поставленном им спектакле. Ни на секунду господин Грушевский не подумал, что перед его гордым профилем разыгрывается драма, чьи-то чувства попораны.

С утра моросил неприятный мелкий дождь, который, скапывая за воротник, был способен ухудшить настроение даже закоренелого оптимиста. Елена, со вздохом отойдя от окна, остановилась перед белоснежным платьем, благоуханно раскинутым на кресле. Подол непременно замажется отлетающими от дороги грязными каплями. Они, конечно, поедут на праздник в автомобиле, но переходы... На обеде у родных

Александра ей хотелось блеснуть невесомым атласом, чтобы ни у одного, даже самого злого, глаза не было повода укусить её усмешкой. А грязный подол, знаете ли... Мало приятного, они ведь такие длинные нынче! Женщина никогда не имеет права дать слабину в плане внешнего вида. Особенно – перед толпой лиц, только и живущих толками и возможностью вонзить жало неодобрения в нежную шейку невесты. Придя к этой мысли, Елена ощутила мрачную гордость и обязалась задрать платье хоть до колен, но не замарать репутацию.

После завтрака её мысли понеслись далеко от злосчастного наряда. Лакей с наглыми глазами передал ей письмо, подписанное торопливой ольгиной рукой. Письмо без привычных жеманных изъяснений обожания, письмо до сердца русской женщины, гласило, что Астафины не смогут пойти с Еленой на литературный вечер в один известный клуб из-за болезни Петра.

Елена давно мечтала прикоснуться к петербургской культуре не только пальцами, в восхищении перелистывающими незабвенные страницы, но и лично, пусть издалека; посмотреть, как творцы дурачатся и ведут себя в жизни, пусть в шуме и духоте. Она любила поэзию больше, много больше прозы. Но клубы, помимо поэтов, посещали только избранные, щедро финансирующие сборища литераторов. Литераторы свысока смотрели на меценатов, которым вряд ли было дело до искусства, но терпели. Прав тот, кто платит.

Елена была на нескольких литературных вечерах, устраи-

ваемых известными поэтами, но хотела очутиться там, где с ними можно было говорить, а не только слушать. Разочаровывало то, как её любимцы плохо читали свои собственные стихи. Они должны были проживать написанное, ощущать биение каждого слова. Так что никакого удовольствия от созерцания бесцветно шепчущего что-то творца на сцене Елена не испытывала. Молодёжь, бывало, бесновалась, выкрикивала хвалебные реплики, но создать атмосферу для Елены была не в силах. Ей гораздо интереснее было ночью окунуться в диалог автор – читатель.

Но в места паломничества цвета столичной богемы несмотря ни на что тянуло, и теперь, когда Елена уже могла назвать себя частью новой семьи, оказалось, что это несёт свои выгоды. Жаловы, наивные и хваткие, безумные и добродушные, имели связи. Александр был среди интеллигенции частым гостем, надувал губы и становился интеллектуалом. Сама обстановка требовала. Ничего не скажешь, небрежно стоять перед группой известных в просвещённых кругах лиц и говорить нечто умное непередаваемо приятно.

Дочитав письмо, Елена схватила пальто и, крикнув что-то слугам, выбежала на улицу. Времени до обеда оставалось много, да, если она и не успеет, ничего не случится. Пётр, один из троих появившихся у неё недавно друзей, был болен. Елена не могла притворно вздохнуть и выдать: «Вот жалость, бедняга», измарать ответ с пожеланиями скорейшего выздоровления, доесть завтрак и поехать веселиться. То ли

от природной доброты (хотя есть ли хоть что-нибудь природное?), то ли из нравственности, воспитанной книгами, Елена знала, что должна, и побежала в дождь. В её поступке не было ни досаждающего долга, ни ложного героизма, при котором только и ждёшь похвалы. Была только любовь.

Быстрым шагом долетев до дома, где снимала квартиру молодая семья Астафиных, Елена увидела Алексея, ускользающего в туман. Слух о его возвращении в город, разумеется, уже достиг её ушек, как и любой другой слух о любом другом человеке, но не произвёл, к елениной гордой радости, на неё потрясающего впечатления. Она решила быть счастливой и не вздыхать о том, кто потерян, кто смог выбросить её только из-за глупых убеждений, что она должна была делать, а что ей вытворять не следовало. Ей казалось, что вся эта «вечная любовь» – глупость, раз так скоро пришла в негодность, если они не смогли понять друг друга. Елена с удивлением заметила, что солнце по-прежнему греет, а замерзающие бабочки танцуют на разукрашенных листьях.

«Вздор, кто придумал, что обязательно нужно убиваться из-за любви?» Однако противное чувство под ложечкой всё же зажглось. Она поспешила проскользнуть в парадную, и он, даже если увидел её, даже если хотел окликнуть, остался снаружи. Елена поднялась на третий этаж и постучала в старую деревянную дверь. Сердце колотилось спокойно, хоть и неожиданно подскакивало вверх. Елена удивлялась сама себе. Она начала оживать и была рада долгожданному избав-

лению. Чувствуя себя решительной и загадочной, она закрыла глаза.

Глава 15

Дверь открыла Ольга. Да кто ещё? Не старая же согнутая пополам служанка, приносящая больше забот, чем пользы. Пётр, воспитывающийся в интеллигентной семье со своими странностями, привык рассчитывать только на себя. Получив достойное приданое за жену, он припас его для покупки дома. Пётр работал много и упорно, всеми силами старался помочь людям и ужаснулся бы, узнай, как мало принёс пользы. Впрочем, проработав на государственной службе некоторое время, он разочаровался во всей безжалостной бюрократической машине, частью которой себя больше не представлял. Поэтому скоро они с Ольгой должны были, став помещиками, переехать в собственное имение и уже сладко мечтали о вольной жизни. Не зная, что делать дальше, они решили бежать.

– Елена... – удивлённо протянула Ольга.

– Оленька, что случилось? Почему вы так холодно написали мне, почему не пригласили прийти, удостовериться, что с Петром всё хорошо? Неужели вы не понимали, как это важно для меня?

Ольга, казалось, была подавлена и чувствовала себя виноватой. Так происходило с ней постоянно, даже если упрекали её в нелепости.

– Простите, Елена, я подумала, что у вас не будет сегодня

времени, вы ведь идёте на ужин...

– Да, – протянула Елена, уже сожалея о своей вспышке, – но он вечером, а подготовиться я ещё успею. Для меня никогда не было подвигом собраться за час, я вам не Ада. Что с Петром?

– Воспаление лёгких. Страшно, – понизила Ольга голос, с жадностью хватая сочувствующий испуганный взгляд Елены. – Пойдёмте, он рад будет вас видеть.

Они зашли в небольшую плохо освещённую комнату. Елене в лицо ударил тошнотворный запах лекарств. Пётр, лёжа на спине, пытался выглядеть весёлым, что ему не слишком удавалось. Елене было понятно его желание оградить от страданий жену. Вместе с тем она не могла и помыслить, что будет, если случится непоправимое.

– Петя, милый, Елена пришла проведать тебя.

– Елена, какая честь. Не многие решатся свидеться при таких малоприятных обстоятельствах, – голос его звучал надтреснуто и очень слабо, поэтому даже слушать Петра было мучительно.

– Полно. Мы, я думала, друзья, и это всё. Не говорите ничего. Ваш голос мне по сердцу режет, – сказала Елена, садясь. – Боже, я чувствую себя отвратительно, я ведь даже нечего не принесла вам.

– Перестаньте, я ведь не голодающий. Оленька, ты бы открыла окно, Елене Аркадьевне нечем дышать.

– Нет уж, не хватало, чтобы тебя ещё больше продуло. Ле-

жи смирно.

Пётр был прелестным больным – не замыкался в себе, не жаловался на отвратительное состояние, не отрекался от всего мира и не смотрел злобно на здоровых. Так что Елена, посидев некоторое время рядом с ним и беззлобно сплетничая, перестала бояться. Это было невысказано – не мог Пётр Астафин уйти поздней весной своей жизни. Не могла Ольга, лучшая из людей, остаться вдовой.

Дверь скрипнула, и Елена подумала, что пришёл врач.

– Алёша, ты быстро, – послышался из прихожей благодарный голос Ольги.

Елена не изменилась в лице, только замкнуто подняла опущенные веки на Петра. Тот, если и не отличался психологизмом, свойственным многим литературным персонажам, тупоумием не страдал и смущённо чихнул.

– Вы наверняка знали, что он вернулся.

– А он наверняка знает, что я выхожу замуж. Так чего же нам стесняться?

Петр кивнул, пожалев, что их чаяния относительно счастья Алексея потерпели фиаско. Он не знал целой истории, поэтому не предположил, насколько мучительна может быть эта встреча. В комнату вошли хозяйка и два гостя. Вторым оказался Евгений. Атмосфера неловкости жужжала под потолком, но все, воспитанные в сдержанности, достойно играли свои роли.

Пока Елена, не перемолвившись ни словом с Нестеровым,

занимала Петра чтением вслух, Евгений захватил Ольгу в капкан своих суждений.

– Я не понимаю чего-то, или Елене нравится Алексей? – произнёс он тихо, недоверчиво косясь на Алексея, с которым только что поссорился.

Ольга немного смутилась.

– Да, похоже, так и есть. Надеюсь, это кончится хорошо.

– Хорошо – это свадьбой или расставанием? – усмехнулся Евгений.

Ольга не сразу нашлась, что ответить, и с досадой поняла, что кровь приливает к её щекам чересчур рьяно.

– Они... такие разные, – ответила она вместо явного утверждения.

– Нам пора начать, наконец, – неожиданно изменил курс Евгений.

Ольга осуждающе – грустно посмотрела на него.

– Сейчас мы не можем, Пётр болен. Вы пришли за тем, чтобы агитировать нас? Мы только поженились.

– Сейчас он болен, потом вы будете больны, а потом вам вообще расхочется. Зачем менять что-то, раз получил приданое за жену?

Ольга вновь почувствовала прилив жара к голове.

– Оставьте нас.

– Трусы. Не думал я, что ваши ряды так подкосятся, пока я буду в тюрьме. Даже Алексей несёт какую-то чушь прохождение в народ. Это ведь прошлый век, вы что, не чита-

ли немецких социалистов? Нужно власть искоренять, народ сам ничего не смыслит. Черт знает что, с середины прошлого века ничего нового придумать не в силах. А туда ещё – революционеры!

Больше с Ольгой он не разговаривал. Скоро Елена откланялась и, испытывая противоречивые чувства избавления и недосказанности, вышла на лестницу вместе с напряжённым Евгением. Она уже не испытывала к нему восторженных чувств и вяло отвечала на наводящие вопросы. Нутром, с чуткостью, достигающей небольшого отряда людей, она видела в нём что-то опасное, тяжёлое, что в Алексее несмотря на его непреклонные разговоры не страшило. Искренние, но всё же недоразвитые речи – он верил в то, что говорил, но, стоило ему начать действовать, был смущён и обескуражен тем, что не всё у него получается так, как он мнил. Евгений готов был на всё, чтобы добиться результата, готов был убивать. Не так, как террористы, желающие только справедливости и не понимающие до конца, иногда ввиду своей молодости и даже наивности, на что идут, а по-настоящему, со злорадным признанием необходимости геноцида.

– Я не знаю, где был Алексей. Я не настолько близко знаю его, – процедила она в ответ на заданный собеседником вопрос.

– Он сбежал так стремительно, что обескуражил меня. Похоже, он ударился в политику, но не тем ракурсом, которым хотел бы я.

– Он свободная личность, а не ваш слуга, – не стесняясь, констатировала Елена, приведя Евгения в признающее её правоту озлобление.

– Только один путь правилен и неопровержим. А Алексей с его талантом будет расплыться на ерунду, пытаясь доказать кому-то гиблое дело. Сам говорил, что реформами ничего не решишь, а потом надумал мирно поднять народ на восстание. Народ ничего, ровным счетом ничего не может и не смыслит. Мы, образованные молодые люди, надежда Руси, должны взять быка за рога. Он ведь не одобряет то, что мы хотим, что считаем единственно важным, беленится, когда слышит о случайных жертвах. А они ничто в масштабах страны.

– Чего вы добиваетесь? Того, что вас повесят? – спросила она напрямик, устав подавлять свои истинные вопросы.

Евгений понял, что ходить вокруг да около больше не имеет смысла, поскольку эта девчонка не так паршиво осведомлена, как ему казалось.

– Почему вы все судите так поверхностно? Другие верят, что нас ждёт победа. Раньше я считал, что хотя бы *они* понимают меня. Как оказалось, ошибся. Остались только те, кто давным-давно посвятил жизнь борьбе, правильно отрехшись от мелкого личного счастья. Не за горами время, когда мы будем счастливы общим благом. Только тогда мы достигнем равновесия и равноденствия. Вы не подумайте, что я рассказываю это, потому что вы мне очень приглянулись.

Нет. Я только хочу, чтобы вы передали им мои слова, когда Петр поправится. Чтобы они сознали, что упустили. Пусть не казнятся потом, что мы не приняли этих отступников в свои ряды.

То, что он сказал потом, врезалось в память Елены несмотря на ее недавнее убеждение, что все противоборцы тронувшиеся. Поначалу она приняла его говор за бредни человека со свернутой психикой, но поневоле заслушалась. Как ни старалась она после отогнать воспоминания о том разговоре, ничего не выходило. Она почти ненавидела Евгения, но не могла не признать, что правдой он задел её слишком глубоко. Опять речь о невозможности существовать в том обществе, в котором они жили, заставила Елену усомниться в правильности установки, что каждый должен заботиться о себе сам. Снова и снова, пытаясь вернуться к своему прежнему видению о радикальных движениях, она сама с собой возвращалась к обсуждению той речи.

– Вы думаете, что зла и насилия нет, если вы не видите его и живёте в чистоте и порядке. Вы только слышите об этом, но, пока вас непосредственно не коснулось разложение, будете сидеть сложа руки. А вы загляните в бедные кварталы, вам откроется настоящая, реальная жизнь. Мужчины, спивающиеся от безысходности, женщины, бросающие своих детей в канавы. Загнанные, ничего не смыслящие и не чувствующие животные, живущие по инерции, не думающие даже, что жизнь можно изменить. Грязь, нищета, угнетения,

боль... Со смертью Екатерины Второй не было у нас великих правителей, все только и делали, что долбили Русь. А вы, аристократы – никчёмное, изнеженное племя. Вы плачете, когда взираете на страдания в театре, но морщитесь и проходите мимо, считая себя выше при виде настоящего падения.

Пока Елена оскорблено переваривала лавину его яда, раздражённый неудачами с бывшими товарищами Евгений равно попрощался и ушёл восвояси. Не успела Елена немного опомниться и спуститься на этаж вниз, её окликнул Алексей. Он спешил, догоняя её.

– Елена Аркадьевна, позвольте проводить вас.

Елена безразлично кивнула и пыталась придумать тему для разговора, а в сердце росла тошнотворная пустота и обида. Гордости по силам оказалось отпугнуть любовь. Эти сёстры в её существовании не терпели друг друга. Одна подчинялась, другая брыкалась, справедливо задавая вопрос: «А за что?!» Но Елена не была уверена, что всё ещё испытывает к Нестерову былую нежность.

– Вы... путешествовали?

– Что? Ах, ну, если можно так сказать... Не по Парижу и не по Мадриду, а, как патриот... Вам не приходило в голову, что настоящих патриотов по пальцам можно пересчитать?

– Довольно! – внезапно крикнула она. – Достаточно я слушала ваши разоблачающие пороки общества речи, и на опыте могла убедиться, что вы, такой всегда сдержанный и разочарованный, ничем не лучше остальных. Вы из ненависти к

дворянству ранили меня очень глубоко. А теперь... зачем вы пришли? Посмотреть, умерла ли я без вас?! Как видите, нет, и вполне здорова. Зачем вы пришли? Убедиться, что я по-прежнему думаю о вас? Но вы ошиблись. Вы уже безразличны мне, так как я не отношусь к типу людей, которым нравится, когда их топчут. Не думайте, как вам этого явно хочется, что я страдала всё это время и сейчас брошусь к вашим ногам, заклиная забыть прошлое. Одному вы меня научили – гордости. И за это вам спасибо. А сейчас – до свидания, я сама способна дойти до дома.

Без прежнего трепета высказывая другим обидные вещи, Елена выдохнула и, толкнув дверь, бросилась прочь, боясь, что он догонит её.

Алексей, если и хотел сказать что-то в ответ, слишком долго подбирал слова, и оставалось ему только с грустью смотреть, как она, прямая, как струна, растворяется в темноте мостовой. Может быть, она сказала слишком много правды, а спорить с истиной он никогда не был горазд. Так или иначе, его попытка залатать прошлое провалилась, и он, снова чувствуя разочарование и горечь, не стал объяснять то, что хотел. Его мечты пошли прахом.

Было тихо, и только холодный ветер теребил безжизненные листья на деревьях.

Глава 16

Озлобленная на весь свет Елена, прогнав последнюю надежду, не жалела о своём поступке. В ней говорило появившееся ниоткуда высокомерие, она не могла простить Алексею то, с какой лёгкостью он оставил её тогда, с какой лёгкостью – словно и не было тех страшных месяцев! – вернулся, думая, что одним разговором может залечить раны. С новой страстью, пытаясь окончательно выгнать старую, она окунулась в трясину светских раутов, знакомилась с огромным количеством новых бесполезных существ и всё больше скупчалась.

Елизавета Петровна, по примеру, наверное, Натальи Львовны Орловой, решила коллекционировать знаменитостей. Чаще всего они выделялись странным взглядом на вещи, новомодными идеями, забывавшимися на следующий день. Почти все из них писали стихи, это принимало масштабы настоящей эпидемии. «Стихи сейчас пишут все, кому не лень. И даже те, кому лень», – улыбаясь тому, что придумал остроу, говаривал Аркадий Петрович при случае.

Каждый из посещавших рукотворный салон Елизаветы Ваер пытался стать чем-то лучше остальных, и, довольствуясь свободным временем, оттачивал своё остроумие. Безумный двадцатый век разрушал всё старое, пусть и великое, и в неисчислимом количестве поставлял на арену обсуждения

новое. Никого не интересовало, что это новое некрасиво и безыдейно. Главное – оно было новым. Каждый пытался понять что-то в авангардизме, футуризме, кубизме, и признавал, что «в этом есть что-то». Голый король из сказки Андерсена тихо посмеивался.

– Ленушка, убей меня, я не пойму, что хотят сказать они своими неслыханными картинками! – воскликнула Елизавета Петровна, подводя глаза перед посеребренным зеркалом. – Наверное, я ограничена.

– Знаешь, Лиза, они и сами-то не объяснят тебе смысл своих произведений. Зато какой простор для воображения! Рассматривай, как хочешь, автору это будет только к популярности. Быть может, он ничего такого и не имел в виду, а благодаря твоему взгляду будет выглядеть гением, – безынициативно отозвалась Елена.

Её раздражало современное искусство. Она понимала, что нужно придумывать что-то новое, но новые течения были фарсом, сыном времени, в котором никто не знал, как жить, и пощёчиной старому, тому, что Елена так любила. В споре прогресса и модерна, а, вернее, красоты и оригинальности, она предпочла красоту. И не боялась, как многие её современники, казаться консервативной и отсталой. Раньше ей трудно было научиться высказывать своё отрицательное мнение о чём-то или недовольство кем-то. Если человек попадал впросак, она не смеялась; если говорил вопиющие аморальные вещи, не судила его, а, наоборот, смущалась са-

ма; не старалась обнажать плохое и никогда не судила за глаза. Сейчас всё изменилось.

– Что у них в голове? Неужели это может как-то помочь нам? Искусство ведь должно помогать понять, осмыслить что-то, предложить выход из тупика...

– Лиза, зачем ты приводишь домой этих доморощенных интеллигентов? Мне кажется, что они не спят ночами, а выдумывают какие-то нелепые речи, чтобы здесь озвучить их и получить овации. Не люблю, когда за непринуждённостью выглядывает расчет, себялюбие. Они хотят казаться спокойными, а сами ждут признания и восхищения.

– Ленушка, ты стала слишком строга. Раньше эти люди нравились тебе.

Ленушка пожала плечами, сжала ручку расчёски и в сотый раз провела ей по пышным тщательно уложенным в высокую прическу волосам. Девушка долго творила на её голове маленький шедевр, беспрестанно добавляя в него новые шпильки и завивая непокорные локоны. Но Елена за неимением иного дела занялась именно шедевром на своей голове, в добавок скрупулёзно пудрясь и споря с отражением.

За столом, как всегда, господствовала сумятица. Оживлённая беседа напоминала бой. Откормленные, ни в чём не нуждающиеся люди пытались доказать, что могут и имеют право рассматривать мир с точки зрения униженных и оскорблённых. Каждый кричал, что крестьяне живут ужасно, и с непогрешимым видом предлагал пути решения. Об-

суждение насущных вопросов вошло в моду. Затем наступало время для декадентских бесед в стиле «мы все ничтожны, наше существование бессмысленно» и предугадывания конца света.

– Вот мы сидим тут, – кричал один, вдохновляясь тем, что его слушают, – и радуемся, наслаждаемся обществом друг друга. Но рано или поздно мы все поплатимся за разврат, за свои идеи, за то, что живём в этом страшном веке! Все отошли от церкви, от природы! – добавлял он, отображая жизнь только узкого круга людей, но всё равно говорил «все».

– Да, девятнадцатый век был последним великим веком в истории, – соглашалась Елизавета, озвучивая то, что от неё хотели услышать. – Сколько мы не будем пытаться, останемся только бледными подобиями великих отцов.

Елена закрывала глаза. Её никогда не будоражили утопические разговоры о том, что величие мёртво. В любом времени были грандиозные и мелочные свершения, в любом грязь, кровь, красота и искусство. Таков человек. Только с полёта истории кажется, что прошлый век был спокойнее и чище. «Раньше такого не было», – осуждающе шептался кто-то в углу, смотря, как живут молодые и не понимая, что блага прошлого прошли через фильтр времени.

Темы сменяли одна другую.

– Вот футуристы, – замечал господин в сером костюме, – молодцы. Старое не может дать нам ничего. Мир стоит на пороге великих свершений, и только футуристы понимают,

как пошло всё, что было раньше. Человек только начинает творить историю. Всё, что было раньше – подготовка к настоящему.

Елена, не поддаваясь восторженным крикам, уже тогда считала футуризм нелепым пятном на бумаге времени. Она думала, что оно уйдёт безвозвратно, а классика останется навсегда. Все неприятные порождения времени скатывались с неё, как дождь, не оставляя следа в воображении. Ничто из того, о чём другие спорили днями, её не трогало.

За ужинами у Орловой Елена выносила только разговоры передовой молодёжи о переустройстве мира, не перечила, и иногда даже думала, что кое-кто прав. Но проходило время, а за толками не шло действие. Разговоры и споры быстро утомляли Елену, и она удалялась.

Но потом, когда подобные люди стали появляться и у Елизаветы, Елена начала раздражённо осаждать распалившихся спорщиков. Всё стало казаться ей самодовольной болтовнёй. Елена слушала без презрения только незапятнанных юношей, которых жизнь пока не заставила, подобно многим, сдать. Они кричали о справедливости искренне, обезоруживающе наивно и правдиво. Елене не верилось, что она почти ровесница им.

– Из-за революционеров крестьяне ненавидят нас. Раньше они были терпимее к власти. Это происходит из-за агитации. Придумывают ужасы о наказаниях и голоде, это просто ужасно, – произносила утончённая дамочка, пришедшая

с собачкой, вертящейся на её нежных руках и жалобно скулящей, если кто-то подходил потрогать эту невидаль.

– Агитаторы ничего не придумывают, они просто открывают им глаза. Что в этом ужасного? – отрезала Елена.

– Может быть, им лучше жить в забвенье, – не унималась спорщица, слегка шокированная бескомпромиссностью Елены Грушевской.

– Может, это и правильно. Но бессовестно.

Дама кривилась и сообщала при случае подругам, что невеста дорогого Александра – просто дикарка.

– Какое вы имеете право, сидя в чистой комнате, имея состояние и всё, что нужно для жизни, говорить от лица народа, сочувствовать ему, думая при этом, как провести следующий вечер? Разве вы сами работаете на поле, понимаете их жизнь? – страстно поблёскивая глазами, спрашивала Елена у студента с румянцем от ушей до подбородка. – Декадентские настроения – признак пресыщенности, желание поразить своим ораторским искусством. А кому это нужно? Говори – не говори, ничего не изменится. Все разойдутся по домам и лягут спать, мня себя властелинами мира. Так что лучше спорьте о погоде.

За столом наступало смущенное молчание, студент краснел до корней волос, а Елена тайно была удовлетворена, хотя сама не признавалась себе в том, что с охотой срывает боль и досадливое бессилие перед жизнью на мальчиках, которых втайне уважает за чистую душу и веру в лучшее.

Елену стали опасаться. Быть может, в круге, где она вращалась, были люди, искренне пытающиеся сделать что-то хорошее, но Елена не желала замечать их. Отчасти она выплёскивала свою притупленную вросшую боль на окружающих, но при этом не была несправедливой. Вместе с тем она совершенствовалась интеллектуально, переосмысливая некоторые вопросы. Этому её научил Нестеров, и в подобных дискуссиях она невольно подражала своему незадавшемуся кумиру. Его слова и идеи, хоть и были иногда резкими, никогда не пахли пошлостью, неискренностью и ленью. Он говорил, но и делал. Он хотел помочь людям, а общество, собирающееся у тётки, не могло похвастаться совершёнными благими делами.

Чем они руководствовались, проводя так свои драгоценные вечера? Желанием ли казаться умнее и значительнее, хотением славы и почёта, надеждой, что их идеи кому-то интересны, жажды в споре познать истину или необходимостью быть оригинальными? Эти люди, бесчисленное множество раз говорившие одно и то же на похожих вечерах в похожих гостиных, не вызывали у Елены уважения. Тем не менее, она готовилась связать себя с одним из них, с холодностью наблюдая за изменениями в своей жизни.

Всё в то время было пресыщено, мёртво и гадостно. Ничто не говорило о том, что грядут перемены, настолько сильно в людях застряло бездействие. Или Елене так казалось, поскольку она не видела ничего дальше своего пространства.

Она готовилась прожить свою едва начавшуюся жизнь пресно и тоскливо, выполняя предписанное веками.

Все попытки почти что госпожи Жаловой, потерявшей за столько короткое время двух дорогих людей, вернуть хоть одного из них окончились фиаско. Ада Орлова, дерзкая, твёрдая, неумолимая, независимая в мыслях, а на деле прикованная к матери, была непреклонна. Поэтому теперь Елена прогуливалась по Петербургу с хорошенькой маленькой француженкой.

Она всеми силами старалась интересоваться болтовнёй Аннет о кружевах, фасонах платьев и ханжеских нравах России, где средства ограничения рождаемости используют только артистки. «Если же женщина из благородных заикнётся об этом, непременно оскандалиться. Как ещё за теми, кто говорит об этом, не бегают толпа с факелами! Должно быть, они всё же знают и применяют это, но это так непопулярно и ко всему прочему осуждается церковью», – возмущалась еленина собеседница, искренне расширяя глаза. Елена улыбалась и вставляла приличествующие случаю замечания, а мысли её летали далеко, поднимались гораздо выше шпиля Петропавловской крепости. Она и не подумала тогда, как злободневны были слова новой знакомой; что сама вынуждена будет столкнуться с этим, как только выскочит за-

муж. Тогда же она думала, что всё это вздор, никак не относящийся к *настоящему*.

Они медленно брели по сырой набережной, мало окутанной зимой, и позволяли ветру трепать свои юбки. Солнце же в противовес сверкало так яростно, словно боялось, что кто-то осмелится упрекнуть его в безразличии к изголодавшимся по теплу существам. Со стороны Петропавловской крепости слышались какие-то крики, шум, невнятные ругательства и стоны. Елена призвала Аннет не обращать на них внимания, поскольку демонстрации и студенческие митинги давно стали привычными в столице. Иногда дело доходило даже до баррикад, но правящие круги предпочитали отмалчиваться и продолжать невнятные действия, давая безмолвное поощрение потомкам нигилизма.

Наконец, девушки вышли на площадь и остановились в нерешительном изумлении. Елена испытывала подобное наваждение, когда впервые на своём веку увидела выплывающий из-за ряда невысоких петербургских строений Исаакиевский собор. Сейчас она чувствовала не благодарное восхищение, разжигаемое ей самой до поклонения и нервозности, а ужас. На площади было не протолкнуться. В центре, чуть было не затоптанные напирющей толпой, стояли несколько человек, в одном из которых Елена мгновенно узнала посеревшего Евгения. Его обросшая голова была опущена вниз, а девушка рядом шепотом говорила ему что-то. Её глаза, ненависть льющие в толпу гудящих людей, выдавали полное пре-

зрение ко всем и вся кроме приверженцев её идеалов. Евгений не пытался приободриться, поскольку знал, что живёт последние часы своей жизни, и только перебирал цепи, скручивающие его руки.

Нескоро Елена поняла, что происходит. Глашатай успел уже по традиции обнародовать смертный приговор «студентам, подрывающим основы власти». Народ безмолвствовал. Радикально настроенная молодежь была схвачена и отправлена на исправление в острог, где в холоде и грязи должна была осознать греховность своих порочных мыслей и встать на путь истинный признанием того, что спасти Русь можно только молитвами. «Да, конечно, если молиться, лет через триста господь нас услышит», – съязвила однажды Наталья, чем повергла в транс Ольгу, относящуюся к религии более сочувственно и терпимо, чем большинство её современников.

«Его казнят, – пронеслось в Елене, – расстреляют или повесят, как других революционеров». Страх, злость, отвращение, отказ верить в то, что виделось глазам, соляной волной разъедали её сознание. Тело словно окаменело, а ладони и ступни налились холодом. Только сердце билось горячо и кроваво, раздражая и без того воспалённые мысли. Лишь разум был на удивление спокоен и внимал происходящему с апатией и смиренным приятием. Подобный раскол разума и чувств не был в диковинку Елене. Однако страх всегда обочивался для неё не спасением и разумным выходом, а, в

противодействие природе, безрассудством. Вместо того чтобы внять вящим уговорам насмерть перепуганной Аннет и бежать, она подалась вперёд, натываясь на людские плечи. Она не знала, может ли пострадать из-за своей отчаянной решимости, хотя в глубине души была уверена в собственной неприкосновенности. Эта уверенность, правда, сильно потрепалась в свете последних событий, но не была окончательно стёрта. Возможно, она пожалеет об этом потом, но не сейчас... Только смерть, реальная, стучалась сейчас в глаза, и Елена не могла отойти. Она прошла, как могла, далеко, и наткнулась на сурового солдата, стоящего в оцеплении. Хоть она никогда не считала себя маленькой, посмотрела на него, как на скалу. Группа закованных медленно удалялась.

– Сударыня, дальше нельзя!

– Там мой друг, – пискнула Елена, не понимая, на что и ради чего идёт.

– Сожалею. Отойдите назад. Лучше вам этого не видеть. Ступайте отсюда подобру – поздорову.

– Это что, публичная казнь? – шептала Елена. Ей казалось, что всего русского воздуха ей не хватит, чтобы надышаться.

Солдат мрачно покачал головой и досадливо отвернулся. Эта незапачканная дворяночка вернула его к тем временам, когда сам он был гибок и небезразличен к созерцаемым человеческим мукам.

Елена ошиблась, народу лишь поведали об участии мятеж-

ников, расстреливать же их повели в другое место. Публичные казни вышли из моды «дабы не травмировать тех, кто за ними наблюдает». Зато правительство считало гуманным линчевать людей за мелкие кражи в размере булок и нескольких рублей, а столыпинские галстуки прочно вошли в предреволюционный обиход. Почти все расстрелянные оказывались либо анархистами, либо противниками существующего режима, либо приверженцами какого – нибудь кружка, занимающегося отнюдь не живописью.

Елена, разумеется, знала и о казнях мятежников, и об убийствах вообще, но, покуда её это не касалось, не думала об этом взаправду, роняя отвлечённое: «Ах, это ужасно!»

В толпе сквозь шум непрошенных образов ей удалось различить помертвевшую Наталью. Та стояла неподвижно. Её расширенные до неправдоподобия глаза пожирали солдат с ружьями и иссохшую спину брата. Всем своим существом она как бы пыталась защитить его, но предательские слёзы непрерывно выпадали из глаз и беспрепятственно катились по обветренным щекам. Елене захотелось подбежать к ней, уткнуться в её чёрные волосы и попытаться найти успокоение, лекарство от солёной боли. Но что-то во взгляде бывшей соперницы отшатнуло её.

Заметив Елену, Наталья выпрямилась и направилась к месту, где та стояла, застыв. Наталья чудом не оказалась сейчас рядом с Евгением. Тех, кого недавно так любила, она не желала и вспоминать. «Даже Алексей, презирая высшее об-

щество, таскался на приёмы и охотно влюблялся в аристократочек», – с обиженной яростью размышляла она, позволяя сводному брату втянуть себя в авантюру, закончившуюся предательством одного из «проверенных» людей и долгим следствием. Евгений мог бы выхлопотать для себя каторгу, но этого делать не стал. Из слепой гордости ли, из принципов – было не понять. С Натальей он виделся лишь один раз, да она была так сломлена, что ничего путного сказать не могла. Она не просила его каяться – понимала, что это бессмысленно, что на каторге он всё равно не проживёт долго.

– Что ты забыла здесь? – не заботясь о том, какое впечатление производит, загремела Наталья. – Сиди в своих хоромах!

Елена отшатнулась, по – щенячьи смотря на Наталью распахнутыми глазами и не понимая, в чём её обвиняют.

– Я... что сделала вам? – беззащитно прошептала она, чувствуя себя ещё более несчастной, чем минуту назад.

– Что сделала! Да это ты нас разъединила, – упиваясь мстью, кусала Наталья, разжигая этим остатки не выплеснутой горечи, чтобы хоть немного утихомирить грызущую потерю и ранить ту, после встречи с которой всё пошло прахом. – Неизвестно, где бы мы были теперь, не выбей ты из колеи Алексея.

В Елене накатами просыпалось желание дать отпор, смешанное с безграничной усталостью и отвращением к происходящему.

– Почему же неизвестно? Вы были бы там вместе с Евгением.

Почему Наталья не толкнула Елену под ноги толпе, осталось загадкой для обеих. Наверное, последние остатки гордости и приличия заглушили вспыхнувшую ненависть. Однако глаза Натальи поведали Елене больше, чем самый жестокий жест. В них она различила столько страсти, негодования на неё и одиночества, что в ней пробудилась жалость.

– Наталья, пойте, не нужно так...

Но Наталья пошла прочь, не желая думать о том, что Елена не заслуживает порицания. Перед её глазами стоял только Евгений с завязанными глазами и пули, решетящие его. Внутри неё звучали выстрелы. Сдержанная всегда и со всеми, серьёзная и в работе порой суровая и упрямая, что позволяло возомнить о ней невесть что, глубоко одинокая Наталья была оскорблена тем, что Алексей предпочёл ей белоручку. При том, что она, уж конечно, была красивее. «Мы не для того собирались вместе, чтобы быть похороненными поодиночке», – подумала Наталья, всё ещё чувствуя кипение в венах.

Елена понуро повернулась к Аннет, молчаливо ждущей её.

– Россия всю Европу кормит, – сказала та по-русски, – а люди ваши сытыми не кажутся...

– Вот именно, – сурово признала Елена, – в Европу весь хлеб и уходит. Наши люди его недоедают. Свой собственный

хлеб, понимаете? Вы не думайте, что, если мы питаемся икрой, все слои населения так живут. Поэтому они и бастуют. А вы там, наверное, считаете, что нам заняться нечем, поэтому мы верим Карлу Марксу?

Глава 17

Она вышла замуж за Александра Жалова ранней весной, символизирующей, как ей казалось, начало новой, счастливой жизни. Это было сделано не для того, чтобы броситься из огня в полымя, заставив других ощущать себя виновными в трагедии и чувствовать при этом мрачное удовлетворение (при том, что другие и не подозревали, как ей плохо, заботясь о своих проблемах). Ради будущего.

Стоя в церкви и смотря на блаженствующие лица родных, Елена силилась понять, чему они радуются. Все вели себя с ней как со счастливейшим человеком, поздравляли и смеялись через слово. А Елена, тактично выслушивая поздравления и обнимаясь со всеми подряд, ждала только, когда сможет, наконец, присесть и снять натёршие ноги туфли. Никакого ликования в душе, никакого ощущения сказки и полёта над безбрежными русскими степями, только недоумение и быстрая усталость. Елена старалась не только выглядеть, но и быть весёлой, только вот душа её тихо ныла. Эгоистичное, тягучее чувство, от которого мучительно хотелось избавиться.

Выходя из душной церкви после венчания, Елена с удивлением ощутила забытые за продолжительную зиму цепкие запахи, как будто с прошлой весны прошла не одна жизнь. Возвращение к чему-то настоящему, прекрасному было выс-

шим наслаждением. На улице царил один из тех странных дней, когда силы зимы и весны ещё равны, и в душу закрадывается страх, что весна не выйдет победителем. Ярко-голубое, по-весеннему глубокое небо странно сочеталось с полянами подтаявшего, но всё ещё толстого снега. Ослепительные солнечные блики весело прохаживались по растаявшим пятнам льда на дороге, мешая своим сиянием созерцать всю эту необычную красоту, одно из многих лиц природы.

Молодожёны должны были жить в Петербурге, а на лето уезжать в деревню, так любимую Еленой. Жалов не считал идею всё лето гонять мух блестящей, но с женой спорить не потрудился и с наслаждением великолепного актёра занялся новой ролью любящего супруга.

Александр оставил военную службу после ранения в ногу, нанесённого ему обезумевшим крестьянином и не служил больше, поэтому внешне в жизни Елены должен был наступить счастливейший период. Ей не нужно было даже ждать мужа с военных действий. И она действительно старалась поверить, что всё для неё устроилось как нельзя лучше. «Что мне ещё нужно?!» – спрашивала себя Елена, в очередной раз ощущая внутри неприятное чувство пресыщенности настоящим, которое иногда навещает после плотного завтрака. У неё было всё, что только могла пожелать русская дворяночка в начале двадцатого века, не было только мысли, что всё это ей действительно нужно; что это настоящая жизнь, а не стихотворная абстракция.

Однажды хмурой холодной ночью перед самой свадьбой Елена неожиданно проснулась от внутреннего щелчка, словно услышала пронзительный лай собаки на улице. Но было тихо. Расползающийся по улице снег навевал тоску, а свадьба была назначена на март именно для того, чтобы раскрасить этот месяц. В ночи всё казалось мистическим и страшным, она несколько раз обернулась в одеяло и тщетно закрыла глаза. Ночная тишь разбередила то, что Елена пыталась запрятать глубже, принимая страх за глупость, дрожь за предсвадебную лихорадку, а отсутствие счастья за обычное явление в женских судьбах. «Не все ведь по любви выходят замуж», – хмуро размышляла она, вспоминая сухой шёпот какой-то старой женщины, непринуждённо делящейся с ней опытом. «Смотри, а то ведь в девках можешь остаться», – предупреждала та, зловеще сверкая прорехами зубов и придавая себе жалостливо – морализирующее выражение. Елена вздрогнула тогда, а теперь спросила бы: «А что такого ужасного в этом?»

Той ночью, в страхе и непонятном оцепенении глядя на то, чем стало её земное существование, Елена ужаснулась. Если бы сейчас она имела возможность отказаться, она с лёгкостью, хоть и не без стыда, вернула бы своё слово. Холодная паника тоскливой хандрой опутывала волю. Ей пришлось долго прислушиваться к звукам на улице перед тем, как её сковал тревожный поверхностный сон.

Утром Елена, распознавая боль в руках из-за недосыпа,

долго не могла вспомнить, из-за чего так щемило душу накануне. Её постель вымокла толи из-за слёз, то ли от холодного пота. Однажды так было после того, как на охоте Елена упала с лошади и минуту, прежде чем подоспели друзья Аркадия Петровича, смотрела, как неподалеку ступает раненый волк. Когда его застрелили, Елена ощутила, как только снизу подмоченная соприкосновением с сырой землей одежда наполняется влагой. В тот момент ей стало так жарко, что порозовели щёки, а Дмитрий спросил, не лихорадит ли её.

Когда она, наконец, вспомнила ночное происшествие, это показалось вздором и трусостью. При утреннем свете всё вновь встало на свои места. Она плюнула на себя и отправилась на прогулку в Летний сад. В этом болезненном оцепенении, предшествующем началу новой главы, Елена и жила, не веря в то, что может повернуть время вспять. Дело казалось решённым, установленным, разумеющимся. Она приняла развитие событий и послушно следовала установленным правилам игры. Ей, казалось, что замужество подобно неприятной операции в кабинете врача – необходимость, чтобы в будущем стало легче. Признаками грядущих изменений для неё служили страх, дошедший в свадебное утро до дрожи и бессловесное оцепенение. Она уверена была, что сбежала бы, но вросшее в неё благородство вкупе с долгом и увещеваниями себя самой сковали её тело. Она послушно внимала советам служанок, когда те обряжали её в сложнейшую систему женского шарма, состоящую из чулок, ру-

башки, корсета, панталон, сорочки, льняной кофты поверх корсета, нескольких нижних юбок и, наконец, самого свадебного платья. Сверху образ довершала фата из причудливого кружева. Что и говорить, за красоту женщины платили сполна!

А как отреагировала бы общественность на её отказ? О чём она только думала, когда соглашалась отдать свою руку! Аркадий Петрович, взбреди ей в голову появиться перед предвкушающими празднество родственниками и заявить, что никакого венчания не будет, пришёл бы в ярость, а приглашённые на пир гости вдоволь позлорадствовали. Жизнь, которую Елена замышляла как великолепный дар судьбы, виделась теперь упрощённой. С мужем не роднили её ни длительные беседы, ни водоворот эмоций. Ничего, как будто на заре своего существования со странными для юной девушки пессимизмом и рассудительностью Елена играла надоевшую шахматную партию, пытаясь казаться довольной и раз за разом убеждая себя, что так должно быть.

Против воли душу её не покидало какое-то гнетущее чувство. Как будто она забыла блестящую мысль, от которой зависело её счастье. Что-то определённо было не так, она продолжала жить в тумане, и замужество отнюдь не отогнало его, а только сделало ещё глубже. Просыпаясь по утрам с непривычной болью в теле от недосыпа, поскольку Александр всю ночь ворочался и бормотал во сне, Елена невольно мечтала о своей девичьей комнате, тихой и спокойной, где

она прекрасно высыпалась и вообще делала, что хотела. Но госпожа Жалова понимала, что прежняя жизнь растаяла в воспоминаниях, и теперь она никогда не сможет принадлежать себе до конца. «Какая же я неблагодарная», – с раскаянием думала Елена, когда Александр спрашивал её, почему она так бледна.

– Брось, Саша, тебе показалось, – отвечала она и целовала его в щеку.

Так протекали долгие дни 1913 года, года замужества Елены Жаловой, не слишком счастливые, но и не ужасные, по своему приятные, поскольку Александр не был патриархом, унижавшим жену по каждому поводу. Для него, казалось, вообще не существовало быта и забот, связанных совместной жизнью. Жену он воспринимал, как красивую дорогую картину, и такое отношение втайне только радовало Елену. Мужа – деспота, или страстно влюблённого безумца она бы не вынесла.

Александр мотыльком порхал по дням, смеялся и охотно отвечал на кокетство хорошеньких барышень даже после свадьбы. Он мог обидеть кого угодно без всякого злого умысла, и вообще часто сплетничал и злословил, но не от истинной злости, а, скорее, по какому-то неосознанному желанию походить на тех, кто выглядел остроумными и властными за счёт унижения других.

Часть 2

Глава 1

Август 1914 года. Молодая миловидная девушка стоит в толпе удручённых женщин рядом с невысоким мужчиной и что-то быстро говорит ему, словно боясь не успеть. Янтарный день кажется зловещим, несмотря на свою обезоруживающую красоту. Перрон притихший, присыпанный белой пылью, но людям, поставленным, может быть, в последний раз лицом друг к другу, всё равно. Старые обиды забыты, мелкие препирательства и недомолвки кажутся недостойными и смешными по сравнению с обрушившейся бедой. Многие женщины плачут, некоторые стоят, как оглушенные, кому-то плохо. Мужчины сосредоточены, серьёзны, и, похоже, не рады слезам близких. Но те, кого провожать не пришли, ещё более замкнуты и серы.

– Ты пиши мне, как себя чувствуешь, а, как родится, дай телеграмму в штаб. Сразу же.

– Да, ты только береги себя. Зачем тебе вообще это понадобилось? У тебя же ранение, ты белобилетник.

– Лена, как вы, женщины, похожи! Я не могу остаться в стороне, если Россия в опасности.

– Конечно, мы все похожи! Какой женщине захочется от-

давать своего мужа под пули, а самой оставаться и каждый день трястись за него, ребёнка и себя?

– Не переживай, всё образуется. В Петербурге безопасно, матушка о тебе позаботится...

– Как это успокаивает, правда?! «Матушка о тебе позаботится», – это отговорки у тебя такие?! Саша, как ты не понимаешь, что значит носить ребёнка и не знать, успеешь ли ты произвести его на свет? А тут ещё муж убегает от тебя вместо того, чтобы поддерживать. Да не один мужчина это никогда не поймёт, так хотя бы можно не делать вид, что всё хорошо?!

Александр не догадался обнять жену, а только стоял, хмуро глядя на землю под ногами.

– Ты не представляешь, как мне трудно, – только и ответил он.

– Представляю. Но и мне тоже.

– Не время думать о себе, Россия в опасности.

– Россия? Да самая большая опасность России – власть, которая делает из своих людей пушечное мясо вместо того, чтобы оберегать! Ради чего всё это, ну ради чего?! Ради того, чтобы кто-то сказал: «Ах, эта Россия – мощная страна»? А нам это зачем, нам, людям?! – Елена поморщилась, закрыв глаза.

Подобные беседы перестали быть редкостью между ними с того момента, как возникла угроза участия Российской Империи в конфликте между ведущими европейскими держа-

вами.

– Лена, ну что ты говоришь? Я же не для себя...

– И для себя тоже. Ради ратной славы, да?

– Н-нет, ради родины...

В это время переполненный поезд тронулся с места.

Александр быстро поцеловал жену и прыгнул на подножку.

– Только телеграфируй, когда родится!

Перед лицом опасности Александр Жалов обнаружил в себе бездну ранее неведомых качеств. Казалось, что ему очень важны жена и то, что росло в ней, то, что каким-то образом принадлежало и ему. Ему казалось, не будь войны, он стал бы счастливейшим смертным.

Продираясь сквозь толпу машущих и что-то кричащих женщин, Елена подошла к отполированной машине, последний раз оглянувшись на отходящий поезд и тоскливо усмехнулась.

В последнее время она сама не понимала, как сильно поменялось её поведение. Обычно ласковая, или, по крайней мере, терпеливая, она стала раздражительной. По пустякам бранила слуг, язвила отцу, поднимала брови, слушая чьи-то патриотические речи. Весь мир начал казаться ей безумным, и это было нестерпимо. От своей печали Елена не спешила избавляться, тайно упиваясь ей. Было что-то упоительное в её нереализованном счастье и трагическом положении. Она, недавно выйдя замуж, находила своеобразное удовольствие

в отказе от некоторых знакомств и развлечений, даруемых светом. Если кто-то предлагал ей помощь, она раздражённо отвергала её, оставаясь в одиночестве.

Елена перестала восхищаться мужчинами, грезить о них, как только завеса тайны этих, как ей казалось, загадочных существ сдулась посредством общения с мужем. Ей казалось, что, узнав одного, она узнала их суть, нутро, и оно не слишком ей нравилось. От этого всё совсем опостылело, как будто она давно жила на свете.

Со стороны казалось, что она преданно ждёт мужа с войны и не участвует в многолюдных собраниях из-за разбитого сердца. На самом же деле ей не нужен был никто, включая Александра. Слишком тяжело ей доставалась любовь. Она, конечно, не питала к мужу отвращения – он был слишком красив, чтобы внушать подобные чувства. Скорее, это было безразличное раздражение.

Странные между ними царили отношения, как и любые другие отношения между любыми другими людьми. Необъяснимо по сути, откуда берутся импульсы, слова, жесты, почему ей или ему хочется ответить именно так? Почему чувствуешь именно это почти всегда, но иногда под действием внешних или внутренних причин меняешь своё мнение и начинаешь смотреть на вещи под несколько иным углом?

Александр никогда не ругался с ней, проявляя свои чувства в ровном законсервированном отношении к молодой супруге. Без обожания, как почти ко всем людям, обязанным

в первую очередь восхищаться им. Он ничем не показывал, что она дорога ему. Скорее, всего – навсего приятна. Разве что на людях Жалов был нежнее обычного. И Елена не знала наверняка, что шевелится под его подтянутой наружностью. Но не от этого ей было особенно горько. Ей казалось, что она проживает чужую жизнь, а её настоящую птицы унесли в дальние края чувственности и вознесения.

Несколько месяцев после начала Первой мировой войны, когда страна была охвачена подъёмом задремавшего было патриотизма, Елена проработала сестрой милосердия в Александровском дворце. Её интересное положение не было слишком заметно. Сначала ей нравилось оказывать помощь раненым, сознавать, что женщины не менее мужественны, чем их воины. Но по вечерам, безуспешно пытаясь вымыть из-под ногтей чужую кровь, Елена задавалась вопросом: «Зачем всё это? Зачем война, если она отнимает у людей главное – саму жизнь? Разве не было бы лучше не иметь возможности проявить своё мужество?»

Огромный бальный зал, раньше служивший местом разыгрывавшихся любовных историй, семейных драм и беспечного веселья верхов, стал гигантской палатой. Ежедневно слыша крики раненых, испытывая тошноту от запаха опиума и гниющих ран, Елена всё меньше верила в идею священной войны, необходимой для защиты русских территорий. Ей начало казаться, что ни один клочок земли не стоит человеческих страданий и ежедневного ослабления империи. «Рос-

сия должна была затаиться и ждать, как Англия, а не лезть в пекло, не думая о простых людях», – так думала Елена, и так, скорее всего, сказал бы Алексей, доведись им встретиться.

Однажды, прикованная к одному солдату несколько часов, Елена стала свидетельницей его предсмертной горячки. Это так поразило её, что, закрыв ему глаза, она стремительно двинулась к двери, по пути срывая с себя форму с красным крестом.

– Елена Аркадьевна, куда же вы? Сейчас будет операция, – крикнула ей вслед молоденькая сестра.

– Боже мой, – закричала Елена, повернувшись к ней, – сначала они бросают своих людей на никому не нужную войну, а потом организуют в Царском госпиталь, чтобы показать, какие у нас дочери родины, патриоты! Но ведь можно было избежать смерти, тогда не пришлось бы этих женщин, этих мужчин подвергать испытаниям! Посмотрите, какие хорошие дочери императора – работают сёстрами милосердия! Но лучше бы их отец сохранил жизни свои подданных, не связываясь в войну! Раздел мира, но нам это зачем? Сколько Россия сможет терпеть?!

Видя, какое впечатление произвел на девушку этот монолог, Елена, не отдышавшись, побежала к выходу, задевая по пути койки с больными. Больше она туда не возвращалась – беременность дала осложнения.

Беременность, свалившуюся на неё не как спасение, а как предмет дополнительных трудностей, Елена переносила тяжело, грубила близким, плакала по ночам от разъедающей тоски, и день ото дня становилась всё более похожей на привидение матери. Возможность подарить жизнь человеку она воспринимала с брезгливой паникой. «Мама в родах умерла, может, меня это тоже ждёт», – с пугающим безразличием и даже предрешенностью неблагоприятного исхода размышляла Елена, глядя, как служанки её нового дома кокетничают со швейцаром. Она отдала бы многое, чтобы сейчас с таким же незамутнённым лицом носиться по своей неосознанной ещё жизни, кружиться в вальсе глупых побед и не думать ни о чём по-настоящему страшном. Как хорошо спать в доме матери, быть любимой и лелеемой, и не впускать в свой гармоничный мир мужа, безразличного к душе. Часто Елене снились страшные сны о не родившемся ещё ребёнке, она просыпалась из-за неприятного чувства внутри. Елена не могла спросить близкую женщину об этом. Мать умерла, остальные же, даже Елизавета Петровна, отталкивали её тем, что ничего не понимали и только сторонились её нового беса.

Обычай того времени не позволяли родителям быть откровенными с детьми, в школах преподавали только осно-

вы, поэтому учащиеся сами должны были узнавать подноготные своего существования – то, что скрыто под шелестящими тканями. Нельзя сказать, что невесты совсем не подозревали о том, что ждёт их в браке, но самое интересное узнавалось тогда, когда ничего исправить уже было нельзя. Поэтому нередко пугающая неожиданность и несовместимость вносили сумбур в отрепетированное существование. Самым важным аспектом браков являлись бесчисленные беременности, что изматывало женщин и нередко сводило их в могилу. Елена уже тогда, нося первое дитя, пообещала себе, что не станет наседкой для дюжины ребятишек. Жизнь бурлила и манила, и она надеялась вернуться в неё. Как, она ещё не знала.

Госпожа Жалова не восставала против появления на свет наследника, но надеялась, что дело ограничится им одним. «Как наши матери раз за разом ощущали внутри себя зарождение новой жизни и понимали, что волей-неволей придётся переждать месяцы боли и неудобства, чтобы в очередной раз осчастливить Землю новым потерянным существом? Это страшно – знать, что дитя всё равно появится, даже если ты против. Это тошнотворный тупик, стирающий любые чувства к мужчине. Конечно, потом они любили своих детей... но... вся их жизнь сводилась только к этому! Даже если были изначально в них какие-то амбиции и талант, всё исчезало в браке... А не выйдешь замуж – достигнут тебя бедность или снисходительное презрение общества. Ненавижу, нена-

вижу!»

Когда-то в детстве, когда Елена написала свои первые стихи и с торжественной гордостью принесла их на суд отца, Аркадий Петрович высмеял их. Причём как-то скрыто, внутренне, не показывая явно своего неодобрения, но всё же неизмеримо давая понять малышке – дочери, что это неподобающее занятие.

– Женщина должна не бумагу марать, а детей рожать, – сказал он без злобы, но настолько надменно, как только умел, что Елена, не понимая до конца его слов, убежала в сад и не отзывалась даже на окрики матери. Может быть, именно с тех пор её терзала скрытая, проявившаяся только теперь загнанность и беспомощность, нежелание «детей рожать» из духа противоречия и надежда расквитаться с отцом. И стихов она больше не писала никогда.

Аркадий Петрович презирал всех, кто не входил в его окружение, считая их просто фоном к жизни дворянства, вернее, к своей собственной жизни. Группа изысканных и утончённых баловней судьбы, где-то бездельников, где-то святых, манила его. Лучшие из них не понимали и не принимали внешнего несовершенного мира, прячась за увеселениями, пессимизмом или в созданном самими хрустальном мире. Наиболее талантливые занимались искусством, большинство же всего лишь плыло по течению. Как в простолюдинах застряло неверие в завершении жизни к лучшему, так в дворянах – неверие в то, что они способны изменить что-

то для земледельцев и рабочих. Аркадий Петрович, плоть от плоти своего клана, был похож на английского сноба, утончённого, жестокого в своей убеждённости, брезгливого и отказывающего понимать что-то кроме своих чувств. Он искренне считал, что весь мир должен быть неопишимо рад, что в нём проживает он, господин Грушевский. При этом он был не из тех пошлых эгоистов, которые систематически говорят только о себе. До такой низости его утончённое самолюбие никогда бы не упало. Но он думал о себе, и это было существеннее.

– Прошлого не воротишь, надо жить, как получается, – говорил Елене рассудок, прекрасно воспитанный в мире масок, но приступ раздражения, сжимающий горло, стирал произнесённые вслух истины.

В последнее время Елена, подобно многим интеллигентным людям, относилась к религии более чем спокойно и не спешила утолять тоску у образов. Раньше сознание, что кто-то наверху не оставит, приносило успокоение, но теперь казалось заменителем настоящей жизни, лживой попыткой заставить её погрузиться в туман сознания и не выходить оттуда до смерти.

В это притихшее военное время, изобилующее вспышками недовольства простого люда и смутным страхом за будущее, Елена опять начала вспоминать Алексея. Может быть, окажется её брак удачным, она не думала бы о своей первой любви. Очень часто мы не ценим то, что имеем, и постоянно,

час за часом, грезим о дымчатых берегах возможного. Быть может, союз с Алексеем оказался бы таким же тяжёлым и странным, как и с Александром, но не думать об этом было выше её подорванных сил. Интуитивно она чувствовала вину за то, что не любила мужа, тот был вовсе не плох и относился к ней как к котёнку, которого лучше не трогать, чтобы не получить царапину. Если бы Елена догадалась ради забавы спросить Александра, ради чего он на ней женился, наверняка получила бы в ответ блуждающий взгляд и странную улыбку. Не мог же он поведать ей, что она была на редкость удобна, поскольку не думала ревновать и подозревать его.

Не довелось ей хлебнуть той яркой любви, которая озаряет жизнь переливчатыми цветами солнечной ласки, и в двадцать один год она представляла удручающее зрелище. То исхудавшее тело, которое бродило по опустевшему Петрограду, нельзя было с уверенностью назвать процветающим человеком.

Глава 2

Минул хмурый меланхолик – ноябрь, и в декабре на свет появился наследник двух старинных дворянских семей, наречённый Павлом. Глядя на сморщенный комок, принёсший ей столько страданий, Елена не могла поверить, что носила его под сердцем столько времени, и опасно поглядывала на колыбель, боясь, что он разревётся.

Произошло памятное событие в Степаново, единственном месте на земле, где Елена оживала. Сам дух усадьбы, её непередаваемые запахи и звуки, её неуловимая прелесть, тихие малиновые закаты и трескотня сверчков в сумерках помогли исцелить рубцы на душе.

Впервые встав с широкой постели после рождения новой жизни, Елена омыла лицо от прошлых мыслей, вскинула голову и неожиданно столкнулась с зеркалом. Нельзя сказать, что она поразилась своему взгляду, но что-то в одичавшем отрешённом выражении ясных, но холодных глаз возмутило её. С ожесточением она затараторила: «Жалкая барынька, запертая в своём сознании, когда в мире творится такое... Хватит! Нужно бороться, как все, как бабушка...» – мысленно она дала себе пощёчину, и улыбнулась от сладко разливающегося внутри предвкушения чего-то яркого и грандиозного.

Если до этого её жизнь действительно не имела оправда-

ния, она только искала его и натыкалась на тупики, то теперь всё изменилось. Навсегда. Теперь она не принадлежит себе, но так ведь лучше! «Зачем я себе? Глупая, страдающая от безделья, мнящая, что весь мир отвернулся от меня, что он потерял яркость и никогда не станет прежним, или никогда таким не был, если жизнь пошла не так, как я задумала. Плохо то, что у меня достаточно ума, чтобы это понимать и рвать себя... Да что я, в самом деле?! Думала, начну что-то хорошее, большое, а всё это время только страдала, упиваясь горем и из-за эгоизма не желая даже перебороть это... Ведь возможно справиться с горем, если жаждешь этого. Мне, видно, нравится страдать». Тут она подумала, что слишком жестока и требовательна к себе и не может найти разумную грань, объясняющую своё поведение, но унывать не стала, решив выбросить это гадкое чувство из себя. Елену это даже вдохновило. Теперь она займётся самым лучшим существом, любовь к которому уже разгоралась в ней, как рдеющее пламя свечи в сумраке ночи. А что-то великое, если это вообще имеет смысл, она отложит на будущее.

Когда одержимая молодостью толпа, бредившая Блоком, бежала по петербургским улицам, чувствуя небывалый подъём и безоблачный всплеск поглощающего счастья, Елена просто сидела с томиком стихов на коленях и не понимала, куда они бегут, чему радуются. Между ней и людьми неизменно вставал какой-то барьер, и она не могла жить так, как они. Только теперь она понимала это. Если бы она оказалась

там с ними, пропиталась их эмоциями, определенно вела бы себя так же. Но утром, проснувшись от агонии, снова недоумевала бы их веселью. Она, наверное, была чересчур холодна, зажата. Почти никогда званые ужины, балы не возносили её, не приносили желанные ответы. «Ведь их ликование временно, – размышляла она, – а вечное не снаружи. Его там надо искать. Танцами и весельем его не приблизишь. Хотя, конечно, это отличный способ приятно провести время».

Даже находясь на балу, Елена принадлежала сама себе. Она пыталась влиться в поток тех, кто мог и хотел изменить действительность, стать их частью, но поняла, что что-то отталкивает её, заставляет жить так, как раньше. И вместе с тем она жалела, что не может так же предаваться одной минуте.

Природа родных мест осталась неизменной, но люди стали иными. Или стала другой сама Елена, когда, катаясь с сыном по имению, впервые заметила затравленные взгляды крестьянок, работающих в поле. Одна рябая сутулая женщина с такой ненавистью из-под тяжёлых бровей смотрела на красиво одетую дворянку и её упитанного барчука, что Елена невольно отвела глаза.

– Кто те женщины на поле? – спросила она у глуховатого кучера, уже проехав мимо работниц.

– Знамо кто – девки крестьянские! – ответил он лающим басом.

– А почему там одни женщины?

Кучер посмотрел на неё, как на глупую гимназистку.

– Так мужичьё не войну согнали.

– Боже... – вырвалось у Елены.

Было естественно, что на службу уходят дворяне, но крестьяне... Их жизнь и так была похожа на беспросветный день.

– А кто же хлеб выращивать будет? – Павел на её коленях беспокойно заёрзал.

Кучер зло усмехнулся.

– Это вы у своих министров спросите.

Он жестоко сплюнул на землю и тихо выругался.

Остаток пути Елена молчала, ребёнок, словно почувствовав настроение матери, не вертелся, а только озирался кругом прозрачными глазками.

– Ты когда –нибудь хотел иметь право голоса, чтобы тебя спрашивали, уважали? – опасно спросила Елена хмурого кучера снова.

– Оно бы неплохо, – рассудительно ответил тот, мгновенно подобрев, – да шибко не верится, што мне такое право даст кто-то. Я уж лучше сам, помаленьку.

– Но ты должен бороться, для тебя тогда лучше будет. Сам решать свою судьбу сможешь.

Кучер мечтательно зажмурился и покачал головой.

– Так с чего вы, барышня, взяли, что жизнь лучше будет? Могёт, она ещё хуже и будет. Кто его разберёт. Я уж лучше то, что имею, получше постерегу.

– Нет, Кузьма. Должно лучше стать. Сколько русский народ выстрадал, должен он хоть когда-нибудь оказаться счастливым... после войны что-нибудь обязательно изменится.

Кузьма, раскрыв рот, в котором уже не было нескольких зубов, слушал Елену. Как странно смотрелись они вместе! Беленькая барышня с тоскливыми глазами и кучер, не отмытыми от грязи руками водящий по седеющей щетине на худом лице.

– А что, нравится тебе Государь, Кузьма?

– Хе, что нам до него, барышня? Он себе сам, мы себе сами. Не могёт же он за всеми приглядеть. Каждый себе сам царём должен быть. Ничего он нам хорошего не сделал, если так посудить, – закончил он не совсем логичный монолог.

Елена ответила ему примятой улыбкой.

Хмуро развернулось лето 1915 года. От Александра приходили редкие рваные письма. Ни разу он не написал о том, что мечтает обнять её и сына, что скучает, надеется и верит. В письмах он расхваливал командиров, упивался доблестью русских солдат и ни минуты не сомневался, что эту войну Россия выиграет, словно не было в ней замешано других стран. Муж оказался строптивее, чем Елена надеялась.

Часто, получая эти послания, она расстраивалась. Именно тогда она впервые поймала себя на мысли, что считает

свою жизнь пресной именно из-за того, что муж не сдавли-
вает её своей мощью. Будь он злым, Елена жила бы с надры-
вом, страдала, и через своё страдание, возможно, повзросле-
ла бы. Вообще же её участь казалась ей самой мелодрамой с
незначительными страстишками. Неохотное признание это-
го оставляло в душе налёт досады. Елена, начиная думать
о своей теории, чувствовала себя обезумевшей барынькой
и скрежетала зубами с досады, потом решала, что выглядит
глупо, и останавливалась. Поэтому сейчас, не зная, что будет
делать после войны, когда Александр вернётся, Елена чув-
ствовала себя попавшейся в свой собственный капкан.

Однажды она пожаловалась отцу и получила в ответ недо-
вольный взгляд и искривлённый рот.

– Брак – священное действие, и ты не можешь пенять бо-
гу за то, что несчастлива. Это твой долг. Брак ради продол-
жения человеческого рода, а не для того, чтобы тебе жилось
весело и комфортно. Тем более – что есть любовь? – фило-
софски послал он вопрос небу, закатив глаза к роскошной
люстре. – Сколько же женятся по любви, потом разочаровыва-
ются и живут по необходимости...

Аркадий Петрович был слегка озадачен диалогом с доче-
рью, ведь попросту не знал, что говорить. Но сказать нужно
было, иначе пострадал бы его авторитет. Но дочь с суровым
осуждением смотрела на него, и, стоило только ему закон-
чить, безапелляционно произнесла:

– Я вышла замуж не по любви, и что, моя семья образцо-

ва? Я очень счастлива, отец? – с отчаянной мстительностью и желанием сделать больно этому ухоженному человеку, прямо сидящему на резном стуле и произносящему истины так, словно стал уже властелином всех душ и судеб, спросила она.

В тот раз Аркадий Петрович не нашёл аргументов, чтобы продолжить спор с замёрзшей психикой дочери. Он пожал плечами и решил, что она становится истеричкой.

В то время Елена начала вспоминать некоторые неприятные моменты из занесенного годами детства. Эти видения казались неправдоподобными, припорошенными мистикой и фантазиями, изменившими то, что было на самом деле. Однако Елена верила им, поскольку не могла придумать всё от начала до конца.

Однажды поздним вечером после внушительно ужина с расписными дамами и их спутниками маленькая Елена, разморенная обильными возлияниями и не менее обильной едой, прыгала по коридору, одна из дверей которого вела в родительскую спальню. Она не дичилась, если кто-то из гостей просил родителей показать малышку, а те не без тайной гордости потакали просящим. Аркадий Петрович не любил выказывать дочери знаки внимания и снисхождения, считая воспитание детей немужественным занятием, но иногда делал исключения и даже гладил девочку по волосам. Впоследствии, после смерти матери, Елена постепенно стала более замкнутой, а бесконечно меняющиеся няни не внушили ей надежды на преданность и стабильность.

Укладывать малышку спать никто не собирался – служанки сплотились на кухне, ревностно обсуждая хозяев и проклиная свою постылую жизнь, а мать, обычно зорко следившая за режимом дочери, укрылась в комнате вместе с Аркадием Петровичем и дядей Елены. Девочка, мечтающая снять шерстяную одежду, колющую её, зачарованно наблюдала за игрой свеч на хрустале и фарфоре и смиренно ждала, пока кто-нибудь вспомнит о ней. Ленушка знала, что папа не любит дядю и всякий раз, стоит им встретиться, раздражается и выпивает больше, чем обычно, жидкости из длинноногого бокала.

Наконец, Ленушке надоело ждать. Она подошла к приоткрытой сквозняком двери и стала невольной и вполне надёжной, поскольку ничего не поняла, свидетельницей разговора между разозлённым донельзя отцом и взбаламученной против обыкновения матерью, ревностно теребящей шёлковый платочек в руке и беспрестанно приглаживающей испорченную причёску. Дядя, которого Елена знала плохо, сидел в кресле напротив стоящих родителей и, опустив голову, бормотал что-то, всхлипывая.

– Аркаша, это в последний раз! – кажушимся ниже голосом проговорила Анна.

– В последний?! – рёвом загрохотал её муж. – Сколько это будет продолжаться? Он разорит нас!

– Мы богаты.

– И что? Это повод бросать сбережения на ветер, угождая

твоему порочному слабовольному братцу?!

– Оскорбляйте сколько хотите, только заплатите им, иначе мне одна дорога – за пистолетом! – вмешался брат Анны, впервые поднимая на родственников опухшее лицо.

– Позор. Вы – язвы на теле общества, не лучше убийц, воров и террористов. И этот человек – мой родственник! – поморщился Аркадий Петрович. Ему доставляло определённое удовольствие поносить других в своём доме, зная, что он защищён; что никто не может сказать ему поперёк слово, поскольку в данном случае он действительно прав; что он сможет напоминать об этом Анне при всяком удобном случае. Знал он так же и то, что, погрешая для приличия и поунижав жену, он заплатит её брату – игроку всю сумму, которую тот, потеряв уже к себе всякое подобие уважения, выпрашивал у всех напропалую.

Правда, это не помогло. Через несколько недель Анна надела траур по брату, проигравшему всё окончательно и не нашедшего выхода лучше, чем на самом деле покончить с собой. В тот же вечер эти трое ещё долго спорили о чём-то в спальне, но Елене стало неинтересно. Она только подивилась тому, как выглядела мама. Впрочем, видеть Анну плачущей в этом доме было привычным, и Ленушка тогда считала, что в этом нет ничего ужасного.

Елена беспокоилась обо всём всё меньше. Она отдыхала душой дома, занималась только тем, что было ей близко и понятно. Сначала она надеялась на спокойное счастье пусть и не за любимым, но хотя бы за достойным человеком её круга, взглядов и достатка. Хотя уже с первых дней новой семейной жизни, пробираясь сквозь свой перевернувшийся мирок, она чувствовала неудовлетворённость, как ребёнок, который получил в подарок совсем не то, о чём с замиранием сердца мечтал. Сударыне Жаловой пришлось согласиться, что она не учла свою ранимость и тонкость. Впрочем, иногда по целым дням она веселилась в компании своего спутника. Несколько раз после особенно весёлых застолий, перемешанных с удачными шутками Александра и её самой, ей даже показалось, что она влюбилась в него, так он был мягок, оживлён и приятен во всех отношениях.

Все её родственники остались в Петрограде, переименованном и спутанном. Отец произносил патриотичные речи и даже собирался завербоваться, но как-то упустил нужное время. Мать Александра так тряслась за сына, что не двинулась с места, чтобы выполнить его наказ беречь Елену. «Можно подумать, нельзя трястись в деревне, толку всё равно никакого», – с раздражением подумала Елена и настаивать не стала. Ей хотелось побыть одной, навести порядок

в мыслях, подумать, что она хочет. Война каким-то образом взбудоражила её, и это было приятно – вспомнить, как омертвевшие герои Толстого, что жизнь преподносит сюрпризы.

Одной Елене побыть не получилось, Ольга и Пётр, отголосок далёкого уже, казалось, прошлого, обитали в деревне по соседству. Как обычно при встречах с добрыми друзьями Елену поначалу сковало неверие, что радость созерцания и присутствия способна повториться после всех выдумок, которыми она подвергала себя.

– Елена Аркадьевна, как у вас здесь прекрасно, птицы, цветы! – с Ольги почти стёрлось светское выражение, которое бесчувственные люди принимали за страх. А вот нижняя часть лица по-прежнему выступала вперёд, отчего казалась, что Ольга Астафина несимпатична. Впрочем, любой, кто знал её хоть пять минут, переставал выдумать такие глупости.

– Ах, да... Это всё Аглая, наша ключница. Талантливая женщина, любит порядок, даже меня ругает за безответственность.

Елену что-то кольнуло. словно невесомые призраки прошлого, обступили её дорогие сердцу воспоминания. Правильно поняв причину её блуждающего взгляда, Пётр смущённо кашлянул. Он не мог, да и не хотел, представить себе, что юношеская влюблённость, сводившая с ума двух дорогих ему людей, до сих пор тихо тлеет в сердце у кого-то из них.

Слишком это было... «Нечистоплотно». Пётр поморщился. Пошлые слова не могли отобразить то, что он имел в виду. Тончайшие переливы чувств, высказанные вслух, годятся разве что для базарной болтовни. Елена замужем, Алексей ищет свой путь в урагане внутренней войны.

– Елена Аркадьевна, что же вы не сообщили нам, что приезжаете? Мы с радостью навестили бы вас раньше, – сказал он своим низким голосом.

– Я, признаться, была так слаба после... – она запнулась. Не слишком прилично обсуждать рождение детей с мужчиной. Но от пары, сидящей напротив неё на крошечном диванчике, веяло теплотой и душевностью, и Елена постаралась забыть то, что сейчас казалось несущественным, – после рождения сына...

Раздались удивлённые возгласы, Ольга расплылась в домашней улыбке. В душе Елены смелись последние преграды перед этими чудесными людьми. Оказалось, ей не хватало их в добровольном изгнании. Бывает ведь, что неприятно встречать даже самых преданных друзей после событий, изменивших жизнь. Объяснить это невозможно, да и говорить не стоит – не поймут, да ещё и обидятся. Иногда полезно молчать и просто смотреть.

– Как же окрестили ребёнка?

– Павлом. Умный мальчик, только непоседливый, – в голосе Елены прозвучала естественная материнская нежность, глаза оказались матовыми в свете падающего на них солнеч-

ного света. Она улыбнулась спокойной женской улыбкой.

– И мы тоже детьми порадовались.

– Как? Ох, ну что это я... Вполне понятно, простите. Все родители эгоисты, не могут поверить, что не у них одних могут рождаться дети. Кто же у вас?

– Девочка, Машенька. Хорошенькая, как картинка, – ответила Ольга.

– Может быть, и дети наши подружатся – озвучил Пётр вполне будничную мысль, которая, наверное, проскальзывает в беседе всех родителей.

Так они и проговорили до самого вечера, благодарные за мгновения подаренной радости. В летней небесной дымке уже начали поблёскивать первые тусклые звёздочки, бардовая линия горизонта спокойно потухала перед надвигающимися синими сумерками. Небо грациозно темнело, становясь всё более глубоким, и глаза устремлялись в неизведанную бездну, как будто страстно желая познать неизмеримую тайну красоты. Друзья вышли на террасу.

– Вы посмотрите, какая прелесть! – тихо произнесла Елена.

– Да, – протянула Ольга. – Только здесь и жизнь, в Петербурге такого не сыщешь.

– В Петрограде, родная. – Пётр не смог подавить улыбку.

– Что проку переименовывать, для меня он навсегда Петербургом и останется, – в тонких нотах ольгиного голоса Елене послышался каприз. – Если у них разыгрались патри-

отические чувства, город-то тут причём?

«Живёт с мужем несколько лет и не то, чтобы возненавидеть всех и потухнуть, как прижатая к воде свеча, так она и капризничать научилась! Вот это, наверное, и есть тот брак, который должен быть в каноне», – с восхищением и лёгкой грустью думала Елена, провожая гостей. Спать она пошла с внутренним проблеском, растущим с того дня, когда впервые поняла, что для неё значит тёплый комочек, сопящий сейчас в соседней спальне.

Ради Павла она вынесла столько месяцев безумной боли, отчаяния и безрадостных мыслей, да и после его рождения, прошедшего тяжело, не могла понять, за что так наказана. Но постепенно её любовь к сыну, как и любая земная любовь, распухала, крепла, росла вместе с ним, каждый день неуловимо, но заметно. Она отказалась даже от навязанной ей кормилицы, поскольку природный процесс насыщения ребёнка оказался куда приятнее и безболезненнее, чем отказ от него.

– Неужели все здоровое и естественное порицается в нашем обществе и подлежит уничтожению? – невесело открыла Елена свои соображения Аглае, отсылая кормилицу, дородную русскую красавицу туда, откуда та взялась. Аглая не спорила, а, наоборот, испытывала тайную гордость за хозяйку.

Через несколько дней наедине с Ольгой Елене страстно захотелось раскрыть сердце этой доброй женщине. Начав ис-

поведь с прерываний, уточнений и прятавшихся глаз, она постепенно разошлась и уже рада была, чувствуя, как с неё осыпается старая кора.

– Сколько людей не то чтобы без любви, без элементарной благоустроенности существуют. Так что я должна была быть довольна своим уделом. Но вот парадокс – богатство отнюдь не гарантирует счастья, и только отчаявшиеся бедняки думают, что у нас всё прекрасно. Меня такая тоска грызла всё это время... я и не могла сделать что-то с ней, почему-то ничего не предпринимала, как будто мне это даже нравилось.

– Подумать только... А я ведь тогда чуть не упрекала тебя в легкомысленности. Мне казалось, ты испытывала что-то к Алёше, а замуж выскочила за другого...

– Ну вот, не стоит делать поспешных выводов, основываясь на воображении.

– А ведь я и не предполагала, насколько далеко это зашло у вас... Ты ведь знаешь Алексея – он такой скрытный, особенно если дело касается не одного его.

– Знаю, – помолчав, Елена продолжала. – Иногда я жалею, что просвещена. По-другому бы вела я свою повесть, была бы довольна тем, что подцепила удачного мужа. Ведь большинство женщин, выйдя замуж, довольствуются самим этим фактом. А это ведь такая примитивная точка зрения! На брак, на человеческую жизнь вообще. Лучше быть недалёкой кокеткой и не понимать всего ужаса, который то и дело выглядывает из-под наших будуаров. Если человек ре-

шит философствовать и пойти наперекор сложившейся точке зрения, он обречён на муки.

– Но ведь... – неуверенно запнулась Ольга. – Не бывает всё плохо, дети должны скрасить безрадостность...

– Это у тебя не бывает всё плохо, Оленька. А я... я – это я, какая есть.

Само присутствие близкого сердца отогревало. Скоро Елена уже представляла себя бабочкой, распрощавшейся со сдавливающим коконом. Жизнь с её горечью, заботами и любовью, тяжёлыми мыслями и проблесками радости, продолжалась, и Елена приготовилась войти в её шумную реку, а не отсиживаться, как раньше, на скучном берегу.

Глава 3

В Петроград Елена приезжала всё реже и всё с большей неохотой. Мотание между двумя любимыми местами начало утомлять, и она всё больше тосковала по родным запахам имения своего детства. Невообразимые ароматы дурманящей земли, травы, тихой дымки костра, опалённых солнцем после знойного дня пионов, леса, зеленеющей реки всплывали в её памяти, пока она сидела рядом с цветом дворянства и через щебет птиц в своих мыслях улавливала приглушённую болтовню. Её прежнее увлечение роскошью пропало сразу после того, как она начала понимать природу людей, их страсти и трагедии. Елена решила, что в мире много эгоистичных глупцов и мало души.

Декадентский Петербург, волшебный, ядовитый, благоухающий рассадником искусства и до костей нищий, Елена любила как место своего рождения, но уже в то время начала задыхаться в нём. Ей претила его шаблонная жизнь, где все были ведомыми. Она постепенно переходила на другую дорогу. За красочным миром неги и тоски, бесконечных приёмов и интеллектуальных обсуждений зияла пропасть исступления и унижения человека.

То общество, которое раньше манило своим лоском, теперь казалось пошлым. Большинство из тех, кто, не посвятив себя служению людям, остался в городе, вели те же праздные

разговоры, что и раньше. Жизнь шла вперёд, люди влюблялись и ссорились, а Елене это казалось невероятным в военное время. Она перестала ходить на ставшие редкими собрания, большей частью гуляя по городу или слушая трескотню свекрови. Это тоже не доставляло ей особенной радости, но было предпочтительнее. Угроза городу Петра, которой опасались в первые дни войны, улетучилась, но нервозность в воздухе по-прежнему проскальзывала.

Александр за всё время, проведённое на фронте, приезжал домой нечасто, а в Степаново, хоть оно и находилось недалеко от Петрограда, не заглядывал вовсе. Такое отношение могло уязвить Елену, тем более она ловила на себе неодобрительный взгляд Ирины Владимировны, но, стоило ей заглянуть к себе в душу, она понимала, что нисколько не расстроена, и даже испытывает тайную благодарность.

К Павлу, крепкому весёлому ребёнку, растущему на природе, Александр относился спокойно, что разочаровывало Елену и ещё больше отдаляло её брак от канона. Юношеские мечты о рыцаре, защищающем её от жизненных напастей, со звоном трескались по мере того, как она познавала человека, с которым её связала судьба. И истинный портрет Александра Жалова не слишком нравился его жене. За маской души общества прятался, нервно подёргиваясь, неуверенный в себе боярин, всеми силами старающийся прослыть героем.

– Да, Паша – крепкий мальчик, вырастет воином, – почти равнодушно сказал он и отправился к толпе молодых

девушек, заинтригованно созерцавших его, какая-то нервно рассмеялась. Романтический герой, которых так не хватало теперь тихим женским посиделкам, бередил сердце и толкал на необдуманные поступки. Странно, но такое отношение вовсе не отталкивало Александра. Замерев на минуту, он повернулся и подошел к красивой черноволосой девушке, стоявшей у окна в одиночестве. Прежде чем у Елены, всё ещё держащей на руках сына, мелькнула смазанная мысль, что она знает вполоборота стоящую к ней гостью, Александр негромко произнёс:

– Наталья Станиславовна, вы чрезвычайно похорошели!

«Ах, Наталья, ещё одно звено в нашей странной цепи», – без злорадства и обиды, не памятуя о последней встрече, подумала Елена. «Ещё одно связующее звено с Алексеем», – пронеслись вдогонку нежелательные мысли, но усилием воли растворились.

Не испытывая ревности, Елена скрылась в огромных дверях, чтобы в тихой комнате почитать сыну сказку. Когда мальчик зазевался и начал с нескрываемым удовольствием потирать глазки крохотными кулачками, Елена заботливо накрыла его простышкой – стоял жаркий сентябрь – и вышла на балкон. В лицо ей кинулся, растворив усталость, прохладный вечерний ветер.

Дом, принадлежащий богемным Жаловым, находился недалеко от Александринского театра. Елена могла различить мощный памятник Екатерине Великой. Улица словно

вымерла, хотя было не очень поздно. Серые очертания одного из самых красивых городов мира внушали странную гордость за свой народ, воздвигший такую мёртвую, но совершенную красоту. Елена начала вспоминать время своего замужества, поскольку о том, что было перед ним, зареклась не думать и силилась сдержать данное себе слово.

С момента венчания прошло три года, а Елене казалось, что этого и не было никогда, что это просто правдоподобный сон. В сущности, ей нравилось то, как они живут сейчас – вроде бы семьёй, но в то же время не вместе. Александр, попадающийся ей в блестящих гостиных, охотно нравился и внушал симпатию. Александр, без дела шатающийся по дому в ожидании вечера и срывающий своё нетерпение на домашних, был отвратителен. Не знай она, что его отпуск кончится через несколько дней, терпеть его было бы невыносимо. Как он отличался от спокойного и уверенного Алексея!

Смеркалось, уже почти стемнело. Сине-серое небо, манящее, как перед грозой, светилось первозданной красотой. Она видела такое небо после выхода из Мариинского театра в том же, 1913 году. Тогда оно казалось Елене прекраснее.

Это были последние мариинские гастроли гениальной Анны Павловой. В зале, когда она исполняла своего легендарного лебедя, стояла благоговейная тишина. Елена, сидевшая между мужем и отцом, забыла обо всём, словно не было никого в огромной ложе, кроме балерины и её восхищенной зрительницы.

От предвкушения насыщением красоты, радости, счастья, которые были столь необходимы, холодок пробежал тогда по спине Елены. Раньше она считала гипнотизм сцены экзальтированной выдумкой, а теперь понимала, что не бывает мнений без оснований. Не существовал бы балет столько лет и не вызывал такого преклонения, будь он заурядным зрелищем. Оркестр играл будоражащую мелодию, но вождь занавес всё не открывался. В Елену холодной змейкой закралось сомнение, грозящее перейти в настоящее отчаяние, что он вообще не поднимется. «А вдруг здесь будет только музыка? Но нет, на афише ведь написаны имена исполнителей... И оркестр бы стоял на сцене», – отгоняла она зловерные догадки. Одна за другой мелькали в её разочарованном воображении саднящие мысли. Всё кончено, не видеть ей сказочной картины... Тем сильнее был триумф, когда занавес поднялся и пополз вверх, открывая сцену. Волны аплодисментов перекатились по залу. Какая-то итальянка, сидящая перед Еленой, аплодировала так яростно и долго, что Жалова подивилась, каким образом она не отбила вознесённые к лицу ладони ещё перед первым антрактом.

Это была великая сила искусства, поднимающая душу, сметающая всё лишнее на своём праведном пути. Искусство ведь, в сущности, просто попытка поймать красоту. Оно должно восхищать и манить, а не оставлять в душе непонятный след недоумения, разочарования и досады. Как бы ни старался художник, если в его произведениях не будет кра-

соты, его творчество потеряет самое ценное и классикой не останется.

Руки Павловой изгибались так грациозно, словно действительно были белыми крыльями, всё её гибкое тело светилось грацией и чистотой. Никто не понимал, как она это делает, никто не знал, миф это или реальность, но то, что рукоплескания, сотрясшие высокий потолок огромного зала, были оглушительными, сомневаться не приходилось. С разных сторон срывающимся голосом неслись похвалы и поздравления. Никто, даже самые завистливые и оригинальные зрители, не посмели произносить хулу.

Выйдя после оглушительно представления и ещё не приведя себя в обычное состояние, двое шли по тёмным улицам. Аркадий Петрович не собирался ногами мерить мостовые, и новобрачные остались наедине, чего Елена почти не жаждала. Правда, сейчас скованность перед мужем отошла на несущественное место, и она восхищённо переживала балет заново, не желая поверить, что всё уже закончилось.

Внезапно взгляд Елены вперился в оборванную женщину, тащившую за руку плачущего ребёнка. Эта пара составляла такой контраст с сияющей красотой того, другого, мира, что Елена остановилась, сжав локоть Александра. Было невозможно поверить, как на одной улице уживаются абсолютное благополучие и отчаявшаяся бедность.

– Пошевеливайся, бестолочь, говорила я тебе, нельзя стоять возле витрины!

– Но мама, почему? Там такие красивые фонарики!

– Не будет тебе никаких фонариков, знаешь ведь. Идиот!

Мальчик с грязными щеками заплакал.

– Но я хочу, я хочу, мама!

Женщина в потрёпанной одежде остановилась, и с нескрываемой злобой ударила сына по щеке.

Мальчик завыл. Женщина прокричала, обращаясь к чёрно-синему небу:

– Господи, хоть бы ты прибрал меня! Нет мочи больше мучиться!

– Любезная, что это вы мальчика бьёте? С детьми нельзя обращаться таким образом, – высокомерно вмешался Александр. Елена ещё не выплыла из тумана, но что-то сжалось в ней.

Женщина вскинула на них исступлённое лицо. Когда-то красивое, оно ссохлось и хранило выражение угнетённого бедностью духа.

– А вы, – она пальцем показала на Александра, – проклятые бездельники, какое право имеете мне указывать, что делать?! Ненавижу вас, всех ненавижу! Да одна твоя шляпа моего сына бы месяц кормила! – сорвалась она на сип и закашлялась, пальцем с оборванным ногтем показывая на Елену.

Елена молча протянула ей свою баснословно дорогую шляпку. К таким вещам она не испытывала священного трепета и приобретала их, скорее, чтобы контраст с внутренним и внешним становился гротескным. Это было своего рода

издевательство над собой. Женщина, словно не понимая, что значит этот жест, стояла, как вкопанная, но дрожь в её теле унялась.

– Возьмите, купите мальчику фонарики.

Женщина опасливо протянула руку, всё ещё не веря и боясь спугнуть удачу. Лицо её просветлело.

– С-спасибо, барышня. Не забуду, да хранит вас бог.

И женщина, доведённая до последней степени нищеты и отчаяния, в приступе ярости лупящая собственного ребёнка, сбито зашагала прочь, вцепившись в шляпку как в кусок спасительного золота. Вслед за ней семенил худенький мальчик.

– Боже, как же можно... Как же так... – только и могла сказать Елена. – Они ведь люди живые, такие же, как мы... Почему?

Александр вздохнул.

– Ты не переживай так. Всё делается по воле господа, значит, они и должны так жить.

Елена посмотрела на него с неприязнью, но промолчала.

С того дня она больше не верила разговорам отца, называющего революционеров «порождением дьявола», во всём полагаясь только на собственную интуицию. Поняв, наконец, за что борются те, кто идёт против царя, она больше не осуждала их, не боялась. Она только отошла в сторону. У каждого своя правда, своё горе.

– Если вы думаете, что ваш муж любит вас, а вы сможете ответить ему тем же, вы глубоко заблуждаетесь, моя маленькая прелестница. Так не бывает. Брак и любовь не тождественны. Именно для того, чтобы избежать таких вредных мыслей, я не советую юным сердцам читать книги.

Эти слова с милой ухмылкой и хищным отражением в умилённых глазах произнёс один из друзей Аркадия Петровича Дмитрий Денисович. Тот самый, за которого чаял отдать дочь Аркадий и который скрылся сразу же, как запахло ответственностью. Теперь он реабилитировался и даже стал воздыхателем новоявленной госпожи Жаловой. Он представлялся импозантным аккуратным мужчиной лет тридцати пяти, безупречным монархистом, позволяющим власти немного ослабить тиски и ввести несколько реформ, не более.

От неожиданности Елена чуть приоткрыла рот и осталась стоять со схваченными нотными листами, которые намеревалась отнести Клавдии. С нарастающим пульсом чувствуя, как в ней поднимается, рассыпаясь по сознанию, глухая злоба и стыд за то, что она вообще вляпалась в такое, Елена положила ладонь на грудь. Быстро поняв, что этим жестом она только показала собеседнику своё замешательство, Елена постаралась успокоиться и выглядеть значительно, оса-

живая Дмитрия. Как он мог сказать такое?! Впервые оказавшись в ситуации, где над ней откровенно смеются и делают непристойные намёки, она растерялась настолько, что чуть не начала покусывать губы. «А ведь он прав», – рассудила она, мучительно выдумывая достаточно весомый ответ. Она не помнила, размышляла она над этим вопросом раньше, но ей показалось, что именно так, как он сказал, всё и есть. От этого стало вдвойне обидно. «И этого подлеца я привечала!» – воскликнула она про себя.

До поры ей не трудно было хранить верность Александру – если и были достойные кандидаты на пост ничем не связывающегося любовника, Елена останавливала всех льдистостью и безразличием. Кровь в ней не бродила, как у некоторых страстных женщин, которых она никогда не осуждала, но понять не могла. Она казалась невозмутимой и даже скучной, а общество предпочитало мимолётные ничего не значащие связи, не требующие усилий. Ей же нужно было что-то более глубокое и чувственное.

– Что же вы молчите, прекрасная Елена? Соглашаетесь со мной, но не хотите быстро сдаваться?

Елена, конечно, привыкла ждать от мужчин инициативы в любовных, да и во всех других сферах, но такое было чересчур! Пока Дмитрий целовал ей руки и преподносил билеты в оперу, никакого неудобства она не испытывала.

– Вы только повторяете чужие изречения. Какое вы имеете право рассуждать обо мне и моей жизни? И тем более

говорить об этом?

– Ах, это для вас запретная тема. Прошу извинить меня. Но, полагаю, она не так противна, как вы хотите изобразить.

– Я ничего не хочу изобразить!

– Но, согласитесь ведь, я прав.

– Меньше всего терплю людей, мнящих себя пророками и мудрецами.

Елена разошлась не на шутку. Уязвлённое самолюбие, треснувшее в соседстве с предложениями о любовной связи с этим человеком, опротивевшим ей в одну минуту, требовало сатисфакции.

– Не забываетесь, Елена Аркадьевна.

– Какое я дала вам право так обращаться со мной?! Никакого поощрения с моей стороны вам не было, вы для меня оставались лишь другом, пришедшим на помощь в трудные времена.

– Я был для вас приятным, очень приятным мужчиной, вносящим пикантный сумбур в ваше размеренное существование. Не могли же вы думать, что подобные знаки внимания ничего не значат.

– Это в порядке вещей. Многим дамам оказывают знаки предпочтения, но те не обязаны каждому отвечать взаимностью.

– Но вам приятно было ощущать себя желанной и нужной, владельницей чьего-то сердца, – не пожелал сдаваться Дмитрий.

Вновь Елена в изумлении воззрилась на него. Едва ли она всерьёз так считала, но его категоричные речи заставили подумать, что так всё и было. Чувствовать себя искусительницей было выше её сил. Чтобы восстановить душевное равновесие, ей потребуется теперь время и тишина.

– Не смейте так говорить со мной. Есть люди, которые могут позаботиться обо мне.

– Елена Аркадьевна, – проорчал Дмитрий, нежно беря её за трясущиеся пальцы и целуя каждый, – не противьтесь. В вашей жизни так мало истинной страсти, мне жаль вас. Вы слишком хороши, чтобы хоронить себя без мужа. Вы не знаете, что такое любовь. В наше время девушкам не дают об этом должного представления.

– Вы, можно подумать, знаете, – холодно объявила Елена, нетерпеливо высвобождая руку и желая лишь, чтобы их обеих оставили в покое.

– Безусловно.

– Одна ночь? – саркастически усмехнулась Елена.

– Почему же. Можно больше.

Его улыбка показалась Елене хищной.

– А потом дети, сосланные в деревню, и расшатанная репутация, а, может, и вовсе жизнь. Только совсем уж бездушные женщины, по-моему, меняют воздыхателей как перчатки. Я не могу так. Я не похожа на тех, с кем вы меня отождествляете. Меня поразило то, что вы вообще решили, что имеете право предлагать мне подобное. Мне, дочери вашего

друга... – Елена пыталась смягчить резкость уклончивыми словами и покрывалась розовыми пятнами, будто сама предложила ему нечто непристойное.

– Не будьте ребёнком, дорогая. Я только хочу помочь вам.

– Прошу вас оставить меня, – с отвращением отрезала Елена, поворачиваясь к Дмитрию спиной.

Он сдержанно поклонился, не высказывая в полной мере своего разочарования, и прошептал что-то о времени. Не испытывая сладости мести она, уставившись в пол, ждала его удаления.

Елене стало невыразимо стыдно за то, что она считала этого человека другом, что позволяла ему любезничать, а себя мнить настоящей взрослой женщиной. Несмотря на всё своё безразличие к пустой жизни она каким-то образом позволила ему явиться сюда и считать её своей возможной любовницей. «Как противно», – подумала она. Неловкость на себя, на него, на весь свет не давала ей возможности трезво оценить ситуацию и понять, что она виновата разве что в своей доверчивости.

Глава 4

– Заживём, наконец, не хуже Англии! – тараторила Елизавета, изящно крутя браслеты на руках.

– Да, а главное – дадут вам, наконец, конституцию. Ведь это просто неприлично – двадцатый век на дворе, а у вас только царь и прихлебатели вокруг него. В Германии вас на смех поднимают! – деловито вторил жене Фридрих.

– Фридрих! – прикрикнула на мужа Елизавета. – Как тебе не стыдно!

– Да чему вы радуетесь, тому, что вами теперь мужичьё править будет? – раздражённо, даже с каким-то скрежетом, спросил Аркадий. Лицо у него стало серое, со злыми бездвижными глазами.

Все притихли, радостное возбуждение спало. То, чего ждали многие просвещённые люди, наконец, совершилось. Временное правительство схватило власть, прекратив тем самым бесчисленные годы неуверенности, слабых людей на престоле, засунутые в расписанный стол конституции и убийства неугодных народу правителей. Петроград ликовал, по улицам струились счастливые граждане, совсем как в тысяча девятьсот пятом, поздравляли друг друга, верили, что жизнь, наконец-то, станет лучше. Были, конечно, и недовольные, они хмуро смотрели на остальных и огрызались. Николай Второй, совершивший за свою политическую

жизнь множество роковых ошибок, отрёкся от власти вместе с сыном и братом. Самодержавие пало. Россия, задавленная очередной кровопролитной войной, терпела, как всегда, слишком долго, доведя себя до последней степени голода. Продовольственный кризис вылился в бесконечные вспышки восстаний в разных частях страны, изнеможённые войной и голодом люди отказывались подчиняться власти, которая не думала о них. И вот теперь – свобода, начало новой эры, глоток свежего воздуха. Не будет больше неограниченной монархии, всё равны!

– А что с войной, Фридрих Карлович? – спросила Елена. Последние долгожданные и для неё события туманили, кружили голову.

– Пока не ясно. Вроде бы, продолжается. Хотя, как они её выигрывать собираются, для меня загадка. Страна истощена. Война с Японией, видно, ничему не научила. Нечего было вообще связываться.

– Нечего связываться? – окинул зятя презрительным взглядом Аркадий Петрович. – Да что вы понимаете, вы же – немец! Ваша-то родина войну и начала, а теперь – «нечего связываться»?! Да сидели бы вы в своей Германии, на кой чёрт вы сюда приехали?

Фридрих часто заморгал, но попытался сохранить достоинство. Зятя он давно смутно недолюбливал.

– Может, моя родина и развязала войну, но остальные государства, принявшие вызов, виноваты ничуть не меньше.

Речь же шла о переделе всего мира, верно? Не Германия, если не ошибаюсь, собиралась делить Африку и Индию. Что же касается России, я люблю её всей душой и никогда, никогда, слышите, не отзывался о ней пренебрежительно. А мои слова... Вам их повторит любой приличный человек с образованием.

– А у меня нет образования, по-вашему?

– Каждому своё, – пожал плечами Фридрих. Он был доволен своей речью и произведённым эффектом, потому что даже надменный Аркадий Петрович остыл, но тут же направил свой гнев в другую сторону.

– Что ж, теперь все равны, не так ли? Я, видите ли, имею столько же прав, сколько и мои бывшие рабочие на полях? Сумасшествие, нельзя России смотреть на запад! У нас свой путь, они нам только вредят.

– О, да, папа. У нас свой путь. С мотыгами и косами против ружей и пушек.

Аркадий резко повернулся к дочери.

– Прекрасно. Где ты это вычитала, голубушка? Не подозревал в тебе любви к газетам, и...

– Ты, видимо, вообще не подозревал, что у меня может быть интеллект. Но, как видишь, он есть, причём теперь, когда женщинам дали право голоса, мы его используем. Довольно вы помыкали нами. Теперь не нужно родительское благословение, чтобы выйти замуж.

– Никогда бы не подумал, что моя собственная дочь, на-

бравшись вопиющих идей от каких-то безродных проходимцев, будет перебивать меня, – эти слова он произнёс агрессивно. По правде говоря, Аркадий Петрович в последнее время редко говорил с дочерью, а об её истинных мыслях вообще никогда не имел понятия.

Все притихли опять, только на этот раз не удивлённо, а возмущённо. Даже Клавдия, которой минуло пятнадцать лет, перестала тихо водить пальцами по клавишам фортепьяно. Все в семье знали любовную трагедию Елены, жалели её и оберегали, боясь, что новый удар возродит то время, когда она ходила, как сомнамбула. А Елена в этот момент вспомнила портрет матери, висящий над камином в Степаново – безбрежно грустный взгляд, не светло – грустный, как у умных детей, а до боли тоскливый. Елена не могла долго смотреть в лицо матери, ей казалось, что одним своим появлением виновата перед ней. Не будь её, Анна, ничем не связанная, имела бы возможность развестись с мужем. Хотя... Кто знает. Может, ели бы она хотела, сбежала бы от него несмотря ни на что. Правда, тогда у Елены было бы право пенять матери на то, что та оставила её на попечение отца.

– Спасибо, папа, что разрушил мою жизнь в отместку за то, что я спасла человека от каторги брака с тобой. Сама на ней восемнадцать лет мучилась, – в лице дочери, смотрящей прямо в неподвижные глаза отца, не было любви. Только неприязнь и слабое отвращение, граничащее с безразличием.

Удар был ошеломляющ. Аркадий, красный от праведного гнева, выкрикивал обрывки каких-то фраз, Фридрих безуспешно пытался остановить его. Елизавета поспешно уводила дочь из комнаты. Елена сидела на стуле, прямая, как струна, и без тени страха по-прежнему давила отца взглядом.

В тот же день она уехала обратно в Степаново, решив быть мягче с мужем, потому что он при всей своей схожести с Аркадием и ему подобными казался неплохим человеком и вполне заслуживал любви. По крайней мере, так сейчас казалось Елене. Люди, совершившие необратимый поступок, часто обращаются к последней надежде, веря в неё сильнее, чем она того заслуживает. Елена в этот момент вправду думала, что научится приемлемо жить с мужем, забудет старые обиды, и при всей глубине своей незаурядной натуры не понимала, что всё равно всё останется по-старому. Она порвала слабую связь с отцом, только видимую, но всё же связь, но не испытывала ни раскаяния, ни горечи. Она не вспоминала Рождество дома и куклы, которые тот дарил ей.

Она вспоминала только смерть матери, Аглаю и спину Алексея, когда он уходил от неё на Дворцовой площади. Елена, конечно, помнила и то, как сама через несколько месяцев завершила крушение их расшатавшегося чувства, и это воспоминание било сильнее всех. Она вспоминала и последние слова Алексея: «Доживайте свой беспутный век в компании почитателей старого режима». «Беспутный век». Да,

как он оказался прав, как он всегда оказывался прав! Что она сделала в своей жизни, чем может гордиться? Подобно своей бабушке, но не так поздно, она задала себе вопрос: «Зачем я жила?», и понимала, что ответ всплывёт в сознании только тогда, когда она действительно добьется чего-то, станет кем-то. А пока что... Она жила, подобно почти всем русским женщинам в необъяснимой уверенности, что она в своей собственной судьбе не главная, что её единственное предназначение – плодить таких же слепых, как она сама. Единственный раз, когда она могла перекроить судьбу по своей воле с человеком, ставящим её выше, чем другие, Елена уступила роящимся вокруг неё ядовитыми осами пред-рассудкам, поддалась предательству воли и покорно приняла то, что ей уготовили другие. Внезапно в голове вспыхнула мерзкая мысль: «Какое ещё предательство судьбы? Каждый сам свою судьбу лепит, нечего тогда на неё роптать».

И она жалела обо всём, жалела и чувствовала, как горло начинает болеть перед вулканом прозрачных слёз. Не жалела она только о сыне, и только это существо связывало её с реальностью. Эта любовь, великая любовь матери к ребёнку, перед которой ничто все остальные, грела её обожженную душу.

Глава 5

На следующий день после окончательного, наверное, разрыва с отцом и светским обществом, Елена проснулась с какой-то блаженной лёгкостью. Ласковое мартовское солнце скользило по комнате, озаряя её ненавязчивыми бликами. Елена немного посидела на белоснежных простынях, стараясь не думать ни о чём, но это было непросто. Лёгкость таяла, как остатки снега под крыльцом её старого дома. Недавнюю уверенность, с которой она высказывала отцу правду, сдуло голодным весенним ветром, прорывающимся к ней в комнату через слабую защиту лёгких занавесок. Елену жгла неприятная мысль, что она переборщила с горечью слов, и на самом деле всё было не так пугающе. Может быть, ей просто казалось, что она страдает, может, она просто не рассмотрела счастье? «Да ну, это уже ерунда какая-то. Если счастье наступит, его не пропустишь», – подсказала ей внутренняя мудрость.

В отличие от многих людей, чья довоенная жизнь казалась им теперь вершиной благоденствия, Елена не мечтала возвратиться назад. Она надеялась, что после войны всё будет иначе.

Успокоившись, она потрянула длинными тёмно – русыми волосами, слабыми волнами бунтующими на плечах, и встала с постели, босыми ногами чувствуя приятную прохладу

пола. Хватит уже бояться перерубить узел, давящий на шею, плакать и сомневаться. Так вся жизнь пройдёт, и не заметишь её. Нужно жить и быть сильной. Пусть даже не для себя, но для сына, чтобы через двадцать лет он не сказал ей: «Мама, почему ты плыла к водопаду со всеми?»

Поглядев на обширную коллекцию втиснутых в комод платьев, а затем на корсет, Елена вздохнула. «Зачем всё это? Я не та. Не из тех, для кого богатство и преклонение – главные цели жизни. Мы должны жить просто. Любовники, дорогие ткани, общество, престиж... Пустышка, и я была там». Раньше это возбуждало в ней что-то неестественное, хоть и приятное. Ей нравилось, когда на неё смотрели, ей восхищались. Нравился мир моды, развлечений и цветов. Но она никогда в полной мере не была его частью.

«Закрыты, замурованы в одеяния, как в броню. Эти бесконечные ленты, тесёмки, подкладки... Сколько времени они занимают и для чего нужны? Чтобы мужчины рассматривали нас, как изящную деталь интерьера? А если вечно таскаешь это на себе, откуда возьмется свободомыслие? Душа и тело связаны много больше, чем кажется. Так что удивляться, что круг дамских интересов так узок?» – медленно раздумывала Елена, покусывая кончики пальцев.

От Аннет, приехавшей в столицу Российской Империи ради карьеры мужа, она слышала, что некоторые прогрессивные женщины в Европе уже отказались от этой детали туалета, заменив его более щадящими модификациями. Кажется,

она слышала даже, что одна дама отрезала низ от корсета и со смехом объявила, что собирается носить его только в таком виде. Елене и самой всё больше надоедало это сковывающее тело, а через него и душу, чудовище, доказательство рабства женщин, которому они с гордостью позволяли калечить свои рёбра. С того момента, как она начала мыслить и понимать что-то об этом запутанном мире, она вынуждена была, как и все остальные, утягивать себя, чтобы казаться привлекательнее придирчивым покупателем невест, стараться унять поскрипывание корсета в самые ответственные моменты и жаждать освобождения. Запакованная жизнь вкупе с переломанной судьбой всего её поколения, утонувшего в войне, показалась ей невыносимой.

Сегодня был первый день новой жизни, неизъяснимо пахнущая весна, и Елена просто накинула поверх рубашки летящее зелёное платье без намёка на кружева и жемчуг. Ни чулок, ни нижних юбок она не использовала. Как вдруг это оказалось легко! Не нужно было звать служанку, скучать и вздыхать, пока та с остервенением шнурует непокорные тесёмки, испытывать приступы тошноты при малейшей усталости, полусидеть, полу – бегать и полу – смеяться. Ничто больше не сковывало, не приносило неприятную испарину, не мешало полной грудью пробовать воздух.

За завтраком Павел смотрел на мать с обожанием, и, поймав его взгляд, Елена и улыбнулась и задумалась. Павел внешне больше был похож на Александра, чем на неё, и

каждый раз, глядя на сына, она вспоминала мужа, чувствуя при этом лёгкий укол внутри, словно рушились какие-то неосмысленные надежды. «Он же придет, конечно, придет, и что будет? Даст он мне нормальную жизнь или заберёт Павлушу?» Раньше Александр доставлял ей хлопоты только тем, что вообще был её мужем, и не портил жизнь скандалами, отвратительным характером или карточными проигрышами. Разве только немного...

Он только нависал над ней каждый день и поминутно вызывал вопрос: «Почему ты рядом со мной?» Порой, замечтавшись или забыв на минуту настоящее в театре, она отправлялась в мир вечной красоты и любви. Но, стоило только попасться ей на глаза Александру, блаженная нирвана опала, как сморщенные лепестки с тюльпана. Она вспоминала его колкие шутки, его неряшливость и при этом требования, чтобы дом и костюм чистили до паранойи, странное отношение к ней, смешанная палитра привязанности, удовлетворения от обладания красивой игрушкой и нежелания даже подумать о том, что ей может быть нужно что-то кроме его гладко выбритого лица. Он абсолютно не понимал женщин, но не испытывал из-за этого досады. По правде говоря, он вовсе и не задумывался ни над этим, ни над чем-то ещё.

Но вдруг война и возраст изменили его характер, вдруг она слишком плохо знала его? Она ведь и не пыталась сделать это, прозябая исключительно в своём мире. Он мог стать мстительным, причиняющим ей боль. Этого ей не хо-

телось, потому что он вытащил её из отцовского дома, развлекал, когда исчез Алексей, и Елена по-своему привязалась к нему. Иногда она даже скучала без его жизнерадостности, но, стоило ему вернуться, всё возвращалось на круги своя.

После завтрака Павел в компании няни с криками и плачем отправился купаться, а Елена, не отреагировав на очередную истерику, слишком уж много их стало в последнее время (Павлуша вдруг вспылал лютой ненавистью к воде), пешком отправилась к Астафиным в небольшую деревеньку, когда-то принадлежащую Грушевским. По пути она подмечала неизбежные изменения природы, полутона её настроений. Свежее лицо красавицы-весны вышло из тени холода и расплывалось первозданной прелестью, глядя Елену по волосам нежным ветерком.

Войдя в просторный барский дом, она позвала слугу и стала ждать хозяев. Они задерживались дольше обычного, но это её не насторожило. Сегодня всё было так прекрасно, не хотелось возвращаться к тяжким думам, к которым она была расположена благодаря затуманенному детству и нервозности, унаследованной от матери.

Наконец, к ней вышла Ольга. Елена своей удивительной чуткостью поняла, что что-то случилось. Ольга сжимала губы и была ощутимо взволнована. Её добрые глаза слегка скрылись за тонкой плёнкой слёз. Притворяться Ольга Астафина не умела никогда.

– Боже мой, Оленька, что случилось? – опередила Елена

сбивчивые приветствия.

Подруга посмотрела на неё, как на безнадёжно больного человека.

– Лена, прости мне мою нервозность, я, наверное, просто гипертрофирую всё, но... У вас же был роман, вдруг опять всё вернётся, так бывает... Мы за тебя боимся, ты же замужем...

Елена почувствовала, как по её коже затанцевали тысячи раскалённых иголок, будто она упала в ледяную реку. Иглы бежали вдоль спины от шеи, обжигали сердце неистовым биением.

– Алексей? – уточнила она, сверля Ольгу воспалённым взглядом.

– Да, – и, переведя дух, та продолжала уже гораздо спокойнее. – Приехал два дня назад, гостит у нас, мы его единственные друзья с домом... Ты же знаешь, он боролся против власти, попал в тюрьму на Волге, бежал оттуда, вернулся...

Елена давно подозревала, на что он способен, но всё равно тихо охнула, выпустив из лёгких весь воздух, и теперь не могла отдышаться.

– И что? – тупо спросила она Ольгу.

– Я... мы думали, что тебе это будет неприятно, ведь все твои родные – консервативные дворяне...

– Я как раз и пришла сообщить, что хочу жить так же свободно, как вы, и порвала с отцом. С мужем ещё нет, он ведь на фронте. – Сердце неуверенно прыгало в груди, билось о

рёбра, пытаясь вырваться наружу.

Ольга была поражена.

– Не думала, что ты не считаешь меня способной на это, Оля.

– Я не считаю так, но... Боже, какая ты смелая! – в голосе Ольги чувствовалось восхищение и скрытая гордость.

– Война, на ней вообще люди сходят с ума. Но мне она помогла... Помогла вылезти.

– Так ты уходишь от мужа?

– Я не знаю. Но жить с ним уже не буду. Сейчас же можно развестись, это тебе не прошлый век. В этом плане нам легче.

– Да, но всё равно это не одобряется, тем более, столько нюансов...

– По-моему, мы достаточно говорили о том, что общество никого из нас больше не волнует.

Обе замолчали, не решаясь заговорить о том, с чего начали разговор.

– Он знает, что я здесь? – спросила Елена тихим, не своим вовсе, голосом.

– Я не уверена в этом. Ты ведь знаешь мужчин – о самом важном они говорят в последнюю очередь или забывают вообще.

– Почему ты думаешь, что для него моё присутствие по-прежнему важно? Столько времени прошло...

Ольга не нашла, что ответить.

– Ты так говоришь, словно какая-то трагедия развернётся,

если мы встретимся, – продолжала Елена, сводя брови.

– Мы заботимся о вас.

– Не нужно, мы взрослые люди. И потом, неужели ты думаешь, что он до сих пор думает обо мне? Это смешно, родная. Надо быть оптимистами, но это не должно граничить с глупостью. Тем более, почему ты поднимаешь бучу именно сейчас, а не тогда, когда Пётр был болен?

– Тогда мы не знали всех подробностей, не знали, как далеко вы зашли. Мы не думали, что вы были помолвлены.

– А теперь узнали?

– Да... – неуверенно сказала Ольга, обдумывая, правильно ли будет озвучить свою следующую мысль. – Он, видимо, осмыслил что-то после заключения, потому что радостно встретился с нами и рассказал всё. Он говорил о тебе тепло.

Ольга не увидела, как отошедшая к окну Елена закрыла глаза.

Наверху послышались шаги. Через минуту дамы увидели, как с лестницы спускаются двое рослых мужчин.

– Они не знают, что ты здесь, я Петру не успела...

Но Елена её уже не осознавала происходящее. Она поймала ошарашенный взгляд Алексея, и сквозь подскакивающий стук сердца услышала приветствие Петра. Они говорили что-то, но их голоса отдавались в ней далёким неразличимым шёпотом. Сквозь слёзы, навернувшиеся на глаза, она наблюдала за этой странной сценой с недоверием, боясь, что это лишь видение. Жилы резнула неприятная мысль о том,

что вид у Алексея едва ли такой же безумный, как у неё. Он, то ли научившись за годы политики закрывать свои чувства от посторонних, то ли просто потому, что никаких чувств уже не было, после первого удивления держался достойно.

– Елена... Аркадьевна, приятно снова вас видеть, – произнёс Алексей спокойным вежливым голосом.

И Елена вдруг поняла, что её волнение, предостерегающие разговоры с Ольгой, безумный вид смешны, нелепы и вопиюще глупы. Не бывает так, чтобы отвергнутый мужчина несколько лет только и делал, что думал о возлюбленной, вздыхал по ней и прятал слёзы. Это больше походило на сентиментальный бред, чем на истинную сторону жизни. Призвав на помощь всё своё мужество, Елена ответила, как могла спокойно.

– Добрый день, Алексей Дмитриевич. Где же вы были так долго?

И Елена опять почувствовала, как на щёки жгучей волной обрушивается краснота. «Дура, дура! Что за вопросы?!»

– Путешествовал, – ответил он, смотря на Ольгу. – Ольга Сергеевна, как ваши подснежники?

– Отцвели, – только и смогла вымолвить хозяйка дома.

Комната погрузилась в нервную тишину. Наладить беседу казалось невозможным.

– Алексей был на Волге, там местность не сильно отличается от нашей, – доложил Пётр.

– Петя, это потому, что я был на той же параллели, что и

мы, чуть южнее, – с улыбкой отвечал Алексей, – и в Сибири такая же погода, только зима холоднее, а лето жарче.

Ольга и Пётр рассмеялись. Елена только потёрла лоб ладонью. После первых минут она не в силах была уже осматривать его, было больно и вообще невыносимо, но тлеющей, как на костре, кожей чувствовала его.

Куда уплыли те дни, когда она с безотчётным обожанием, но не желанием раствориться в нём, легко и свободно, как ребёнок, не знающий препятствий, наблюдала за ним?

«Как хороши, как свежи были розы...»

Ей нравилось отыскивать в его чертах следы новых чувств, понимать, как он хорош, и быть уверенной в неотвратимом счастье. Почему же теперь, как будто он перестал быть ей родным, она прямой струной сидит на диване, ощущает небывалую духоту и смотрит куда угодно, только не на предмет своей былой страсти? Ей было досадно, что его приезд разбередил ей душу, она стыдилась себя и поражалась тому, насколько сильно заблуждалась в себе. Его жизнь давно уже оторвалась от неё и течёт своим руслом, неведомым ей. Она не знала, что он думает, насколько изменился за эти годы, получилось ли у него то, что он хотел, покидая Петербург, нашёл ли новую привязанность.

Мало – помалу началась неторопливая беседа, неизменная между людьми, столько лет дружащими. Елена была признательна Ольге за то, что та, обычно менее разговорчивая, чем её муж, поминутно оживляла беседу остротами и уме-

ренным кокетством, так что Елена спокойно могла придаваться тяжёлым думам. Глядя на Алексея, она не могла подавить тающего ощущения в груди, не могла с горечью не посмеяться над своей уверенностью, что всё прошло.

Минуло четыре года с тех пор, когда они виделись в последний раз. Алексей едва изменился – немного похудел, стал ещё более жестким. Иногда, хоть он и находился среди людей, которых любил и уважал (за исключением, может быть, Елены), в его взгляде проскальзывала отстранённость от происходящего и едва уловимая горечь. След не праздного проведённых годов врезался в его кожу, и любой проницательный человек прочитал бы на ней летопись борца. То, за что он боролся, уже давно не вселяло в Елену вечный господский страх и ненависть.

Глава 6

Как не пыталась Елена забытья и зажить непринуждённо, как мечтала, что-то неизменно влекло её в тёплый дом Астафиных. Она ненавидела себя за то, что приезжает к ним и иногда застаёт Алексея одного, но побороть искушение не могла. Часто она спрашивала себя: «Зачем?», но ответить не могла. Пусть не будет между ними взаимности и уважения, ей он необходим, как воздух, как тихие летние сумерки с переливчатым закатом. Она не знала, что будет дальше и не предпринимала никаких попыток, но грезила.

Один раз они все вместе гуляли по влажному степановскому лесу. Впереди бежали Машенька и Павлуша, заливыстыми воробушками смеясь и дразня родителей. Те со спокойной нежностью смотрели на детей, а в гордых улыбках мелькала тайная надежда, что те не совершат их ошибок, обязательно станут счастливыми и найдут своё место в мире.

Пётр как-то сказал Елене, что завидует Алексею из-за того, что тот точно знает, чего хочет, идёт до конца, и, если и сомневается в сделанном выборе, то не бросает всё при первой же трудности. Теперь Алексей имел право непривычно мягко упрекать друга в том, что тот бездейтельно сидит в деревне. Пётр действительно начал лениться, иногда у него даже вспыхивали конфликты с женой. Ольга не могла принять то, что выходила замуж за деятельного человека и ум-

ницу, а теперь вынуждена была смотреть, как он становится безразличен ко всему, чаще произносит заезженные фразы и дольше спит. То, что Елена когда-то мнила политическим кружком, сгнило само по себе, не распадаясь. Его участников разбросало по жизни, а они, видимо, даже не переживали из-за этого.

Пётр воспитывался в пропитанной условностями дворянской среде, создающей неестественный барьер не только между чужими, но и зачастую родными людьми. «Чем легче тебе с другими, тем легче с собой», – говаривал его отец, безобидный почитатель домашней выпечки и клубничного варенья. Пётр рос обожаемым матерью ребёнком, поэтому с детства, видя только добро и справедливость, проявлял исключительную покладистость и доброту. Он любил других, причём совершенно искренне и обиделся бы, если бы ему доказывали обратное, но всё-таки не любил их самозабвенно, как умела Ольга. В душе он всегда оставался любимым малышом и не вышел из своего бессознательного детского эгоизма, которого эгоизмом-то назвать было преступлением. Он не умел навязываться людям и угадывать, что они думают и хотят, никак не выказывая своего желания; а другие, безупречно воспитанные, не могли просить его о каких-то милых мелочах, что он с радостью исполнил бы.

Елена обладала удивительной способностью запоминать такие важные детали, лучше всего характеризующие дорогих ей людей. Теперь она сочувствовала всем им.

Неожиданно, как и любой важный разговор, непонятно вытекающий из множества тем и полутонов озвученных ранее идей, вспыхнула беседа.

– А что, сильно Петербург волновался в феврале? – спросил Алексей. – Мне рассказывали, на улицах демонстрации были, многие радовались и поздравляли друг друга.

– Мы почти всё время после свадьбы здесь провели, и революцию тоже, Лёша, знаешь ведь. А вот Елена была в столице, видела всё.

– Да, была, – неуверенно начала Елена. – Город ликовал. Были, конечно, и те, кто противился. Царь отрёкся и почти сразу с семьёй уехал от греха подальше. Мы и не заметили, так быстро все свершилось.

– Слишком долго ждали. Так долго, что уже не верилось, – сказал Пётр.

– А как закоренелые аристократы себя повели?

– Мой отец ругался на чём свет стоит, не мог поверить, что теперь имеет столько же прав, что и его бывшие крестьяне, – Елена улыбнулась, а с ней вместе и все. Улыбка получилась смутная, едва ли не трагичная.

– Да, не просто свыкнуться с мыслью, что ты теперь не крепостник. – Алексей слегка растягивал слова, блаженно отдаваясь солнцу.

– Лёша, крепостное право отменили, – осторожно сказал Пётр, понимая, что за этими словами последуют пламенные разоблачения. Но подавить искушение поправить кого-то он

не мог.

– Петя, ты как ребёнок! Я подозреваю, через пару лет Машенька будет больше смыслить в политике, чем ты. Сам знаешь, что отмена права никаких привилегий крестьянству не дала, пахали они так же и ненавидели своих помещиков.

Елена вспомнила затравленное лицо той женщины на поле. Что с ней теперь? Уйдет она с семьёй из Степаново? Жив ли её муж? Елена, пытаясь вникнуть в управление имением, немного увеличила крестьянам заработок, но Пронька написал Аркадию Петровичу выразительное письмо, и все её благие намерения пресеклись на начале. Ведь хозяином имения по-прежнему оставался Аркадий, хоть и не собирался жить там. Удивительным было то, что он вообще не выгнал дочь, поругавшись с ней. Сейчас он не думал о Елене, колеся по Европе и догоняя очередную охотницу за его состоянием. Эта женщина мучила его своим несносным поведением, но отказываться от неё он не намеревался.

После рождения сына Елена приобрела привычку обходить свои владения и справляться о том, как живут крестьяне. Она надеялась, что это поможет хоть кому-нибудь. Ранее крестьянский вопрос для неё вовсе не существовал, а, если и существовал, воспринимался, как должное. Однажды она увидела на дворе красивого бойкого мальчика и захотела сделать ему что-то хорошее.

– Как тебе живётся? – спросила она, наклоняясь к нему.

– Голодно, матушка, – просипел мальчик в ответ, утирая

нос грязной ладонью.

Елена помрачнела, погладила мальчика по головке и наградила монетой.

– Нельзя ли сделать что-то для людей? – в тот же вечер обратилась она к управляющему.

– Предоставьте это мне, – отгрызнулся Пронька, презрительно глядя на «хозяйскую дочку».

После этого они относились друг другу враждебно, а Пронька написал Аркадию Петровичу то обстоятельное письмо. В ответе чётко было указано не слушать Елену и не давать ей никаких прав.

– Но теперь – то всё, наконец, изменится? – с надеждой спросила Елена, словно Алексей знал ответы на все вопросы.

Тот впервые задержал взгляд на её лице. В нём, непривычно загоревшем, появилось что-то простовато – крестьянское, как у долго работающих на поле людей. Это было ему близко и понятно, как будто она, забыв напудриться, помогла ему стереть дворянскую истому. В его непримиримых чертах что-то смягчилось.

– Посмотрим, Елена Аркадьевна, – уклончиво ответил он.

– Нет, ты лукавишь, Алёша! – воскликнула Ольга. – Расскажи нам всё, что думаешь, как раньше, прошу!

– Хорошо, только не вскрикивайте, как кисейные барышни. Уж в вас-то этого не капли, чем вы и хороши, – (Елена вздрогнула). – Пока Россия не расчистит трон от всей той нечисти, которая вьётся и сейчас вокруг него, ничто ни на

йоту не продвинется.

Никто не вскрикнул и не возмутился. Все уже привыкли к безапелляционной манере Алексея Нестерова высказывать своё мнение.

– То есть насилие? – Пётр, как ни пытался, не смог сдерживать досады.

– Да, мой милый. Насилию – насилие, иначе мы как после татарского ига оказались в пыльной пустыне, так в ней до скончания века и застрянем. Давно уже пора было революцию поднять. Да не добились ничего декабристы, в последний момент царька испугались. И чего пугаться – то? Если знали, что на смерть идут, смелее бы были!

– Легко так говорить, когда не стоишь перед Зимним дворцом с полком солдат за плечами и не ждёшь, когда тебя бросят в Петропавловскую. – Эти слова Елена сказала без злобы, так что Алексей не обиделся.

– Да, говорить всегда легко, но я не к этому. Я про то, что мы не должны повторять их ошибок, не должны просить царя о реформах, у нас это, как знаете, не проходит даром, хотя бы Кровавое воскресенье вспомните, а те люди даже не вооружены были. Так что единственный способ изменить что-то – не болтать за полированными столами, а отрезать гниющий орган. Не молиться и со страхом ждать расправы, а проявить мужество.

Елена слушала внимательно и не находила, как ни старалась, возражений. В сущности, она полностью поддерживала

его точку зрения, а оспорить её хотела лишь из скребущего чувства противоречия.

– То есть вам мало того, что все уравнились в правах, монархия больше не будет абсолютной или вообще не будет, если только не решат ее возродить... – неуверенно произнесла она, стараясь не смотреть ни на кого. – Вам нужно полностью смести старое, как Базарову...

– Да, нужно, вы совершенно правы.

– Но Базаров плохо кончил, – посмеиваясь, вмешалась Ольга.

– Алексей вновь сел на своего любимого коня. Мне кажется, он никогда не уgomонится, – заметил Пётр, зевая.

– И не заботиться о том, кто построит новую жизнь? Как её построит? Ведь и в старом мире много прекрасного, хоть он и отжил своё, – не унималась Елена, остановившись для удобства.

– Сметём старое, новое само вырастет. Главное – сдвинуть дело с мёртвой точки.

– Но оно уже сдвинулось... – сказал Пётр.

– Я вам говорю, – Алексей начинал терять терпение, поскольку видел в друге неискоренимое занудство, – России этого мало, она всегда жила своей необъяснимой жизнью! Пока высший класс созерцает дягилевские балеты и кричит: «Браво!», народ умирает в нищете. Мы – страна парадоксов, слишком глубоких парадоксов... а ваше временное, на которое вы столько надежд возлагаете, тоже, если хотите, не вы-

брано демократически, так чего удивляться, что его никто не уважает?

Как Елена не хотела думать, что пространные речи Алексея – фарс, это не получалось. В его словах было слишком много правды, и причислять его к обычным клеймителям власти, упивающимся тем, что их слушают и верят, ей не позволяла совесть. Но иногда он переходил грань её терпения.

– То есть, по-вашему, искусство не нужно? – Елена была задета.

– Нужно сначала наладить быт живым людям, утвердить то, что необходимо и первоочерёдно, а уж потом питать душу. Тем, кому нечего есть, вряд ли нужны художники.

– Но ведь искусство помогает людям пережить кризис!

– Не с того конца идёте, – покачал головой Алексей.

– Власть ничего не сможет, если мы сами не захотим перемен, – убеждённо проронил Пётр.

– Удобная позиция – сначала забивать людей, а потом винить их в пассивности.

– Россия, наверное, вообще не та страна, в которой какая – то власть, не важно, какая, может стать избавлением и благом. Любая власть – насилие (кто сказал так?), любая лицемерна и жестока, абсолютно у любой есть противники и почитатели. И, стоит только сбросить прошлую и порадоваться несколько дней, наступает разочарование, и мы ворчливо говорим: «А прошлый царь лучше был». Такова русская,

а, может, и вообще человеческая сущность. Мы спешим к идеалу, и он всегда выскользывает из рук, всегда оставляет в душе странный осадок. И мы только воюем и ненавидим друг друга.

Ольга, поправлявшая на Машеньке платье, произнесла эти слова спокойным неспешным тоном, но все замолчали, так что слышно было только похрустывание веточек наверху. Некоторые деревья протяжно выли, качаясь на ветру, отчего становилось не по себе, словно по лесу бродили духи.

Столь глубокая истина, исходящая от обычной русской женщины, приводила в замешательство и давала столько пищи для ума, что на несколько минут разговор притих. Маленькая Ольга Астафина, больше поглощенная материнским инстинктом, чем желанием произвести на публику ошеломляющее впечатление, добилась того, чего редко удаётся более искушённым художникам слова – согласия со своим мнением и признанием его истинным без всяких оговорок.

– А что, Ольга, воспользуешься ли «ты правом голоса?» – спросил Алексей без насмешки.

– Думаю, здесь мне этого не предлагают, – съехидничала Ольга.

– Вам нравится, что мы получили право голоса? – спросила Елена с тайным страхом.

– Конечно. Я вообще не понимаю, как вы столько времени терпели. Будь я женщиной, я поднял бы восстание и перебил всех мужчин, держащих меня на поводке. Стоит только

удивляться вашему смирению.

– Насколько я помню, смирение никогда не относилось к числу любимых вами качеств?

– Вы правильно помните.

– Но всё же, вы за женщин?

– Да. В вас есть всё то, чего часто не хватает нашему брату – любовь к ближнему, ненависть к войне, даже стойкость. Вы делаете лучше то, что имеете, а мы ломаем окружающим жизнь, пытаюсь получить луну.

– Наверное, не будь у нас детей, мы бы тоже рвались в бой, – засмеялась Ольга.

– Каждому своё. До конца женщины освободятся, когда научатся не рожать детей. Но вот в чём парадокс – когда вы перестанете пополнять землю новыми людьми, мир рухнет. Так что для всеобщего блага оставайтесь немного угнетёнными.

Дамы улыбнулись.

– Быть может, удастся прийти к компромиссу? – спросила Елена.

– Может быть. Этому стоит ждать.

Алексей посмотрел на Ольгу. Та была скромна и уступчива, так что у любого могло сложиться впечатление, что хозяйин в доме – Пётр. Но, стоило поближе сойтись с этой семьёй, становилось ясно, что Ольга играет свою роль так правдоподобно, что сама верит в то, что слушается мужа, не говоря уже о нём самом. Мягким голосом, без тени всякой занос-

чивости она отговаривала супруга от безумных идей так искусно, что тот оставался убеждённым, что дошёл до блестящей мысли сам. Правда, такое в последнее время случалось редко.

Последние слова Алексея согрели Елену гораздо лучше неразговорчивого апрельского солнца. Значит, он уже не ненавидит её за тот злосчастный поступок. По отношению к Елене он не выказывал ни малейшего презрения, но и не предпринимал попыток сказать больше, чем говорил. А она, хоть и боялась таких разговоров, страстно ждала их. Она ещё не была уверена в том, как будет жить, ведь у неё был сын, и ради него она должна была пожертвовать чем-то желанным. Елена не верила, что Алексей не встречал других женщин после неё и не увлекался. Но... то, как два человеческих пола смотрят на любовь, могло допустить не до конца выгоревший костёр чувств между ними. Со всеми оговорками и нюансами.

– Как же церковникам не по сердцу эта ваша эмансипация! – неожиданно перевёл разговор Пётр. – Вчера на меня напал батюшка и со слезами жаловался, что все осатанели, что скоро, похоже, конец света.

Алексей рассмеялся. Он часто смеялся над шутками о современной системе в России, будь то религия, политика или искусство.

– Он должен был спохватываться, когда здесь чёрты что творилось. А вообще, что он против женского вопроса име-

ет? Сами же учат, что все равны.

– Почему тогда женщины не имеют права быть священниками? – отозвалась Елена, заинтересовавшись.

– Потому что церковь лицемерна настолько... – Алексей сбился, покачав головой и улыбнувшись. – Не хочу никого клеймить, но не стоит путать религию и веру. Вера – личное, святое... А церковь – орудие государства, очень мощное и лживое орудие.

– Вот-вот, – обрадовалась Елена. – Ни у одного классика нет положительного отношения к церковникам. О попах и говорить нечего.

Пётр поджал губы, стараясь не засмеяться. Ему не хотелось обижать Ольгу, относящуюся к религии более сдержанно и терпимо, чем все здесь собравшиеся. Её видение проблемы было двояким, хоть она уважала и ценила мнения друзей. Это слегка удивляло и злило Алексея.

– Как можно верить в бога наполовину? – горячился он. – Или совсем – ряса и помешательство, либо никак, Оленька! – говаривал он ей в лучшие времена.

– Не стоит так неуважительно отзываться о том, что греет миллионы людей, – сбитая с толку, вмешалась Ольга.

– Богом может быть мир вокруг, собственная душа. Какая разница, кому молиться, главное – не делать другим зла. – Включился в дискуссию Алексей, радуясь, что смог разжечь всех. Он обожал мудрые беседы, подпитываясь умом остальных. Его интеллектуальное одиночество в доброволь-

ной ссылке разыгралось не на шутку.

– Бог внутри, а не снаружи. Мне кажется странным то, что его делают каким-то существом. Он – всё вокруг, сама природа, – отозвался Пётр.

– Это называется атеизм, друг мой, – ухмыльнулся Алексей. – А религия – болото, утягивающее людей на дно сознания, делает их суеверными и покорными. С таким грузом выплыть они не могут и становятся лёгкими подданными – как можно роптать, если царь – помазанник, а власть свыше?

– Почему ты называешь атеизмом любое проявление свободомыслия, Алёша? – удивилась Ольга.

– Потому что так и есть. Если у тебя достаточно ума, чтобы понять, что дела обстоят несколько иначе, чем нас учат, ты – уже вольнодумец, и гореть тебе на костре инквизиции.

– Нет, среди верующих много умных людей, – отдал жене должное Пётр.

– Да, потому что в их времена все так думали. Хотя даже век назад были безбожники... По моим наблюдениям большинству умных людей религиозность не мешает распутничать и пить.

– Мы не можем судить об уровне из религиозности, они ведь уже давно умерли, – прибавила Елена. – Любая ссылка на них – манипуляция на интересах. Их взгляды теперь можно интерпретировать, как вздумается.

– Совершенно верно! Их религиозность – спекуляция для тех, кто хочет выставить их в выгодном свете. Для всех они

свои, те, кто открывал законы физики и астрономии...

– Ах, оставь это, Алёша, прошу тебя! – сдалась Ольга. – Мы вышли на прогулку как – никак. Я не думаю, что мы имеем право говорить за всех, всех классифицировать по этому признаку и... Так убеждённо проповедовать своё видение.

Елена преисполнилась любви ко всем и вся, тихо улыбнулась словам подруги и вздохнула перед неизбежным прощанием.

– Павлуша переутомился, мы ушли слишком далеко в лес, – сказала она, – если мы пробудем с вами ещё немного, он не уснёт.

Смотря на сына, Елена неизменно подавляла в душе безотчётное желание кинуться к Алексею и целовать его до тех пор, пока он не пообещает остаться с ней до гроба. Это были спутанные глупые мысли, и Елена стыдилась их, но не могла справиться с искушением, таящимся в мечтах.

Несколько дней назад Александр, вспомнив, наконец, адрес жены, написал ей, что приезжает, чтобы забрать её в Петроград. «В Петрограде смутно, вы должны быть рядом с нами». Елена подумала, что мудрый человек посоветовал бы ей оставаться в более безопасной деревне, но Александр больше заботился о патриотизме, чем о семье. Точно так же, как бабушка Елены думала только о внешнем лоске и не волновалась о том, что спрятано за красивым фасадом одеяния из флирта.

– Как же они все похожи! – сказала она сыну. – Мне ино-

гда вообще кажется, что человеческие характеры не умирают, а только кочуют из тела в тело. Что ты думаешь об этом, родной?

– Мама, а что такое «кочуют»? – только и смог ответить Павел, и мать скользнула по нему затуманенным любящим взглядом.

Глава 7

Как только Александр Жалов пересёк порог старого степановского дома, размеренный порядок жизни матери и сына потерпел унизительное фиаско. Он, какой-то новый и более ожесточенный, казался теперь Елене, да и Павлу, абсолютно чужим, и она, смутно догадываясь об этом, до конца осознала это только сейчас. Жалов носился по дому с воспалённым видом, кричал на слуг и делал всё, чтобы помешать другим. Елена рада была знать, что с мужем ничего не случилось, но сторонилась его, не без примеси чувства гадливости опасаясь, что глубоко, так глубоко, куда сама страшилась проникнуть, могла надеяться, что он не вернётся с войны. Оба чувства, страшное и светлое, померкли в тени того, что он говорил.

– Мы уезжаем, Лена, немедленно! – почти кричал Александр, не теряя озабоченности, ясно начертанной на искажённом открытием, что что-то пошло не по предначертанному плану лице.

– Зачем, позволь спросить? Неужели ты действительно думаешь, что здесь опаснее, чем в столице? – из слов Елены сочилось еле сдерживаемое раздражение, и подавить его было непросто. А она и не старалась.

Как он смеет, этот неприятный мужчина с масляными, всегда накормленными глазами, указывать ей, как жить, что

делать с имуществом и как держать сына? Его не было рядом три года, он ничего не знает о ней и об их ребёнке, который сейчас опасно разглядывает отца. «Он, никак, ополумел? – подумалось Елене. – Неужто там и вправду творится невообразимое?»

– Ты что, сошла с ума?! Здесь в любую минуту может вспыхнуть восстание, и поминай вас, как звали! Сейчас никто никому не хозяин, вот до чего довел посыл этих идиотов к свободе! Ты ни на кого не можешь положиться, в стране разруха! Ты слышала, что сделали с особняком Кшесинской? Хочешь, чтобы и к тебе так вломились?!

– Может быть, для тебя это будет откровением, но крестьяне – это не тупые животные, а по-своему умные люди, и если хоть чуть-чуть заниматься их судьбами, а не только думать о себе, они не станут резать тебя при первой возможности! Революция произошла в феврале, сейчас конец апреля, и я что-то не видела возле себя обезумевших крестьян с лопатами.

– То, что рабочие притихли и до поры не предъявляют хозяевам претензий, не значит, что яд воли не распылил их!

– Оставь свои приземлённые бредни феодала! Вот что значит ограниченность мышления, как ты... Как вообще можно говорить такое?! Вот когда проявляется истинная ваша сущность, – торжественно констатировала она, а лицо её стало ожесточённым и в сознании собственной правоты величественным, едва ли не мрачно – радостным. – Лишь за-

бота о себе, ничего более, а свободомыслием вы лишь прикрываетесь, чтобы самим себе казаться значительными!

Александр оторопел, поскольку и представить не мог, что услышит такое от ближнего.

– Да что с тобой, Лена? Раньше ты не говорила так... – со странной покорностью промолвил он.

– Раньше я была с вами, а теперь сама по себе. И никуда я не поеду! Здесь мой дом, я здесь родилась!

– Нет, поедешь! Ты моя жена!

– Когда ты вспомнил об этом? Ты сюда даже ни разу не приехал!

– Я воевал!

– А в отпуске? Боялся оставить рой поклонниц?

Уловив в голосе жены едва дышащую нотку ревности, Александр немного смягчился. Ревность всегда была для него залогом обожания и действовала безотказно.

– Лена, я твой муж, и ты должна...

– Господи, – взвыла Елена, – да как вы до сих пор не поняли, что ваш рафинированный мир рухнул, утонул! Не будет больше старого порядка, не смеешь ты мне больше указывать, как жить и куда ехать, я человек, пойми, у меня тоже есть мнение... – казалось, Елена скоро начнёт хрипеть от душащего её волнения.

Внутри неё бушевал ураган. Она поражалась тому, как люди глухи к чужому мнению, если оно им не по душе.

Александр опешил, недоумённо смотря на жену. Он до

конца не мог понять, о чём она толкует, и всё твердил об отъезде.

– Нам надо спешить, мне снова отправляться на фронт. Рана не так серьёзна, чтобы отходить от дела.

– О какой войне может идти речь теперь? – в свою очередь удивилась Елена. – Разве ты продолжишь это безобразие?

– Разумеется, – опешил Александр. – Как же иначе?

Видя, как она напряжена и смотрит ни то с тоской, ни то со страхом (она была поражена и чувствовала безграничное воинственное недоумение, вновь и вновь разбавляющееся бессловесным ужасом), он решил не принимать близко её агрессивность и подластиться.

– Лена, успокойся, – попытался он подойти к разговору с другой стороны, хоть и не обладал дипломатическим талантом, – дорогая, не бойся, я понимаю твое состояние. Не бойся, они не сравниют с землёй имение твоего детства. Да даже если сравниют... Жизнь дороже.

Елена выпрямилась и посмотрела на него так, что ему стало не по себе. В её лице, таком приятном, временами даже красивом, скользило столько чувств, причём чувств не светлых, что он почти испугался, не веря, что она вправду способна так предаваться разыгрывающимся чувствам.

– Думаешь, что знаешь меня, да? Что мой мир такой же простой, как твой? Строишь из себя знатока человеческих душ, как отец? Но тот хоть что-то смыслит в отличие от тебя.

Впервые на лице Александра отразилась неприязнь. В об-

щем-то, он был доволен своим браком, хоть почти не задумывался над этим. Жизнь казалась ему прекрасным поводом развлечься, и на глубокие философские искания он не был способен и вообще видел в них неоправданную скуку. Так что то, что успела наговорить ему Елена, было призрачно, непонятно, и оттого казалось несущественным. Но её последние слова, сказанные в ссоре, когда человек может озвучить и то, что не думает вовсе, были реальны в отличие от всего, что она сказала, и ранили сильнее, чем он мог ожидать.

Впрочем, Елена часто думала о том, что мало с кем смогла бы найти счастье. А, может, это, как и многие наши мысли о самих себе, так же было ошибкой. Может быть, выйди она замуж за мужчину другого склада, Елена смогла бы добиться если не счастья, то хотя бы покоя.

– Оставь меня, нам в разные стороны.

Елене удалось разжечь Александра, который обычно не любил сцен, пугаясь споров и чувствуя себя ничтожным. Во время ссор он, понутив голову, обычно отмалчивался, чтобы не дать противнику право освистать его.

– Что тебе нужно? Чтобы я страдал и валялся у тебя в ногах, вымаливая прощение? Хочешь причинить мне боль за то, что я не приехал проведать тебя в лес? Ну, прости, в Петербурге слишком много красавиц, чтобы бежать за тобой в деревню, если ты не захотела жить в столице.

«Удар за удар. Не хочешь ублажать мужа и бегать перед

ним на цыпочках – получиай», – подумала Елена. Она не успокоилась, волосы выбились из тугого пучка, когда она вгрызалась в них пальцами. Немного помолчав и отдышавшись, супруги возобновили дискуссию уже спокойнее.

– Так, значит, ты завёл любовницу? – проговорила она светским тоном, словно спрашивая его о новой лошади.

Это открытие ничуть не обожгло её, не оставило даже налёта страдания. Всё казалось забавным и немного пресным.

– Да, – не стал отпираться Александр, гордо вскинув голову, отчего копна густых русых волос закачалась в пируете, – и она по-настоящему любит меня, не то, что ты.

– Да перестань, Саша! – в её голосе слышалась подкрашенная горечью ирония. – Ты едва ли думал о моём отношении к тебе, просто завёл новую погремушку и радовался ей, пока она тебе не наскучила. Я вообще удивляюсь, как не надоела тебе ещё до свадьбы.

– Представь, не надоела.

– Да перестань. Этот брак был угоден семьям, больше ничего.

– Неправда! – начал обижаться Александр, твёрдо веря, что множество причин для вступления в брак обернулись всего одной, той, которую он и упомянул. – Мне хотелось вытащить тебя из того понурого состояния, но ты день ото дня становилась всё более хмурой.

– ... и наскучила тебе, – она вздохнула. – Саша, я благодарна тебе за это, правда, – сказала она серьёзным голосом. –

Ты думал, я не поняла, ради чего ты это сделал, но я этого не забуду. Ты же мог жениться на любой. Да ты вообще жениться не хотел... А мне не нужно было замуж.

– На тебе хотел, ты действительно нравилась мне.

Увещевания матери и собственные страхи стать предметом сплетен, если не удастся остепениться до тридцати лет, испарились из ненадёжной памяти Александра. О холостяках, как и о старых девах, гуляли не слишком приятные толки.

– Так что проку нам жить вместе, если между нами не было ничего с самого начала? Давай оставим симпатию и благодарность, – она не слушала Александра, представляя вольную жизнь без ограничений и прятков.

Опасаясь, как бы он не расщипал, Елена отвернула от Александра голову, продолжая внимательно следить за его реакцией.

– Конечно, оставим, – недоумённо произнёс Жалов.

– Послушай, Саша, мы неплохо жили, даже лучше многих. Некоторые ведь проходят от любви до ненависти. Я не хочу, чтобы Павлуша видел, как мы с каждым днём всё больше противны друг другу. Давай оставим то хорошее, что было между нами, отпустим сами себя.

– Что? – выдохнул Александр, переставая теревить пуговицу на кителе.

– Давай разведёмся, – выдохнула Елена, благодаря саму себя за то, что, наконец, открыла мужу свои давнишние за-

мыслы. – Павел должен остаться со мной, ты можешь навещать его. Ты же никогда особенно не был привязан к нему...

Видя, что Александр намерен возразить, Елена набрала в рот побольше воздуха и затараторила:

– Женись снова на ком угодно или живи вольно, такой образ идет тебе много больше. В новом обществе уж точно не будет места нам с нашими пустыми проблемами. Не осложняй жизнь ни себе ни мне...

Поспешно произнеся всё это, напав на, как ей казалось, ключ к его согласию и надеясь, что доводы о свободе произведут на мужа впечатление, Елена преисполнилась умиления собственной сообразительностью. Ей казалось, что Александр не может не проникнуться разумностью произнесённых фраз.

– Развод? – его голубые глаза по-детски наивно смотрели в её сине – зелёные.

– Да, мой хороший. Это будет...

– Развод? – крикнул он. – Ты что, совсем обезумела без людей?! Матушка никогда не разрешит нам развестись, это неприлично!

– Но Ахматова и Гумилёв ведь развелись!

– Они не развелись, просто не живут вместе. Сумасшедшие поэты, им можно. Богема!

– А мы разве не относились к богеме? Ты же с огромным удовольствием вертелся в этих кругах!

– Это другое, мы ведь...

– Послушай, – вкрадчиво произнесла Елена, словно уговаривая ребёнка выпить горькое лекарство. – Общественное мнение складывается из того, как ты сам ведёшь себя среди тех, кто его составляет. Вспомни Элен Толстого... Если тебе оно так дорого, просто держись твёрдо, и они примут тебя, да ещё и станут восхищаться!

– Нет, Лена, нет! Это будет скандал!

«Боже, ну забила тебе матушка голову! Неужели в Петербурге кого-то ещё волнуют сплетни?» Благоприятный исход дела уже начал маячить на горизонте, и вот опять всё покрылось ржавчиной неопределённости.

Так они спорили ещё долго и разошлись по разным комнатам, не договорившись и не зная, что будет завтра. Перед сном Елена на минуту представила, как Алексей узнаёт об её разводе и... Что он говорит? Она до сих пор не могла понять, что он думает о ней и думает ли вообще, но то, что она видела, обнадёживало. Хоть он, притаившись, и ждал чего-то грандиозного, жизнь катилась по-своему, никого не спрашивая и посмеиваясь над теми, кто считал, что может перехитрить её.

«Да нет, глупости всё. О чём я только думаю? Надо помириться с Сашей и уехать от греха подальше. Иначе натворю дел, да таких, что сына отнимут. Во что я ввязалась?» – в блаженной полудрёме Елена видела мир в добрых тонах и не испытывала притуплённого мучения выбора. «Боже мой, зачем я наговорила ему всё это?» – неожиданно с раскаянием

подумала она.

Глава 8

Несмотря на всё волнение и затаённые обиды в те дни сонного деревенского затишья небо было чистым и приветливым, а беседы содержательными.

Ольга с благоговением вспоминала детство, проведённое за учёбой в Царском селе. И, как это часто бывает, счастливейшие мгновения жизни манили, тянули недосказанностью, оборванностью впечатления. В последнее время, несмотря на благополучную семейную жизнь, Ольга чувствовала нехватку чего-то, словно в жаркий день пила не ледящее успокоение ключевой воды, а приторный сироп. Её внутреннее изящество никогда не сочеталось с внешней простотой, но ошибаться в её сущности могли только душевные слепцы.

Была в Ольге, если бывает определённое качество в людях, принадлежащих одному месту на Земле, утончённость, которую она искала в Петре. Иногда ей мнилось, что этого недостаёт в муже. В первые дни брака это казалось разумеющимся, как мысль, что они проживут содержательную полезную жизнь. Но, столкнувшись с действительностью, к которой добросовестно готовилась, потому что не принадлежала к числу слишком наивных барышень, и задумавшись, Ольга была слегка обескуражена.

Она чувствовала себя нужной и счастливой, а короткие

моменты меланхолии, ссор и непонимания не могли запачкать общую картину. Для абсолютного же счастья ей недоставало неспешного очарования и беспечной лёгкости прогулок по воздушным Царскосельским паркам, составляющим парадоксальный контраст с броской вычурностью дворцов. То было место, где совершенство природы и человеческий гений слились воедино. Свысока, чуть высокомерно, за ней наблюдали статуи – застывшие лики вечности, и молчали о своём. Во времена таких пешеходных путешествий Ольга чаяла найти душу, способную понять и оценить то, что глубоко любила она. В отличие от Елены, которая не ставила безусловной целью замужество, или, по крайней мере, не придавала ему приоритетное значение (браки были для неё средством, а не целью), Ольга считала, что только союз с человеком может подарить безупречное благоговение и познание мира. «Один человек – ничто», – размышляла она, пропитываясь атмосферой царских резиденций.

И теперь, благоденствуя в кругу друзей, приближенных к её пониманию мира, она позвала их в поездку по красивейшим местам Петербурга и его пригорода.

– Но, милая, – смущённо отозвался на её вдохновенное предложение Пётр, – они наверняка закрыты после февраля...

Едва ли он, отвернувшись, заметил, как поблёкли глаза жены, когда она, поспешно улыбнувшись, ободряюще пожала плечами, силясь произвести впечатление, что не разоча-

ровывалась, и боясь, как бы кто не забеспокоился о ней. Елену укололо то, что она успела заметить. Она любовно и сочувственно, но не будучи в силах пропустить через себя всё происходящее в душе подруги, погладила её по руке. Та улыбнулась в ответ и скоро вышла из комнаты, сославшись на шалящую Машу.

Елена не смогла определить, что сказал ей пойманный взгляд Алексея. Чувствуя смятение и досаду, она поморщилась и скоро попрощалась с мужчинами. Её терзало то, что она не может остановить листопад в жизни Ольги. Елена понимала, что происходит что-то нехорошее, но это были скорее догадки, чем уверенность, а вмешиваться в чужую жизнь своими домыслами она боялась, не желая никого оскорбить. Возможно, она поняла всё не так. Иногда совсем не представляешь, насколько был близок к истине, видя после, как тёмные прогнозы сбываются. Если же ничего не происходит, благополучно забываешь о них.

На вечер был запланирован приём, обещавший созвать именитых гостей под гостеприимную крышу семьи Астафиных. Кто-то обещал приехать из самой столицы, что воспринималось хозяевами как подвиг ради маленькой Ольги, которой исполнялось двадцать восемь лет. Расставляя яркие тёплые полосы, догревал своё закат и созерцал копошение в

стане людей.

С самого утра Ольга была небывало оживлена. Она позволила своей всегдашней скромности слететь с себя, уступив место игривой кокетливости не только по отношению к мужу. Светская Ольга Астафина настораживала Елену, если замыкалась в себе и старалась спрятаться за могучей спиной мужа. Петру, который тоже особенно не жаждал раскрывать душу едва знакомым людям, зачастую приходилось улаживать беседу, из которой благополучно выпадала его жена. Пустословие, способное только рассеивать запас остроты и умных мыслей в прах, задевало его престиж и слегка обижало. Ольга же жаждала увидеть старых знакомых, от которых была отстранена на ощутимый промежуток времени. Она и предположить не могла, насколько важным станет для неё свидание с ними. Она пела целое утро, потом спохватилась о недостатке в праздничном меню экзотических блюд и укатила в столицу, прихватив с собой супруга. Взыскательную публику необходимо было поразить и доказать ей, что они в деревне отнюдь не пропадают.

Посему Елена, навестившая друзей после обеда, застала только сожалеющий взгляд кухарки и извинительную записку. Елене хотелось ознакомить Ольгу с выдуманном предложением, из-за которого Александр, вовсе бездельничающий в «селе», как он называл усадьбу свёкра, и жаждущий высшего или хотя бы среднего общества, не смог бы присутствовать на вечере. Но, поскольку хозяйки дома не оказалось в поле

её воздействия, Елена вздохнула, пожала плечами и решила, что муж на ужине – не самое ужасное, что может случиться с мятежницей. Уходить не хотелось – дома её ждали спящий Павел, запутавшийся в простынях, и слоняющийся по комнатам Александр, не ведающий, чем занять себя, но не спешащий отбыть в столицу и найти там приличествующее его положению занятие.

Медленно, в некотором замешательстве Елена скользила ладонями по запылённым томам Ольго – Петровской библиотеки и пыталась сосредоточиться, как привыкла, на одной мысли. Но они распадались на тысячи ничего не значащих, но притягательных весенних осколков. Она неспешно перебирала в уме яркие сновидения, впечатления из книг и мечтаний, смущалась порой, но продолжала этот упоительный внутренний монолог. На душе её, как и на улице, смывали старое прозрачные ручейки, а птицы насвистывали окрыляющие мелодии. Она не хотела думать ни о чём страшном несмотря на то, что страна, которую она любила, находилась на краю раскола. Она хотела всю жизнь дышать этим пьянящим, свободным, молодым воздухом, будоражащим в ней забитую на дно души суровыми наставлениями стихию.

Алексей, разморенный долгим чтением на солнце в уютной комнате, в которой устроился, неспешно спустился вниз и, не зная, что предпринять дальше, растерянно топтался в холле. Он должен был идти в деревню и агитировать крестьян во имя знания ими своих прав (при мысли об этом он

чуть не фыркнул) и защиты того малого, что отвело им гуманное общество. Но крестьяне, живущие поблизости, вяло реагировали на его воодушевлённые речи – им привольно жилось при теперешних хозяевах и менять что-то, лишиться последнего клочка земли ради пришлого безумца они не рвались. Алексей надеялся вскоре уехать в столицу и примкнуть к ширившимся отрядам большевиков. Бездеятельность угнетала его. Он много работал по ночам, но не был доволен тем, что у него получалось; переписывался с оставленными товарищами, но не знал, что думать об их спутанных агрессивных настроениях. Они сами не знали, куда податься и за что выступать.

Несмотря на это он, потягиваясь и чувствуя себя в безопасности и неге, прошёл в столовую. Окна на мансарду были отворены. Из них в просторную комнату лились потоки неяркого солнечного нектара, зревшего – зревшего, да и выплеснувшегося наружу, замазав перемежающийся пропитанным цветочным вкусом воздух. Напротив террасы, открывающей захватывающий вид на плоскогорье, затейливо облепленное начинающими только зеленеть деревьями, в высоком кресле, полу боком обращённая к дверям, сидела женщина. Её нежные пальцы сжимали закрытую книгу, заложенную посередине блестящей обёрткой от конфеты, а лицо, когда Алексей прошёл полукруг, чтобы рассмотреть его, знакомое и милое, но необъяснимое, дышало отстранённостью от внешних событий. Алексей не был поражён его задумчивым,

но не тягостным, а восхищённым выражением, оно лишь вызвало в нём прежний интерес к мыслям Елены. Как ни пытался он не думать об этом существе, получалось это плохо. Он не страдал ночами о своём идеале, романтические вздохи казались нелепыми в его возрасте и положении, но всякий раз что-то светлое, терпкое загоралось в нём, стоило ей мечтательно полужакрыть глаза. В ней было то тонкое, душевное, светлое, что выделяло её из массы, из-за чего он восторженно и позволял ей робеть и замыкаться при его появлении.

Так он понимал госпожу Жалову, и отказаться от этого не мог при всем намерении. После разрыва ему казалось, что он знает всё её вероломство, спесь и тщеславие даже учитывая то, что при личных встречах ни разу не задумался об этом. Решил, обрубил – и всё. За несколько лет без неё он редко вспоминал о прошлом, отдавшись стихии привольно безумной жизни. И... снова очутился тут, и снова с ней, словно она наказание или подарок.

Поневоле он затаился, чтобы Елена не вспорхнула и не улетела восвояси. Алексей, не склонный к излишней сентиментальности, был всё-таки наблюдателен и любил делать выводы об интересующих его людях. Он не хотел заходить слишком далеко в своём интересе и повторять то, что однажды уже случилось, выбив его из боевой колеи на какое-то время, но удержаться от созерцания восхитительной картины родом из иного, лучшего, мира, он был не в силах.

Там дамы нежны и романтичны, кавалеры сильны и обхо-

дительно, никто никогда не предаёт и не делает другого страдальцем, а вместе все счастливы и не доставляют друг другу никаких хлопот. Так должно быть, но никогда не было в среде баловней судьбы, находя своё идеальное отражение лишь в искусстве. Большинство браков оказывалось несчастными, а пары, не имея шансов освободиться разводом, вынуждены были извиваться и терпеть друг друга. Люди, одаренные духовно, не удовлетворялись действительностью, страдали и шли в сопротивление существующему строю, складывали свои головы во имя отечества, или тихо отходили в сторону и вели праздное существование. У Алексея создалось впечатление, что лишь единицы сквозь все препятствия, непостижимо уготованные им судьбой, могут похвастаться, что дошли до понимания истинного счастья.

Елена смотрела в угол комнаты, не сознавая, на что глядит. Перед взором проплывали видения, перемешивающиеся с соображениями о собственной жизни и обдумываниями злободневной книги, которую она начала исследовать. Глаза её, расширенные от новых открывающихся площадей, выглядели совсем прозрачными и наивными. Она казалась непозволительно юной, беззащитной, мягкой, но мыслящей и страстной, ревностно растворяющейся в том, что становилось важным и занимало сознание.

Как только она моргнула, убрала руку из-под головы и неудовлетворённо перевела взгляд на Алексея, ему стало стыдно, что он прервал её своим присутствием. Он поспеш-

но пригладил растрепавшиеся волосы, отворил прозрачную дверь в гостиную и поклонился.

– Я не хотел испугать вас, – поспешил оправдаться он. – Вы, кажется, размышляли о чём-то...

– Вы вовсе не испугали меня, – успокаивающе ответила Елена. – Я совсем позабыла, что вы можете быть здесь, иначе не стала бы злоупотреблять вашим пространством.

Алексей иронично улыбнулся и откинулся на спинку дивана. «Она действительно думает, что обидела меня, или злится, что я прервал её? – подумал он. – Второе было бы интереснее».

– Я думала, вы на охоте, – не сдавалась Елена. Ей не хотелось выглядеть пришлой интриганкой.

– Я не русский барин с широкой душой и сомнительными представлениями о морали, с чего мне любить охоту? Я сам здесь на птичьих правах, так что не думайте, что я досажую на вас, – мягко ответил он, подозревая её мысли.

Елене почудилось в его тоне прежнее остроумие, граничащее иногда с жестокостью.

– Как вы можете говорить так? Вы у друзей.

– Да, но это не мой дом.

– Так почему вы не едете в ваш?

– Что мне делать там? Все мои крестьяне давно на свободе, в городе. Ни семьи, ни других дорогих людей у меня нет.

Они помолчали. Елена не испытывала сейчас всегдашней неловкости и чувства вины, оставаясь рядом с ним.

– Вы будете присутствовать сегодня на приёме?

– Да, это ведь необходимо для Ольги.

– Я спросила из-за того, что помню о вашей нелюбви к подобным мероприятиям.

– Вы правы, но я не отшельник. Даже мне иногда нужно общество. Полезно ведь знать, о чём думают окружающие. Иначе можно безнадежно отстать. Вдруг вся страна уже счастлива, и нам ничего предпринимать не нужно, – при этих словах уголки его рта самопроизвольно сползли в ухмылку.

Елену опалила волна волнения, страха и преклонения перед загадочным миром, в который ей не существовало пропуска. Все неизведанное манило её, а фантазия играла плохую службу. Так всегда случалось, если она дотрагивалась до глубоко спрятанных струн его личности.

– Вы не боитесь, что вас арестуют? – понизила голос она.

– Не боюсь. В тюрьме нет ничего такого, чего я бы не знал.

А знание, как известно...

– Но почему вы говорите об этом со мной, непроверенной, и... и... может, я донесу на вас...

Он обнажил зубы и окончательно развеселился. Ему от-
радно было признавать, что она озвучивает то, о чём он сам
порой задумывался.

– Я, кажется, только намекаю. Я ведь не виноват, что вы
всё понимаете правильно. И притом, зачем вам предавать
меня?

Елена замялась. «Действительно, незачем, – с раздраже-

нием рассудила она. – На что угодно я способна, но не на это».

– Будет вам обо мне, расскажите лучше о себе. Как продвигается *ваша* семейная жизнь?

По ней, и не пытавшейся скрыть обуревающие её эмоции, он понял, что попал впросак. «Да что мне за дело? – пронеслось у него в голове. – Что хотела, получила. Что же мне, поинтересоваться нельзя? Причём к чему все эти изнеженные выяснения, объяснения, извинения... Ерунда какая! Какое дело до неё и её мужа – дурня?»

– Спасибо, прекрасно, – отрезала она и встала с кресла, уронив книгу.

Она придала лицу заманчивый мягкий вид и льдисто улыбнулась. «Ну что я, в самом деле? Беспристрастно, вежливо», – решила она, прогоняя размягчённое настроение. Иногда мы играем свои роли лучше, чем думаем. Алексей сравнил эту Елену с той, которую видел несколько мгновений назад, и пожалел, что не может хотя бы стать её другом, чтобы иметь возможность видеть её такой не только случайно. «Нет, это невозможно после всего... как люди отдаляются друг от друга из-за глупой гордости, или ещё хуже – чужого давления», – подумал он и сдержанно озвучил новые, опережающие, мысли.

– Вы изменились, Елена Аркадьевна. – «Раньше вы не умели так искусно прятать свои истинные соображения».

Она оторопела, затем покачала головой и призналась:

– Не так сильно, как вы считаете. Многие мои чувства прежние и не рассеиваются даже с течением времени. Даже по мере того, как я взрослею и понимаю окружающих меня людей. Я надеялась, что от вашей сообразительности не скроется то, что, как я думала, произошло во мне.

– Я сказал так, хотя это, конечно, неверно, как всё, что мы пытаемся понять или выразить, потому, что вижу вашу беззащитность. Не судите меня строго, ведь я просто человек. Мы ошибаемся постоянно.

– Что ж, мне приятно, что вы вообще находите время, чтобы думать обо мне и делать какие-то выводы.

Они говорили недолго в тот раз, каждый, скорее, предавался размышлениям о прошлом в духе «на что мы растратили себя». Как старики, они сожалели и старались по возможности, чтобы тоска в глазах не испортила общего впечатления от беседы, улыбаться и быть учтивыми, грызя при этом себя изнутри. Оставив его наедине с возможными догадками и подозрениями, Елена попрощалась и вышла на улицу. «Как бы он не подумал, что я его специально ждала», – досадливо пронеслось в её пытливом сознании. Пытаясь не думать о встрече и успокоиться, она ускорила шаг и заняла себя дегустацией прохладного весеннего воздуха.

Глава 9

Приехавшие на празднество гости быстро заполнили пустующие комнаты, наполняя их гротескными запахами духов, сигарет, напудренных плеч, качественных тканей, блеском умывающихся в сиянии свеч украшений и невыразимой самодостаточности. Ради этого вечера хозяева истратили много запасов. Все, тем не менее, пытались выглядеть скромно и не выделяться, особенно если ничем не помогали стране. По-своему то, что женщины старались завивать волосы и использовать флакончики с духами бережнее, трогало и обнажало человеческую природу. Жизнь кипела независимо ни от чего, как кипит всегда, даже в аду, а людские чувства, хоть и обострённые, оставались теми же.

Ольга плавно обегала свои владения и суетливо интересовалась, не нужно ли кому чего. Она была рассеяна и от волнения местами нелюбезна. Она желала вести светскую беседу, как раньше, размышлять о живописи, смеяться вместе с Еленой. Елена же искала глазами Алексея, игнорирующего её, и мечтала поговорить о чём –нибудь с ним. Вместо этого ей пришлось терпеть банальности Александра.

Пётр принимал гостей с видом навязанной необходимости, но учтиво позволял им справляться о его мнении по такому-то вопросу. «Раз уж жене взбрело в голову что-то там праздновать...» – подумал он, надевая лучший костюм и в

тайне сокрушаясь о потерянном вечере без газет и Машеньки.

Люди устали от войны, разрухи если не на улицах, то в семьях, поэтому с наивной радостью использовали этот шанс покрасоваться перед другими, послушать сплетни, поразглагольствовать о войне и оставить приятные впечатления. Увядающие, надушенные декольте у охотниц за вечной молодостью и незащищённые у молоденьких девушек, словно сошедшие с полотен Серова и Серебряковой, в понимании Елены олицетворяли погибающий мир роскоши и изящества. На последний пир в своей жизни они собирались особенно тщательно. Но даже Елена находилась в этот день в беспричинно приподнятом настроении. За презрительным цинизмом в отношении этих давно надоевших ей личностей она чувала тоску и желание вернуть уже ушедшее, исправить ошибки за тех, кто не вернётся. Ей неловко было своих прежних мыслей о родине и людях, её населяющих. Мир для неё перестал быть искаженным отражением людского несовершенства. Он всего лишь был несчастен вместе со всеми в нём живущими.

Александр поднимал тосты и восторгался тем, что, не успев наведаться в глубинку, получил приглашение на «столь изысканное мероприятие». В приступе галантности он решился на исполнение роли «страстный муж, ревнивый муж». Вспомнив, что его жена, кажется, испытывала симпатию к проходимцу Нестерову, нарисовавшемуся непонятно

откуда на сборище приличных людей, занимающих если не ведущее, то, по крайней мере, видное положение среди петербургских фамилий, бравый Жалов не упускал возможности уколоть чужака. «И почему этот назойливый болван не на войне? Наверное, он политический преступник или вообще дезертир!» – думал Александр, шепча комплименты почтенным дамам. Не забыл он на этот раз и жену, отнюдь на жаждущую поклонения и выходявшую из равновесия всякий раз, когда её дражайший супруг заботливо справлялся у неё о её предпочтениях и желаниях. Алексей же, видно, не собирался участвовать в этом и с угрюмым и вместе с тем зазывно – таинственным видом сверлить супругов Жаловых, и, как умел, развлекался.

Елену подобное поведение расстраивало, поскольку она знала, что стыдно было им, взрослым людям, разыгрывать комедию. Сама мысль о том, что её делят два льва, заставляла её качать головой и едва не смеяться, горько и вяло. «Всё ведь совсем не так! Нечего разыгрывать сюжет из рыцарского романа. Они не настолько глупы, чтобы подраться», – горчилась Елена, ловя свирепые взгляды Александра и простодушно – издевательские Алексея. Подобные ситуации в литературе всегда выводили её из себя. Она никогда не верила, что двое достойных мужчин станут делить девушку, бранясь и вызывая друг друга. «Они скорее напьются вместе и пошлют её к дьяволу», – бесхитростно подлавливала себя Елена. Становиться участницей драм ей было неловко. Ей

хотелось, чтобы обоим не было здесь, тогда не сквозило бы между ними напряжённости.

Елена охотно разговаривала со старыми знакомыми, прибывшими из Петербурга, узнавала подробности биографий, разгоралась и забывала свои недавние соображения о том, что веселье в военное время противоестественно и постыдно.

Александр был обескуражен убийствами, полным переверотом даже собственного видения войны, отчаянием и смертельным страхом, преследующим на фронте, как чума. Нет, обычные термины были слишком однообразны для того, чтобы описать, вообразить то, что он узнал. Куда более разносторонние характеры, чем Александр, были растоптаны принадлежностью к незаконным убийствам, организованным кучкой алчных верхов. Даже он сам, до этого пространно разглагольствовавший о ратных подвигах во славу матушки – Руси, отмалчивался, когда кто-то спрашивал его о поле боя. На память ему почему-то неизменно приходили взрывы и растерзанные тела тех, кто минуту назад беспечно жевал табак. Победитель и честолюбец Александр в первую же неделю боев заработал укус вражеской пули и месяц пролежал в госпитале, многое обдумав за время вынужденной изоляции. Мясорубка из человеческих остатков, земли и беспредельного ужаса, въедающегося в мысли несмотря на долг и боевую мораль, часто мерещились ему. Он не рыдал и не сбегал с передовой, но... Забыться у него по-

лучалось только во время кутежей или в нежных женских объятиях. Оказалось, его военная служба была лишь прелюдией к реальности. Настоящая резня началась в четырнадцатом году. В госпиталях умирали тысячи беспомощных солдат, молодых здоровых мужчин, которыегодились бы для другого. Их мир незаслуженно рушился по велению кого-то, и бешенство от несправедливости ранило сильнее всего. И этот страх... перед неизвестностью бездны небытия и беспокойство за близких не давали спокойно примириться со своей незавидной судьбой. Ненависть на мир в таком положении была вполне понятна Александру.

Но на всё это он благополучно закрыл глаза и, зловеще вертя в руках папиросу, обратился к Алексею, оказавшемуся в нескольких шагах от него:

– Как вам в тылу живётся, сударь? Слышал, здесь голодно и воруют много, да вам, кажется, всё лучше, чем под пулями?

Он ожидал, что Алексей начнёт отбиваться или придёт в исступление, потирал руки, надеясь разнообразить досуг сценой.

– Как вам сказать... – ничуть не смутившись, ответил Алексей. – Воевать за то, во что я никогда не верил, мне кажется дуростью. Не считаете ли вы, что дворяне, находящиеся под надёжным прикрытием формы, но не выполняющие свои функции на мирной территории, заслуживают такого же надменного порицания, как я? Но нет, о чём я говорю?

Они ведь священно выполняют свой долг, как и те, кто, нося громкое имя и титул, ходят в подчинении предприимчивых выходцев из народа. Но нет, я отвлёкся от признания своего абсолютного нравственного падения. Разумеется, я трус, если борюсь за то, чтобы наша страна избавилась от дармоедов, берущих всё и ничего не отдающих взамен. А не за то, чтобы как можно больше дееспособного мужского населения встретило свою смерть, защищая фарсовые идеи мифических императоров.

Елена слышала всё, даже не утруждаясь прислушиваться. На сей раз она не хотела участвовать в болтовне мужчин и разнимать их, как это когда-то сделала Наталья, но была раздосадована, что петухи решили устроить перебранку на торжестве Ольги. Она поспешно подошла к Петру, жующему что-то, и попросила его остановить Алексея.

– Эти двое доведут меня до безумия! – процедила она сквозь зубы и подумала, что лучше вовсе остаться в одиночестве, чем терпеть подобное позёрство.

Пётр, сам не учувствовавший в войне из-за ослабевшего после воспаления лёгких здоровья, не испытывал из-за этого неловкости. Поэтому он не считал, что Жалов прав. Ему не нравился тон Александра, да и сам он с его напыщенностью и даже наглостью, когда дело доходило до личных убеждений. Многие граждане российской элиты, чьи патриотические чувства не затрагивались с началом грандиозного уничтожения людьми себе подобных, в котором их родина была

не столько пострадавшей и вождеденно ждала своих премиальных, не спешили отдать жизнь за высокие идеи. Разумеется, лозунги и агитации этого не разглашали. Подобные чувства вряд ли затрагивали других дворян из других губерний, если уж самая влиятельная российская династия не спешила поставлять мужественных сынов во славу отечества, довольствуясь несколькими служащими из многочисленных её представителей. Оставшиеся в тылу аристократы прикрывались деятельными должностями, закрывали глаза на повсеместное воровство и недовольство, пропагандируя любовь к отчему краю.

Алексей готов был пожертвовать собственным существованием ради освобождения от ига, но никак не за дальнейшее прозябание в хаосе. Размышляя, стоит ли вызывать Александра на дуэль, он пришёл к заключению, что нет, поскольку тот был по-своему («Со своего мелкого видения») прав.

– Зачем, друг мой, я стану защищать то, что я ненавижу? – продолжал он, отбивая очередную гневную отповедь Жалова. – Вам-то ничто не кажется неправильным, и я даже слегка завидую... Но нет, спасибо, низкий поклон. Не хочу войти в число тех, кого положила Русь – матушка ради очередного безнадёжного предприятия. Мы при таком раскладе не с ними скоро будем воевать, а сами с собой. Если не поймём, что нам действительно нужно.

«Конечно, ты не хочешь быть в их числе... Но всё равно

будешь, не с ними, так с другими, всё равно на войне, на этой проклятой войне, какая разница? Нет, не будет никакой войны. Мы мирно переедем на следующую ступень развития. Мы бы уже перешли, если бы правительство делало хоть что-то... Откуда во мне это?..» – неожиданно ужаснулась Елена. «Нет, всё верно, что он говорит, соседи только о мятежах и разграблениях рассказывают». Видимо, Елена одна из немногих додумалась до такого, потому что некоторые из особенно набеленных дам скопились на Алексея.

– Хорош гусь, – пренебрежительно съязвила одна, а другая довольно ухмыльнулась.

«А, пусть! – подумала Елена, не вмешиваясь, – какая разница? Сам виноват».

Александр не понял ничего из пространного размышления выдуманного врага, сник и отправился восвояси, не забыв обругать Алексея «викингом». Если бы он не находился в доме почтенных людей, он показал бы этому Нестерову! «Но нет, – вздохнул он, апатично облокачиваясь о стену, – я уже не тот, что был... Да и времена не те. Это раньше – честь, дуэли... А теперь мужичьё кулаком в морду, а дворяне спиваются и вовсе ничего не могут». В порыве внезапно вспыхнувшего отвращения он выплеснул вино из бокала в раскинувшее рядом свои зелёные когти растение непонятного сорта.

Алексей прошел мимо, посмотрев на него... с недоумением и... Болью? Жалостью? Состраданием? Размышлени-

ем? Этот неприкаянный взгляд, сылящийся проникнуть в самое его сердце, так взволновал Александра, что он подошел к Нестерову, схватил его за рукав и прошептал что-то на ухо. Алексей, казалось, готов был сейчас же броситься на противника, но заставил себя разжать кулаки и предосудительно улыбнуться.

Через несколько минут они, сидя на неосвещённых порожках, выходящих в сад, неподвижно смотрели на лежащий рядом и опасно поблёскивающий в отсветах луны пистолет. Алексей сурово объяснял собеседнику:

– Я возьму пулю и заложу в барабан. Шансов, что она встретится с вашим мозгом не так много. Всё честно.

– Я видел этот способ только у военных. Откуда вы можете знать его?

Алексей усмехнулся.

– У меня были хорошие учителя. Если вы думаете, что война лишь на границе, вы заблуждаетесь.

– Довольно! Заканчиваете с этим быстрее, мне опротивело ваше общество.

– Это вполне взаимно, Александр Антонович. Но если вы хотите отомстить мне за всё и дать мне шанс утолить гордость, придётся подождать.

Он бережно вытащил пулю из-за пазухи, всунул в барабан пистолета и несколько раз повернул его.

– Кто первым будет стрелять, решим по жребию? – спросил он.

– Ах, бога ради! – фыркнул Александр. – Что вы спрашиваете всё!

– Хорошо, – спокойно ответил Алексей. – Тогда будет по моему.

Он подал взъерошенному Александру кулак, в котором зажал две спички.

– Короткая – выстрел.

Александр вытянул короткую. Ему показалось, что музыка, звучащая в доме, стала глуше и в то же время пронзительнее. Глотнув воздуха, он взял пистолет и, порывисто поднеся его к виску, медленно спустил курок. На мгновение ему показалось, что огневое железо лижет кожу. Но ничего не произошло. Тишь сада не омрачилась раскатом его смерти.

Алексей непосредственно и едва ли не сочувственно наблюдал за его реакцией. Александр покраснел и облегчённо передал пистолет оппоненту.

– А где же Алексей? – послышался с крыльца голос Ольги, затем гул голосов и топот, приближающийся к противоположной стороне дома.

Алексей сник, потеряв запальчивость, жестко схватил протягиваемый пистолет и спустил курок прямо перед тем, как Ольга вскрикнула:

– Что вы делаете?

– Сейчас начнётся, – предупредил Алексей, отдышавшись, а Александр кивнул, готовясь успокаивать разгорячённых барышень.

Наступила пора криков, истерических взвизгиваний, удовлетворённости охочих до скандала сердец, увещеваний, недоумения, споров и требований помириться. Алексей высказал бы толпе, смотревшей сейчас на него с неодобрением, а кто-то с опасливым восхищением, что думает о ней, но Ольга... Он извинился, сослался на мигрень, пожал руку сопернику, неприкаянно тершемуся возле хозяйки дома, и удалился.

Елена, когда он проходил мимо, посмотрела на него так, что он поневоле подавил нервический смешок. Она в замешательстве воззрилась и на мужа, но ничего не смогла вымолвить. Не решаясь на что-либо, она прошла обратно в дом, по пути срывая со стола салфетки и комкая их. Пойти в сад и присоединиться к сбитым с благодушного настроения гостям ей расхотелось.

Глава 10

На следующий день Александр выглядел подозрительно молчаливым и даже задумчивым. Подпирая кулачками подбородок, он шепетильно косился на свои ногти и жмурился всякий раз, как солнце царапало его нежные щёки. Он всегда вкусно пах, был красиво одет и внешне учтив. Елена любила это. Не существовало в их жизни полного отчуждения, граничащего с ненавистью и отречением. В порыве сильной духовной борьбы Елена подвергала его опале и, разжигая себя, представляла, как он противен ей. Но по истечении времени она уже не думала о нём с пренебрежением – не могла ненавидеть, как ни старалась. Всё её существо тянулось к свету и процветанию, хоть и слишком глубоко воспринимало каждый нанесённый ему укол. Период гадливости сменился в ней умилением и даже соболезованием Саше, такому убеждённому непонятно в чём, незащищённому. Елену раздражали яркие краски в описании тяжелейшего материала – отношений между людьми, она соглашалась, что «никогда ничего описать нельзя». К своему удовольствию она заметила, что муж больше не обязывает её нестись за ним в Петроград.

Утром госпожа Жалова вышла на крыльцо, и, держа руки на животе, наслаждалась текущим цветением воздуха, хотя мысли её были далеки от безмятежности. В его распускаю-

щихся нотах тонко слышалось близкое присутствие воды.

– Саша, ты болен? – спросила она у сидящего рядом Александра, с безразличной заботой оглядывая его. – Вчера ты был неосторожен и переволновался. С твоими ранами... – она опасалась говорить о дуэли.

«Идиоты!» – думала она ночью и воображала, как накажет их обоих за такие вопиющие игры. Но на практике всё, как обычно, встало на свои места.

– Ах, оставь, – с внезапной досадой на то, что она испортила выдумки, пекущиеся в его пушистой голове, отрезал Александр.

Он думал о себе и не находил, как прежде, богатейший источник для восторга самим собой и своими занятиями. Впрочем, избыток шампанского вчера ночью мог выбить его из колеи не меньше рассудительности. Атмосфера одиночества и опустошенности, неизбежности, присущая многим мыслящим людям его поколения едва ли глубоко въедалась в него. Он участвовал в увеселениях, поэтических вечерах, любил престиж и свободу, но всегда скучал в одиночестве, не представляя, что может открыть наедине с собой.

Супруги не вспоминали о прошедшем разговоре и не стремились вновь раскрывать ящик Пандоры. «Пусть идёт как идёт», – решили оба и остались при своих мнениях. Вспышки страсти и желания доказать своё прошли. В тишине они продолжали дышать. Елене непонятно было состояние Александра, никогда не восхищавшегося природой.

– Ты считаешь, что моя честь уязвлена? – неожиданно прервав благоуханное молчание, спросил он.

Елена удивлённо взглянула на него. Вечные дворянские кодексы и приличия теперь как никогда ослабели. Елена прекрасно знала, что нельзя считать человека порядочным только из-за его происхождения, хотя, как и многие, отдавалась стереотипам. Предрассудки, ханжество и гнёт среды в высших кругах так тесно сплелись с пороками, что любой удивлялся разносторонности среды, в которую попадал.

– Нет, отчего же?

– Мы с Нестеровым не дали друг другу сатисфакции уже второй раз. Тогда я подумал, что это недоразумение... Почему мы не довели дело до конца? Ах, если бы вы не мешали!

– Потому что нет более глупого способа лишиться жизни.

– А кодекс? Мы – люди долга, женщинам не понять этого!

– Куда уж нам. Не мы ведь из-за долга лишаем семью единственного кормильца, а порой и наследства. Это так самолюбиво несмотря даже на то, что вы сами рискуете собой. Ваша жизнь для вас – игрушка, но вы обязаны думать (вернее, не думать) не только о ней.

– То есть, по – твоему... Этот Нестеров прав, что может высмеивать мои принципы и не бояться отщипания?

– Саша, сейчас нужно думать о чём-то более важном. Времена Пушкина прошли, не бредь ими, мало кто сейчас действует так, как ты призываешь. Поберегите свой пыл для

борьбы с чужаками. Мы между собой более жестоки, чем с ними.

«Всегда какая-то ерунда кажется им важнее настоящего, вечного!» – подумала она с шелестом в сердце.

В тот же день вечером Алексей впервые после своего приезда постучал в дверь степановского дома. Елена не успела ещё испугаться, что Нестеров и Жалов вновь затеют перебранку, продолжив начатое накануне, ведь они не могли не сойтись вместе, чтобы не повздорить, как Александр предложил нежданному гостю распить с ним коньяк, а тот с учтивой, хоть и несколько наигранной улыбкой согласился. Прежде чем оба скрылись в кабинете Елены, опасаясь смотреть на неё саму, героиня романа расслышала:

– Я лишь хотел выразить вам благодарность и уважение за ваш вчерашний поступок, – миролюбиво, хоть тяжело, сказал Нестеров.

– Не думал, что вы поведёте себя как джентльмен, – последовал ответ Жалова. – Не ожидал, что вы пойдёте на поединок чести.

Неужели это действительно сказал её муж?! Елена оторопела, слегка даже, кажется, раскрыв рот.

– Вот видите, как полезно иногда слушать других. Не то чтобы интересен тот вздор, что они несут, но всё же... – насмешливо отвечал Алексей.

– Разумеется, это только в этот раз. Вас же я по-прежнему считаю изменником.

– Это ваше право, – послышался из-за запираемой двери совсем уж добродушный и почти перекрывающийся смехом ответ Алексея. – А, что ни говорите, безмерная удача, что до сих пор мы оба живы.

Уходя спустя несколько часов, затуманенный Алексей не видел Елену. Она играла с Павлом и даже из вежливости не почла нужным спуститься. Сверху доносился только заливи-стый смех обоих. «Так она, должно быть, счастлива, – невесело подумал он. Муж её не такое уж ничтожество... Тогда почему она так смотрит? Или у всех женщин это принято? А, может быть, она смеётся надо мной?» Впервые мысль, что Елена находится рядом с другим мужчиной, любит его, ро-жает ему детей, произвела в Алексее что-то похожее на рев-нивое нетерпение. Должно быть, не так – то просто искоре-нить в себе подлое это тление любви!

Разумеется, он и раньше подозревал, чем оборачивается брак, но только теперь представил это во всех омерзитель-ных подробностях. Эта мысль чётко выскочила перед ним ощущением почти физической боли и негодования, что без его участия она произвела на свет этого красивого мальчика. А он так мило наблюдает за движениями матери со щеня-чьей преданностью... Нестеров уже готов был умилиться, но вовремя одумался. «Не следует мне пить, – нечетко подумал Алексей, для верности опираясь на перила. – А то сорвусь и наговорю с три короба, да так, что уважение к себе потеряю. Не дело распинаться и самоуважение топтать».

Пока он потерянно стоял у двери, на лестнице раздались её торопливые шаги. Что это, она перепрыгивает через ступеньки? Алексею стало смешно. Елена спустилась вниз и в ужасе замерла, приняв Алексея за чужого.

– А, это вы! Вы всё ещё здесь... – с облегчением и досадой проговорила она, переводя дух.

– Да, я искал...

– Что же Александр не проводил вас? – перебила его Елена, не желая слушать, что соединяет Алексея и её мужа. Это само по себе казалось оскорблением лучших побуждений.

– Он ушел куда – то, – Алексей словно оправдывался за Жалова.

Он развёл руками и только тогда заметил за приотворившейся сквозняком дверь в небольшую комнатку застеленную кровать с разбросанными на нём мужскими принадлежностями. Это зрелище внезапно наполнило его душу таким порывом воодушевления, что он против воли улыбнулся. Елена не заметила этого, поглощённая своими невесёлыми соображениями. К досаде на мужа добавлялась теперь уязвлённая гордость и ревнивое непонимание, что они вообще могли делать вместе.

Физическая тяга к Елене никогда не занимала центральное место в отношении Алексея, напротив, была слабее, чем к другим женщинам, с которыми его не связывала неуловимая нить общности взглядов и скрытого, не безоговорочного понимания. Но сейчас Нестерову трудно стало удержаться

от того, чтобы не погладит её по щеке. Он отверг как непристойное то, что может последовать за этим вопиющим порывом. И слегка испугался растущего чувства стыда за то, что возможно творить такое в доме человека, с которым только что уладил недоразумение.

Больше Нестеров не сказал ничего, поскольку не имел похвального свойства вести пустяковые разговоры, попросился и удалился. По пути к Астафиным он чуть было не последовал примеру ранних весенних пташек, но опомнился и нахмурился, поневоле растягивая губы в улыбке. Угрюмость и думы о судьбах родины на время затмило эгоистичное сладкое чувство.

Деревья готовились опериться нежной листвой, бледно-голубое небо наивно смотрело вниз, на землю, готовящуюся стать не менее величественной, чем оно само. На фоне коричневых деревьев, застывших в ожидании очередной жизни после нескончаемых смертей яркими клоками задорно зеленели берёзки. Природа очнулась от скучной зимы, и вот-вот готова была залить мир зеленью и синевой.

Всю ночь что-то шептал дождь, так что утро Елена не надеялась застать ясным. Но оно оказалось вымытым, с приветливым, чуть занавешенным облаками солнцем, размытая улыбка которого тихим светом будила глаза. И Елена, улыб-

нувшись новому дню, с опытом сельской жительницы поняла, что он будет жарче всех предшествующих.

«Завтра уже май. Боже, как летит время!» – подумала она, как кошка жмурясь от солнечных лучей, любовно светящих прямо ей в глаза. Раньше Елена, подобно многим дворянкам, опасливо прятала бледность под кружевными зонтиками и вообще старалась не прикасаться к солнцу. Но, гуляя бесконечными русскими равнинами и отрадно чувствуя, как внутри медовыми мотивами разливается гротескная и лиричная музыка Чайковского, она поняла, чего лишалась. У неё возникла неприятная мысль, что она и не жила вовсе, пропуская простые человеческие радости, составляющие счастье.

Начав утро завтраком, Жаловы избегали смотреть друг на друга. То ли им было стыдно, то ли каждый понял что-то важное. Разговор вспыхивал, но сразу прекращался, затронув какую-то надорванную струну. Струну, которой лучше не касаться, иначе она с треском разорвётся. После того, как слуги унесли все приборы, Елена и Павлуша устроились на полу и рассматривали книгу со сказочными картинками, а Александр остался сидеть на изящном стуле. Украдкой посмотрев на него, Елена ожидала увидеть в них нежность к ребёнку, который сейчас тихо кряхтел, пытаясь стереть краску с платья Золотого. Но выражения лица Александра неприятно удивило её. В нём были тревога и страх. Но страх не за жену и сына, а прежде всего за себя. Елена и Павел всегда существовали для него отдельно с ним, и единения в семье

не предвиделось. «Идиллия», – улыбнулась себе Елена. То ли так распорядился хозяин – случай, то ли Елена сама упустила главную нить, родным был для неё только сын, только ради него она готова была на безумие. И в то же время она не чувствовала себя обязанной навек остаться подле мужа ради ребёнка.

Елена предпочла не заметить, как в холе тихо скрипнула входная дверь, и сразу почувствовала себя титаном, с плеч которого свалился небесный свод. Немногочисленные слуги, зевая, отправлялись отдохнуть от утренней беготни, и дом постепенно затихал. К Павлу с опаской приблизилась гувернантка, понимая, что сейчас начнутся его вечное ворчание и жалобные гримасы. Но Павел, наигравшись с матерью и получив от неё прикосновение поцелуя, устал и послушно поплёлся в личную спальню.

Проводив всех подданных на покой и оставшись номинальной хозяйкой дома, Елена, всё ещё чувствуя на губах тепло светлых павлушиных волос, решила пройтись по лесу. На природе ей всегда думалось легче, а оглушительные лягушачьи арии неизменно веселили так же, как чавканье сына. Его немецкая гувернантка, порекомендованная Елене Фридрихом, конечно, не разделяла материнского восторга и поджимала губы за столом.

Елена долго шла по влажной ярко-зелёной траве, источающей непередаваемый терпкий аромат. Мысли о жизни, о судьбе жужжали в голове ещё громче, чем улей ос на чердаке

дома. Елена, постоянно отвлекаясь на пейзаж, чувствовала, как думы в ней тают, и не могла ничего определить для себя. Единственное, что четко очерчивалось, так это истовая жажда свободы.

Подойдя к искрящейся белым золотом реке, Елена заметила у самого берега высокого молодого мужчину, раздетого по пояс. Внезапно её настигла мысль, что она пересекла границу, отделяющую Степаново от деревеньки Астафиных, и тут же, ещё не видя лица купающегося, поняла, с кем столкнулась. Совсем близко, в десяти метрах. Что-то обжигающее отравило её бродящую кровь и бешеной волной разнеслось по телу.

Так было часто при встречах с Алексеем, и Елена догадывалась, что её кожа окрашивается в тона июньских пионов. И, хоть она и знала, что он где-то близко, в любой момент может оказаться за спиной, справлялась с собой только через несколько минут после приветственного обмена взглядами.

Что он думает о ней, она не знала, а, став матерью, потеряла безрассудство и уже не могла напрямик спросить его. Елена, конечно, попыталась освободиться от противных предрассудков, но уж никак не от уважения к себе. Она умерла бы от стыда, получив в ответ его саркастический смех и безразличный взгляд. Так что день за днём она героически молчала и только старалась присесть к нему ближе, борясь со сладким желанием прикоснуться к его величественности.

Сегодня они были одни, не нужно было стесняться даже

любимой всеми Оленьки, и Елена не умчалась, горя страстью невысказанной привязанности, терзая себя градом самобичевания, а нетвёрдо пошла вперёд. Алексей, морщась от холода, обливал водой своё упругое тело (вряд ли изнеженные вояки, сидящие в салоне какой-нибудь Орловой, могли похвастаться таким силуэтом) и был так увлечён, что заметил заведённую Елену только тогда, когда она подошла к его купальне вплотную.

– Здравствуйте, Алексей, – она почувствовала трусливую гордость за попытки придать голосу непосредственность.

Он вскинул голову, отчего густые тёмно-каштановые волосы, чуть влажные от речной воды, встряхнулись.

– Добрый день, Елена, – сказал он растерянным голосом, забыв прибавить отчество.

«Может, и он боится?» – мелькнула у неё льстивая мысль.

И они просто смотрели друг на друга. Оба прекрасные своей молодостью, мыслями, полными надежд и неизменной человеческой борьбы с собой.

Она зачарованно созерцала его обнаженное тело, только смущённо, не так, как в музее. Перед высеченной из камня красотой преклоняешься, дивишься мастерству художника, но понимаешь, что это – мрамор. Совсем другие чувства захватывают перед живым человеком с тёплой бархатистой кожей. Елена, словно не смотрела на него месяц вырванных свиданий, отметила, что Нестеров приобрёл больше лёгкости в движениях, хотя скованным не был никогда. При этом

из его взгляда не исчезало прятавшееся беспокойство, хотя в целом, как ни странно, это придавало ему больше мужественности, которую так ценила Елена.

Алексей в тот момент вдруг подумал, что не смог победить в себе главного врага – собственное сердце, и обожание, кем бы оно не оборачивалось эти годы, всплыло из зарослей сознания. А эта женщина, смотрящая на него сейчас своими изумительного цвета глазами, окажется причиной многих неприятностей и многих радостей в его жизни, с этим ничего не поделать. В весну их любви Елена была просто хорошенькой девочкой с проблесками здравого смысла, покорившей его, как Наташа Ростова когда-то покорила Андрея Болконского, неиссякаемой любовью к жизни и открытостью. Но Нестеров не был настолько глуп, чтобы полюбить свою Наташу только за глазки и непосредственность. У него, ко всему прочему, хватило фантазии и проницательности, чтобы увидеть за её закомплексованностью, как он до сих пор оценивал сдержанность, проблески рассудительности. Все люди, которых он любил или хотя бы уважал, были наделены этим редкостным в его понимании качеством. Восхищаться женщиной только за надушенное платье и перспективу стать отцом двенадцати её детей он был не в силах.

Сейчас перед ним стояла уверенная женщина, мудрая и чувственная. Не стань она такой, призрак их любви давно уже развеялся над лесом, оставшись только сладковато-грустным воспоминанием о лучших днях. Из её черт ис-

чезла мягкость, но появилось нечто более ценное – стойкость и уважение к себе. Наверное, это было именно то, чего ему не хватило тогда, то, из-за чего он простился с ней, не понимая, сколько горя принёс.

Как можно предпочесть принципиальной борьбе женщину, пусть даже такую?! Алексей чувствовал, что возненавидит себя, если позволит ей завладеть им. Тогда, в первый раз, он смог разорвать узел, и сейчас должен... Мысль, что он сможет совместить и то, и другое, не озарила его.

В первый раз он исследовал её тем взглядом, которым обычно оценивают земную богиню любящие мужчины, в первый раз видел перед собой не хрупкий образ девушки в белом, наивной и опасющейся всего. С той Еленой было немного страшно, но хотелось узнать, чем обернётся обычная семейная тяжба. С этой хотелось поддаться искушению.

Она слегка пополнила, что шло ей неподобно. Из призрачной фигуры ушла надломленность, и новые женственные очертания будили что-то кроме умиления и гордого покровительства. Теперь-то она не нуждалась в покровительстве, слишком стойко смотрела на него, сама того не понимая.

– Что вы делаете здесь? – сдался первым он, стараясь загородиться от неё поднятой с мерцающей травы рубашкой.

Угадав его мотив, Елена едва не прыснула. Её остановил его странный взгляд и слабые блики на плечах, аккуратно очерченные линии рук, глаза... Близкие, знакомые, по-

прежнему непонятные. Буря в душе, борьба с собой, с последними пуританскими отзвуками воспитания. Елене стало невероятно страшно, что теперь, когда она почти сдалась и вот-вот готова совершить непоправимое, то, что разделит жизнь на «до» и «после», Алексей оттолкнёт её.

Выгоревшая тёмно-русая позолота, лучами солнца запутавшаяся в её небрежно заплетённых волосах, изгибы тела, глаза... Близкие, манящие. Стоит только протянуть руку...

– А помните тот вальс? Первый и единственный.

Она подумала, что допустила роковую промашку. Не нужно всех этих глупостей! Она попыталась выудить из него признание женскими полунамёками и хитростью, но с Алексеем Нестеровым это не помогло бы, скорее, наоборот, оттолкнуло своей пошлостью. Он был слишком прямолинейным, чтобы любить кокетство.

Но он не посмотрел на неё с вызовом, не рассмеялся и не взвёл глаза к небу.

– Помню. Я всё помню.

В душе её поднималось что-то стихийное, первобытное. Что-то гораздо сильнее слабого влечения к мужу или той юношеской влюблённости – идеологии, которую она испытывала к человеку, стоявшему теперь перед ней. «Я ведь не могу как девка...» – мелькнула у неё последняя разумная мысль, но быстро растворилась, как безмерно пустое. Всё тело жгло пламенем невысказанных слов. Уже плохо сознавая происходящее, она сделала смехотворную попытку повер-

нуть назад, но размякшее тело тянулось обратно. Прежде, чем Елена осознала, что происходит, она уже чувствовала чьи-то руки на своей талии и в пьяном восторге помогала им развязывать ленты на своей блузке.

Взрыв. Ослепительная вспышка всепобеждающего счастья. Щедрая награда за годы тоски и одиночества. Отказ верить, что столько драгоценных часов потрачено впустую. Казалось, что только сейчас жизнь предстала по-настоящему многогранной, что прошедшее не имеет никакого веса. Его бесчувственное тело рядом с ней. Бесконечная зелень земли на фоне коричневых ветвей и новорожденной листвы. Тихое дыхание. Слезы.

Глава 12

Алексей понимал, что пребывание любовником аристократической дамочки для его мятежной души унизительно. И опасался, что теперь, когда Елена набралась опыта, она научится манипулировать им. Не из-за убеждения, что прелюбодеяние – грех он решил заморозить то драгоценное между ними, оставить его летящими воспоминаниями. Скорее, из страха за себя, хоть ему непросто было признавать это. Елена, точно нежный рассвет, была близка и понятна ему, но, как любая незаурядная натура, загадочна и не анализируема. Предугадывать её поступки он не мог, хоть и пробовал. Что творится в душе другого, какие тайные мотивы влияют на модификации его личности, понять зачастую совершенно невозможно. Порой не понимаешь даже себя.

Алексей стоял на перроне небольшой станции и благодушно говорил о чём-то с молодыми парнями, латающими старый паровоз. Рабочие эти были до того закоптелые, загорелые и измазанные, что прохожие, зашитые в своё мировоззрение, снисходительно – заинтересованно оглядывали их. Алексей же, как всегда при встречах с людьми, которых считал лучше себя, искренне улыбался. Он смотрел на чопорных прохожих гораздо более недружелюбно, чем те исследовали его новых знакомых.

– И сколько же он продержится? – свободно спросил

Алексей, щурясь от яркого солнца и бликов, отскакивающих ему в глаза от блестящего железа.

– А чёрт его знает, – отвечал юный трудяга, скаля небывало белые зубы, между которыми развязно всовывалась папираса. – Хоть бы год. На леченой – то далеко не уедешь.

– Они думают, – принял участие в беседе второй рабочий – что для пригорода и такой поезд сойдёт, ан нет, сволочи. Мы – то здесь лучше любой столицы живём!

Дух сговора раскрепостил их, а явное дружелюбие Алексея располагало к грубой откровенности.

Алексей рассмеялся ярко, легко, и повернулся в сторону окошка с кассами. Ему показалось, что чей-то знакомый стан мелькнул возле него, пронёсся по платформе и замер неподалёку. Он увидел платье, извивающееся бутонами шёлковых цветов. Юбка, существенно укороченная и упрощенная благодаря Первой мировой войне, открывала свои тускло поблёскивающие лепестки навстречу свободе, смешанной с прохладой и спрятанным зноем. Складки одеяния распрямлялись, точно живые, и это зачаровало Алексея. Утро было прекрасно, ему не хотелось прерывать положение, позволяющее быть свободным от приветствий и разговора. Он не старался скрыться, но продолжал стоять, не сменив даже позы. «Не понравится – не моё дело», – растянул он и блаженно отдал лицо ветру, сырому, разжигающему жажду и внушающему надежду.

Елена мало обрадовалась такому приёму, но приняла пра-

вила и не спешила подходить к сборищу мужчин, обсуждающих что-то неинтересное.

Елена и Алексей молчали, но чувствовали присутствие друг друга. Оба молчали, но то, что происходило внутри них, было схоже. Начни они говорить о том, что рождалось внутри, выглядели бы нелепо и дали возможность позлословить словоохотливым купчихам и огрубевшим мужикам, презрительно мерившим их своими суровыми глазами из-под косматых бровей.

Люди неохотно раскрывают сердце. Да и могли ли тяжеловесные слова выразить хоть толику лавины, срывающейся внутри при виде дорогого существа? Любящим комфортнее было молчать. Молчать и понимать (или фантазировать) о том, что чувствовал другой. Взгляды – смущённые, нежные, насмешливые или просто жадные, способны были выразить больше.

Алексей посмотрел, наконец, на Елену и поспешно кивнул, затем вновь, только уже удовлетворённо отвёл глаза, посмеиваясь про себя. Елена показалась ему изумительной. Впрочем, так было почти всегда за исключением их ссор и моментов, когда он не знал, чего ждать от её приглушённого и одновременно строптивного характера. Почему-то ни одна женщина, с которой он проводил время, не могла заечь в нём это чувство преклонения, обожания и глубочайшей нежности, граничащей с покровительственным желанием оберегать. Потому ли, что она была олицетворением всего лучше-

го в мире, от которого он старательно прятался, который обжигал его, но уязвимо манил снова и снова? Ведь он скучал по роскоши и красоте, хоть и не любил признавать этого. Потому ли, что она чем-то напоминала ему мать?

Елена после долгих месяцев заточения в поместье не могла привыкнуть к шумной деятельности станции, её запахам и возне. Новы были эти размалёванные сажей и маслом лица, смело, но играючи ругающиеся и неодобрительно глядящие на стройность особняков с их раздражающим пафосом и пренебрежительной настороженностью к тем, кто не входит в привилегированный круг властелинов жизни. За редким исключением дельцов с огромным сердцем дворяне пытались замаскировать в снисхождении и жалости к низам безразличие и недоумение. Стало модой разглагольствовать о народе и делать вид, что любишь его, имея в душе пустоту. Но поголовно все кричали: «Русский дух!» и оскорблялись, стоило кому-нибудь указать на огрехи в стране.

Чувствуя чуть ли не в первый раз пульс рабочей России, Елена прислушивалась к нарастающим в груди позывам то ли убежать, то ли нервно рассмеяться, а может, подойти к Алексею и развязно показаться его собратьям. Она часто грезила о том, что начнёт держаться смело и вызывающе. Алексей, краем глаза следя за ней, был развеселён её ступёванным видом и нерешительностью. Елене не слишком хотелось выносить шуточки и двусмысленные комментарии, поэтому она оставалась на месте, делая вид, что занята рассмат-

риванием пейзажа. Вокруг станции пышно и лениво раскинулись леса.

«Издевайся надо мной сколько хочешь, но я не отпущу тебя снова, друг мой», – подумала она, а вслух осветилась многозначительной улыбкой, за что понравилась себе.

После случая на реке они не виделись. Теперь всё стало слишком слоёно, ей мерещилось, что их судьбы оказались спаянными, но рок преследовал их и мешал соединиться.

Из-за своей застенчивости и сдержанности, от которых хотела, да не могла избавиться, вытравить из себя брезгливую дворянскую сущность, Елена не могла сломить надуманную, но осязаемую грань между собой и этими полуобразованными людьми, на которых додерживалось величие Российской Империи. Алексей же чувствовал себя прекрасно, она знала это, и окунулся в мир, который звал его столько лет. Это была его свобода. Он улыбался совсем не гадко – отстранённо, чтобы его метафоры не понял кто-то нежелательный, шутил. Это была его стихия, его мир. Её это лишь настораживало.

Но она решила уже идти на компромиссы, поняла, насколько мудро поступают женщины, не отдавая всю себя, но уступая. Правда, и он по её разумению должен пойти на них, иначе одностороннее соглашение быстро изотрётся и оставит двух людей опустошёнными.

Он ждал и рад был её появлению. Постоянно, когда они пытались разыграть между собой романтику, он не мог отка-

зять себе в удовольствии немного подразнить её. Алексею от-
радно было видеть, как грациозно Елена раздражается, оби-
жается и пытается казаться бесстрастной. Он будто и драз-
нил её своим кругом, и стеснялся, что она видит его таким, и
боялся, что рабочие начнут шутить о них, и даже досадовал,
что она обнаружила их причастность друг к другу. А больше
всего он злился на самого себя, что чувствует всё это. Ему
казалось, что все видят его беспомощность перед женщиной
и смеются за спиной, хотя его собеседники не подали к этому
ни малейшего повода. Даже за внешней непринуждённостью
он ругал себя и Елену заодно. Зачем она пришла, зачем по-
любила его, зачем вообще родилась? Перед дворянами он мог
вытворять всё, что угодно, не цепляясь душой за их мнение.
Этих людей он уважал, поэтому дорожил их мыслями.

Её запах всё ещё чудился ему на собственной коже. То,
что произошло, казалось теперь ещё прекраснее, и Алексей
охотно, с каким – то новым ощущением бьющего изнутри
света балагурил с рабочими мальчишками. Он понимал, что
она ждёт с трогательной детской застенчивостью, но не мог
почему-то отойти к ней, боясь, может быть, разрушить хру-
стальную тайну, воцарившуюся сегодня между ними.

Ей необычно было наблюдать за тем, как он, разнуздан-
но поставив ногу на паровоз, громко объясняет что-то ра-
ботающим. Одеждой он мало отличался от простого люда.
Подпоясанная синяя рубаха существенно открывала шею, на
которую Елена засмотрелась и сегодня. Таким оживлённым

она видела его редко, но именно бесёнок, проскальзывающий сейчас в нём, покорял больше всего. Этого она ждала всегда в сдержанности Алексея и его оскорбительном безразличии к человеческому роду. Сейчас, как у реки, он был живым. Это состояние наиболее подходило ему, как мечтателям больше всего подходит одиночество. С этим Алексеем, а не с тем чопорным непримиримым мужем, сурово давшим ей понять, насколько она несовершенна, она согласна была с громким треском оторвать от себя кусок старинной материи. Хотя, в сущности, она уже сделала это ещё до его появления. Алексей подоспел вовремя и озвучил то, что уже плавало в океане её соображений, но не было понятно.

Наконец, Алексей вытер запачканные руки о сальную тряпку и приблизился к ней. Не успев поприветствовать её, он услышал заготовленную заранее речь, произносимую тихим твёрдым голосом.

– Подари мне месяц здесь, никуда не выезжая. Потом я поеду с тобой, куда захочешь. Не то, чтобы я вдруг решила положить свою жизнь на твою, – добавила она с полуулыбкой. – Просто моя жизнь стала вдруг, не сразу, конечно, казаться мне недостаточно деятельной... Одно из немногих светлых пятнышек – мой сын. Я долго жила в уединении, и теперь хочу в гущу событий. Во мне как будто растаял снег, и весенние ручьи зовут на подвиги.

Оказавшись в эпохе, где каждый был либо консерватором, либо ратующим за прогресс, поскольку тех, кто стоял в сто-

роне от разрывающих Россию деяний, не принимали в счёт, Елена не могла определить своего отношения к революции. Её привлекали решительные личности, но то, что они говорили, порой смутно не нравилось ей, избегающей всяких гипербол и неприятностей, «нечистоплотностей». Едва ли она даже перед замужеством, общаясь с определённо настроенной молодёжью, всерьёз задумывалась над тем, что может включиться в ту пожирающую умы игру, ведущуюся в беспокойной и пристыженной Российской империи испокон века. В ней бродили осколки волнующих опрокидывающих мыслей, но мешало, наверное, сугубо консервативное воспитание, отрицающее всё, что противоречило нормам. А нормой было свято верить в нерушимость церкви и самодержавной власти, молчать о том, что выбивалось из понятия о законе и нравственности, и ни при каких обстоятельствах не верить никому кроме своей семьи, пусть даже она собственноручно использовала тебя во имя «высших» целей. Честь, совесть и терпение были в почете, несмотря на огромное количество появившихся из-за реакции противодейственных группировок. Официально по-прежнему дворяне продолжали считать себя столпами, кушать икру и недоумевать, отчего ропщут низы. Если бы кто-то встряхнул её, схватил за руку и повёл, она, окрылённая, знающая, что так надо и так суждено, пошла бы. А пока что она забыла все прежние откровения, после которых чувствовала небывалый прилив мудрости и сил.

– А муж? – спросил Алексей, стараясь выглядеть сурово.

Её речь путала его мысли, но была отрадна. Теперь уже жизнь с ней казалась возможной, реальной, и эта истина захлёстывала сознание и цеплялась за скрытые желания, как ветер, дующий в лесу.

– Считай, что его нет больше, – храбро отметила Елена, не обращая внимания на стучащее о виски сомнение.

В душах раскрывались неведомые прежде клумбы возможностей, чувств и лиц. Лес рядом шуршал, шелестел и журчал звуками жизни, а парни на составе не казались, как с первого взгляда, дикими. Они весело, что казалось Елене чудом при их тяжёлой жизни, травили байки и посматривали на молодую барыню, клочок роскоши в их рабочей жизни. И, хоть они и хмыкали друг другу, переглядываясь, она понимала, что это не злость.

Алексей выжидательно смотрел на изменения её лица и одобряюще сужал свои добрые (когда они стали такими?) шоколадные глаза. «Если я не познаю это сейчас, я буду несчастна до конца жизни. Она мало смысла будет иметь, если я не чувствую, а, значит, и не живу вовсе. Не хочется превратиться в заморенную старуху, живущую только детьми, которым нет дела до неё...» Вслух она лишь улыбалась, расширяя глаза от ожидания его ответа.

Она выбрала. Затишью противопоставила деятельность, неволе свободу. Пусть будет так, лишь Павлушу она никому не уступит, даже если придётся бежать и скрываться. Хотя в глубине души она понимала, что всё не так страшно и

заученно, как в историях, гуляющих в кругу просвещённых дворянок. Елена, получив блестящее образование и развивая его бесконечным самоанализом, не верила в крайности. Прикасаясь к миру мятежа, восстания и пьянящей свободы, она чувствовала себя сильнее. Он не отталкивал её, с каждой минутой становясь всё отчётливее. А отчётливое уже не пугает, потому что его не подбадривает фантазия.

Глава 13

– Лёша, а почему ты сейчас не там, не с ними?

Он вскинул на неё погрузневшие глаза, и знакомое выражение отрешённости на его лице пронзило её сладкой материнской болью. Так бывало с Павлом, когда тот боялся сказать матери о разбитой чашке. Алексей, видимо, никогда не мог быть абсолютно счастлив, что-то мешало ему, цепляло и тянуло.

– Собирался ехать днём тридцатого, – он заговорщицки улыбнулся. – Первого мая ожидались большевистские выступления.

– Но почему ты не уехал раньше?

– Пойми, я ведь не с ними. То есть не в рядах, не завербован. Мне нравится действовать в одиночку, не слушать ничьих указаний. Мне нравится нести в массы, как народники. Но кому я могу рассказывать о программе большевиков? Ольге с Петром или твоему Павлу? – он засмеялся, почёсывая щетину на подбородке. – Я, конечно, должен быть в Петербурге, там сейчас самое интересное. Большевики не довольны временным, временное не довольно большевиками, а эсеры популярнее всех... Двоевластие. Смутное время, Лена, очень смутное.

– Почему же ты не уехал раньше? – повторила она вопрос, на который он так и не дал ответ.

Алексей закрыл веки, отчего взгляд превратился в усталый и по-детски беззащитный. В этот момент он был просто любящим человеком, а любящие уязвимы. В последнее время Елена часто ловила у своего отражения в зеркале похожий взгляд, только не измороженный, а странно счастливый. У одержимых людей в глазах мелькает смешение счастья и присыпанного надеждой отчаяния, что страшит тех, кто видит это, больше открытого безумия. Глядя на них, на ту эпоху, в которую они жили, не верилось, что они могут одолеть вместе счастливую жизнь. Счастье вообще слишком призрачно, а во времена воин становится гостем судьбы, и Елена с Алексеем, обладая интуицией мудрых, понимали это. Не осознавали разумом, но планов на будущее не строили, опасаясь даже заговаривать о этом.

– Если бы я сказал, что из-за тебя, я бы, наверное, слухавил, хотя... Бывает, сам в себе разобраться не можешь. Я всё тянул с отъездом, думал, не время ещё. Письма от товарищей мне не доходили, только одно, недавно. Телефона здесь нет. Хотя, может, я просто убеждал себя, чтобы с тобой остаться. Ты так меня притягивала, так умно говорила, что я иногда долго лежал без сна и думал, что права ты, а не я. Ты мягче.

Они сидели на полу заброшенного домика, в котором раньше жил полусумасшедший старик. Он бегал по селу и выкрикивал ругательства, а ещё любил драться с ребячней, чем приводил в восторг Аркадия, и хозяин кидал рабу монетку. Тогда, напившись до судорог, старик начинал гово-

рять такое, что всем в деревне становилось дурно. Что-то настолько правдивое и страшное, что люди испытывали досаду, и сквозь озноб пытались обратить всё в шутку. Кто-то, находившийся всегда, набрасывался на старика, и началась драка. Однажды старик, которому едва исполнилось полвека, повесился на крыльце своего покосившегося домика. С тех пор там никто не хотел жить. Крестьяне вымирали – кто-то уходил в город, от отчаяния бросив последнюю землю, кто-то спивался. Недостатка в дворах не высказывалось.

Елена случайно открыла это место. Она часто в одиночестве гуляла по поместью, заглядывала в самые отдалённые уголки, радуясь, обнаружив что-то интересное. И часто теперь сидела в этом доме по вечерам, распахнув окна и двери, кожей впитывая многоликий закат. Отблески солнца слабым светом отдавались в стёртой краске пола. Всё было овеяно загадочностью и негой, красотой и едва ли не мистикой.

Голова Алексея покоилась на её коленях, и в предсмертной тишине мёртвого дома улавливались только обрывочные звуки нелёгкой деревенской жизни: хриплые окрики мужиков, пьяные песни, истошный лай собак, от злости готовых выпрыгнуть из своей жиденькой шкурки.

– Как чудно пахнет весенний вечер с его палитрой запахов вспаханной земли, костра, ярких полевых цветов, заката. Да, иногда мне кажется, что закат пахнет по-своему, и каждый месяц по-разному. И так хорошо и больно становится на душе, когда запрокидываешь голову и улавливаешь оттенки

воздуха, что не хочешь, чтобы солнце тонуло в горизонте. А в воздухе всё равно какая-то недосказанность, словно природе нравится мучить нас, держа свои тайны при себе.

– О, да какая тебе революция! Ты поэт, Лена.

– Я вообще не знаю, зачем людям воевать, постоянно убивать кого-то. Неужели так сложно просто жить в мире и помогать друг другу?

– Это утопия, Лена. Счастливая, но утопия. Так никогда не будет. Так не может быть, потому что все люди разные, и многие подонки. Так что просто надо вымести весь мусор, и только потом строить лучший мир.

– Так этого хотят большевики? Вымести весь сор, то есть нас? Мы им много горя причинили, но выметать нас за что?

– Нет, что ты. Мы просто хотим справедливости. Её, по-моему, со времён первобытно – общинного строя не было.

– Не было.

– Но должно же быть, правда? – он упёрся подбородком в ее колено, отчего ей стало больно.

– Я не знаю. Всё это так сложно. По-моему, как мы позволяем, так к нам и относятся. Позволяем мы убивать нас, топтать наши идеи – так и будет. Смотрели мы веками, как гнутся крестьяне – получаем теперь всё сторицей. И нечего голосить, что мы несчастные, против нас пошли рабы.

– Ты мне это говоришь? Я и так это прекрасно знаю.

– Прости, – улыбнулась Елена. – Я разошлась немного. Я бы хотела сказать это отцу, да он не поймёт.

– Ты поссорила с ним?

– Да. Сразу после того, как приняли конституцию. Ты бы его видел, просто святое негодование! Как это так, без царя – батюшки, который ничего не делает, но зато величественной поступью входит в Мариинский, и все ему аплодируют и умиляются семейственности и нерушимости вековых устоев! Все, включая временное – предатели, и только Аркадий Петрович Грушевский прав. Противно. Он в девятнадцатом веке застрял, а мы уже по двадцатому несёмся.

– И куда несёмся...

– Лёша, никто ведь не знает, в какое время живёт. И что будет завтра.

Они замолчали. В комнату начали залетать сбитые с толку жуки.

– А ты можешь не бороться больше? Давай просто жить и пытаться стать счастливыми, – голос её звучал неуверенно, потому что предугадывал ответ.

– Но как мы можем? Мы должны быть со своим народом, а не сидеть в стороне и кричать: «Моя хата с краю!»

– Но революция уже была. Сейчас нужно просто ждать. Или строить лучшее... но не продолжать.

– Леночка, Лена! Опять будем сотни раз повторять друг другу одно и то же? Мы уже говорили об этом. Ждать, ждать, всё время ждать, уповать на кого угодно кроме себя... Довольно!

Она обняла его. В сущности, революция не коснулась её,

только слегка смутила своей непредсказуемостью. Но смутила ожидаемо, поэтому не неприятно. Вчера был царь, его, если и не все уважали и любили, то, по крайней мере, кланялись. Пока что ситуация не принимала формы эпидемии – редкие волнения и недовольства, несколько арестов, смутный страх. Но зато эмансипация и долгожданное, почти уже невероятное, освобождение крестьян. Вот ведь парадокс: после крестьянской реформы некоторым служителям земли стало жить ещё хуже, чем до неё.

Многие прогрессивные аристократы с восторгом встретили февраль, приняли перемены. Но были и такие, как Аркадий Петрович, до конца верные своему государю, что бы он ни делал, упрямые до безумия и гордые до абсурда. Аркадий поклонялся не императору, а идее абсолютной монархии, которая свято чтит его интересы помещика. Он не мог поменять своё раз и навсегда вдолбленное мнение. Это казалось ему кощунством святых душевных идеалов.

Всякая крайность не может привести к чему-то хорошему.

– Да, я знаю, родной. Но так боюсь. Я ведь женщина, помнишь? А нам свойственно бояться и осторожничать, потому что мы отвечаем не только за себя.

– И в этом вы сильнее нас. Да и мудрее. Там, где можно спокойно переплыть реку, вы не станете бросаться в пучину. Но мы другие, нам это нужно.

– Нужна война?

– Да, как воздух. Тысячи искалеченных судеб, раскаяние и проклятие военачальников. Но это нам нужно, мы не можем иначе.

– Да, только всё величие на крови построено! И что обычным людям до того, что ценой утрат близких они получают ещё какой – то клочок земли, будут жить с побежденными и чувствовать их ненависть?! Ни одна война ещё никому не принесла счастья. Никому ни одна. Но всё продолжается... Почему люди не могут жить в мире? Я постоянно задаю себе этот вопрос и не могу ответить.

– В этом человеческая суть, и здесь ничего не изменишь. Никогда. Всё это было, есть и будет. Здесь мы бессильны, мы просто люди. Да и правители бессильны, потому что власть, купленная насилием, не существует долго. И, как правило, такие, как Наполеон, заканчивают свою блистательную жизнь убийцы миллионов во всеобщей ненависти. Стоит на деле узнать, что такое война, стоит потерять близких, начинаешь думать, что патриотизм не так уж хорош.

– Но что мы можем сделать?

– Ничего. Только стать добрее, вдруг и окружающие тоже изменятся, глядя на тебя. Начинать нужно с себя. Кто-то из древних так говорил, да?

– Не помню. Но мысль-то стоящая.

Снова комнату наполнило молчаливое упоение совершенством.

– Я так боюсь опять потерять тебя.

Он улыбнулся той чудесной улыбкой, которая так поразила её тогда, давным-давно, когда они ещё не знали, как скрутятся их судьбы в водовороте непредсказуемой жизни. Его улыбка озаряла лицо тёплыми закатными лучами, оно будто светилось. Из уст надоевшей любовницы, страсть к которой уже меркнет, эти слова ударили бы по нему запахом дешёвизны. Но Елена была любима, невесомо прекрасна и дорога, поэтому его клюнула благодарность. Оказалось приятным знать и быть уверенным, что есть на свете хоть одна душа, которая боится за тебя.

– Мне так хорошо здесь, как в детстве, с мамой. Никогда не чувствовал такого успокоения. Казалось бы, страна на перепутье, смутное время, а я сижу здесь с тобой, смотрю на небо, и ничего мне больше не нужно.

Благодарный поцелуй. Знакомый едва уловимый запах её волос, аромат молодости и нагретого в закатных лучах тела.

Смеркалось. С неба исчезли редкие облачка, уступив место бледно разгоравшимся звёздам. Небо, стремительно темнея, уносило далеко в свою синеву, с каждой минутой становящуюся всё бездоннее.

– А что с Александром?

Воздушная атмосфера неброского очарования рухнула. Приходилось возвращаться к жизни.

– Я говорила с ним. Он сказал, что развод неприличен, он не может опозорить свою семью этим.

Из расплывающихся очертаний его силуэта донёсся тихий

смех.

– До мозга костей дворяне. И смешно, и жалко, и совестно почему-то. Не хотят ведь нищеты, но ничего сделать не могут. Не приспособлены к жизни, но умны. Вот их проклятье. Со времён Онегина и Рудина ничего не изменилось, ничего, – молчание не от того, что нечего больше сказать, а оттого, что сказанное слишком точно, и прибавить что-то значит просто повторять одно и то же. – Как ты вообще умудрилась выскочить за него?

В его тоне почувствовалась досада, что заставило Елену улыбнуться про себя. Все годы с мужем, не слишком счастливые, а иногда даже тошнотворные, сейчас казались забавной пьесой с ней в главной роли.

– Ты уехал, а он оказался рядом.

Алексей раздражённо пошевелился.

– Но у тебя ведь были и другие поклонники, почему именно Жалов?

– Поклонники и возлюбленные – разное. Меня никто не любил так, как нужно, как хотелось. По-настоящему. Никто не был искренним и душевным, понимаешь? Я это только сейчас осознала, хоть и тогда чувствовала. У меня было время проанализировать свою жизнь, – она с горечью усмехнулась. – А Александр, поверь, был сострадающим. Он слаб, как и многие, но сердце у него есть. Может быть, он просто слишком любит фальшь, и поэтому всё, что есть в нём хорошего, марается о недостойных людей. Понимаешь, он ста-

новится тем, кем его хотят видеть. Из-за этого он многих заставляет страдать.

– Прости, что уехал тогда, – скупно проронил Алексей.

– Брось, Лёша. Главное – настоящее. Не стоит портить жизнь мыслями о том, что прошло не так, о том, что не сбылось. Так ничего не исправишь, а только душу разбередишь. И ты меня прости, что оттолкнула тебя второй раз. Как ты не возненавидел меня?

– Я возвращался в Петербург из-за тебя. Надеялся, что простишь. Я остыл, понял свою проклятую гордыню. Много я в жизни от неё натерпелся. Где нужно промолчать, чтобы всё не испортить, обязательно влезу в спор. Поэтому революционер из меня никакой, здесь же надо тонко, на ощупь. Вот террористы – это да. Без лишних слов, наотмашь! Я ведь считал, что ты из-за предрассудков ненавистного мне света отказалась бежать. Но подумать, так ты во стократ умнее меня оказалась. Ты понимала, что постылая жизнь рождает ненависть. Мне-то было всё равно, я один на свете. Но ты, твоя семья... Я мог разрушить твою жизнь, а потом винил бы тебя в апатии и меланхолии. Так ведь обычно мы и поступаем. Любовь такая хрупкая, от ветра может разрушиться.

– Ты возвращался из-за меня? – Елена дёрнулась и стукнула колено об его подбородок. – А я подумала, ты решил удостовериться в своих правах на меня. Вначале я так надеялась, что ты приедешь, и всё будет по-прежнему! – в голосе её сквозили и возмущение, и волнение, и разочарование.

– Мне донесли, что ты помолвлена. У меня опять начался рецидив гордости. Я не мог поверить, что та, которая первая призналась мне в любви, так быстро утешилась. И поэтому я, хоть и вышел провожать тебя, ничего не сказал на твои гневные слова. Только слушал, а в тайне даже обижался. Как всегда. Какой же я дурак!

– Я так ждала тебя, а потом тоже вспомнила, что и у меня есть самолюбие. И решила не лить слёзы по мужчине, который так поступил со мной, а стать счастливой вопреки всему. Как я тогда злилась сначала на тебя, что ты так быстро сдался, потом на себя, что не уехала с тобой. Кого я жалела? Отца? Он ведь всё и разрушил, мы с тобой только докололи черепки. Хотя нет. Каждый сам в ответе за свою судьбу. Я стараюсь не забывать об этом, но иногда всё равно чувствую обиду на всех и вся... А обручилась я с Александром только в декабре! Должны были огласить помолвку в ноябре, но что-то не получилось.

– Вот так из-за глупости и рушатся жизни, – тускло процедил Алексей.

– Да. Поистине «Гордость и предубеждение»! Классика не стареет. Новые характеры не появляются, они лишь проносятся по временам и эпохам.

– Как ты сказала? «Гордость и предубеждение»? Какая-то новая книга?

– Нет, ей уже более ста лет. Просто эта писательница только теперь обрела популярность.

Он равнодушно кивнул.

– Но неужели вообще необходимо замуж? – спросил Алексей задумчиво.

– Я не могла жить с отцом. Это было выше моих сил – сидеть с ним за чаем, будто ничего не случилось. Ты бы видел, как он обращался с крестьянами. Как царь! Противно. Из-за таких, как он, Россия и оказалась на грани. Он отказывался принимать даже реформы и по-прежнему, со славянофильским фанатизмом, ратовал за абсолютную монархию, кровавые воскресенья, голод. Пусть народ гнётся, главное – показать мощь Руси – матушки, главное – величие! Если делать вид, что ничего плохого не происходит, может, и дальше можно будет прикрывать гниль шелками и надеяться, что когда-нибудь кто-то добрый и всемогущий сделает всё, как нужно. И воцарится рай.

– Вот поэтому – то большевики и не верят временному правительству, понимаешь?! – запальчиво заговорил Алексей, оживляясь, его глаза блестели. – Сколько уже было реформ, восстаний, и что? Что поменялось, ну что? Ничего. Всё только хуже и хуже.

– Но почему ты думаешь, что большевики смогут то, что никому ещё не удавалось?

– Я не думаю, я верю.

«Блажен, кто верует».

– Хорошо, если твоя жизнь имеет смысл, если ты, хоть и неправильно, но, мыслишь. Помнишь, Гипатия Алексан-

дрийская что-то в этом роде говорила, что лучше ошибаться, чем не думать вовсе. Я стараюсь, чтобы моё существование тоже было нужно хоть кому-то. Хоть Пашеньке.

– И ты по примеру Гипатии решила податься в философы? – спросил он, ехидно глядя на Елену.

– Время такое, родной. Если у тебя есть голова, поневоле начнёшь задумываться о судьбах родины, как бы пафосно это не звучало.

– И сердце. Сердце должно руководить всем.

Она странно посмотрела на него, чуть было не дотронулась до его волос, словно хотела удостовериться, что он живой.

– Иногда мне кажется, что мы с тобой – одна половина чего-то...

– ...чего-то хорошего, да? – он опять улыбнулся, показав выпирающие клыки.

– Да. Боже, как хорошо!

Глава 14

Александр уехал сразу после того, как узнал, как его жена проводит благоуханные майские вечера, и под влиянием Елены обещал заняться разводом, когда утихнет волнение. Он устал, сильно устал, поэтому не пытался больше удержать её. Во время его пребывания в Степаново он нашёл что-то неясное. Может быть, свободу, может, надежду, и это что-то поколебало его убеждения, которых он никогда не придерживался фанатично, забавляясь и считая, что жизнь должна быть лёгкой. Он отпустил. Влияние Аркадия Петровича и ему подобных за несколько дней истёрлось из его воображения, он начал мыслить Еленой. Её взгляды в нём быстро померкнули, как только он окажется вдали отсюда.

Нельзя сказать, что Жалов был потрясён до глубины души и гневался, как Отелло, но всё – таки... Елена, пусть и не страстно любимая, пусть не оценённая, была частью его жизни, и расставаться с ней было невесело. Из-за сидящей в нём безынициативности он плыл по течению и просто смотрел, как его брак рушится, даже не подумав, что можно это изменить. Стоя сейчас на крыльце и говоря женщине, подарившей ему сына, последнее «прости», Александр понимал, что от его жизни отстаёт крупное русло. Сердце сосала тоска, и даже великолепный русский пейзаж не радовал глаза.

– Ну, так... Увидимся ещё, Лена?

В душе её поднялось раздражение, но быстро улеглось.

– Неужели ты думаешь, что я буду препятствовать вашим встречам с сыном?

– Да, да, конечно, прости, Лена. Прости за всё, если что не так...

– И ты меня прости, Сашенька. Ты не был плохим мужем, просто не срослось. Не на той ты женился. Не те люди, не те характеры предоставлены сами себе в великой игре, называемой жизнью. Не приспособленные, не мудрые. Мудрость приходит уже тогда, когда наломаешь столько дров...

– Ты... Любишь его?

– Неужели ты никогда не замечал, как я смотрела на него?

– Не замечал. Я же... потом с тобой...

Снова набеги досады. Нет, конечно, жить вместе у них не получится. Это при прощании забываются все царапины, и кажется, что всё было светло и грустно, а разлучает смерть или война. Не начнешь всё сначала. Что прожито, то прожито, и гораздо лучше вовремя уйти, чем начинать жить отторжением. Им давно не о чем разговаривать.

– Ах, прости, я забыла, что ты обращаешь внимание только на то, как женщины ведут себя с *тобой*.

Прощание подпорчено. Он смущённо показал зубы, отчего выражение лица зрелого мужчины стало беззащитным. Белоснежные манжеты трепал нагретый дневной ветер, светлые волосы, по-русски мягкие и пушистые, переливались тусклым сиянием, как облака, за которые спряталось солнце.

Она неуклюже чмокнула его в щёку и спокойно ждала, когда он сядет в автомобиль. Финал такой же странный и поспешный, как их брак. Умей хоть один из них ценить другого, возможно, они прожили бы вместе счастливую жизнь. Со своими потёртостями и непониманием, но в старости гордо забыли бы всё серое и восхищали наивных внуков рассказами о книжной любви.

Елена, хоть вряд ли подозревала об этом, относилась к типу людей, которых подкупает восхищение ими. В числе её ценностей благодарность занимала видное место, а с теми, кто способен на благодарность, мир казался ей чище. Александр, поцеловав сына, к которому не испытывал ничего, кроме удивления, как тот вообще родился, уставился на Елену грустными глазами. Жена с трудом сдержала улыбку из-за мысли, что он может пустить слезу. «Ну почему с ним никогда не бывает по-человечески?» – подумала она, провожая взглядом пыльное облако, поднявшееся от машины.

– Мама, мама, пойдём играть! – выкрикнул Павел, набирая в кисть пригоршню пыли. Отъезд отца, так же как его прибытие, не произвели на него никакого впечатления. Гораздо больше ребёнку нравился Алексей, всегда разговаривавший с ним на равных, правда, часто о непонятных вещах.

В то время Елена задыхалась, догоняя потерянное счастье. Мир, оказавшийся на краю, бушевал где-то далеко. Где-то в бессмысленной бойне всё не заканчивающейся Первой мировой войны гибли люди, перед смертью даже не успевая

осознать, что их время истекло. Но, кто знает, вдруг это – лучшая участь? Умереть не в гниющем теле, а быстро, неосознанно, не успев почувствовать смертельную тоску перед последним вздохом. Словно просто погружаешься в очередной сон, теперь только бесконечный. Ни боли, ни страха, ничего. Вечная свобода, только тебя нет, и ты не можешь огорчаться этому.

Жизнь стала жемчужно – поблёскивающей. Они жили семьёй. Она – боясь поверить, он – забыв на время о своей борьбе. Впервые за долгие годы они наслаждались сегодняшним днём, а не ждали милостыни от будущего и не плакали о прошлом. Оба понимали, что скоро нужно возвращаться в Петроград – Петербург. Елена была согласна поддерживать его на скользкой дороге политики, Алексей был согласен ждать, пока она не решится вернуться в столицу и посмотреть в глаза родственникам. Впрочем, сейчас это уже перестало считаться существенным. Когда – то было невероятно важно, но сейчас... Сейчас начиналась другая жизнь.

Петр и Ольга, очнувшись от первого оцепенения, радовались теперь за друзей.

Алексей восторженно рассказывал Елене, какая жизнь их ждёт – свободная, справедливая. Старый мир догнивает остатки своего, гложет, осталось только сделать последний шаг. «Скоро наступит эпоха всеобщего счастья и процветания».

Елена верила, заморожено представляя себе будущее. Без

злости. Без войны. Без насилия. Без мерзкого собственничества и нищих, доведённых до крайности.

Лилово – малиновые облака провожали солнце к бескрайнему берегу горизонта. Светило тонуло в рассеивающихся к вечеру перьях газа, тускнело золотым пятном через пелену творожной дымки. Где – то вдали ветер ласкал нежные ветви берёзки, и, доносясь тихими приливами до них, втроём сидящих в душистом саду, шевелил пышные волосы Елены. Было спокойно и тихо, в душе заколдованными переливами проносилась русская народная песня. Был вечер.

– Хорошо... Только, родная, нельзя нам больше здесь быть. Скоро июль. Я чувствую себя Премудрым Пескарём.

Елена, всё понимавшая, вздохнула. Павлуша уснул на скамье в неудобной позе, чуть не дотрагиваясь пальцами до травы, но матери было жалко рушить его безмятежный сон.

– Конечно, Лёша. Пора – так пора, – в её словах затаилась горечь.

– Скоро всё будет по-другому. А сюда мы ещё вернёмся. Или, может, ты останешься здесь?

– Ну, уж нет. В третий раз я тебя не отпущу. Только жалко уезжать. С переездами всегда кончается какой-то кусочек жизни, и грустно становится потому, что он не вернётся.

И она обвела глазами холмы, поросшие ярким бархатным

пушком. Мысли путались в любовной лихорадке, и она ощущала только переполняющую сердце, бьющую через край, ослепляющую любовь. Любовь к сыну, Алексею, жизни, природе, красоте. К миру. Что будет, она не знала, но хотела верить, что ничего плохого больше не случится.

Плыл май, и они были счастливы.

Часть 3

Революция для женщины и есть: быт, холод, ночь...

Марина Цветаева

Глава 1

Вернувшись в Петроград, Елена не могла свыкнуться со своими новыми чувствами к городу. С момента её бегства оттуда пронеслась целая жарко дышащая жизнь. Сама Елена изменилась, но её родной город сильнее. Теперь они смотрели друг на друга с недоверчивым удивлением и не спешили обниматься.

Дома растянулись приглушённо, затаившись. Из всех обшарпанных углов выглядывали странного рода жители, постоянно происходили стычки и митинги, выступления и драки, самосуды. Правительство, деля власть чуть ли не со всеми партиями, ничего не могло сделать с бастующими, повстанцами и преступниками. «Самосуд – это заблудившаяся справедливость», – говорил Алексей без звериной радости в глазах. Ни одна партия не доверяла другой и ждала подходящего момента, чтобы сбросить соперницу с вакантного трона. Оказалось, что, свергнув царя, Россия не подготовила ему приемника, как всегда, не доделав начатое.

Елизавета Петровна всеми силами старалась скрыть изумление, увидев племянницу в сопровождении Алексея Нестерова. Та романтическая история, казалось, давно уже должна быть погребена в дебрях прошлого и выплывать на свет в моменты ностальгии и грусти, а ещё лучше – при вступительных аккордах к неизменно печальному русскому роман-

су. В такие минуты хочется вспомнить то, что не сложилось, и позволить себе слезинку. Каждому иногда кажется, что он мог бы... мог бы.

Елена была смущена не меньше Елизаветы, да и Алексей не выглядел победоносно. Одно дело было говорить (и свято верить!), что оторвалась от лицемерных правил, что они больше не закон для тебя, но совсем другое – видеть лицо любимой тёти и краснеть, понимая, как пошла вся мизансцена. Впрочем, Елизавета недаром считалась великолепным дипломатом, и, вздёрнув брови до линии волос на лбу, быстро совладала с собой и снисходительно пригласила гостей к столу.

– Как Павлуша вырос! – Елизавета Петровна, родив четверых детей и проводя дни в заботе о них, всё ещё недоумевала, когда они успевают становиться взрослыми.

После нескольких минут замирающего разговора Алексей тактично ушёл на прогулку с Павлом.

– Ленушка, что это ты выдумала? – быстро, с тонушим страхом спросила Елизавета, которой всё это время было очень сложно сдерживать эмоции. – Я понимаю всё, но ты замужем! Ты подумала о своей семье, о репутации? Ты что, решила, как актриски, жить с тем, кого любишь? Это же скандал! О господи, ну и время настало, как хорошо, что твоя матушка не дожила до этого!

– Лиза, Лиза, прошу, перестань! Ты мне сердце режешь, родная, пожалуйста!

– Но как ты собираешься жить? Александр знает?

– Да, он согласен на развод, но сейчас ему не до этого.

– Развод? – спросила Елизавета так, словно увидела призрака. – Позор для семьи...

– Для семьи? – странным тоном переспросила Елена. – Опомнись, дорогая, никакой семьи у нас нет, да и не было. Так что не стоит терзать себя.

– Как это нет, что ты говоришь такое?

– Нет. Мы с отцом, ты с отцом... мой брак... Разве ты не видишь? – в словах Елены чуть слышно пела горечь.

– Ленушка, не надо, не говори так!

– Нужно уметь признавать правду, Лиза, даже если она тебе не нравится.

– Боже мой, – Елизавета закрыла рот ладонью. – Эти аресты, убийства, Фридрих ходит сам не свой. Все боятся, а ведь хотели революции! И только выскочки, которым нечего терять, на коне. Мне страшно, Ленушка, так страшно...

– Да чего бояться? Это неизбежно. Потом всё успокоится, не мучь себя понапрасну.

– И Клавдия...

– Что с ней? – Елена вскинула голову.

– Я не знаю, что с ней творится... Приходит из гимназии, огрызается, с нами почти не разговаривает. Что-то недоброе грядёт.

– А остальные? Как мальчишки?

– Николай и Ваня пока малы, их интересуют только игры.

Если они и понимают что-то, в бездну не бросаются. Сейчас так легко рухнуть туда... Дух свободы всех с ума сводит. Хотя у них в гимназии пока всё спокойно, никого не смещали.

– Всё образуется, Лиза.

Две женщины немного помолчали, потом Елизавета возобновила тему, от которой так хотелось уйти Елене.

– Ленушка, но как ты всё-таки расскажешь отцу? Он не позволит развестись, – и, подумав, стоит ли сообщать о похождениях брата, всё-таки добавила, – он сейчас за границей, с какой-то вертихвосткой, которая тянет из него деньги. Он писал мне, жаловался... – Елизавета не могла не поделиться секретом.

Елена помолчала, потом безразлично вздохнула.

– Меня это не интересует.

Елизавета вновь испытала испуганное удивление. Елене не понравилось, что глаза тётки при последних словах предательски округлились. Было привычно видеть страх в себе, но не в других. Это резало, Елена не могла смотреть на то, как родной человек мучается из-за неё. Такова уж была Елизавета Петровна – волновалась за всех своих родных, даже за тех, кто ранил её. В ней была потребность прощать и смиряться, с точки зрения христианской морали она была истиной добротой. Но в жизни зачастую нужно не это, а сила духа и способность не впускать в свой дом тех, кто не дорожит тобой. А Елизавета Петровна впускала, плакала из-за сор, устраиваемых братом, и искала его, чтобы первой попросить про-

щения. «Конечно, уметь прощать – великое качество, но... Когда тебя топчут, стоит подумать, что и в Библии всё далеко не так категорично, как кажется», – размышляла Елена, возвращаясь в свою комнату и с нежностью глядя знакомую мебель.

Они сняли квартиру недалеко от центра Петрограда. Большое помещение нисколько не нравилось Алексею, но восхищало Елену простором и солнцем, затапливающим её в закатные часы. Он с презрением называл это «роскошью», видимо, имея в виду свою излюбленную тему пропасти между богатыми и бедными, но с печалью добавлял при этом:

– Мне страшно даже на паркет ступить. Он совсем как в Зимнем дворце, сам по себе произведение искусства... Хотя я привык к этому за время обвала на меня наследства и сношу, как должное, а отучиться не могу. К комфорту быстро привыкаешь, вот в чём беда. Мне интересно, стало бы в мире меньше мерзости, если бы люди послушались великих мыслителей и начали презирать материальное?

– Не думаю, – не в силах обуздать смех, отвечала его возлюбленная, – что люди восхищались зодчими и выдумывали все это, – она обвила руками пространство вокруг себя, – чтобы спать на траве и терпеть укусы муравьёв. Это ведь тоже красота, человек должен жить в красоте, чтобы его дух

стал возвышенным. Тогда он не будет злым.

– По-твоему, – перебил её Алексей, сузив глаза, что означало его готовность к словесному поединку, – что все императоры – диктаторы, все цари – деспоты, самодержцы, которые вроде и знают, что людям плохо, да не трогают пласты чиновничества, воспитывались не в красоте?!

Елена замялась, глядя поверх его плеча и пытаясь найти спасение в картине, прислонённой к стене.

– Я запуталась и хотела, кажется, сказать совсем не это... Наверное, если человек лишён элементарного, не ест и не высыпается, он не сможет строить светлое будущее, а пойдёт красть.

– Ты, как обычно, всё усложняешь...

– Нет же, я только пытаюсь быть справедливой, добраться до сути, хотя ты и не веришь, что это возможно.

– Я только пытался выразить свои соображения, – ирония и облегчённое превосходство выплеснулись в его манере произносить слова. Как ни ценил он Елену, ему не мешало обожание, чтобы считаться с её несовершенством. Её недостатки считались недостатками только им, в то время как другому человеку они, быть может, казались преимуществами. В любом существе с развитым сознанием живёт целый мир, и окружающее воспринимается им исключительно с его точки зрения, – относительно того, что нужно иметь необходимое и не гнаться за горами золота, от которых свербит в глазах, которые не приносят ни счастья, ни успокое-

ния, а довольствоваться малым. Но не спать в бочке, разумеется... Это уже дурость.

– По крайней мере, с этим я согласна.

Елена не делала трагедий из того, что они не во всём приходили к общему знаменателю. Для счастья ей достаточно было знать, что Павел и Алексей рядом, что у неё есть друзья и семья, что не нахлынут больше на неё те месяцы уныния и бессильной злобы от пустоты мира и собственной праздности.

Алексей теперь долго пропадал на политических собраниях и митингах, иногда брал с собой Елену, которой пришлось по душе на кричащих сборищах убеждённых, свободных людей. Вместе они опьянялись сознанием того, что незря проскальзывают время. Вдобавок они проявляли сопротивление и непокорность, перечая царизму и его приверженцам. Ведь их могли схватить поборники порядка! После таких вечеров они долго были в духе и продолжали развлекать себя уже наедине.

Она вновь собиралась поступать в университет, хотела только немного подождать, пока подрастёт Павел. Будущее виделось светлым, ярким и прекрасным. Неважно было, когда состоится великое, главное, что оно непременно настанет. «Раз уж эмансипировалась, мне нужна профессия», – запоздало отмечала Елена. Она много читала и размышляла надо всем понемногу, что не мешало ей сибаритствовать и развлекаться, развивая сына.

Дух нового времени поднимал со дна души забытые, но ослепляющие, возносящие на вершину чувства. Человек стал властелином своей судьбы. Ораторы со сцены били слушателей громовыми раскатами своего голоса, а содержание выступлений вызывало восторг у волн толпы, прогуливающих вниз. И разговоры о равенстве и братстве находили отклики во многих сердцах, в том числе и в сердце Елены. Новые лозунги нового времени будили в ней больше, чем размеренные разговоры о реформах в напудренных гостиных. Новое время отбросило мораль и предрассудки, как рваные чулки, и упивалось безумством. С начала революционных действий большее число новорожденных избирателей выступало за эсеров; за большевиков – около четверти, но они не теряли времени зря, напролом идя к цели.

Знать, оставшаяся верной монархии, заламывала руки и набрасывалась в печати на наиболее активных представителей оппозиции. Особенно доставалось писателям и поэтам, отрекшимся от традиций. Было странно читать в литературных журналах гадости, написанные их соратниками по перу, по отношению к творцам, попробовавшим свободу, о которой Россия молила с запёкшейся на губах кровью. Елене всегда думалось, что те, кто учит лучшему, сами должны этому лучшему соответствовать. Но, повзрослев, она поняла, что все, даже великие, грешат своими пороками. И даже они, забыв о том, что сами проповедовали, накидывались на думающих иначе. Правда, Васька слушал и ел.

Елена не виделась теперь со старыми знакомыми. Она ни к кому не была особенно привязана. Кто-то был мил, кто-то обаятелен, и только. Настоящие друзья жили теперь в пригороде и не хотели приезжать, хоть Алексей и расписывал изменившийся Петроград с горящими от восторга глазами. Такого с ним не случалось почти никогда. Теперь, когда Елена выходила в город и встречалась с приятелями, те демонстративно переходили дорогу и бросали на неё спесивые взгляды. Елена могла залиться краской, и, по законам жанра, убежать домой и оплакивать своё падение. Вот где была бы трагедия, и по ней когда-нибудь поставили бы пьесу.

Но Елена, с улыбкой принимая пренебрежение общества, которое уже потеряло власть и ещё отказывалось в это верить, только снисходительно улыбалась и шла дальше. Иногда, за неимением более достойного повода задуматься, она размышляла о том, откуда весь свет узнал, что она живёт с любовником, и смутно начинала подозревать всех. Порой ей казалось, что сам Александр, руководствуясь то ли желанием отомстить, то ли простой недалёкостью, разболтал подробности их семейной жизни. Но, в общем-то, Елену это мало интересовало. Было просто странно, что кто-то, ещё не осознавая близкие перемены в своей собственной жизни, по старинке живёт сплетнями и небрежением к другим. В том, что близка победа справедливости, Елена вслед за Алексеем уже не сомневалась.

Глава 2

В сентябре волнения усилились. Временное правительство не оправдывало надежд, не могло одержать окончательную волевою победу в гонке за власть. Футуристы, которых Елена не признавала, но всё-таки понимала, что те ратуют за отказ от глупого пуританства, отправили в Зимний дворец письмо, призывающее временных властителей убраться во-свои.

В одно солнечное утро группа странных лиц постучала в дверь большого дома Елизаветы Петровны. И, когда недалёкий слуга с наглыми глазами впустил их, начали напирать, требуя хозяина. Елена с Павлом и Алексей сидели в тот момент в гостиной, безуспешно пытаясь выведать у юной Клавдии её жизненные ценности. С девушкой, как и предупредила Елизавета, творилось что-то непонятное. Она, прежде ласковая, даже чересчур тихая, стала замкнута и поминутно глядела на телефон, а, когда тот звонил, молниеносно подбегала к трубке. Елену она раньше любила, а теперь только, кажется, терпела. Никто за ежедневными заботами не потрудился проявить терпение и такт, чтобы понять эту девушку, и она платила в ответ безразличным фырканьем. Елизавета сокрушалась, но надеялась, что это скоро кончится. Фридрих же, по-видимому, вообще не подозревал о том, что с детьми можно вести душевные беседы. Тем более в послед-

нее время даже он, всегда разговорчивый и благодушный, выглядел усталым и часто пропадал на службе.

– Хозяйка, принимай гостей, – вызывающе процедил небрежно одетый мужчина.

– Помолчи, – перебил его тот, кто, видимо, был главным у них. Это был невысокий, но приятный мужчина средних лет с почтительными манерами. Елена сразу предположила, что он из интеллигентной семьи. – Простите нам это вторжение, – почтительно обратился он к Елизавете. Как он распознал хозяйку, было непонятно. – Мы ищем господина Фридриха Ваера.

Елизавета, казалось, перестала дышать и во все глаза смотрела на непрошенных гостей.

– Что вам угодно, господа? – сухо спросила она.

– Видите ли, – главный потёр шею шершавой ладонью и неопределённо хмыкнул. – У нас есть к нему несколько вопросов.

– В таком случае я вас разочарую. Фридрих сейчас на службе. Всего хорошего.

Она решительно шагнула вперёд и открыла дверь, чётко давая понять, что не потерпит возражений.

– Это просто невыносимо! – прокричала Елизавета Петровна, возвращаясь к столу после того, как гудящая недовольным шёпотом группа растворилась в петербургском тумане.

– Лиза, что произошло? Кто эти люди, зачем им Фри-

дрих? – взволнованно спросила Елена. – Почему они врываются в дом?

– Он же занимался политикой, приближен к временному... им это не нравится.

– Кому – им?

– Ну, этим, которые против меньшевиков... Название такое чудное... Я ведь не разбираюсь в политике.

– Большевикам?

– Да, им.

– И... что, они хотят арестовать Фридриха? Но это незаконно!

– Они уже не в первый раз приходят – хотят что-то от мужа, – Елизавета понуро вздохнула. – Мне становится страшно.

– Да, но почему полиция не вмешивается? Что там временное думает?! – спросила Елена взволнованно. – Это что, они в каждый дом так могут прийти? Чего они хотят?

– Я не знаю. Фридрих не посвящает меня в свои дела.

Елена не могла понять, как можно делить крышу и иметь общих детей, но разговаривать лишь о пустяках. Станный брак, а раньше это казалось Елене разумеющимся. Хотя с тех пор, как ей всё это казалось, прошло столько времени... Вот Ольга и Пётр, например, всем делились не только друг с другом, но и с друзьями. «Наверное, поэтому они и счастливы», – подумала Елена.

– Они пытаются выведать у него планы временного, вер-

но? – спросил Алексей, впервые принимая участие в диалоге. По его неэмоциональному голосу вряд ли можно было судить о чём-то.

– Я не знаю... Может быть. На войне им все средства хороши.

– Да, – сейчас уже его голос звучал убеждающе. – Да, вы правильно подметили.

– Вы, Алексей, верно, неправильно поняли меня, – пошла на попятную Елизавета. Это было одним из её любимых занятий. – Я хотела сказать, они ведь воюют за власть, за голоса людей...

Но Алексей был доволен и не пожелал прислушиваться к объяснениям.

– Временное ничего не контролирует сейчас. Не в силах. Страна перестала подчиняться власти, – пугливо произнесла Елизавета, крепко держа себя за запястья.

– Удивительно, что она вообще ей когда-то подчинялись. Дамы не ответили. Слишком глубоко было уныние одной и неприятное удивление другой. Наступило нервное молчание. Только Павел пронзительно хохотал, подбрасывая вверх цветную бумажку, с наслаждением и непередаваемой детской непосредственностью следя, как с ней играет воздух, пронизанный крошечными светящимися пылинками.

Война пугала, особенно после того, как умирали знакомые люди. Елены это коснулось только отдалённо, в госпитале, но было горько знать, что кто-то в безумной попытке

вернуть всё кричит: «Нет, это неправда, они живы!» Война пугала, хотя бушевала где-то на границе, пугала тем, что никак не желала заканчиваться. Но больше всего побоища леденили тем, что могли начаться уже внутри страны, и уже без смысла, без желания рисковали бы собой те, кого Елена видела ежедневно. Даже в экстренной ситуации люди по своей природе в первую очередь заботились о себе, старались уберечь сначала близких, а уж потом думать о стране. Алексей осуждал подобный подход, а Елена признавала, что сама при необходимости выбирать поступит точно так. Кто из богачей заботился о бедняках? Обычно дело ограничивалось подачами милостыни, которая могла только продлить страдания, но никак не осушить их. Если кто-то из имеющих достаток намеревался купить себе очередной костюм или расстаться с деньгами в азартной игре, он не размышлял о том, что эти сбережения могли бы помочь неимущим.

Глава 3

Осень понемногу проявляла свои права, местами уже разгулялась повсеместно, проступая коричневым золотом в зелёной структуре листьев. Деревья пестрели изумрудной желтизной, а успевшие опасть листья сухими бабочками бежали по аллеям, шелестя как пуанты, скользящие по отполированному паркету. К некоторым исполинам кисть природы лишь слегка прикоснулась, ко многим же пёстрыми кусками в кроны солнце вкрапливало свои пегие краски разрушения. Мошки в сентябрьском безграничии светились множеством мерцающих искр, как солнце в русых волосах славян. Но на всё это мало кто обращал внимание.

В конце сентября Елена открыла дверь тихо скребущемуся в неё гостю и со странным разочарованием увидела за нём Наталью. Ту самую Наталью Воронову, красавицу и умницу.

Но что произошло с ней? Пред Еленой сейчас возникло не серьёзное лицо девушки, желающей счастья несмотря на дуновения судьбы, а полу растаявшая маска человека, который ждёт избавления слишком долго и уже не верит, что оно возможно. «От былой красоты не осталось и следа», – мог бы написать классик, но это была бы чересчур сильная гипербола. Наталья просто похудела и утратила прелестный цвет лица. Линия её тёмных бровей стала резче, суровее.

После короткого пребывания под следствием и полного

оправдания в связи с тем, что не успела ничего натворить, Наталья пообмякла, забыла Алексея и Евгения, утратила ярость и силу, наслушавшись вкрадчивых увещеваний монархистов, захотела тепла и семейного уюта.

– Добрый день, Елена Аркадьевна, – тихо сказала гостья и опустила голову. Её волосы без намёка на шик были заколоты на затылке.

– Здравствуйте, Наталья... Заходите.

Они прошли в комнату, и Елена, опомнившись от удивления, сказала:

– Не ожидала вас, вы уж простите меня за холодный приём. Ко мне сейчас старые знакомцы не ходят. Понимаете, ведь наверняка слышали, – при этих словах Елена с некоторой опаской посмотрела на Наталью. Уж не за тем ли она пришла, чтобы позлорадствовать? Нет, это на Наталью не похоже. Это бесчестно, а она такая возвышенная... прямая, но справедливая. Елена радовалась, что Наталья пришла, замазав былые обиды. Или... Так ли уж мы хорошо знаем людей, с которыми нас сводит судьба?

Но Наталья не выпрямилась с превосходством и презрением. Она странно смотрела на Елену, из-за чего той стало больно. Такой затравленный взгляд... Затравленный? Да. Выражения лучше и не применишь.

– Не стесняйтесь меня, Елена Аркадьевна. Мы ведь с вами сейчас в одной яме. Но вы, я вижу, не переживаете. Если бы я так могла...

Сверление в душе Елены уступило место неприязни. Наталья сказала «не стесняйтесь». Хороша, нечего сказать! Приходит без приглашения и ещё разрешает ей держать себя в руках.

– Что вы имеете в виду, Наталья?

При следующих словах визитёрши из мыслей Елены исчезла вся смутная неприязнь.

– Елена Аркадьевна, может быть, вы меня сейчас выгоните и презирать станете, я вас винить не буду. Я это всё заслужила...

– Да, боже мой, говорите уже! Так вы мне сердце разорвете. Что случилось, чем я могу помочь вам? – Елена не на шутку разнервничалась.

Наталья перестала искать что-то под своими потёртыми туфлями.

– Я люблю вашего мужа. У нас будет ребёнок.

Елена похолодела.

– А... Алексей и вы... – выдавила она из себя, сев в кресло.

– Алексей? Какое отношение он имеет к этому? Я говорю о вашем законном муже, Александре.

Елена приоткрыла рот и стала поразительно похожа на ребёнка, узнавшего, что Земля круглая. Жгущая боль в глазах начала затухать.

– Саша?

– Да.

После убийства Евгения и собственных недоразумений с законом Наталья решила, что никакие идеи не стоят смерти близких. «Он умер, и что? Кто-нибудь из тех, за чьи права он сложил голову, плачет о нём?» – спрашивала она себя и находила лишь один выход. Поступив гувернанткой в уважаемый петроградский дом, Наталья почти сразу сошлась с Александром Жаловым, являющимся другом старшего брата её подопечной и проводящим с ним свою побывку. Раньше Наталья не замечала, до чего он статен и обаятелен, хотя и обращала на него больше внимания, чем на других мужчин, делавших ей намёки определённого сорта. Он был совсем не таким, как сдержанный и ко многому безразличный Алексей.

Елена облегчённо закрыла глаза.

– Господи, Наташа, у меня чуть было сердце из груди не выскочило, – произнесла Елена, проводя рукой по волосам.

– Я не понимаю... – измождённая тоской и неустроенной жизнью, заботами, страхом и страстью, Наталья внушала жалость. Невероятно! «Что с ней сделала жизнь, и жизнь ли?» – с горечью подумала Елена.

– Послушай, раз уж так всё случилось, так причудливо мы сошлись опять, сядь на диван и послушай меня. Чаю хочешь? Нечего нам фамильярничать, раз мы скоро одной семьёй станем.

Елене показалось, что Наталья смотрит на неё, сомневаясь, не помутился ли её рассудок.

– Я одного не пойму, почему ты пришла ко мне? Торжествовать? Нет, не такая ты. Просить благословения? Так даю его тебе, только зачем оно тебе? Предупредить меня? Спасибо, мне новости неоткуда брать. Роди Павлуше здоровую сестрёнку. Им будет весело вместе.

– Что... что ты несёшь? – выдавила Наталья. Она как будто не проснулась ещё от долгого кошмара.

– Послушай, я не в силах понять, чего ты хочешь. Зачем ты пришла ко мне с таким видом, будто хочешь покаяться? Не ожидала от тебя.

– Я люблю твоего мужа уже два года. Он тоже, наверное, но, ты прекрасно знаешь, нерешителен. Он боится, что ты уедешь за границу с сыном, если потребует развод от тебя...

От удивления Елена прислонилась к стене, но решила дослушать.

– ... и реакции семьи. Ты же знаешь, брак на всю жизнь. Но... я так люблю, что готова на всё, лишь бы быть с ним, лишь бы знать, что наш ребёнок счастлив. Я бы не пришла к тебе просить за нас, если бы не слухи, что ты... живёшь с Алексеем, – при последних словах она поджала рот.

– Господи, – выдохнула Елена, чувствуя, как в сердце поднимается негодование. – У тебя есть ещё что-то, прежде чем ты услышишь мою исповедь?

– Отпусти его, раз он не нужен тебе больше. Если твоя любовь прошла, благослови нашу. Видит бог, я не ненавидела тебя никогда, – опустила до мольбы Наталья.

– Хорошо. Слушай же, я говорю тебе правду. Я никогда – слышишь, никогда! – не любила Сашу.

Послышались удивленные возражения, но Елена перебила их. Голос её резко разрезал тишину уединённой комнаты.

– Я не знаю, что именно сказал тебе мой, наш муж, но я никогда не держалась за него, так что не подумай, что я силой приковываю его к себе и угрожаю Павлом. Как... как он вообще посмел сказать такое?! Да я его тебе на блюдечке принесла бы, если бы мы ещё существовали, как семья. Неужели ты думаешь, что я начну ревновать или мстить, вспомнив былое?

– Но как? – вскрикнула Наталья. – Как это возможно? Он сказал, что ты безумно влюблена в него до сих пор и никогда не отпустишь.

Елена опять почувствовала неприятный толчок в груди. Что это, комедия или трагедия? Скорее, дешёвый водевиль. Любовный четырёхугольник – муж и жена, в равной степени запятнавшие честь семьи, несгибаемый борец за правду в лице любовника и раздавленная любовница, готовая прыгнуть с моста. Елена недобро скривила рот.

– Очень удобно, если не хочешь перемен в жизни, правда? А ведь я его ещё весной отпустила. Навсегда. Он сказал, что будет хлопотать о разводе, но когда немного поутихнут волнения. Развестись ведь непросто. Сейчас он опять отправился на фронт.

Наталья почему-то не удивилась откровениям «соперни-

цы».

– А его мать на порог меня не пускает.

Елена подскочила на диване.

– Как она смеет? Ты же... В твоём положении... Зачем же ты ходишь туда?

– Я... Надеюсь...

«Сейчас начнёт плакать... Боже, бедная девочка!»

Они просидели вместе до вечера, беседуя. Елене хотелось успокоить гостью, внушить ей надежду. В результате она убедила и себя, и Наталью в том, что всё сложится, и первенец родится вполне законно. Хотя тайна рождения сейчас мало волновала общество.

– Ты приходи ко мне, если возникнут трудности. Обещаю поговорить с его семьёй. Уж не знаю, почему он ведёт себя, как мерзавец... врёт. Он что, не понимает, как это всё важно для женщин?!

– Я знаю... Она имеет на него слишком большое влияние. Она не позволяет ему вступать в новый брак.

– Кто?

– Ирина Владимировна.

– Да, конечно. Мать всегда была для него авторитетом, но... Неужели её воля столько значит для него, что он предаёт любимую женщину?! Это бесчестно.

– Не всё происходит по чести.

Елена вздохнула.

– Ты боишься? – тихо спросила она.

– Боюсь. У меня нет ни денег, ни связей...

– Ты можешь обращаться к нам, Алексей и я... мы будем рады. Не сомневайся.

– Спасибо, Лена... – это прозвучало очень нежно. Помолчав, она добавила. – А ты... Как ты смогла это...

– Смогла что?

– Бросить семью?

– Не было никакой семьи. Павлуша остался со мной, так что я порвала только с Александром. Это не великая потеря, поверь.

– Ты всегда, всё это время любила Алексея? – с нескрываемым любопытством и ещё оттенком какого-то слишком тонкого выражения спросила Наталья.

Елена потрогала свою открытую шею.

– Я не знаю... Может быть, действительно всегда, просто не понимала... А может, любовь возвращается... Или это не любовь была, а только влюблённость, я не могу классифицировать свои чувства. Они просто вспыхнули снова, причём сильнее, чем раньше.

– Забавно, – усмехнулась Наталья. – Ты не думала о том, что мы отдаём предпочтение одним мужчинам?

Елену кольнуло.

– Ты это об Алексее и Саше?

– О ком же ещё?

– Думала. Мы с тобой, кажется, вообще похожи, – ревность в Елене всё-таки проснулась, но по отношению к дру-

гому, мужу в сердце, а не в церкви. – Так значит... Вы с Алексеем были помолвлены? – разговор разбавлялся неприятной краской. Узнать, что Алексей бросил невесту ради неё, будет невыносимо. Испортить жизнь человеку даже из-за чувств непозволительно!

– Нет, не были, – Наталья сглотнула, но это больше походило на спазм.

Дальше Елена, опасаясь неприятных подробностей, не решилась спрашивать. И чувствовала муки совести, провожая гостью и беря с неё слово заботиться о себе. На следующий день она решила идти в роскошную квартиру к Жаловым и разъяснить, наконец, всё. Неопределённость и эйфория счастливых дней испарялась, необходимо было думать о будущем. Алексею было не до семейных ссор – он погряз, как и многие люди его склада, в политике.

Глава 4

В связи со второй беременностью Ольга Астафина позволила себе изменить обычное любовно – взволнованное поведение и замкнуться в страхах за будущее. Потеряла она волшебное понимание витающего рядом счастья, которое можно погладить. «Это естественно для её положения. Привезу ей из Петербурга шаль», – думал Пётр, смущённо перебирая свою коллекцию монет. В последнее время он всё чаще напоминал жене Обломова.

Астафин оставил не только казенную службу, но и всякие попытки участвовать в политике. После непродолжительных раздумий он понял, что власть, какая бы она не была, ничего хорошего не приносит, и надеяться стоит только на себя. Поэтому он был вполне доволен своим теперешним положением, чего нельзя было сказать о его жене. Раньше она искренне верила, даже хотела уединения и жизни для семьи, но теперь, после отъезда Елены и Алексея, ей стало тоскливо и как никогда одиноко. Тёмный лёд меланхолии не способны было разбить даже Пётр и Машенька. Муж не ведал, что происходит, и по-прежнему считал, что всё, что хочет он, хочет и Ольга. Ольга поняла, быстрее, чем многие, что семейное благополучие – это день работы и час поминания, причём понимания с её стороны, поскольку Пётр при всём своём уме не дойдёт до этого никогда. Если задохнётся и это

час, брак бессмысленен.

В момент кризиса своего семейного благополучия Ольга получила увесистое письмо от дорогой Елены и в сочетании вспышек хохота и задумчивости прочитала его.

«Здравствуй, моя милая Оленька! Я получила твоё последнее письмо, но не могла сразу ответить на него. Не сердись на меня.

Не думай о плохом. Неужели ты не помнишь свою первую беременность? Те же страхи и «роковые предчувствия». Я вообще была уверена, что не выдержу этих мук, а сейчас живу так, как всегда хотела! Пойми, жизнь давит на нас, но, если мы находим силы не плыть по течению, постепенно отпускает, начинает уважать и преподносить подарки. Мы с Алексеем думаем приехать зимой, к тому времени ситуация стабилизируется (он так говорит). Больше читай романы со счастливым финалом!

Теперь позволь рассказать о себе. Произошло нечто удивительное, это и странно, и смешно до слёз.

Во вторник Алексей, как всегда, пошёл на свои митинги. Знаешь, мне кажется, что он всерьёз решил вступить в партию большевиков! Мне, конечно, нравятся их разговоры о равенстве, о том, что крестьянам наконец-то отдадут землю, но стоит ли спешить... слишком они тянутся к власти, а это не может не настораживать. Я в этом ближе к Петру, мне кажется, он прав, что не доверяет никакой власти. Помню, раньше он тяготел к эсерам. И что теперь стало с

нами? Большевики то ли своим упорством, то ли террором заняли прочную позицию. На западе их социализма как огня боятся. Или это только кажется, нас вводят в заблуждение? Кто знает, где правда? Мне кажется, человек вообще не способен добраться до абсолютной истины, потому что для всех она разная.

Ну да ладно. В общем, я была дома одна в тот день, читала. Горничная (теперь она у нас одна) гуляла с Павлушей. Представь, кто пришёл ко мне в тот день? Наталья! Твоя любимая Наталья! Поддерживаешь ли ты с ней переписку?» – Ольга вздохнула. У Натальи, видно, не было желания писать письма погребённому в деревне другу.

«Когда она рассказала мне, что уже два года она и мой всё ещё муж Александр любовники, я была несказанно удивлена, но нисколько не напугана и не оскорблена. Я знала, что у него была другая женщина. Но дело не в том. Пожалуйста, не думай, что я ревновала. Почему-то принято считать, что как только ненужный мужчина находит новое увлечение, в женщине просыпается чувство собственности. Но мне было не больно, а противно. Противно от пошлости ситуации, от жалости к Наталье.

Как она изменилась! Ты помнишь, какой она была? Красавица, умница, а какой характер! Мы все прочили ей блестящее будущее даже при том, что она вынуждена была идти на службу. Но она, наверное, решила, что должна принести себя в жертву любви (мне интересно, почему мужчины

делают это крайне редко?). Какие глупости! И что она получила от своей жертвы? Носит под сердцем ребёнка, не знает, родится ли он законным, живёт на окраине города и вдобавок унижается перед Жаловыми! Это просто невыносимо, как она дошла до этого?! Она не работает (в её-то состоянии), и ждёт денег от него. А он на фронте! Ну и история! А что, если он погибнет? Она окажется выброшенной на улицу! Сколько уже было таких историй.

Я не могла просто так оставить всё и, собрав в кулак своё мужество, отправилась к его матери. Всё равно когда –нибудь нужно было встретиться с Жаловыми. Ирина Владимировна мне, в общем-то, нравилась, хоть и носилась со своим сыночком, как курица с золотым яйцом. Я надеялась, что их нежелание породниться с Натальей (хотя они всё равно уже сделали это, ребёнка-то не спрячешь) – просто недоразумение, их семья всегда была пассивной. А ещё я боялась встретить у них отца...

Но как же я ошиблась! Жаловы при всей своей любви к богеме и видимому прогрессу считают недостойным их великой фамилии верить различным новомодным идеям вроде свободы в браке.

Я не без страха постучала в дверь, кляня себя за малодушие. Её открыла служанка, которую я прекрасно помнила. Она испуганно оглядела меня и впустила, постоянно косясь, словно я сбежала из тюрьмы. Увидев, что в гостиной помимо Ирины Владимировны находится и Антон Юрьевич,

отец Саши, я смутилась. Они, вроде бы, жили раздельно, по крайней мере, так мне говорил Александр. Меня приняли прохладно, но всё же, открытой злобы не высказали, только норовили уколоть и многозначительно переглядывались. Наверное, они думали, что я образумлюсь, и не рвали связи.

Какое удивительное единение во взглядах людей, до этого разъехавшихся и едва ли сохранивших между собой что-то кроме привычки! Они могли бы назвать меня публичной женщиной (преувеличения вполне в их духе, несмотря на то, что их сын портил крестьянок ещё до нашей свадьбы, как и большинство дворян мужского сословия). Какое лицемерие, ты не находишь? Рассуждают о морали и добродетели, при этом совершая недостойные поступки. И родители, и сын такие, и я в этом убедилась лишний раз.

Пока Антон Юрьевич с опаской трогал Павлушу (мне неприятно было такое отношение к моему ребёнку), мы разговаривали с Ириной, по возможности стараясь обходить острые углы. Было видно, как она приподнялась надо мной, смотрит свысока, как будто я в лохмотьях пришла просить прощения. Какой она показалась мне надменной и властной в тот день!словно передо мной возник другой человек в той же оболочке.

Как только я коснулась Натальи, притворно – суровый тон хозяйки исчез. Она одарила меня таким ледяным взглядом, что я чуть не убежала от них в тот же момент, забыв туфли. Оказалось, что бедный Сашенька страдает от недостойного

поведения женщин на каждом шагу (здесь, конечно, моё имя стояло в первых рядах); что Наталья сама соблазнила бедного мальчика, а он не обязан содержать её, но всё-таки делает это из *врождённого* благородства. Тот факт, что я хочу развода и рада была бы последующей за ним свадьбе Александра с женщиной, которая, в отличие от меня, готова смотреть за ним, как за маленьким и терпеть всё, не ропща, развеселил Ирину. Посмеявшись, она презрительно ответила, что Жаловы никогда не запятнают свою семью разводом, да и мой отец скорее умрёт. Он, кстати, видеть меня не хочет и лишает наследства (и это после того, как я полгода жила в Степаново, а он даже не запретил мне этого!) Интересно, кому он завещает все наши акции и земли? Насколько я знаю, после Ады у него не было невест. Он, наверное, ждёт, когда я подожму хвост и, обнищав, приползу к нему. Тогда он, гонимый состраданием и истинной высотой души, простит блудную дочь! Меня трясёт от этой мысли, не пойму, отчего именно. И Ирина Владимировна дала понять, что может простить меня, но для этого ей следует сделать усилие. Верно, никто всерьёз не воспринял моё намерение развестись и вторично выйти замуж.

Ты только представь себе, как я была поражена их эгоизмом! У меня до сих пор всё кипит в душе, Оля! Эти люди, эти вырождающиеся, нет, выродившиеся (вырождающимися были они у Салтыкова – Щедрина) дворяне, не умеющие ничего, кроме игры на публику, ещё мнят себя властелинами

России! Они до того слабы, что, разверзлись под ними земля, они не отбежали бы в безопасное место; но при этом держат сына в таких тисках, что он, уже разменявший четвёртый десяток, не способен принимать собственные решения! Хотя, может, он и рад такому размеренному житью, кто знает, а маска сынка – лишь прикрытие, чтобы не связывать себя вновь? Но это подло, я не могу поверить, что это тот мужчина, за которого я согласилась выйти замуж всего четыре года назад! Тогда, уже тогда, на своей свадьбе, я не понимала, почему все поздравляют меня, да и теперь настороженно смотрю на «счастливые» браки, на улыбки невест. Половина из них – кладбище счастья! В браке обычно начинается не «долго и счастливо», а такое... Только никто не верит в это, все надеются, что они-то перешагнут через то, на чём застряли мы!» – прочитав эти строки, Ольга на минуту отложила письмо и закрыла рот рукой.

«Александр слишком пластичный, слишком убеждаемый, и мне стыдно. Может, за то, что я не занималась им, а могла бы, наверное. Звучит смешно, но таков он! Бедная Наталья, в какое осиное гнездо она попала! И считает себя счастливой при этом! Через некоторое время она поймёт всё, но будет поздно. Уже поздно.

Я заканчиваю. Прости, если утомила, и напиши ответ. Как помочь Наталье? Может, стоит написать Саше на фронт, ведь там он лишён влияния матери? Я совсем запуталась, да ещё эти мятежи и бунты. Петербург притих, мы не знаем, бу-

дет ли завтрашний день избавлением или наказанием. Газеты лучше не читать, они такое пишут, причём каждая своё... Прощай, твоя Елена».

Глава 5

В ночь на двадцать пятое октября Елена и Алексей, оберегая покой Павлуши, шептались в гостиной.

В сущности, никто, кроме самих большевиков, не верил, что готовящийся переворот может изменить что-то. Подавили же июньское восстание, а от греха подальше перенесли правительство в Зимний дворец. Но Алексей верил в успех и говорил о предстоящем событии с горящими от экстаза глазами. Елена надеялась в душе, что он не сможет вступить в ряды большевиков, но в эту ночь ей стало по-настоящему страшно. Она была так занята улаживанием личных конфликтов близких людей, что как-то упустила из виду метаморфозы клокочущего сознания Алексея. Раньше они ходили на митинги и демонстрации, воодушевлённо слушали выступления и кричали вместе с толпой: «Долой Милюкова!», чувствуя при этом единение с народом, небывалое воодушевление и радость, ощущая наэлектризованную атмосферу толпы, её пульс, но... Елена была далека от политики, ей намного важнее было сознание безопасности близких.

Петроград молчал, и тишина эта была страшна. В сердце России, веками могущественной внешне, но беспросветно нищей внутри, созрел бунт. Русские, со всей широтой своей неспособной к анализу натуры, решились. Империя готовилась выплюнуть, наконец, занозу, веками вдальбливаемую

ей под кожу, несмотря на гной и боль. То, что не было докончено в феврале, само велело. Болезненный озноб страны оказался слишком силён, остановить его уже не представлялось возможным. Время никого не спрашивало и откровенно смеялось над прогнозами.

Вряд ли двое, сидящие сейчас вместе, понимали, свидетелями чего они становятся. Не только полного крушения старого мира, но и людских жизней, быта, мышления целого народа. В новом мире не существовало уже обыкновенных человеческих поступков – браков, влюблённостей, дружбы. Все людские связи, весь неспешный порядок прошлой жизни искажённо отразились в русле неумолимого времени. Люди сходили с ума.

– Вот скажи мне, почему они откладывают решение всех наболевших вопросов до окончания войны, но заканчивать её не собираются? И Учредительное собрание никак не созовут! Чего они ждут, ну чего?!

– Любая власть, прежде всего, за себя борется, а уж потом за то, что говорит. Да и то не всегда, – снисходительно отвечала Елена и грустнела.

– Не власть отвратительна, а люди, её создающие.

Елена закрыла глаза. Как ей всё надоело! В страхе идти по улицам любимого города, в страхе ложиться спать, просыпаться, слушать несколько противоположных политических лагерей и понимать, что уже не испытываешь симпатии ни к одному. Её держала только любовь к Алексею, иначе она

давно бы уже уехала. Куда – не важно, лишь бы унять тоскливое скрежетание в груди. То, что начиналось как романтическая сказка о всеобщем счастье, вылилось в затяжные политические демонстрации, стычки и убийства. И Елена в страхе чувствовала, что это ещё не конец. «А вдруг будет война? Не на границе, а здесь, сейчас?!» Эти мысли заставляли пальцы цепенеть. Война забирает жизни дорогих людей, перепахивает судьбы, ломает счастье. Алексей хотел борьбы и войны, хотел расчистить путь свету и прогрессу, мстя заодно всем дворянам, хоть и сам был плоть от плоти этой касты. Но он был мужчиной, это было у него в крови. А она хотела только покоя и уверенности, что её сын вырастет.

Елена боялась оставаться в квартире одна с маленьким ребёнком, но Алексей не соглашался взять их с собой, это было слишком опасно. Он злился и ходил из стороны в сторону, безуспешно пытаясь доказать, что ей не место в гуще событий.

– Ты же не сможешь обороняться, тут навыки игры на фортепьяно и языки тебе не помогут! Это опасно, – запальчиво говорил он, размахивая руками.

Под утро Елену сморил сон. Когда она проснулась, Алексей ушёл. Без него Елена не двинулась бы с места, слишком разыгралось её воображение, представляя грабежи и преступления, чинимые оппозиционерами. Такое уже было в июле, но тогда она гостила у Елизаветы и почти не опасалась. Она училась не бояться, живя на политическом вулкане, но

сегодня всё выглядело слишком правдоподобно, слишком театрально. А театр порой реальнее истинной стороны жизни.

К вечеру, когда горничная закончила работу и, встретившись с Еленой тревожным взглядом, хрипло попрощалась, Елена не выдержала, быстро собралась, спрятав в одежду несколько драгоценных вещей (она переживала, что, вернувшись домой, застанет его осквернённым), схватила в охапку сонного Павла и выскочила на улицу, по пути чуть не потеряв ключи. На столе она оставила записку, надеясь, что Алексей прочтёт её.

Она мчалась по опустевшим городским улицам и чувствовала, как за ней бежит батальон разъярённых солдат. Оборачиваясь, она видела только старика или заблудившегося ребёнка. Павел недовольно всхлипывал, но матери сейчас было не до него. Редкие одиночные выстрелы леденили пальцы, и Елена чувствовала, как скребётся сердце, просясь в безопасность. Глаза через тёмную пелену видели только узкую дорогу, по которой должны были сбивчиво стучать каблуки.

Небольшие отряды большевиков уже с утра заняли все ключевые объекты города, не вызвав при этом почти никакого протеста. Временное правительство защищали женский батальон, юнкера и недовольные казаки. Никто не способен был остановить большевистский ураган, если бы он налетел на неё. Но, видимо, маленькая дворянка с барчуком на руках никого не интересовала, так что до тётки она добралась бла-

гополучно, забыв даже поплакать в безопасности.

В полной тишине они вечеряли. Елизавета даже не принесла чаю, Фридрих угрюмо оглядывал комнату, Клавдия напряжённо вглядывалась в окно, ждала и боялась увидеть что-то. Подростки Николай и Ваня, вызванные из гимназии, тихо шептались в углу. На них ситуация не произвела устрашающего впечатления, они с озорным интересом обсуждали вооружённое восстание и уже получили за это по подзатыльнику от матери, но баловаться не перестали. Последний сын фамилии Ваер, Александр, любимец отца (больше всех детей походил на него) был ещё слишком мал, чтобы понимать абстрактные страхи взрослых, и только жался к матери.

– Но где же Алексей? – спросила Елизавета спустя полчаса тягучего молчания.

Елена не ответила, продолжая бессмысленно смотреть в угол комнаты. Оттуда боязливymi пружинящими шажками катился паук. В обычное время его бы сейчас же выкинули за окно (Ваеры были на редкость аккуратны и суеверны), но сейчас все обитатели дома чересчур погрузились в себя, и через глубокий душевный сон смотрели на происходящее, не веря, что это – явь. «Действительно, где же он? Почему он сейчас там, борется за что-то... Он должен быть здесь, я должна знать, что ему ничего не угрожает...»

– Он участвует в перевороте. – Елена, сказав это, будто бы вырвала кусок у себя из горла. Но прятаться и шлифовать зазубренные края своей жизни она уже устала. Пусть всё бу-

дет, как будет, пусть её не одобряют самые близкие.

Но никто не сказал ничего. Наверное, они догадывались о политических склонностях Алексея Нестерова. Сложно было, послушав его, не догадаться. Семья Ваер, может быть, была несобранной и мечтательной, но в пронизательности им, этим взрослым детям с блестящим образованием и безобразным родительским инстинктом, отказать было нельзя. Тем, что при всём желании они никогда не осуждали её, Елена была удивлена и благодарно принимала родственные связи. Родственников, как известно, не выбирают, они обычные субъективные люди с обычными людскими пороками, и ссорится с ними из-за этого некрасиво. Елена не хотела разрушать остатки своей семьи из-за революции. Пусть воюют те, кому это нужно, а она не позволит власти пустить в крепко заколоченный семейный дом чёрную кошку.

Глава 6

Близился рассвет. Выстрелы прекратились, но легче от этого не стало. Кто-то порой пытался приободриться, стряхнуть пассивное оцепенение и представить, что всё совсем не страшно. Но лица окружающих загоняли вольнолюбивые мысли обратно в дебри сознания. На поверхности его, как и раньше, оставались страх, дрожь и печаль. Ваеры были чересчур восприимчивы, чтобы оставаться безразличными в таких условиях.

Елена была бы благодарна Елизавете, если бы та уложила спать детей, хотя и понимала, как сложно матери в критической ситуации оторвать их от себя. Павлуша давно уже безмятежно дремал на её узкой юбке, нагрев её теплом своего маленького тельца. Это тепло помогало Елене без слёз думать о том, что Алексей может не вернуться. Это были ужасающие мысли, бьющиеся в горячке страха, но задушить их она не могла. Где-то внутри набатом ударял вопрос: «Что будет, если он не вернётся?» Ответа не было. За то время, которое она провела с ним, Елена так привыкла, что Алексей рядом, что он может развязать клубок её неразрешимых мыслей, успокаивает её, как ребёнка и никогда не смотрит свысока. Её нереализованная юношеская влюблённость распустилась сначала страстью, а потом стала чем – то настолько необходимым, как вода, дарующая жизнь и успокаиваю-

щая ломящее тело.

Наконец, в дверь постучали. Елена осторожно перевернула Павла на спину и бросилась открывать, даже не подумав о том, что за дверью может стоять не он. Через полминуты Елена и Алексей оказались в гостиной. Елена счастливо ухватилась за рукав Алексея и что-то шептала ему, а тот в ответ пытался изобразить улыбку.

Поздоровавшись, он смущённо остановился посреди комнаты. Ему неприятно было сообщать людям, по-доброму относившимся к нему, о том, что произошло. Любым другим дворянам он кинул бы это, вызывающе растягивая слова.

– Всё кончено, временное сдалось.

Елизавета закрыла глаза, Елена свела брови, Фридрих недоверчивым взглядом сверлил Алексея.

– Это ещё не конец, большевики не смогут продержаться долго, – натужно, чтобы голос не дрожал, сказал он.

– Так или иначе, временное повержено. Их арестовали.

– Боже, боже, что будет теперь? – жалобно спросила у пустоты Елизавета.

– Да будет вам, – со вздохом обратился к ней Алексей. Он, так всегда не любивший участвовать в беседах с мало-знакомыми людьми, вынужден был поддерживать разговор, поскольку только от него рассказа и ждали. – Большевики вовсе не такие монстры, как распространено думать. Это не конец света, просто смена власти.

Ему никто не поверил. Не в силах были поверить. Во всей

этой ночи было что-то фаталистическое, и простой исход несколько не успокаивал.

Если попытаться самоуверенно влезть в души этих людей, можно представить, что они чувствовали. Не так ли тускнели глаза у свидетелей крушения великих цивилизаций? В такие минуты сердце сосёт дикая тоска, но человек пытается, не понимая до конца, как это безнадёжно, думать, что ничего серьёзного не случилось.

– Что же произошло, расскажи, Лёша! Мы чуть с ума здесь не сошли!

– А ничего особенного и не произошло. За последний год такое уже случалось.

– Прошу, Алексей, расскажите нам всё, – взмолилась, тебя кольца на пухлых пальцах, Елизавета.

– Временное просчиталось. Когда уже стало понятно, что дело приобретает нежелательную для них окраску, они попытались развести мосты, чтобы большевики не попали в центр с Васильевского острова. Но команда «Авроры» захватила и свела мост обратно, как они захватывали всё в городе этой ночью. Мы долго выжидали, не решаясь идти штурмом. Те, кто был ближе к площади, тоже медлили. Точь-в-точь декабристы, болтали – болтали, а, как пришло время действовать, руками развели. Наконец, прибыли матросы, численный перевес оказался на нашей стороне. Около девяти, уже стемнело, начался штурм, – он остановился. – Нет ли у вас воды?

Напившись, он неохотно продолжал. В комнате было тихо, все, не отрываясь, смотрели на Нестерова.

– Сражение было недолгим, ранили нескольких человек и только. Может, кого-то убили, но я этого не видел. Мы быстро добрались до входа в Зимний.

– Но кто всё-таки защищал дворец? – разочаровано спросил Фридрих.

– Женский батальон и юнкерский корпус. Людей на площади было немного. Никто не верил, что всё серьёзно...

Елене в голову пришла мерзкая мысль, и, чувствуя, как та готова оформиться в слова, отступила назад. Это было слишком грязно для войны за правду. Елена давно догадалась, что любая, даже священная война отвратительна, и только потом, благодаря пропаганде, становится идеологической, но по-прежнему не могла связать людские страдания и жизнелюбивые лозунги.

– Над женщинами надругались? – спросила, готовясь расплакаться, Елизавета. Она задала вопрос, мучивший племянницу, и Елена почувствовала досаду. «Зачем это спрашивать, лучше не знать! Лучше не знать...»

– Нет, что вы, – поспешно ответил Алексей, и продолжил ожесточённое, – их никто не трогал, все были заняты тем, как добраться до правительства. Они заперлись в Белой гостиной, но арестовать их было несложно. Вели они себя достойно. Наверное, не верят, что это надолго.

– Так это и ненадолго, – со злостью обронил Фридрих. –

Большевики не имели права захватывать власть!

Алексей не стал спорить, слишком он выглядел разбитым. Елена не верила, что то, к чему он стремился столько времени, не радует его. Почему он не смеётся, показывая розовое нёбо, почему не торжествует и не называет временное «неуверенными слабаками», как обычно? Почему он выглядит так, словно потерял дорогого человека?

– Что с тобой, милый? – спросила она, когда они, наконец, остались наедине. Она столько мечтала рассказать ему об этих минутах, старалась не лукавить, говоря, что вела себя мужественно, но сейчас у него было такое лицо, что ей стало неприятно, жаль его. Он выглядел очень далёким, и ей не хотелось прикоснуться своей душой к его открытой ране внутри.

Она смущённо повторила вопрос, понимая, что не добьётся ничего кроме боли. Но они негласно зареклись помогать друг другу даже против воли, и она должна была освободить его.

– Они... – слова шли из него тяжело, особенно после часа рассказов о штурме людям, которые восприняли это с изумлением и непокорностью. – Лена, ты бы видела, что они сделали с Зимним.

– Что, родной? – она прислонилась к нему щекой, и он чувствовал мягкость её кожи. От неё веяло лаской, и постепенно его закаменелый разум подчинился ей. Ей, такой любящей, невозможно было не идти навстречу, и он сделал это

охотно, передавая свою боль этой чувственной женщине с сине-зелёными глазами.

Перед захватом очага несправедливости в глазах обитателей доживающей свои часы Российской империи сотни самых отчаянных мужчин затаились на подходе к Эрмитажу. В предвкушении глобальных событий, открывающих начало новой эры, смельчаков, решивших, что терять им больше нечего, охватило волнение, граничащее с выжидающей напряженной дрожью. Большинство воинственно настроенных бойцов молча ждали, поминутно думая о подавлении, несправедливости и смерти в случае неудачи. Подумать страшно, сколько восстаний было подавлено, сколько еще будет. Не страшно умереть – их смерть станет пламенем для будущих поколений и воодушевит их. Сколько раз они говорили о том, что готовы погибнуть во имя дела, а все равно проклятая тяга выжить несмотря ни на что тянет, заговорщически предлагая сбежать. Кто-то, крепче и закалённее, курил, перехватывая сигарку измазанными рабочими пальцами, кто-то развязно ругался, перемежая простую болтовню с конкретными угрозами. Алексей, услышав подобные слова в обществе, немедленно осадил бы произносящего их, кто бы он ни был, даже если рядом не оказалось дам. Выходцам же из народа он не только прощал подобное, но и понимающе, благосклонно посмеивался над их словами. Это не казалось ему ужасным, недопустимым для строителей новой жизни. И порой приходилось даже сдерживать-

ся, чтобы не произнести подобное перед скандализованной Еленой. Она, кажется, была единственным человеком, которого он оберегал. Но она верила ему в отличие от остальных рожденных в неге и роскоши.

Повинуясь неподдельному воодушевлению, граничащему с экстазом, Алексей, очнувшись от неприятной апатии ожидания вместе с окружающими его солдатами, при подначивающем кличе командира сорвался с места. Слыша крики вооруженных соратников, перекрывающие топот шагов, он побежал вперед, не разбирая дороги туда, куда стремились все. С ружьем наперевес он мчался за товарищами, испытывая безграничное счастье. Вот оно, то, к чему он стремился с того момента, как впервые начал мыслить! Как сладко сознавать, что мечты оказались осуществимы!

Ворота, ведущие в обширный двор Зимнего дворца, оказались закрытыми, но обезумившим от наслаждения и собственной независимости пролетариям не составило труда отворить их, неконтролируемой толпой хлынув к крушению прошлого. То, что происходило позже – крики защищающей временное правительство горстки, пьяный хохот отдельных борцов, залпы, борьба с теми, кто находился в здании, Алексей не запомнил. Оглядывая место побоища, он не верил, что величайшее событие завершилось так быстро и почти безболезненно. Не помня себя, он медленно брел по впечатляющим залам замка Екатерины и чувствовал, что цель, к которой он так яростно стремился, оказалась не такой уж

прекрасной. На сердце его навалилась понятная в случае осуществления заветного желания, подкрепленного поведением людей, за процветание которых он и ратовал, усталость, как после праздника, от которого ждал слишком много.

– Она разрушали красоту, красоту поколений, разбивали шедевры лучших мастеров мира. Это нестерпимо было видеть. Они... я понимаю, они злы на тех, кто ценой их порабощения завладел красотой, но бить... Картины были разбросаны по полу, я попытался поднять одну, но один солдат сказал, чтобы я не делал этого, если не хочу остаться хромым. Женскому батальону повезло, что эти... занимались бессмысленным разбоем, надругательством над классикой, иначе им пришлось бы худо. Солдаты были ослеплены, но чем, я не знаю... Я хочу понять их, но их поведение мне не даёт этого. Раньше мне казалось, я с ними дышу одним воздухом, пусть образ их мыслей и далек от канона... теперь я вижу, что прогадал.

Елена молчала. Он с надеждой посмотрел на неё.

– Ты думаешь, я проявляю слабость?

– Лёша, милый мой Лёша, как же ты далеко ушёл в своём желании быть сильным! Так далеко, что это уже кажется абсурдом. Не бойся проявлять слабость – это залог человечности! Ты слишком много воевал, отдохни.

– Я, я просто... Картины ведь не виноваты...

– Да, но помнишь, мы ведь говорили об этом. Почти все крестьяне и рабочие безграмотны, а если человек не знает,

что такое искусство, значит, оно его не приводит в трепет, как нас. Да, это варварство, но не надо судить их.

– А ты помнишь крушение Египта или Греции? В Европе после этого наступили тёмные века, культура чуть не погибла... В возрождение пришлось открывать все заново.

«Вот мы и поменялись ролями. Теперь он плачет, а я придумываю успокоение. Поспать бы хоть часок, тело болит», – подумала Елена, умильно оглядывая нового своего Алексея.

– Не бойся, родной. Сейчас не средневековье, а русские не такие передраги переживали. Столетие кончилось, но наступит другое... каждый век считает себя последним великим в истории. И... я не думаю, что они всегда будут убивать.

Его ответ взволновал её.

– Они будут убивать. Ты не видела, какой яростью, звериной яростью наполнены их глаза. Кровь продолжит литься, пока мы не захлебнёмся в ней. Люди ненасытны. Никогда я не мог разобраться в русском характере. Но хуже даже то, что я готов признать, что осуществление самой заветной цели не приводит к счастью. Это как отворить дверь, за которой находится ещё одна, ещё громаднее.

Глава 7

Дни после октябрьского переворота, вылившегося позже в гражданскую войну, Елена не выходила из спасительных стен. Она понимала, что нужно ступить на улицу, что мир не рухнул за несколько дней, что всё не так страшно, но не могла пересилить себя. Она не в силах была охарактеризовать это чувство, дать ему имя; ей и хотелось выйти на свет, увидеть своими глазами, что ничего кроме власти не изменилось, но не могла. Что-то держало её, дёргало и не отпускало. Скоро она перестала сопротивляться и только апатично слонялась по дому.

Но скоро относительному затишью пришёл конец: хаос, которого так боялась утончённая и аккуратная Елена, сам постучался в дверь, и забиться в тёмный угол было невозможно – жизнь захрипела пугающе реально. В то время и Елена, и Алексей, и Павел жили у Ваеров, не вызывая никакого недовольства или стеснения. Напротив, Елизавета Петровна и представить не могла, что часть семьи может существовать вдали от неё в это беспокойное время. В своей заботливости она порой заходила слишком далеко, но в этот раз снискала глубокую благодарность. Дом их был гостеприимен, место хватило всем. В беспокойные времена лучшие союзники – родные, даже если порой с ними возникают недомолвки.

Елизавета Петровна звонила вернувшемуся из путешествия Аркадию Петровичу, заклиная его быть осторожным и не лезть на рожон, но тот был так разъярён происходящим, что только ревел в ответ. Он забыл всё, чем интересовался раньше (политика занимала в списке его развлечений слабые позиции), и со свойственным ему страстным упрямством бросился отстаивать свои права. То, что творилось сейчас в империи, казалось ему началом апокалипсиса.

– Боже мой, боже мой, – тараторила Елизавета, видя, как прихожая затапливается людьми.

Гости, заполонившие гостиную, были всё те же – одетые в тёмное, голодные и злые. Эта толпа с неприязнью смотрела на хозяев и, чтобы те не слышали их, унижающе шептались и зубоскалили за спинами товарищей.

– Простите, сударыня, но нам необходимо поговорить с нашим мужем, – мягко, но так твёрдо, что от его слов по спине Елены побежали мурашки, сказал один солдат. Его лицо показалось Елене знакомым. Наконец, заметив, как он властно оглядывает помещение, вспомнила – это был человек, приходивший в прошлый раз. «Что ему нужно, почему он так яростно добивается своего?» – недоумённо подумала Елена.

– З-зачем он вам понадобился? Мы не состоим ни в какой партии. – Елизавета волновалась, и это стало неприятно Елене. Нельзя было проявлять слабость в такой момент.

Ни говоря больше ни слова, даже не поменяв сурового вы-

ражения лица, солдат прошёл внутрь. От его сапог отлетали куски грязи. Все остальные, словно только того и ждали, ругаясь и толкаясь, разбрелись по дому. Две женщины прижались к стене и, затаив дыхание, смотрели, как незнакомые им люди с безразличием крушат дом. В рядах захватчиков наблюдалась полная разобщенность: кто-то рассовывал по карманам ценные безделушки, любимые хозяйкой, кто-то дымящимися папиросами прожигали дыры в белоснежных занавесках на окнах, некоторые просто слонялись по дому, смачно ругаясь и царапая паркет штыками. Елизавета не сопротивлялась, боясь, что незваные гости разозлятся и примутся за детей. Елена чувствовала, как сковало тело от бешеного страха. Понимая, что если большевики сделают с ними что-нибудь, сумасшествия не избежать, она замерла на месте. Смерть ходила рядом в нескольких длинных шагах, но, к счастью, была занята другим. Бессмысленно глядя на то, как солдаты бросают фрукты в напыщенный портрет Екатерины Васильевны, напоминающий больше позапрошлый, чем прошлый, век, Елена не жалела вещи. Пусть разрушат дом, только не трогают их и детей.

Фридрих, заспанный и недовольный, тихо поговорил о чём-то с визитёрами, потом оделся и последовал за ними в маленький кабинет. Как Елена ни салилась разобрать что-то из их беседы, слышала только приглушённые обрывки фраз. Отсутствие крика успокаивало её, разговор вёлся тихий и даже дружелюбный. Конечно, Фридрих ведь не Аркадий Пет-

рович – тот поносил бы большевиков, пока они не искалечили бы его.

Елена схватила тётю за рукав, опасаясь, что Елизавета Петровна устроит одну из тех безобразных сцен, когда безутешная жена хватается обреченного мужа за одежду и мешает тому, что всё равно произойдёт, только выводя палачей из терпения. Но это оказалось лишней предосторожностью – Елизавета была слишком подавлена, чтобы устраивать истерики. Она мужественно держалась перед врагами, вдохновляясь, наверное, примером Елены, но про себя причитала: «Только бы они не тронули мою болонку... Боже, ведь теперь за ней даже ходить некому. Как тяжело жить без слуг! Я уже и утренний туалет не могу наводить как следует!»

В разгар побоища на лестнице слышались шаги. Юный солдат, одиноко стоящий возле лестницы, словно ждал их. Он взволнованно смотрел на Клавдию, спускающуюся вниз. Сегодня она была мила в причудливом жёлтом платье, выгодно оттеняющем смугловатый оттенок её кожи. Незамысловатой элегантноcти она научилась у матери. Неожиданно Елена всё поняла, да и можно было не понять! Она даже не подумала о том, что причина странного поведения Клавдии – любовь. Но теперь, глядя на лица, слишком наивные, чтобы уметь утаивать движения освещённой души, она узнала это без лишних рассуждений и выводов. Как всё оказалось просто, но почему она не догадалась раньше? Елена почувствовала что-то, похожее на стыд – так много думать о себе,

и так мало – о кухне. А ведь до этого она считала себя чуткой и сострадающей.

Елизавета, в отличие от племянницы, не была настроена на самоанализ. Увидев, как молодой красноармеец и её единственная дочь, её надежда, смотрят друг на друга выразительнее, чем в театре («Всё на лице написано, хоть бы отвернулись друг от друга», – с опаской подумала Елена), Елизавета быстро пересекла холл и вытолкала юношу за дверь. К счастью, его друзья были отвлечены и не вступились за него. Потом, не обращая внимания на протесты дочери, начала отчитывать её прямо на лестнице, с которой та не успела спуститься. Эта миниатюра неожиданно напомнила Елене то, что случилось на этом самом месте в тысяча девятьсот двенадцатом году, когда действующими лицами были отец и дочь. Жалость распухающими внутри толчками тупо резанула Елену, она подошла к Елизавете Петровне.

– Прошу, Лиза, перестань. Иначе будет хуже.

Елизавета, посмотрев на Елену так, словно и понимала, и не хотела уступать, в конце концов, кивнула и отошла. Клавдия плакала, размазывая слёзы по худенькому личику, и Елена попыталась сказать что-то приятное. Но девушка, не разбираясь, закричала:

– Да отстаньте вы от меня, дайте, наконец, жать своей жизнью! Здесь быть невозможно, вы давите и давите! – и, всхлипывая, побежала наверх, позаботившись о том, чтобы дверь хлопнула оглушительно.

– Господи! – вскрикнула Елизавета, – она меня в могилу сведёт!

Елена не ответила, но подумала, что, какими разными не становятся родственники, какие-то похожие поступки у них всё равно проскользнут, пусть и бессознательно. Они будут смеяться друг над другом, порицать, но не замечать, что схожи при всём своём различии, даже обидятся, если кто-то укажет на это. «Наверное, это можно назвать скрытым лицемерием», – подумала Елена, заинтересовано – грустно осматривая качающую головой тётю.

– Если бы я ошиблась, она бы не плакала, – уверенно сказала та.

Когда большинство солдат ушли, не получив желаемого, а оставшиеся расселись в кабинете, выпытывая правду у Ваера, Елизавета дала волю слезам. Лицо у неё осунулось, глаза покраснели. Глядя на уставшую женщину, чьи прелестные рыжеватые волосы, обычно кокетливо собранные в пышную причёску, были кое-как зашпилены на затылке, Елена испытала больше досады, чем при глумлении над портретом бабушки. Она, наконец, поняла, что на всех дворян может начаться травля. Вряд ли пришедшие к власти рабочие поверят, что она сама не одобряла царскую политику и с восторгом встретила отречение императора.

– Ну же, Лиза, перестань плакать, родная, прошу тебя... Скажи лучше, почему они так яростно хотят допросить Фридриха? Он знает что-то, готовит восстание против них? При-

ближён к государю... то есть к царю?

– Ну что ты, Ленушка, скажешь же иногда... Какое восстание, опомнись! Это ведь Фридрих, – укоризненно закончила она. Глаза высохли и даже приобрели легкий оттенок лукавства, смешанного со снисхождением. У неё было четверо детей, этот взгляд получался у Елизаветы Петровны Грушевской – Ваер лучше остальных. В ней умерла прекрасная актриса, умеющая, если захочет, показывать мысли полутонами мимики.

– Но он говорил, что занимался делами временного! Может быть, у него были какие – то важные документы? – Елена похолодела при этой мысли. Тогда тень падёт на всех них!

– Ох, Ленушка, ты что, не знаешь Фридриха? Он только всем хвалится, что много знает и всем нужен. На самом же деле у него ничего нет. Хорошо, что нас не тронули, – подытожила Елизавета, и, заметив спускающихся сверху мальчиков, приказала им идти обратно и ждать завтрака. Его приготовление растянулось надолго, ведь из прислуги в доме остались лишь горничная, боящаяся людей, и старая кухарка, служащая Ваерам из ненависти, пытаясь своим самопожертвованием доказать хозяевам великое презрение. Все остальные слуги покинули дом с тех пор, как им сократили жалование. Нехватка средств уже ощущалась. Фридрих потерял место, Алексей не подумал о продаже роскошного имения матери в срок, а сейчас было не до него. Елена не читала газеты и ни с кем не виделась, поэтому не знала, что все дворянские

гнёзда оказались конфискованы в пользу государства.

Елена и Елизавета с опаской вошли в гостиную. Фридрих стоял возле окна и скорбно гладил прожженную занавеску. Прежде сверкающая чистотой и спокойной роскошью комната вызывала разочарование, как красавица, потерявшая шарм. Обои были поцарапаны, из пола местами выбились детали паркета. На стенах не висели больше мастерски написанные Клавдией пейзажи, а на местах их прошлого обитания некрасиво торчали потемневшие куски обоев. В углу разбросаны были доски, в которых Елена с трудом различила несколько сломанных стульев из гостиного гарнитура Елизаветы, которым та так гордилась. Пол был в грязных разводах. Только сейчас, переводя взгляд с одного раненого места на другое, Елена подумала, что это не может не оставить свой след на их лицах, и это пятно страха смогут позже прочитать те, кто будет жить в другую эпоху. После событий тысяча девятьсот семнадцатого года никто не останется прежним. Скорбь, тоска, страх и разочарование ожили в душах людей и старались уберечь их от опасных поступков.

– Лизавета, – чётко проговорил Фридрих, – собирай вещи, мы немедленно уезжаем в Германию. Это нужно было сделать много раньше, клянусь честью.

Глава 8

Пьяная пена революции залила русские души. Её было не остановить, да никто и не пытался. Тут и там гремели пропагандистские лозунги. На улицах легко могли схватить любого, особенно доставалось военным царской армии. Изголодавшийся, истоптанный неумелым правлением народ, щедро обогранный своей же кровью, получил возможность отомстить. Кому и за что – было уже неважно. Как любая война со своими братьями, эта война несла только ужас и панику. Как всегда, основной удар свалил обычных людей, вожди только испытывали на них свои идеи. Раскол России ощущался повсеместно – не было людей, равнодушно созерцающих величайшие политические события. Вместо слов говорило оружие. Ни одна спорящая сторона не желала задуматься о позиции другой, упиваясь своей обидой, слушая себя. В этом, наверное, и состоит самая большая беда человечества.

Уже наступили заморозки, близилась зима. Однажды Елена вышла на улицу с Павлом. Как не было ей горько и страшно, сын поддерживал её, сам того не понимая. Сейчас только он не причинял ей боли. Мысль о том, что ещё до наступления следующего года ей необходимо будет проститься с тётей и её семьёй, была нестерпима. Елена пыталась не думать о разлуке, но мысли против воли заполняли её сознание.

Стоило Елене выйти за калитку, внимание её привлёк си-

луэт статного мужчины, быстро шагающего по направлению к дому. Это был Аркадий Петрович. Елене сейчас показалось прозаично – забавным, что с момента ссоры они ни разу не встречались. Теперь же эта встреча, которую она так боялась, не вырвала за собой никаких чувств помимо удивления. Аркадий Петрович, поняв, с кем столкнулся, на мгновение замер, но быстро оправился и решительно подошёл к дочери. Это свидание не взволновало их, не сблизило, не отдалило. Дальше уже было не разойтись.

– Лена, здравствуй.

– Здравствуй, папа. Что-то срочное? – Елена, стараясь ненароком не испортить многообещающее начало, не стала язвить и вытаскивала из себя фразы отчуждённо, как посторонний человек. Отец постарел, и это было заметно даже сейчас, при тусклом свете пробивающихся через облака солнечных лучей.

– Да. В стране такое творится... Ты, верно, знаешь, что мы теперь нищие.

– Нищие?

– Да, – с яростью сказал он.

– Не может быть, папа, ты путаешь что-то. А усадьба? Пусть на ней никто не работает, но это... земля.

– Нет больше Степаново, большевики конфисковали все дворянские гнёзда. У нас ничего не осталось.

– Это невозможно, – твёрдо сказала Елена. В последнее время она верила в то, что факт не станет правдой, если она

не примет его.

– Я был там, видел, что он сотворили с именем. Хорошо ещё, что я успел забрать кое-что ценное.

Елена молчала. Аркадий снисходительно смотрел на Павла. Павел смотрел на трамвай.

– Дай-ка я подержу его, – попросил Аркадий Петрович. – Ух – ты, какой богатырь!

– Папа, что мы стоим на морозе, пойдём в дом. – Елена не сказала: «Давай пройдемся» из опасения, что отец начнёт разговор о её частной жизни.

Сейчас Аркадий выглядел смиреннее обычного, ему было уже не до приличий. Осколки высшего общества занялись сохранением собственной жизни, так перед кем ему осталось оправдываться? В свете тревожных событий семьи или объединялись, или распадались совсем. Аркадий выбрал объединение и до поры забыл обиды. За границей он почувствовал то, что раньше было ему неизвестно – одиночество. Это чувство сильно напугало и заставило снизойти до прощения.

Они зашли в дом. Елизавета, не веря глазам, бросилась к брату и крепко обняла его, не давая даже снять пальто. Потом, шепча что-то и поднося платок к глазам, повела его в гостиную. Елена задержалась, и, раздевая щебечущего что-то Павлушу, услышала, как скрипнула дверь в прихожей. Алексей, разувшись, сел на пол и положил голову Елене на спину.

– Что с тобой, Лёша? – испуганно спросила она.

– Ничего. Просто я ничего не понимаю в жизни и вообще

не знаю, как мы будем дальше.

– Это естественно, Лёша, не стоит так казнить себя. Эпоха рушится, понятно, что человек чувствует себя в ней неприкаянным.

– Нет, ты просто была права с самого начала. Я так надеялся, что новая власть решит все проблемы, но она может столько же, сколько предыдущая. Я просчитался.

– Родной, когда сменяется власть, невозможно не попасть в воронку смены идеалов. А с нами это сейчас происходит.

– Ты сильнее меня.

– Вовсе нет, я очень боюсь, но стараюсь держаться, чтобы не пугать вас.

– Ленушка, ну что ты там замешкалась? – слышался из гостиной звонкий голос Елизаветы.

– Пойдём, хватит страдать, жить нужно, – сказала она Алексею, но он не улыбнулся.

– Я видел сегодня, как убили и в чём не повинного офицера. Прямо у меня на глазах, а я не смог его защитить.

– Ты не должен думать об этом.

– Но думаю.

– Нашей вины нет в этом. Это... Издержки революции, любой смены правительства. Ты сам говорил мне это.

– Я размяк, Лена, как те дворяне, над которыми всегда смеялся. Раньше я завидовал тебе, потому что ты умеешь сомневаться, а теперь сам погряз в этом. Меня разъедает это.

– Выйди из партии, мне никогда не нравилось то, что ты

связал себя. Я надеялась, мы будем свободными от всего и сможем прийти к чему-то, не испытывая давления. Но сейчас это вообще не важно. Главное – выжить.

– Я не представляю, за что мне судьба послала тебя.

Елена улыбнулась.

– Пойдём, наконец – то сможешь поговорить с отцом без истерик.

– Как, он здесь? – нерадостно спросил Алексей.

– Да. И выглядит каким-то примятым. Неприятностей с ним не будет сегодня, если только не начнёте снова о политике.

– Сегодня не начну, можешь не волноваться, – в его словах она уловила разочарованное смирение. Это было странно, но она промолчала. Ей не хотелось вновь беречь душу, вновь думать об одиночестве и крушении всего, что было ценно.

Они недолго, но насторожено смотрели друг на друга. Наконец, Алексей протянул Аркадию Петровичу руку, и тот, хоть и без радости, искренней или актёрской, пожал её. Елизавета улыбнулась, но, поймав взгляд Елены, осеклась. Елена смотрела на тётю так всё время с тех пор, как Фридрих заявил об отъезде.

Особняк заняли большевики, вся семья ютилась теперь в двух комнатах. Хозяева, однако, были благодарны и за этот шик, за то, что их не выгнали совсем. Алексей давно нашёл бы для Елены и Павла комнату, но, видя, как она привязана к тёте, придержал свою гордость. Ему, конечно, было непри-

ятно приживалкой существовать в доме родственников своей любовницы, но во время, когда гражданская война назрела над их головами всё очевиднее, личные чувства не значили почти ничего.

Только сейчас, при неверном свете тусклой лампы, Елена рассмотрела отца так, как обычно исследуют неминуемые изменения в лице родного человека. Она уже перестала удивляться скоротечным переменам в облике близких. Война обезображивает не только оболочки, но и души. Прошло так мало и так много времени, меньше года и целая вечность. На лице отца застыло выражение неприятной скорби, похожей на обиду. От былой победоносности остались призраки мимики, выплывающие на свет в моменты, когда Аркадий Петрович злился. Виски его щедро посеребрила седина, но выглядело это трогательно. Словно блудный отец, испытав тяжесть мира, постарев и поутихнув, прибился к лону семьи и сидит сейчас на диване, рассеянно оглядывая родных.

– Так что же, – грустно спросил Аркадий Петрович сестру, – уезжаете?

– Да, уезжаем, – повторила Елизавета. Казалось, она с трудом подбирала слова. – Ты же понимаешь, Фридриха чуть не арестовали. Слава богу, у него ничего важного не было. Но ведь они могут передумать.

– Это я понимаю, – в голосе отца Елена услышала забытые уже нотки раздражения, победившего жалость к себе, а, может, рождённого ей. – Но почему ты не подумала, как мы

будем без тебя?

– Дорогой, – уклончиво сказала Елизавета, – ты ведь не ребёнок уже.

Аркадий обиженно замолчал, неудовлетворённо отковыривая лак со столика.

– Всё эти ироды, будь они неладны. Думают, могут сломить нас.

– Могут, Аркадий Петрович, – неожиданно вмешался Алексей, – могут и сломят.

К Аркадию Петровичу вернулся весь его поблѣкший снобизм. Он свирепо глянул на Нестерова и, не утруждая себя сдерживаться, ответил:

– Никогда им не сломить нас, они от бога отвернулись. С нами он, с нами сила.

– Тогда как же он позволил вам, правоверным дворянам, проиграть им?

– Ещё ничего не проиграно! Мы не сдаёмся.

– А кто вынужден уезжать за границу?

Елена с обидой глянула на Нестерова. «Он ведь обещал», – мелькнула у неё неприятная мысль.

– Молодой человек, да вы насмехаетесь над нами? – спросил Фридрих, а Аркадий неожиданно тепло посмотрел на зятя, которого никогда не любил за не конфликтность и способность принять мнение собеседника. Последнюю черту Аркадий считал недостойной. Он не соглашался со спорщиком, даже если был полностью загнан в тупик, и упрямо

продолжал искать аргументы в пользу своего, застреленного уже, мнения.

– Прошу вас, не поймите меня неправильно, – начал Алексей без обычной скромной улыбки, означающей, что он готов высмеять мнение оппонента. Этот подход Елена обожала и втайне гордилась тем, с каким обаянием он пускает в ход своё оружие, – я хотел сказать, что эта война для вас проиграна, лучше уехать, иначе... Мало что может случиться, – (при этих словах Фридрих вздохнул, сдвинув брови шалашом).

– То есть попросту бежать, предать родину? – обмякнув, спросил Аркадий Петрович.

– Да. Они на всё способны, сейчас всё позволено. Лучше спасти свою жизнь для чего-то лучшего, чем бессмысленно погибать за растоптанную идею.

– Но ведь вы сами с ними... – тихо сказала Елизавета.

Аркадий, казалось, готов был выхватить шпагу.

– Я был с ними, думал, что правда на их стороне, а теперь, в свете того, что началось, вижу, что никакой правды вообще нет.

Елена с жалостью посмотрела на Алексея, а он не переносил этого. Она знала, но не могла сдержаться. Так вот что мучило его эти дни. Он разочаровался, снова разочаровался! Человек, ищущий идеал, обречён на меланхолию и недовольство действительностью.

– Никакой правды нет... – протянула Елена. – Лучше и не

скажешь. На обоих полюсах одинаково холодно.

Все притихли. Видимо, незатейливая мысль Алексея разбредила еле затянувшиеся раны на каждом сердце.

– И за что тогда бороться? – неспешно спросил Аркадий Петрович.

– Вот в этом-то и загвоздка. Если не прав никто, к кому примкнуть, Аркадий Петрович?

– Я... Я останусь верен аристократии, государю... При нём не было таких беспорядков в стране.

– Да бросьте вы, – резко сказал Алексей. – Почти никто в феврале не жалел, что царя свергли, или он сам отрёкся, разница невелика. Если бы его не скинули, он так и продолжал бы бездейственно сидеть на троне, стрелять ворон и надеяться на жену и министров. Разве не так было?

Аркадий ничего не ответил, но, подумав, переменял тему разговора.

– Свергли императора, и что? Кому от этого лучше?

– Народу лучше.

– Народ сейчас кровь льёт.

– Это неизбежно при таких катаклизмах, – начал Алексей пересказывать свои прежние суждения. – Человек ведь неуправляем, и при каждой революции происходит одно и то же – сначала свергают надоевший строй, а потом плачут, что новый не лучше. Только потом может измениться что-то, но не сейчас. Сейчас страна разрушена после стольких войн. Жаль её...

– ...и продолжает разрушать сама себя, – закончила Елена.

– И что же делать? – спросил, слегка озадаченный, Аркадий Петрович.

– На это вам только время ответит. Мы сейчас просто живём.

– Послушай, Аркаша, мы ведь вернёмся, я надеюсь, это ненадолго, – сказала Елизавета.

– Meine Liebe, куда же мы вернёмся? Здесь мне больше нет возможности заработать, а у нас четверо детей.

– Потом, дорогой, потом мы обязательно вернёмся.

Фридрих надул губы. Его звала Германия, а то, что происходило здесь, казалось уже надоевшей игрой, которую поскорей хотелось закончить.

– Но это будет через несколько лет! Что же я буду делать всё это время? – спросил Аркадий, с надеждой смотря на сестру. Он только сейчас понял, как много она значила для него – всегда обходительная, всегда понимающая, тихо предлагающая выход.

– С тобой останется Елена.

Аркадий сначала покосился на дочь, потом на Алексея. Он ещё не привык к мысли, что Елена вопреки его запрету добилась своего. И неожиданно Аркадий Петрович почувствовал зависть, ведь дочь нашла своё счастье, а он так и проскакал по жизни, ни о чём не задумываясь, ни к чему не стремясь.

– Мне, пожалуй, пора, Лиза, – нервно сказал Аркадий. – Ещё надо уладить кое – что. Я зайду завтра.

У самой двери он вздрогнул, как бы вспомнив что-то, повернулся к Елене и сказал:

– Ты, наверное, знаешь, что Жалов вернулся с фронта.

– Я провожу папу, – быстро сказала Елена, и, передав Павла Алексею, вышла в холл. Сердце билось учащённо.

– Папа, зачем ты сказал это? Всё между нами кончено, у него уже новая любовница.

– Любовниц может быть сколько угодно, но жена – одна.

– Нет, папа, ты не понимаешь, я не вернусь к мужу, это решение окончательное.

– Лена, неужели ты действительно думаешь, что будешь счастлива с этим анархистом? Ты разочаруешься в нём, в его идеях.

– В его идеях, как и в любых идеях, разочаруюсь, но в нём – нет. Ты не знаешь, какой это чудный человек, папа! Я всегда его любила, даже когда за Сашу шла. Сама тогда не понимала, но только его и ждала, – с лёта годов Елене всё именно так и виделось.

– Лена, – Аркадий начинал терять терпение, – я готов простить тебя, поскольку ты моя дочь, и сейчас не то время, чтобы лелеять в душе обиды. Возможно, я не должен был мешать твоему счастью с этим, но ты-то как могла разрушить мой союз с Аделаидой?

«Неужели он действительно сожалеет об этом? – с жало-

стью, похожей на боль, подумала Елена. – И я тоже повела себя неправильно? Пусть бы начали жить, а там разобрались бы сами. Сослагательное наклонение...»

– Что же ты молчишь? – нетерпеливо сказал Аркадий.

– Возможно, не поздно ещё сказать: «Прости, папа»?

Аркадий повеселел и надел пальто.

– Ну, прощай.

«Спроси его о маме, спроси! Вдруг он не был виноват в её смерти, вдруг мне это воображение дорисовало?!» – закричал разум, но Елена, чувствуя дрожь, осеклась. Он при любом раскладе скажет, что невиновен, ведь действительно так считает. Он мог издеваться над людьми, сам того не понимая.

– Папа, берегись большевиков, не говори им того, что думаешь. Это может быть очень опасно.

– Я не собираюсь молчать и проигрывать этим извергам. Пусть не думают, что мы их боимся! – ожесточённо закончил Грушевский, напялил шляпу и, не оборачиваясь, выскочил в начинающийся снегопад.

Этого ответа Елена и ждала. Вздохнув, она заперла дверь.

Глава 9

Вечером Клавдия не вернулась с прогулки. Её братья, игравшие первым снегом, не могли определить, в каком направлении она исчезла. Они, разгорячённые бегом, повторяли слова друг друга о том, что сестра пропала. Большевики за дверьми шумели больше обычного, но это никого не задевало.

В семье опять засела тревога. Все понимали, что слишком много отрядов красноармейцев патрулировало улицы, а человеческая жизнь не стоила ничего. В глазах Ваеров они были производными Люцифера, и ждать от них можно было всего. Впрочем, дело было даже не в большевиках – в любое смутное время потерять человека слишком просто. Однако оказалось, что беспокоиться о безопасности Клавдии не нужно – в комнате девушки была найдена записка, прекрасно объясняющая всё. Мать и отец оцепенели над ней.

«Мама, папа, не нужно искать меня. Я вполне счастлива. Наконец, впервые в жизни, я могу сказать, что свободна. Прошу вас, не допустите с мальчиками того же, дайте им хоть каплю свободы. Как мне надоели все ваши школы и курсы, как мне хотелось отдохнуть хоть день, когда я обязана была брать уроки рисования или игры на фортепьяно! Вы, видно, пытались вылепить из меня идеал, который успешно выйдет замуж. А я хотела состояться, как человек, поступить

в университет, пойти на службу, чему вы противились.

Не судите меня. Я люблю вас, но понимаю, как мы далеки друг от друга. Вы – прошлое, вы не приветствуете прогресс. Все видят его необходимость, только вы хотите сбежать. Зачем? Скоро Россия построит режим, где все будут счастливы, а вы в своей Германии будете со вздохом смотреть на восток и жалеть.

Я хотела открыть вам, что пойду со своими друзьями строить новую жизнь, но вы не дали мне шанса. Мама выгнала моего друга, не дав нам даже объяснить всё, чтобы расстаться без злобы. Не ищите меня, сейчас я по-настоящему счастлива. Не скучайте, у вас ведь ещё есть дети. Желая счастья за границей, но родина вам не простит этого.

Клавдия»

– Ты виноват, ты! – кричала на мужа Елизавета, очнувшись от первого удара. – Ты никогда не занимался детьми, они были тебе, как собаки!

– Что ты говоришь такое? Я люблю детей, это ты всё время давила на них, шагу не давала ступить!

– Нет, хватит, хватит! Ты всё испортил! Ты никогда не говорил с ней душевно!

– А ты? Слишком много говорила с ней о глупостях, так, что она слушать не могла тебя!

– Бедная моя девочка!

Елену словно ударили сзади запачканным солдатским штыком. То, что происходило сейчас, было похоже на сон, а

не на благополучную семью Ваер, крепкую и любящую. Что случилось с этими воспитанными людьми? Перед общим горем они не сплотились и не начали сообща искать выход, а просто обвиняли друг друга, упуская драгоценные минуты.

– Перестаньте, мальчики же слушают! – повысила голос и Елена. – Надо вернуть её, надо искать!

– Лена, тебе не кажется, что, раз она ушла, ей лучше там, а не здесь? – Алексей наклонился к её плечу.

Она посмотрела на него, словно не сознавая, кто он.

– Что ты говоришь? Ты что, не понимаешь, как сейчас опасно скитаться по городу в сомнительной компании?!

– Понимаю, – вздохнул Алексей. – Не нравится мне всё это.

Что именно ему не нравится, Елена не успела переспросить. Ваеры перестали клясть друг друга.

– Да, Ленушка, дорогая, ты права! Нужно немедленно бежать!

– Куда бежать? – с готовностью переспросил Фридрих. Он уже смутился из-за того, что наговорил, и пытался загладить вину.

Елизавета опять растерялась, Елена чуть не плакала, дети с надеждой смотрели на старших. За это короткое время их мир перевернулся несколько раз, и они перестали понимать хоть что-то. А, когда не понимаешь, становится страшно и досадно.

Елена шла по темнеющим улицам. Петербург с обеих сторон налетал на неё, придавливал своей мощью. Сочная тишина и успокаивала, и коварно усыпляла. Она боялась, что не дойдёт до дома, ляжет на гранит и блаженно уснёт. Сумерки с торжественной грациозностью стучали в стёкла выплывающим из синей дымки очертаниям шедевров архитектуры, а с реки тянуло тошнотворным запахом тины и помоев.

Елена отвыкла от красоты, от простого сознания, что жизнь – небывалой щедрости подарок привередницы – судьбы. На такие мысли теперь она, уставшая от поисков племянницы, хнычущая и чувствующая себя ничтожной, не была горазда.

Улицы наполовину опустели. Люди заперлись в своих промёрзших домах и жались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Возле величественного Спаса на Крови стояла стройная женщина с чёрными волосами. Елена и в темноте умела различать оттенки цветов, а особенно женских волос, ведь была остроглазой и наблюдательной к внешности и туалетам других. Женщина величаво и просто, без налёта высокомерия, повернула своё лицо на шелест шагов Елены. У той перехватило дыхание, как в момент открытия занавеса перед торжеством искусства, и тёплые благоговение, признание, любовь разлились внутри.

Елена видела, как Она призрачно улыбнулась, повернулась и пошла навстречу. То невообразимое ощущение восторга, даже суеверного преклонения, какое чувствуют верующие перед святыней, нарастало в Елене. Она боялась пошевелиться, боялась, что слёзы защекочут ей глаза и помешают лицезреть минутное видение. Елена не могла поймать, схватить поэта за длинно спадающую с её вытянутой фигуры юбку. Ей казалось, что Анна просочится сквозь её пальцы, как неуловимый бархат, и оставит только сожаление и стыд. Она никому не принадлежит, разве только музе и вечности. Она – образец того, чем может стать Женщина, если она не растрчивает себя на пустяки.

Она удалялась уже, а Елена стояла по-прежнему в оцепенении, как будто её обкурили терпкими восточными благоуханиями. Так мало в её жизни осталось прекрасного, что она не могла просто так отпустить чувства, распирающие её. Догнать Анну и заговорить с ней Елене казалось кощунством, как будто она хотела вмешаться в ход времени. Ей казалось невообразимым, что с той, великой, можно говорить о пустяках, жевать баранки и искать деньги. Так можно было разрушить созданные собой дымчатые фантазии о чём-то лучшем. Наконец, Елена обернулась, чтобы посмотреть вслед видению.

Ты прошла, словно сон мой, легка...

На дороге, где только что она ступала, сиротливо белел небольшой кусочек ткани. Елена нежно взяла его в руки, как

ценнейшую реликвию и, опомнившись, догнала Анну. Молча она воззрилась на благородное грустное лицо и почувствовала что-то родное в нём. Подумала вдруг, что не одинока в беде. Елена заслужила в ответ печальный, мистический, как вся ахматовская поэзия, взгляд и едва уловимую улыбку, не показывающую зубы. Елена ощутила почему-то, что уже видела это лицо – в далёком детстве, у постели больной матери. Конечно, судьба Анны не была ещё так печальна, как судьба безывестной безответной женщины, носящей одно с ней имя, но Елена в тот миг была уверена в их схожести. То, что стихи – часть фантазий, а не отражение настоящей жизни, она не понимала. Она знала, что Анна трагической долей похожа на её мать, что она так же воздушна и так же живёт в её мечтах, фантазиях и даже воспоминаниях, и эта уверенность жгла.

В восторге, в благодарности за подаренные лучистыми тягучими стихами минуты Елена могла бы целовать... не песок, на такое унижение она не способна была, но платье. Но она просто смотрела на своего кумира, стараясь понять, потому что всегда надеялась, что высшее, какой-то потаённый смысл, открытый лишь избранным, есть.

Елена читала многих современных поэтов, объединённых позже под красивым именем «Серебряный век», но в большинстве случаев бегло пробежала их строки глазами, не цепляясь за них душой. Но по-настоящему существовали для неё только король и королева этого времени – Александр

и Анна. Все остальные являлись их свитой, разноплановой, разношёрстной, буйной и великолепной свитой.

Глава 10

Они искали Клавдию уже несколько дней. Безрезультатно. Скитаясь по посветлевшим от первого снега, но нерадостным петроградским улицам, Елена всё больше отчаивалась. От её летней ослеплённости осталась бледная надежда на то, что тот подъём когда-нибудь повторится. Сейчас же было не до внутреннего мира – нужно было думать о материальном, и это отнимало всё время. Боясь, что с Клавдией случится беда, Елена бесстрашно ждала, пока мимо неё, застывшей на мостовой, пройдут группы большевиков. Немного привыкнув к вечному патрулю, она уже не вздрагивала и не ждала грубостей от них. Они оказались людьми, и были такими же разными и противоречивыми, как дворяне.

Однажды Елена забрела в странное место – не то приют, не то убежище. Множество лиц, измотанных жизнью, воззрились на неё. Здесь существовали разные слои населения – это чувствовалось и по одежде, и по манере держаться, разговаривать, смотреть. Некоторые с недовольством встретили ту, которая нарушила их относительный покой, другие звали поиграть с ними в карты. В целом это сборище не отталкивало, не вызывало тошнотворной жалости, как герои пьес о нищих – эти люди ещё не отчаялись – их сюда забросила революция, а не разбитые мечты.

– Что вам угодно? – спросила Елену молоденькая медсест-

ра с маленькими добрыми глазами.

– Я ищу одного человека, – ответила Елена и протянула фотокарточку Клавдии. – Видели ли вы эту девушку? – спросила Елена, не надеясь уже на успех. Уже много раз она получила в ответ сочувственное отрицание.

– Нет, не видела, – вздохнула девушка.

– А что это за место? – вновь спросила Елена.

– Это временное убежище для тех, кто потерял свой дом или не хочет возвращаться в него. Его организовала моя семья.

– О, это похвально. В такое время мы должны объединяться, – рассеяно пробормотала Елена, косясь по сторонам.

Её взгляд ошупывал молодую женщину, сидящую на полу со свёртком на руках. Как всегда при своих встречах с Натальей Вороновой Елена почувствовала тесноту и что-то вроде чувства вины.

На момент их последнего свидания красавица Наталья выглядела утомленной и потерянной. Сейчас она казалась растоптанной. Подняв на изумлённую Елену свои голубые глаза, Наталья не отобразила в них ни удивления, ни радости, ни досады – ничего, что уместно в случае неожиданного возобновления старого знакомства. Но лучше бы Елена не видела её взгляда – сколько в нём было боли! Боли от всего, что случилось в последний отрезок жизни, оттого, как сильно по ней потопталась судьба. Потухшее, ничего не выражающее лицо – лицо той, которой восхищались, но которая не

воспользовалась дарами природы, предпочтя обеспеченной жизни любовь.

– Наталья, вы... Как же, почему вы здесь? – изумлённо спросила Елена, садясь на пол рядом.

– Почему? Как вы думаете, почему здесь все эти люди?

– Им некуда идти.

– Вот и мне некуда...

– Боже мой, Наталья, вы не можете тут оставаться с... ребёнком. Вы должны пойти со мной, у нас есть место! Что это за условия для новорожденного!

– Что за условия? Какая разница. Всё кончено с нами, что империи думать о младенцах?

– Нет, Наталья, что ты говоришь?! – поразились Елена. – Вставай немедленно, пойдём со мной!

– С тобой... – казалось, в Наталье, наконец, проснулось чувство. – А зачем мне идти с тобой, скажи на милость? Кто ты такая мне?!

Елена затаила дыхание. Как ни была она разочарована и взволнована, возможность проникнуть в тайные дебри чужого сознания восхитила её и заставила кротко ждать. Сегодня Наталья договорит то, что не захотела договорить тогда. Это что-то пугало, но и завораживало Елену, как будто способно было дать ключ к разгадке жизни.

– Я хочу помочь тебе.

Наталья загорелась недоброй улыбкой, которая в неверном свете свечей показалась Елене едва ли не зловещей. Она

вздрыгнула, подумала, что нервы её совсем расшатались, и ближе подсела к Наталье. Атмосфера тёмной комнаты заволаживала. «Что сделало её такой? Не только война, не только бедность».

– Именно из-за тебя всё и пошло под откос в моей жизни, – слова Натальи, как когда – то давно, когда они только начинали свою дорогу, звучали нечётко.

– Но почему из-за меня?

– Ты что, так ничего и не поняла? Ты с самого начала, как только появилась, отбирала у меня любимых мужчин.

– Любимых мужчин?.. Я отбирала?!

Хмурая худая женщина с потушенным взглядом усмехнулась. Она не верила, что Елена находится здесь не для того, чтобы злорадствовать.

– Я понимаю, тебе было наплевать на меня, да и как иначе, но мне от этого не легче. Я так страдала, когда Алексей отделился от меня, надеялась, он был первым, к кому я потянулась...

«Алексей, – стучало в висках у Елены, – так это была правда, я разбила её надежды...» Елена так надеялась, что Алексей и Наталья не были влюблены, что просто из-за схожести увлекались друг другом. Тогда её больше интересовали собственные чувства, но сейчас, здесь... С запозданием на шесть лет Елена всё – таки подумала, что, не вмешайся в их жизнь она, Елена Грушевская, они поженились бы, и, наверное, были бы счастливы. Елене стало больно и жаль. Жаль

не себя.

– Но я пережила это, забыла его. В жизни всякое бывает, я понимаю тебя. Любить невозможно в пол силы – или любишь до самозабвения, или не любишь вовсе.

– Но зачем до самозабвения? Нужно в первую очередь жить собой, а не кем-то! Иначе в итоге и останешься с дырой в душе, одна, нищая...

– Я не такая, как ты. Это ты Сашу не любила, сама говорила об этом... И Алексея сначала предпочла размеренному существованию. А я не так, люблю – так люблю, и не думаю, как на меня посмотрит общество. Это неважно в минуты наслаждения жизнью! – прошипела она.

Елена с досадой почувствовала, как глаза начинают щекотать непрошенные слёзы.

– Вот ты подумай теперь. Чего ты добилась своим самоотречением, сидя на каменном полу в чьём-то разрушенном доме.

– Ты несправедлива... – глухо боролась Наталья.

– Я честна! И ты должна быть честна с собой, Наташа! Любовь растоптала тебя, довела до этого, и ты ещё обвиняешь меня, – хрипло dokonчила она.

– Удивительно, как ты всё-таки решилась выбрать Алексея, что же сказали твои родители! – Наталье, верно, не хотелось думать, что Елена может быть права.

– Выбрала, – отрешённо сказала Елена, – потому что потом уже стало наплевать на чужое мнение.

– Вот и мне наплевать.

– Да я не о том! Ты же на дне сейчас, на самом дне! И что дала тебе твоя любовь? Она только тогда и хороша, когда не несёт в себе опасности!

– Если ты не можешь пойти за ним до конца, значит, ты не любишь вовсе.

– Нет, это просто значит, что я смотрю на мир реально. Я не смогу любить того, кто топчет меня. Саша пошёл с тобой до конца, он свою жизнь разрушил?!

– Ты считаешь, что Саша топчет меня?!

– Посмотри на себя, посмотри, что стало с тобой! Как ты сама не видишь этого?! И ты ещё оправдываешь его... – поразилась Елена.

– Да, оправдываю! Я сама виновата во всём, я была слишком требовательна к нему, вот он и струсил! На него нельзя давить.

– Ты сумасшедшая, – отрезала Елена.

Наталья заплакала. Это успокоило Елену. Если женщина ещё способна плакать, потеряно для неё не всё.

– Теперь скажи мне, – продолжала Елена, поглаживая её по плечу, когда Наталья немного успокоилась, – что с тобой произошло, почему ты здесь?

– Мне... мне нечем стало платить за комнату, а тут ещё роды... Когда я вернулась из больницы, оказалось, что хозяйку моей комнаты арестовали, а в доме поселились большевики.

– А Александр?!

– Он ни в чём не виноват, он просто не знает!

– Ты разве не писала ему?

– Нет... Я не знаю, куда теперь писать, не знаю, где он...

– Он возвращается... уже вернулся. Ты должна пойти к ним. Я пойду с тобой. Хватит этого уже, я сама хочу освободиться от него. Он давно обещал дать мне свободу, и теперь с новой властью это возможно. Довольно мы все мучили друг друга. Если он ждёт указаний, он их получит.

Волчья тоска в настроении Натальи уступила место безразличному цинизму.

– Никуда я не пойду с тобой. Довольно мне досталось от тебя.

Как Елена ни пыталась уговорить Наталью, та не поддавалась, по-прежнему сидя на полу. Расстроенная, избитая, всё ещё чувствующая слабое царапанье в груди, причиняемое мыслью, что они с Алексеем, хоть и неосознанно, посодествовали падению Натальи, Елена ушла, с грустью обещая вернуться. Наталье было всё равно. Она продолжала бездумно смотреть на стену. Слышно было её ровное, но неприятно глубокое дыхание.

«Господи, как же помочь ей?» – дрожа то ли от холодного декабрьского ветра, то ли от прошедшей встречи, думала Елена, устало плетясь домой. Там, с гадкой тоской из-за собственного бессилия, она смотрела, как мечутся домашние.

Глава 11

Елена боялась, что не застанет Жаловых в их огромной квартире. Многих дворян уже выгнали с насиженных фамильных мест, заставив пережить то, что переживали во времена аристократического триумфа крестьяне. Мщение всё больше терзало Россию.

«Когда у них всё было, они с жалостью смотрели на крестьян и думали, как им помочь, ну а между делом (каждый день) развлекались. Когда у них всё отняли, они возроптали и начали жалеть себя, обвиняя рабов в том, что тем надоело их терпеть», – сказал бы Алексей, не стань он в последнее время молчалив и рассеян. Елена должна была позаботиться и о нём, одном из многих, доверенных её попечению, но столько у неё было забот в последнее время, что она, засыпая, не успевала продумать всё, что станет делать завтра. Таков удел тех, кто лучше слабых, глупых и бедных способен держать удар, оберегать их. А иногда даже тех, кто просто сбился с пути и никак не может найти новый смысл. После такой деятельности сначала гордишься собой, а потом кажется, что лучше уж самому быть слабее, глупее или беднее.

Опасения Елены не были напрасны – по старому адресу не оказалось никого из доблестной династии Жаловых. Запустение, разруха. В квартире Жаловых, как и у Ваеров, побывали большевики. Походив возле двери в надежде, что кто-

то появится и расскажет, где они теперь, Елена задумалась о том, что стало с её жизнью за последние месяцы. Эти назойливые мысли, бросающиеся на неё, стоило ей остаться одной, выводили Елену из себя, потому что много в них было ропота и жалости к себе. Вслух она никогда их не озвучивала, но наедине с собой понимала, как они противоречат её идеалам, как они мерзки и мелки.

Елена отводила глаза от самой себя, как если бы разговаривала с отражением, и пыталась пресечь думы о том, что лучше бы всё шло по-старому, низшие классы продолжали бы выполнять функцию мулов. Тогда она смогла бы и дальше любоваться закатами, пожинать любовные плоды и с гордостью отмечать, как мужает сын. Такое течение мыслей вполне объяснимо для смертного, но ей было неприятно, как будто Елена Грушевская, первая защищавшая идеалы добра и справедливости, предала кого-то.

Она выбилась из старой жизни, на короткий момент подумала, что нашла себя в перевернувшейся среде разночинцев, но скоро поняла, что не может отыскаться в новом обществе.

Всё летело в преисподнюю, по крайней мере, Елене так казалось. Ей хотелось проснуться утром и понять, что вся боль и несправедливость остались в прошлом. Но каждый новый день всё больше отдалялся от этого желания. Иногда

из центра города по улицам прокатывались, как оглушительные раскаты грома, леденящие очереди по людям. Елена начала опасаться, что Александра арестовали, и теперь ни Наталья, ни она не получат желаемого.

Елена не могла поверить в то, что Елизавета Петровна и Фридрих, утративший свою обычную склонность к ворчанию, всё-таки уезжают из России.

– Без Клары?! – вскрикнула Елена (в семье Клавдию величали на немецкий лад), только услышав от них то, что, казалось, не могло быть сказано вслух.

– Милая, – Елизавета Петровна пыталась скрыть, что оправдывается, – мы не можем искать её вечность, под угрозой мы все, мальчишки!

– Лиза! – закричала Елена. – Да как ты можешь говорить такое?! Она твоя дочь!

– А они – мои сыновья, и я хочу, чтобы они видели счастье, а не смерть! Она сама свой путь выбрала.

Елена не добавила больше ничего. Даже Алексею она не сказала о своём разочаровании.

Ваеры уехали. Они долго и слезливо прощались, вздыхали и твердили том, что скоро вернуться, заберут Клавдию. Но Елена не могла слушать их. Ей только хотелось, чтобы поскорее отошёл поезд.

Но, когда она осталась одна лицом к лицу с Алексеем, ей стало ещё тоскливее. Человек, которого она так сильно любила, которому верила иногда больше, чем себе, в последнее

время пугал её. Он стал ещё задумчивее и суровее, чем раньше, и походил на существо, потерявшее что-то важное для себя. А она, сбившись с курса, перестав верить всему, сбросила всю ответственность и инициативу на Алексея, несмотря на свои наполеоновские планы и вольнолюбивые речи.

Поэтому Елена и Павел начало 1918 года почти постоянно проводили с отцом и дедом. Аркадий Петрович, наверное, был рад сближению с дочерью, но никогда не показывал ей больше, чем можно было прочесть по глазам. Глаза он тщательно прятал и втайне боялся, что кто-то может залезть ему в душу.

Они много говорили в этот период. Жизнь вокруг стала так страшна, офицеров хватили на улицах и уводили в неизвестном направлении, женщины боялись открывать дверь на стук. Поэтому Грушевские окунулись в сладкий мир грёз и воспоминаний, приукрашенных и припорошенных фантазией. Елене начинало казаться, что вся её жизнь до революции была томно – цветочной. Все перипетии судьбы меркли, а то и вообще казались выдуманными по сравнению с теперешней жизнью.

Однажды Елена и Аркадий Петрович утомлённо и совершенно бесцельно бродили по Петрограду. Оба понимали, что нужно начать делать что-то, идти на службу или примыкать к одному из многочисленных политических движений. Но ни отец, ни дочь не могли совершить того, чего хотели. Вся жизнь стала для них одной бессмысленной тёмной пове-

стью без ответа на главные вопросы, без счастья и радости. Да, когда – то в далёком будущем всё станет опять ослепляющее – цветным, душистым и игривым. Ну, а теперь...

– Расскажи мне о маме, – просила отца Елена, радуясь возможности впервые в жизни услышать от отца семейные истории, которые порой бывают так дороги. Они позволяют чувствовать, что ты пришёл не из ниоткуда, а это хоть немного, но облегчает груз непонимания начала собственной жизни. Никто не может сказать, откуда пришёл, куда идёт, и что встретит после жизни. Все религии мира преподносят свою версию человеческой сущности, и все они похожи, но... В мире хочется узнать всё самому, а не слепо верить в то, что придумал кто-то, поэтому Елене и казалось, что, познав себя, она сможет познать мир, его сущность, его безумие и совершенство. Когда она задумывалась о начале пути, находила столько непонятного, что невольно переставала думать об этом, но неизменно тянулась к привлекательному, но не разрешимому. Елене казалось, что, узнав больше о своём детстве, она сможет хоть немного приблизиться к сути. Задумываться над вечными вопросами человечества она начала недавно.

И Аркадий Петрович, сурово, но не без тихого одобрения смотря на дочь, начинал красивую историю о любви и верности, о трагическом конце и вечной памяти. Елена, хоть и не верила этим словам до конца, примято улыбалась, смотря на замёрзшие волны Невы. Река под ними расплывалась

широко и бело.

На мосту к ним подошли несколько солдат в потёртых грязных шинелях. Говорили они громко и безграмотно, беспрестанно ругаясь и скалясь. Один из них, развязно посмотрев на Елену, выругался.

– Гляди-ка, крали буржуйские ещё по городу гуляют, – сказал он спутникам.

Аркадий Петрович быстро обернулся и, забыв, что не вооружён, сказал, едва сдерживая ярость:

– Господа, идите, куда шли, оставьте нас в покое.

– Ишь ты, брыкается ещё, скотина. Кончилось ваше время, наше теперь.

– Ваше не ваше, а за всё, что творите, вы поплатитесь.

– И как же, сударь? – издевательски спросил солдат.

– Папа, – прошептала Елена, – прошу тебя, не надо. Промолчи, пойдём отсюда.

Но Аркадий Петрович тем и славился, что никогда никого не слушал, а иногда даже шёл наперекор советам, боясь, что люди подумают, будто убедили его.

– Расстреляют вас, как изменников родины, когда истинная власть вернётся.

Трое в шинелях оторопели, потом переглянулись.

То, что произошло дальше, Елена видела через искажённое стекло. Казалось невероятным, что эти люди, незнакомые, неожиданные, схватили Аркадия Петровича и долго били его, пока снег вокруг них не сбрызнулся чем-то тёмно –

красным. Как бы в замедленном действии Елена со стороны созерцала, что пытается помешать солдатам, слышала глухие, разбавленные с собственным биением сердца, крики отца: «Беги, Лена, беги!»

Но она не могла. Перед глазами в ознобе проносились мысли – что станет с Павлом, если её убьют, как жаль будет дальше не видеть жизнь, пусть даже такую, как жаль... Наконец, огромным усилием воли заставив себя выплыть наружу, она, гонимая отчаянием и болью, неуклюже побежала по набережной, спотыкаясь и падая. Куда она бежала, она не понимала, да сейчас это было не важно. Внезапно её нагнала колющая мысль – отец... Он там один, она ничем не может помочь ему.

Резко повернув обратно и чувствуя только, как горло распухает от бьющего в рот ледяного воздуха, Елена увидела, как не её отца, нет, а мужчину, которого она совсем не знала, схватили под руки двое солдат. Протаскивая по замёрзшей улице, они насадили его на штык, который держал четвёртый участник представления. Мужчина на штыке тихо захрипел, с жалким выражением пытался сказать что-то, но не смог, перестав шевелиться.

Это не мог быть её отец. Не Аркадий Петрович, щёголь и сердцеед, всегда убеждённый в своей правоте, презирающий любое, кроме своего, мнение, валялся сейчас окровавленной грудой на белоснежном петербургском снегу. Не его дочь, неподвижно застывшая сейчас в двадцати метрах от тела от-

ца, согнулась пополам из-за приступа тошноты.

Елена плохо помнила, как в страхе, что её догонят солдаты, добежала до дома, в котором жила теперь с сыном, Алексеем и Натальей. Наталья всё-таки оттаяла и согласилась принять помощь от женщины, которая, как ей казалось, разрушила её счастье. Конечно, теперь Наталья, имея время и силы поразмыслить надо всем, раскаивалась в сказанном и старалась загладить боль, причинённую Елене. Она извинялась, успокаивала её и ухаживала за Павлом и его сестрёнкой Анастасией, пока Елена бесцельно слонялась по оставленным им комнатам.

В тот день Наталья с лихвой загладила свою бестактную злобу – битый час она крутилась вокруг Елены, стараясь помочь той остановить истерику. Всё было тщетно. Елену била такая дрожь, что она не могла сидеть, а сползла на пол и лежала там, пока не затихла. Пришедший Алексей приглушённым голосом говорил что-то Наталье, дети тихо всхлипывали, почуяв в доме беду. Елена почти не слышала, как Алексей поднял её на руки и положил на диван, тревожно вглядываясь в любимое лицо. Весь мир вдруг стал для неё не более чем фоном, чтобы каждый человек наивно полагал, что счастье возможно. Впрочем, в тот момент она не думала ни о чём, а только смотрела вперёд. Алексей и Наталья, заметив её взгляд, поспешили отвести глаза.

Глава 12

Вечером того дня Алексей с Натальей долго говорили о чём-то, тихо не договаривая главного, но понимая друг друга. Он чувствовал, как мир, не тот, что был за окном, а его собственный, разбился вдребезги; он не знал, как теперь жить, на что надеяться и во что верить.

– Ты первая из нас разочаровалась, – объявил ей тогда Алексей.

– А мне казалось, что это был ты... Тогда, когда оставил город, никому ничего не сказав. Я была очень зла на тебя и ушла с Женей. Мне было так обидно, я почти ненавидела вас... Ведь именно ты пропитал нас теми идеями.

– Нет, тебе сейчас кажется так. Вы были свободомыслищими с самого начала, это характерно для умных людей. В таком случае, твоё отречение было ярче. Я и не думал, что ты можешь быть страстной настолько.

– Всё изменила смерть Евгения.

Наталья, потерявшая почти всю надежду на личное счастье, ради которого поступилась жесткостью суждений, старалась теперь помочь людям, не отвернувшимся от неё в сложный период. До сих пор не восстановив своё хрупкое равновесие, она легче, чем счастливые люди (хотя таких с каждым днём становилось все меньше), улавливала чужую горечь. Вместе с таким же, как он, человеком, придавленным

эпохой, Алексей чувствовал себя легче. Хотя Наталью ранила не эпоха, или она меньше, чем человек, они нашли общие линии понимания. Они всегда находили их, потому что были похожи.

Все они – Алексей, Елена, Наталья, Ольга и Пётр могли бы добиться многого, не стань у них на пути семья, любовь или война. Это были талантливые мечтательные люди, каждый из которых надеялся найти счастье. В большей или меньшей степени борцы, идеалисты, эстеты, все они изначально были наделены похожими характерами и чувствами, только распорядились ими по-своему. Алексей не смог дойти до того, чего больше всего хотел – справедливости. Елена жила ради счастья, но споткнулась о тeneвую жизнь. Наталья предпочла любовь самостоятельности, позволила другому человеку завладеть собой, и теперь раскаивалась в этом. Ольга предпочла себя семье, и тоже разочаровалась, потому что никто, кроме неё, не ценил её жертву. Пётр мог сделать то же, что и Алексей, но слишком сомневался во всём на свете, поэтому просто смотрел на то, что происходит за окном. Со временем ему начало казаться, что созерцать жизнь интереснее, чем участвовать в ней. Однако он сделал добро своим крестьянам, и те не нарадовались на барина. Алексей же вообще не мог похвастаться тем, что помог кому – то.

Теперь двое из пяти, между которыми едва не образовалась любовь – содружество, смотрели друг на друга с горечью несбывшихся надежд. Каждый знал, что его жизнь могла

пойти иначе, не натвори они стольких ошибок.

Алексею нравилось ухаживать за Еленой, оберегать её от новых волнений, заботиться о ней и бесконечными январскими вечерами рассказывать, как будет прекрасна жизнь. Надо только немного подождать... Снова видя перед собой беззащитный идеал, терпящий пощёчины судьбы, он чувствовал себя сильным, способным защитить его. Думая о реальности, а не об абстрактных справедливости и счастье, он невольно отвлекался от постигнутого им разочарования. Он говорил Елене, что вся чернота, гуляющая сейчас по России, неизбежна, но наедине с собой, долго не засыпая, не мог оправдать происходящее. Вся его честность и стремление к совершенству восставали против. Не этого он ждал от страны, в которую верил. Он зарёкся не идти на поводу у того, что внушают люди, мечтающие о власти. Вообще лучше не верить людям... Его совесть подсказывала ему, что страна разрушена, не может наступить рая земного на следующий день, но всё же... То, что происходило вокруг них, перерубало всякую надежду на благоприятный исход.

Алексей начинал презирать себя за то, что так мучается из-за того, что решил оставить раз и навсегда, поскольку истину всё равно раскопать был не в силах, но всё равно ежедневно позволял своему разуму думать о судьбе русских людей. Когда-то он презирал, хоть и неосознанно, Петра за то, что тот, в период, когда никто из них ещё не узнал любви, разделял взгляды Алексея и говорил о революции, как о бла-

ге, а потом просто ушёл в тень. Теперь, сидя возле Елены и надеясь, что она заговорит с ним и развеет вновь обступившие его страхи своими тёплыми ладонями, он решил, что Пётр был прав, позволив всему катиться без его участия. Алексей подумал, что Пётр подозревал всё с самого начала, поэтому решил, что совесть его будет чище, не стань он никому помогать. Алексей обвинял Петра в лицемерии и трусости, но понимал, что его друг не лицемер и не трус. Он просто не хотел помогать, как Алексей, тому, что убивало людей. Но Алексею не было совестно за то, что он совершил – он никогда не врал. Это было частью его жизни, а все мы ошибаемся.

Елена тоже не врала себе более, и тоже заблудилась. Решить, что ей милее – внешнее благополучие за разбитым влечением к жизни или неопределённость, но свобода и любовь, было несравнимо легче, чем понять очередную бойню, растёкшуюся по родине. И сейчас, перед лицом настоящего, не отвлечённого, не чьего-то горя, она ненавидела всех. Ей уже было всё равно, кто лучше, кто прав. Она больше не анализировала себя и не пыталась уловить мысли, относящиеся к какому-то событию. В отличие от других дворян, твёрдо стоящих за интересы своего класса, Елена никогда не судила о природе вещей однобоко, и давно поняла, что жизнь делится не только на чёрное и белое.

– Ты как-то сказал, что не власть отвратительна, а люди, её создающие. А Ольга – что Россия не та страна, где что-

то может пойти по маслу. И вы оба были правы! Теперь каждый день это доказывает. Как легко строить прекрасные теории и как трудно применять их на живых людях! И мы были такими же самоуверенными, думали, что правы, что молодцы, если идём куда-то. А Русь – матушка так многогранна, так своевольна, что представить её развитие невозможно, – доверилась Елена Алексею как-то вечером, когда тянет открыть сердце близким. В последнее время это происходило всё реже, Елена чувствовала странную накаленность и невозможность рассказать другому свои последние соображения.

Оправдывать людей, убивших отца, она не могла. Даже мысли об этом вызывали у неё приступы такой сильной ярости, что она готова была бежать на ту набережную и попытаться найти тех солдат. Елене отвратительно было насилие, жестокость, невыносимо было видеть глумление над памятниками искусства. Она всегда с отвращением читала, как варвары обезображивали античное наследие, а теперь то же созерцала в России. А в роли палачей выступали не чужеземцы.

Была ли она близка к своему народу, хоть и чтит его? Елена никогда не понимала крестьян, а они платили её сдержанным безразличием. Ей претила их темнота и ожесточённость, пессимизм и забитость. Она понимала, что виноваты в этом древние традиции, загнавшие низший класс в полуживотное состояние, но перейти барьер в общении с этими людьми не могла. Крестьяне же в отместку считали её чу-

дачкой, решившей, что она способна своими подношениями и подарками улучшить им жизнь. Во время одного из визитов в бедную семью Елена уловила на себе заинтересованный взгляд одного холопа и недовольно вспомнила «Утро помещика».

Так они и жили теперь впятером. Алексей с подрезанными крыльями, отчаявшаяся во всём Наталья, утешение находившая лишь в дочери, смятая Елена, которой казалось, что в двадцать пять лет её жизнь закончилась, и маленький Павел, понимающий многое, всеми силами пытающийся помочь заболевшей матери.

Болезнь Елены носила психологический характер, но от этого легче не казалась. Елена мало ела, плохо спала, тихо говорила, а большей частью вовсе молчала, печально глядя в окно.

– У нас кончаются сбережения, – сказал однажды Алексей. Если я не подыщу себе место, нам придётся продавать вещи.

– Мне жить хочется, дышать, здесь я как в тюрьме, – глухо ответила Елена. – Уедем, Лёша?

В её лице проснулась надежда, но Алексей только покачал головой.

– Предать родину мы не можем.

Елена будто от спазма закрыла глаза.

Алексей не вступил в ряды красной армии, чем снискал себе множество неприятностей. Найти себе службу с такой биографией было непросто. Украшения, спасённые ими, и деньги Аркадия Петровича не могли долго кормить их.

– Помнишь, как мы жили... – томно продолжала Елена, заранее смирившись с его непреклонностью, поскольку понимала это с самого начала. – Как будто не одна жизнь прошла с тех пор.

Алексей с жалостью посмотрел на неё.

– Так, как мы жили... Это прекрасно, милая, но эгоистично. Ты настоящей жизни за маскарадами не видела. Той, что у народа в сердцевине бушует. Я не о наших крестьянах, а о волжских. Если бы ты видела их силу воли, их стремление к свободе, их презрение к богатым, ты бы поняла, на каком краю Россия стояла. Да ты и понимала, кажется... То, как они смотрели, говорили, читали пропагандистскую литературу. Всё шло к перелому. Много лет шло. Я до сих пор удивляюсь, как они расшевелили наш ленивый народ. Расшевелили, так он теперь бушевать будет. Не бойся их. Всё вернётся на круги своя.

Алексею нравилось думать, что он вырвал Елену из лживого мира, вёл её (хоть и доказывал себе, что не хотел, это получалось само по себе). Пусть это было и не совсем так, зато тешило его самолюбие.

– Людей-то и стоит бояться, – ответила Елена.

Алексей не смог возразить. Он только погладил Павла по голове. Павел улыбнулся в ответ.

Золотая юность Елены прошла, уступив место серебряной молодости. Телом она была сильна и свежа, но душой считала себя старухой, хотя и надеялась, что сможет ещё испытывать то, что волновало раньше. Она не могла уже так безоглядно упиваться жизнью, как те, кто и голодной зимой, презрев физические лишения, неслись по каменным, покрытым притоптанным слоем снега петербургским мостовым на какие-то собрания. Снова собрания, даже теперь, снова... а Елена выброшена из жизни, ничего не хочет и ни к чему не стремится. Остальные каким-то образом умели быть счастливыми даже при каждодневной угрозе расправы.

Постепенно, конечно, Елена стала выбираться на улицы, покупать деликатесы – жжёный сахар и заледеленый хлеб. Вид новых Мадонн, коренастых, крупных, стриженных, громовым голосом разглашающих список своих товаров не отпугивал её, а, наоборот, вселял смутное волнение. «Если живут эти женщины, почему не могу я?» – спрашивала она себя. Жизнь, как оказалось, кипела несмотря ни на смерти близких, ни на полное стирание с лица земли прежнего мира. Люди по-прежнему жили, любили, надеялись.

Глава 13

Сонным зимним днём, когда приятнее находиться под тёплыми стенами родного дома, укрыться пледом, чтобы не выпускать тепло под высокие своды опустевших комнат и читать, а не искать что-то на тоскливых улицах неблагополучного города, Елена и Наталья ждали. Они стояли на мосту рядом с бывшим домом Ваеров, а ныне перевалочным пунктом большевиков, где каким-то чудом ещё обитали интеллигенты. Был воскресный день, но по городу не велись службы, и Наталья, бывшая теперь душой дома, решила в коём-то веке устроить праздник по случаю свидания. Праздников в последнее время осталось так мало, а все нуждались в положительных эмоциях больше, чем когда-либо. Наталья чувствовала острую необходимость дышать самой и давать дышать окружающим, поэтому вывела Елену на воздух встречать Ольгу и Петра. Елена не подавала никаких признаков заинтересованности, но, когда к ним, как всегда, торопясь и сутулясь, приблизилась чета Астафиных, начали медленно и сдержанно выплывать наружу из застывшей массы её переживаний прежние напевы. От друзей пахло прежним миром, который она часто критиковала, но который так, оказывается, любила.

– Лена, Наташа, как хорошо снова встретиться! – воскликнул Пётр, поочередно обнимая женщин. Его жена непо-

движно стояла в стороне – Как Алёша?

– Ты сам увидишь, – приглушённо ответила Елена.

Пётр быстро посмотрел на неё, едва заметно нахмурился и разочарованно отогнал взгляд на Наталью. Он и представить себе не мог, как меркнет очарование от горестей. Он так и не пришёл к очень простым и одновременно очень сложным истинам, составляющим житейскую мудрость.

Наталья вскрикнула: «Оля!» и крепко, с благоговейным оживлением обняла окаменевшую Ольгу.

– Оленька, – казалось, Елена посреди зимы в снегу увидела розу. – Оленька, – повторила она, подойдя к подруге и касаясь своими обнажёнными колющимися от холода ладонями её щёк.

Ольга посмотрела на Елену так, как смотрит на то, что ему было дорого, безнадёжно больной человек, понимающий своё состояние и пытающийся вырвать из сердца последние убеждения, из-за которых ещё может остаться. Но Елена не поняла её глаз. Она только повторяла как заведённая: «Оленька, Оленька!», ничего не прибавляя больше. Так они и отправились домой, пальцами ног, защемлённых в прохудившейся обуви, чувствуя нестерпимый холод.

Пётр с опаской наблюдал за Еленой, переводил глаза на Наталью, читал там мольбу и понуро опускал голову. Он говорил что-то. Наталья пыталась поддержать беседу, но Елена и Ольга не участвовали в ней.

– Мы, я думаю, совсем перебрались в Петербург. В дерев-

не нашей неразбериха, нахлынули большевики, постоянные там погромы и споры. Нам жить в избе не хочется, наш ведь дом отошёл государству.

– Где же вы живёте сейчас?

– В квартире, где жила мама. Она умерла после того, как отца расстреляли, отмучилась, – Пётр пытался скорбно покачать головой, но, поймав взгляд Ольги, не смог.

Ольга пугала его в последнее время. Она осталась преданной женой и аккуратной хозяйкой, но что-то в самих её движениях, в том, как она смотрела вдаль, шевелило в нём жалость, скорбь и страх. Он по-прежнему приписывал это беременности, в глубине души понимая, что не в том причина.

– Петя, – расчувствовалась Наталья, – ты переживёшь и это. Всевышний наделил нас великой силой.

– Отличная отговорка, – не выдержала Елена. – А вы самоубийц спрашивали, помог ли он им?

– Жизнь продолжается дальше, нам нужно только научиться существовать в этом мире, мы можем ведь...

Пётр умолк, и каждая из трёх женщин догадалась, почему. На противоположном берегу, беспрестанно чертыхаясь, бранясь и дико хохоча, катилась толпа. Люди в ней возбуждали не сострадание, хоть и были одеты в тряпье, тощи и грубы, а отвращение, ядрёную смесь ужаса, непонимания и жалости. Все те, кто раньше тихо сносил бедность, диктат и безысходность, глуша это в водке или уличных побоищах, получили теперь право выбора своего пути. И они выбира-

ли. То, что годами накапливалось в их израненных закостенелых душах, выливалось теперь в кровавые расправы над мелкими ворами, прелюбодеяниями или неудачливыми богачами, попавшими к ним. Бедняки пытались выплеснуть черноту, обиды и недомолвки глумлением над такими, как сами – полуживыми – полумёртвыми.

Впереди толпы, спотыкаясь и беспрестанно валясь назад, плёлся израненный человек, лицо которого походило на кусок сырого мяса. Он мычал что-то и пытался вырваться из цепких объятий ведущих его пропойц. Видно, жажда жизни, путь даже покалеченной теми, кто не имел на это права, ещё теплилась в нём. Толпа со звериным рычанием смотрела, как кровоточащего человека подвели к реке, жестоко избили уже и без того растёртое ударами тело, потом выстрелили в него и спихнули в обрыв, на лёд. Этого показалось им мало для насыщения, и они, загораясь от каждого неосторожного слова, начали ругаться между собой.

В продолжение этой сцены Пётр порывался скрыться, но что-то извне приказывало ему стоять на месте, отворачиваясь. В душе его плавало столько боли и негодования, что он не мог справиться с ними, просто стоя на месте и дожидаясь помощи от спутниц. Но они сами были преданы власти внутренних порывов, рождающихся по велению реального мира. Наталья, плача, отвернулась сразу после начала драки, Ольга же с каким-то оцепенением видела всё, но едва ли думала о том человеке. Елена же понимала, что происходит, но не

чувствовала этого. Весь мир стал для нее облаком пепла.

– Мы думали тогда в молодости, что наше счастье только начинается, что впереди нас ждёт нелёгкая, но прекрасная жизнь, наполненная и болью, и радостями. Могли ли мы предположить, что земля под ногами расколется надвое, что пик счастья закончится ещё до того, как мы его осознаем? – (при этих словах Наталья жалостливо сморщилась). – Мы всё ждали чего-то, предугадывали, а судьба всё решила, нас не спросив. Люди, нет, не люди, назвать этих существ так я не в силах, будут издеваться над себе подобными, выплёскивая тем самым собственную боль, чувствуя облегчение из-за того, что плохо кому-то ещё, а не только им, – медленно отчеканила Ольга.

– Это называют звериной жестокостью, – впервые раскрыла рот Елена, – но на самом деле она истинно человеческая... Иногда я жалею, что человек наделён разумом. В мире животных всё подчинено тайному смыслу, не бывает бессмысленных убийств. Лев никогда не будет просто так, из-за того, что ему это нравится, нападать на антилопу. Но человеку нравится рвать и резать. Цивилизация всё перевернула, стёрла инстинкты и границы, сделала жизнь отдельного человека бессмысленной на фоне великих политических событий. Но кому они нужны? Кому, зачем?

Она говорила спокойно, но от её слов у собравшихся мурашки бежали по коже. Елена изрекала из сундука тяжких дум самые острые слова, самые злободневные, ранящие мыс-

ли. И озвучивала их с таким серым лицом, что подавляла остатки счастья у слушающих её.

– Жизнь не может течь так, как мы её задумали, – прошептала Наталья, закрывая рот рукой. Глаза её не останавливались на одном предмете, бегая. – Мы должны учиться этому, если, подобно многим, до сих пор не умели. Наши родители не научили нас. К чему знание античной истории, если мы не можем пережить крах? Эпоха наша сумасшедшая, и мы теряем рассудок из-за неё, потому что мы дети своей страны, своего времени, дети неги и безделья...

– Не только высшие слои общества сейчас страдают, – заверила её Елена.

– Мы слишком погрязли в дурных мыслях, – попыталась протестовать Наталья. – Мы слабы.

– Да... – невесело вмешался Пётр, подёргиваясь от холода.

– Молодым хорошо, – продолжала Елена, едва слыша остальные голоса, и говорила так, словно прожила на этом свете несколько веков, – они ещё могут приспособиться, а мы ничего не можем, только разглагольствовать... Мы закостенели и сами не поймём в чём. Все ли такие? Мне плевать, кто у власти, главное, что темень теперь не только из-за отсутствия электричества. Она в наших головах. Дым, ветер, туман...

– Хватит, – опомнился Пётр. Он и желал ответить, развить тему, и не хотел, не в силах был вновь и вновь касаться того

же. – Нам пора, Алексей ждёт. Не хватало ещё, чтобы они на нас напали...

Он втолкнул замершую на пороге Елену в дверь.

Дома они говорили немного, но мало – помалу оживлялись, грея друг друга оставшимся ещё душевным теплом. Припорошенные смертельным дыханием истории, с тёмными кругами под глазами, они сначала недоумённо смотрели друг на друга, потом виновато улыбались и начинали разговаривать. Говорили долго и быстро, с поражающим упорством выплёскивая то, что скопилось внутри, боясь опоздать, забыть что-то насущное. Это небывалое единение в потребностях слило их вместе, но всё равно поставило какую-то преграду. Преграду в собственной душе, которую они ненавидели. Это не чувствовали только Наталья и Пётр, радующиеся возможности видеть, осязать старых друзей. Наталья всё больше оттаивала, Пётр обнажал себя как никогда уверенно и самодостаточно, что неизменно рушилось, если он оставался наедине с женой. Алексей, искренне улыбаясь, рассказывал о своей службе в порту, с невероятным жизнерадием повествуя о тяготах своего поприща, о морском воздухе, от которого его уже тошнило. Ольга внимательно слушала, а Елена не хотела, как прежде, остаться наедине со своей дорогой подругой, выплакаться, уткнувшись лицом в её мягкую блузку и почувствовать на своём лбу едва уловимое прикосновение её губ. Лишения, связанные с недостатком тепла, света, еды и уединения, вызывали ещё большую,

по сравнению с психологическими муками, безысходность. Никакого укрепления духа и нравственного прозрения через лишения не предвиделось.

– Что теперь будет с нами? – спросила Наталья так, словно просила прощение за это.

– Что-нибудь да будет... – протянул Пётр.

Когда Алексей и Пётр замешкались в комнате, а Елена и Наталья с Ольгой вышли в холл, чтобы по старинной привычке проводить гостей, Ольга обернулась к ним обеим и быстро сказала:

– Если бы я сейчас смотрела «Гамлета», то выбрала бы «не быть».

– Что ты говоришь такое, Оленька? – скорбно бросила Наталья, сделав движение рукой, чтобы погладить Ольгу, но замерла на начале.

– А какой, ну какой смысл во всей нашей жизни? Она не приносит ничего кроме боли, а жить для продолжения рода, чтобы видеть, как дети мучаются так же сильно, как мы – это величайшая бессмыслица. Считается, что дети – смысл нашей жизни, но видеть, как жизнь калечит их, выше моих сил...

Елена, казалось, очнулась, и, не обращая внимания на Наталью, отступившую в сторону и не сводящую расширенных глаз с них обеих, произнесла:

– Но ведь есть ещё радость жизни, солнце, любовь... – пробурчала она, не до конца уже веря в эту прописную ис-

тину.

– Лена, ты посмотри на себя – какое солнце?! Искать солнце там, где сейчас гроза? Любовь... Выдумка идиотов. Нет никакой любви, есть влюблённость, которую люди принимают за что-то большее, но почти всегда разочаровываются в ней, стоит им только оказаться наедине в течение некоторого времени.

Елена не дышала, а Ольга, дожидаясь чего-то, схватила её за голову.

– Но ты ведь любила Петра. Это должно помогать тебе теперь! Для меня в моей жизни самым важным было найти любовь, найти Алексея. А ты ведь любишь Петра по-настоящему!

– Ну, ты нашла, и так ли тебе помогло это? Любовь спасает тебя, возносит, как прежде, в небо?!

Наталья хотела возразить, но, сделав попытку, затихла снова.

Ольга продолжала, разочарованно и жестоко, словно, раскрывая глаза кому-то, пыталась удалить из себя то, о чём говорила.

– Для тебя, Лена, смыслом жизни было самоутверждение, и ты его добилась. Любовь же была прекрасным приложением. А я... не сделала ничего, чем могла бы гордиться перед собой. Ты мне раскрыла глаза.

– Самоутверждение... – протянула Елена. – К чему оно мне теперь? Мы жить разучились! Почему, ну почему в душе

одна чернота и пустота, ведь раньше так не было! Почему другие живут, а мы не можем?! Все только ищут какой-то смысл и не могут найти. Наше изнеженное поколение хоть что-то умело?! Мы заиндевели, уже ни на что не способны.

– Разучились... А мы умели когда-то? – перед глазами Ольги проплывали волны, туманящие взор. – Это кто-то вообще умеет? Каждое поколение – тому подтверждение. – Недоумённо – рассеянно заключила она.

– Знаешь, Оля, – протянула Елена, остановив отсутствующий взгляд на стене. – Ты права. Я теперь вижу, понимаю это. Ты права. Все то время, когда я больше всего на свете, безумно и горько хотела получить Алёшу, для меня почти не существовало ничего остального, кроме сына. И, наконец, самая моя сокровенная мечта осуществилась – он рядом, и с Жаловым проблем не возникло... Но что теперь? Я ясно вижу, что мир не поменял цвет только от того, что я нашла любимого человека, обрела его и крепко держу. Нет, все склоки, недомолвки и обиды остались. И теперь, когда ослепление первых мгновений прошло, они выплывают наружу. И мне снова приходится мириться с настоящим.

– Да, да, да, тысячу раз да! Милая моя, хорошая, как жить? Как? – Ольга вплотную приблизилась к Елене и, не обращая внимания на ее испуг и неподдельное сострадание, опустила руки ей не исхудавшие плечи.

– Если бы я только знала...

– Оля, ты не здорова, – решила, наконец, Наталья.

– Да, – загорелась Ольга. – Да, не здорова. Мне нужно до-
мой.

Она резко отрубилась нить бурлящего разговора и, ожесточившись, уставилась на подранные обои. Елена молчала.

В это время в гостиной Алексей, хмурясь и смотря на свои часы, спрашивал Петра, снова возвращаясь к избитым уже среди высшего круга вопросам:

– Что собираешься делать? К кому пристанешь?

– Я не хочу и не могу воевать. У меня дети, о них я должен думать теперь.

– Да, правильно, – вздохнул Алексей. – Пусть себе эти скоты воют, те, которые не думают о нас. Красные, белые, серые – все они из одного теста, жестокие и эгоистичные существа, не верящие в то, что остальным больно. Белые защищают традиции, но эти традиции сгнили, а бог, которым они так искусно прикрывались, исчез куда-то. Красные защищают идеалы свободы, но истребляют лучших представителей знати, забывая, что некоторые ратовали за их же свободу, а революцию встретили с воодушевлением.

– Ты уже не за пролетариев? – удивлённо посмотрел на него Пётр.

– Я сам не знаю. Только гадко мне, Петя. Когда я вижу, что люди, недавние рабы, трудятся, у них мелькают проблески надежды, я понимаю, что лучше уж так, пусть и в голоде. Но я не могу смотреть на глумление над памятниками, на убийства! Это ведь наша история! Какая же после этого может

быть свобода?! В моей душе не осталось даже ненависти...

– Хватит об этом, – мягко подытожил Пётр. – Не терзай себя, я бросил это уже.

– А я ведь считал, что ты струсил, – хмыкнул Алексей, хлопая друга по плечу.

Когда они ушли, у Елены с опозданием, как всегда в последнее время, промелькнула идея. Она пожалела на миг, что не отговорила Ольгу от пессимистичных дум, не успокоила её. Быть может, она боялась, что слова будут звучать фальшиво, а Ольга всё равно останется при своём. Елена не могла допустить, чтобы дорогой ей человек презрительно подумал о её заблуждениях. Кроме того, Ольга говорила о таких сложных и спорных вещах, что Елена смогла бы возразить ей только спустя существенное время. Она не прочь была бы отговорить и себя саму. Тогда же она и не хотела, и не пыталась, досадуя на своё бессилие и невозможность принять что-то одно. Ей было как будто всё равно, но нервическое копошение в груди отравляло мгновения.

Глава 14

Примерно в то время, через несколько недель после смерти отца, Елена начала вести дневник. Читать она бросила с октября, мир литературы, прежде уносивший её в неведомые дали, открывающий глаза на многие, до того непонятные, вещи, теперь казался лицемерным. Елене представлялось, что люди, не испытавшие того, что выпало ей, не смеют учить её морали и мудрости.

Записывать свои переживания, страхи и мечты стало для Елены спасением, поскольку ни с кем из близких людей она говорить в то время не могла и не хотела. До убийства отца она находила спасение в семье, но теперь и семья ушла в прошлое вместе с её надеждами. Елена со страхом замечала, как что-то исчезает в её характере, на какие-то события она реагирует не так, как могла бы всего год назад. Она только замыкала своё сердце для вторжений и вспоминала прошлое, жила во мгле, представляя жизнь страницей из книги, в которую персонажи не могут вмешиваться. Иногда, очнувшись от липкого оцепенения, она желала начать жить, перевернуть очередную страницу своей биографии, и улыбалась Алексею, Наталье, детям. Им тоже приходилось трудно.

Мало – помалу Елена начала заниматься домашними делами, присматривать за детьми, учить Павла грамоте. В двух комнатах дел было меньше, чем в поместье. Мести пол со-

бранным из еловых веток веником, поскольку мыть его ледяной водой было мучительно больно, следить за тем, чтобы нехитрую снедь не утащили пронырливые пролетарские мальчишки из тех, кто появлялся и так же незаметно исчезал. Алексей планировал в скором времени покинуть это пристанище, а Елена, хоть и не спорила, недоумевала: куда идти? Почти все свободные квартиры были заняты нахлынувшими из периферии рабочими и крестьянами, в остальных же по-прежнему, если не считать отсутствия света, тепла и гармонии, продолжали жить высокопоставленные особы, страшась каждого звука на лестничной площадке.

Однажды Елена, видя, как Алексей собирается растопить новенькую «буржуйку» повестями Тургенева, с горечью, более пронзительной, чем из-за ежедневного холода, затараторила:

– Лёша, умоляю тебя, жги кого угодно, даже Толстого, но, умоляю тебя, не трогай Тургенева! Он – единственный поэт среди писателей.

Алексей удивленно посмотрел на неё, вздохнул и взял с полки другую книгу. А Елена подняла небрежно брошенную им на пол книгу и начала гладить её по ободранной обложке. Алексей удивлённо скосился на неё. Но промолчал.

Оказалось непростым делом следить за детьми, не имея под рукой подмогу. Иногда, если Наталья очень уставала, Елена подолгу укачивала Анастасию, пытаясь в сморщенном личике ребёнка распознать черты Александра. Бывало, она

вместе с Натальей грустно смеялась над судьбой, над тем, что делят одного мужа на двоих. От Александра по-прежнему не было никаких вестей, а Аркадий Петрович, который поддерживал связь с Жаловыми, не успел написать ему. Наталья, казалось, смирилась с этим. Или просто ждала, не позволяя отчаянию загрызть себя.

– Ты презирала Александра, – то ли утверждая, то ли спрашивая, сказала однажды Наталья.

– Нет... Наверное, нет, – не удивилась Елена затронутой теме. – Я просто устала от него. Но презрение... Его не было между нами. Чтобы чувствовать презрение, нужно ставить себя выше других. Я не грешу этим. Просто меня угнетало постоянное пребывание рядом с ним.

Неконфликтная Наталья умело сглаживала проявляющиеся сейчас недомолвки между Еленой и Алексеем, но своими вопросами вызывала в Елене боль.

Однажды тёмным январским вечером на пороге сырого дома возник Александр, держащий на руках крошку Настю. Его привела с прогулки Наталья. Вероятно, они условились обо всём заранее. Елена долго смотрела, не веря, что он всё-таки пришёл. Наталья за её спиной застыла.

– Ну... – неуверенно начал Александр. – Здравствуйте.

На его внешности последние события отобразились меньше всего. Он по-прежнему был в меру румян.

– Саша... – протянула Елена.

В это время Наталья крепко прижалась к его распахнуто-

му пальто. Елена не шевелилась.

– Лена, – сказал Александр, – мы разведены. В этих новых учреждениях... как они называются... не спросили даже причину расторжения брака, – он попытался засмеяться. – Удивительно большевики всё упростили! Я написал заявление и сразу же...

В это время Алексей, спавший на полу после рабочего дня, бесшумно проснулся и с выразительным недоверием всматривался в гостя. Елена издала звук, похожий на фырканье.

– Этим ты занимался всё это время? Зачем мне теперь твои документы, они каждый месяц меняются.

Александр, наверное, ждал подобного вопроса, потому что не вздрогнул и не позволил прошению о пощаде проскользнуть в чертах.

– Не только. Ты ведь давно просила дать тебе свободу. Теперь она твоя, – сказал он, глядя на Наталью, по-собачьи смотрящую на него.

– Теперь это не важно, – рассеянно ответила Елена. В душе её начинала шевелиться ревность и досада из-за того, что после всего Наталья радуется его приходу. Елене это казалось невероятным.

– Что значит «не важно»? Ты ведь...

– Какая теперь разница? – повысила голос Елена. – Ты скажи лучше, где ты пропадал всё это время и почему являешься теперь, как будто ничего особенного не случилось?!

Ты представляешь, сколько боли причинил ей?! – её пере-
дёрнуло от мысли, что важной темы опять приходится ка-
саться ей. Словно главным героям этой драмы и дела не бы-
ло до запутанных отношений между собой.

– Почему ты упрекаешь меня? Я ведь вернулся за ней...

При этих словах Наталья благодарно сжала губы, а Елена
без лишних слов встала и наградила бывшего мужа пощёчи-
ной. Тот отступил и, не понимая, замер с поднятой к лицу
рукой. Алексей удовлетворённо улыбнулся, а Наталья испу-
ганно вскрикнула.

– Саша, – каждое слово Елены набатом ударяло по ком-
нате. – Я не спрашиваю о тебе, о твоих родителях, это сей-
час не стоит выеденного яйца. Мне наплевать, где они, раз
твоя семья, а главное – ты, могли довести человека до тако-
го состояния. Я только поражаюсь твоему эгоизму и вообще
тому, как можно жить так, как живёшь ты.

Александр не оправдывался и не возражал.

– Я в этой жизни могу понять всё, кроме того, как мож-
но... Как можно забыть о женщине, отдавшей тебе всё?!

Он встрепенулся.

– Почему ты говоришь, что я забыл её? – обиженно бросил
он. При виде его жалобного лица Елена чуть не одарила его
второй пощёчиной.

– Почему? – закричала она, не в силах больше казаться
ядовито – учтивой. – Я нахожу её в какой – то ночлежке, всё,
что она говорит – это то, что ты не виновен! Она без гроша,

не может ничего вразумительно объяснить, а ты... А где ты в это время?! Страдаешь и жалеешь себя?! Слушаешься маменьку?

– Я... Я был занят... Мы собираем силы против большевиков.

– И это важнее Натальи?! Ты бы лучше о своей семье подумал.

– С семьёй ничего не делается.

Александр замолчал. Елена всё больше поражалась.

– Ты понимаешь, до чего довёл её?

– Лена, я не знал!

– А должен был, как – никак, это твой ребёнок! Что же вы за люди такие?! Разное в жизни случается, но вот так сидеть, сложа руки, и ждать манны небесной... Ты хотя бы искал её?

– Искал! – ожесточённо крикнул Александр. – Но её не было по старому адресу! Нашёл вас теперь после долгих распросов.

– Я не понимаю, – сдалась Елена. Она больше не могла раздражаться на него. Связь этих людей ставила её перед тем, чего она понять не смогла бы никогда. – Не понимаю вас. Живите, как хотите.

Александр, как и в случае с женьитьбой, не мог разобраться, что значит для него Наталья. В его сущности эгоизм и безалаберность так вклинились во все выражения чувств, что ответить, что значит для него другой человек, он не мог.

Елена устало села на диван. Александр всегда выводил её

из равновесия, поскольку его жизнь не поддавалась никаким законам морали и здравого смысла. То, как он обращался с Натальей, а, главное, то, как она позволяла ему с ней обращаться, уязвляло Елену. Было бы объяснимо, стань он мерзавцем, оставляющим своих женщин на произвол судьбы, но Елена знала, что Александр добр. Это-то и ставило её в тупик. Как мог добрый человек в подобной ситуации пойти на поводу у семьи, зная, что терпит его возлюбленная, пока он воюет?

– Наташа, прости, – сказал Александр, обнимая Наталью. Он даже не подумал, что может ранить Воронову безразличием к её судьбе, недоумевая, отчего бывшая жена набрасывается на него и толкует о предательстве.

Елена не умилилась.

– Убирайся, – сказала она. – И никогда не приходи сюда больше. Мы проживём без тебя. Ты можешь думать только о себе.

– Я пойду с тобой, – сквозь слёзы проронила Наталья, избегая взгляда Нестерова, остановившегося на ней.

Елена поразились не меньше Алексея.

– Наташа, – сказал Нестеров, – подумай, куда ты идёшь.

– Позвольте ей самой это решать, – высокомерно произнёс Александр.

– Я лучше позволю вам убраться отсюда невредимым.

– Наташа, – с мольбой в голосе Елена подошла к Наталье вплотную. – Ты пойдёшь с ним после всего... Ты ведь гово-

рила...

– Сердцу не прикажешь, Лена, – быстро начала Наталья, видя, как подруга, вновь вскочившая на ноги, пятится от неё и качает головой. – С нами всё будет хорошо. Спасибо вам за всё, я этого не забуду. Но я должна идти с ним.

Елена не стала больше удерживать её, слишком громко в ней кричали разочарование и обида. Оцепенев, она смотрела, как Наталья выпускает из рук ладошку Павла.

– Как Павел? – спросил Жалов, остановившись и косясь на ребёнка.

– Замечательно, – резко ответила Елена и отвернулась. Ей хотелось, чтобы эти люди поскорее оставили её.

Алексей закрыл за ними дверь, поцеловав на прощание Наталью. Потом он подошёл к Елене и обнял её, не найдя лучшего способа утешения.

Глава 15

– Я не плачу, – громко сказала Елена, убеждая скорее себя в том, что произошедшее действительно не затронуло её души, ставшей в последнее время слишком чувствительной.

– Лена, – нежно сказал Алексей. – Не нужно тебе по каждому пустяку терзать себя. Так никаких сил не останется.

Елена в замешательстве остановила на нём мутный взгляд. Обычно он даже в порыве сильных эмоций старался не показывать своей острой реакции на что-то. Ей казалось, что так он старается не обнаружить свою чувственность, пытается навсегда остаться в образе, созданном им много лет назад. Сейчас же он пытался утешить её, что случилось редко – обычно он давал ей шанс выкарабкаться самой. Но в последнее время и он, и она потеряли веру в то, что Елена способна выдержать всё.

– Ты об этом говоришь, как о пустяке? – отстранённо спросила она.

– Позволь ей самой решать, по какому пути пойдёт её жизнь.

– Ты прав... Знаешь, Лёша, меня давно уже мучает один вопрос... Быть может, ты считаешь это глупостью, но... Мне нужно знать, чтобы понять, действительно ли я заслуживаю порицания.

– Тебя слишком часто мучает что-то.

– И тебя, – неохотно отозвалась Елена. Ей не хотелось продолжать разговор, но она должна была знать то, что могло ударить ещё больше.

– Такова участь людей, знающих, что такое совесть. Лена, Леночка, – Алексей взял её руку за запястье и водил ладонью по своим колючим щекам, придававшим ему сходство с дикарём. – Мы переживём это, хорошая моя. Человек и не такое способен пережить. Была бы надежда. Теперь мы сможем пожениться, у нас родится очаровательная девочка, ты ведь всегда хотела дочь!

Елена не ответила. Его слова отбивались от неё, как от блестящей снежной стены, отдавались где-то далеко. Речь о дочери тускло уколола Елену где-то внизу живота. Если бы она не принимала мер, возможно, очаровательная девочка с карими глазами уже появилась бы на свет. Но Елена, общаясь с Аннет, узнала много не только о популярной парижской модистке Габриель Шанель, снискавшей себе большую популярность, продавая удобную одежду, идеально подходящую для времён войны. Она узнала и то, что, живя в двадцатом веке, совсем не обязательно иметь столько детей, сколько возможно. Она думала, что когда-нибудь потом, когда станет не так страшно жить, у них появятся дети. Но сейчас, здесь, в доме, занятом большевиками, на неизвестно откуда берущиеся средства... Елена не жалела, что их любовь пока не дала плодов.

– Ты давал Наталье надежды на то, что вы можете поже-

ниться? – резко спросила Елена.

Он выпустил её руку и отошёл к окну.

– Послушай, – сказал он, готовясь вспыхнуть. – Какая тебе будет польза, если ты узнаешь? Почему ты так много думаешь о том, что не имеет почти никакого значения?!

– Потому что, – Елена, похоже, снова готова была заплакать, – я не могу построить своё счастье на несчастьи других. Это подло.

– Да, было бы действительно подло, если бы мы бросили Наталью у алтаря! Но всё было не так, ты слишком усложняешь жизнь бесконечным самокопанием! Между мной и Натальей ничего серьёзного не было. Ты что, считаешь, что мы с тобой не должны были обручаться?!

– Она надеялась, а мы сломали её будущее, и теперь зависит от Александра, который ничуть её не ценит!

– Это жизнь, если бичевать себя за то, что слишком призрачно, можно умереть! Может быть, мы виноваты ещё и в том, что началась революция?!

– Ты уходишь от главного! Ты безразличен к чувствам других людей! Считаешь, что отдельный человек – ничто в воронке времени? Ты же добрый, я знаю...

– Ты безумна. Надеюсь, тебе станет лучше потом.

Алексей был разозлён, но надеялся, что это минутная вспышка, и она затухнет с течением времени. Но Елена не в силах была заглушить в себе растущую с каждым днём агрессию и гнев. Она не могла жить так, как приходилось, не мог-

ла выносить заточения в двух комнатах. Раньше она располагала услугами целого отряда слуг, спешившего выполнить любую работу. Благодаря их неустанной заботе Елена могла мечтать и заниматься тем, что нравилось ей больше всего. Теперь на неё свалилось слишком много – забота о сыне и возлюбленном, иногда мечущемся в своей совести, но упускающем подчас важные для неё моменты. Её душа просилась на волю, но найти желаемое не могла. Работать Елена не имела возможности – каждая её попытка атаки какого – нибудь издательства с надеждой заняться переводами или редактурой заканчивалась провалом. Сейчас печатали большевистские газеты и пропаганду. В её услугах никто не нуждался, а больше она ничего делать не умела, устроившись в конце концов судомойкой в какой-то захудалый ресторан.

Не находя в себе сил подавить тёмную бурю в душе, она выплёскивала всё на Алексея. Он тоже не мог похвастаться ангельским терпением.

– За что мы боролись? За это? – Елена обвела рукой комнату.

– Все сейчас живут так, – нехотя ответил Алексей.

– Все...

– Нельзя быть единоличниками, мы должны перебороть эпоху!

Она невесело усмехнулась.

– Должны... Что и кому мы должны? Это мы эгоисты? Кто тогда не эгоист? Разве может считаться преступлением же-

вание человека жить прилично?! Это в природе вещей, это наша суть! В нас заложено это на уровне клеток!

Алексей вспыхнул. Сдержанно и едко он сказал:

– Вот значит как, Елена Аркадьевна. Мечтали мы о лучшем будущем для всех, а, стоило нас коснуться бедности, мы об общем благе забыли?

Елена со злостью, на которую раньше не была способна к человеку, лучше всех понимавшему её, покусывала губы.

– А что, что дала тебе твоя революция? Ты потерял друзей, состояние, себя, живёшь теперь, как во сне! – в её голосе чувствовалась близость срыва, слишком он уж был глухим, словно исходил не из этой отчаявшейся женщины с впалыми щеками, а откуда – то с промозглой улицы.

– Моя революция? – он даже качнулся вперёд. То, что она говорила сейчас из-за обиды и досады, невыносимо ранило его. Он принимал всё, связанное с Еленой, близко к сердцу, и сейчас подумал, что она изрекает абсурд. А легче всё равно не стало, где-то в глубине сверлила неуверенность, что она может быть права. Слышать несправедливые обвинения в свой адрес от самого дорогого человека, человека, которому доверял больше, чем себе, было поражающе тяжело. – Так вот что ты теперь думаешь обо мне...

Ему стало обидно. Совсем по-детски, глупо и бешено. Нестеров забыл уже, что способен на такие низменные в его понимании чувства. Захотелось убежать от Елены и со странной гордостью ждать извинений. Но он не стал ничего

говорить, просто вышел в холл.

– Мы нищие! Нищие! – пронзительно закричала она. – Как можно радоваться жизни, если не можешь есть досыта?

– Ты теперь хочешь существовать отдельно от народа... – бесцветно протянул он.

– Я просто хочу жить.

Он вернулся, жестко схватил её за плечи и с силой тряхнул. В этот момент он ненавидел её. Он мог простить всё, кроме слабости. Увидев, как она трясётся в беззвучной истерике, он скоро пришёл в себя. Гнев уступил место раскаянию. Поняв, кому доставляет боль, он бессильно опустил её на пол. «Хорошо, что Паша спит. Что стало с нами?» – устало подумал он. Елена сидела на полу, собирая выскочившие из причёски шпильки.

На следующий день Елену ожидал очередной плевков судьбы, пригнувший её к земле гораздо ниже всех прошлых. Растрёпанный Пётр с невидящими глазами появился в трактире, где они условились встретиться. Елена уже не удивлялась количеству изморенных душ, ищущих убежище рядом с ней. Несмотря ни на что она притягивала людей, они хотели заботиться, успокаивать её, но чаще сами просили этого для себя.

На руках у Петра сидела Машенька. Она старалась не пла-

кать, но слёзы самостоятельно падали на её грязные щёки.

– Боже мой, Петя, что случилось? Какой смысл встречаться в этом месте? Почему у вас такой вид, почему Ольга не пришла, не отвечала на мои записки?

– Она... Она умерла, Лена, – прошептал Пётр, закрыв Машеньке уши. Пальцы его тряслись.

Елена, не сердцем ещё, а только рассудком осознавая, что произошло, опустила лицо на немые доски стола и закусила губы, стараясь не закричать на весь трактир. Душу её била знакомая дрожь потери.

Ольга Астафина слишком сильно верила в брак и считала, что муж способен отгородить её от всех невзгод. Возможности развить свой дух Ольга не имела. Поэтому через три дня после того, как она, ослабленная и сломленная, разрешилась мертвым мальчиком, жена Петра достала из его стола пистолет, который служил надеждой на оборону от смутьянов, и блаженно, пытаясь отогнать от себя кричащие навязчивые вспышки памяти, выстрелила себе в рот. Она не оставила никакой предсмертной записки, поэтому Пётр, охрипший от горя, мог думать всё, что хотел.

– Лена, прошу тебя, ты всё, что осталось у нас, возьми Машеньку на время. Мне... Я не могу сейчас воспитывать ребёнка. Я... Иду воевать. Отомщу за неё... За то, что они сделали с ней, – процедил он.

– Кто – они? – ошарашено спросила Елена.

– Все. Все... Мир, эпоха, время, жизнь, люди! Лена, у ме-

ня никого больше нет на свете, да я никому бы и не позволил приблизиться к моей дочери... Только вам с Лёшей я верю.

Пётр скрылся так же быстро, как пришёл. Он боялся, что Елена откажет, поэтому и привёл её в кабак. С кем, против кого он собирался драться, Елена не поняла, да это и не было важно. Она заморожено смотрела на Машеньку, девочку, о которой должна была заботиться теперь. Получив от отца быстрый виноватый поцелуй и повернув голову к выходу, чтобы видеть, как он, нервно оглянувшись, скрывается, она расплакалась.

Из спёртых углов на Елену смотрели осатанелые глаза, весь смысл которых был залит вином. «Ну нет, – подумала она, уходя, – так просто я себя загубить не дам. Оля, Оленька, что же ты наделала? Как я без тебя?..»

Глава 16

Павел рос мечтательным и меланхоличным ребёнком, чем походил на мать. В Елене эти качества своими решительностью и безапелляционностью уравновешивал Алексей. Павла, как и всех их, нужно было подталкивать, что Елена и старалась делать. Она следила за воспитанием сына в богатстве, и в бедности не перестала ухаживать за родным существом. Как он умудрился тяжело заболеть и выглядеть таким несчастным, стало для неё загадкой.

Павел занемог неделю назад. Желанное улучшение с каждым днём становилось призрачнее, а февральские вихри во все убивали всякую надежду на благополучие. Алексей и Елена слишком долго наслаждались обществом друг друга, разорвав почти все видимые связи с внешним миром. Друзья погибли, родные уехали. Ждать помощи было не от кого, слишком все были заняты выживанием в разрушенной стране.

Елене казалось, что она сделала что-то страшное, и сама судьба теперь наказывает её. Как будто окружающий мир стал понимающим мстительным существом и болел сейчас сильнее её ребёнка.

Когда Алексей существовал в обособленном мире борьбы с собой, она спокойно, с безграничным женским терпением поддерживала и понимала его, мобилизуя его силы. Те-

перь, когда он выкарабкался из болота подсознания и начал мало-помалу жить, не думая ежеминутно о совести и чести, сдалась она. Почувствовав под своей головой его ладонь, поддерживающую и вдохновляющую, она размякла и погрузилась в нудную меланхолию. Её характер слишком зависел от комфорта и красоты.

От силы, которую она чувствовала внутри последние годы, которую сама бесконечной страстью к совершенствованию воспитала в себе, осталось мрачное воспоминание. Сознание собственной значимости тепло-жёлтым светом грело её во всех перипетиях бытия. Порой Елена сама ненавидела себя за то, что проживает дни так мелочно и пусто, но, даже пытаясь выкарабкаться, встречала только колдобины. Оставалось загадкой, как Алексей выносил всё это. От него в последнее время она не слышала упрёков. Он смотрел на неё смущённо – сочувственно, как на неизлечимо больного, боясь побеспокоить его. Елена предполагала, что он остаётся с ней только из жалости.

Но она ошибалась. Алексей не жалел её. Он сокрушался вместе с ней, но боялся предложить осязаемую помощь. Вернее, не боялся – не мог. Не в силах был вынести ещё одну тяжёлую ссору, после которой заново ныло бы сердце.

– Лена, нам нужно показать его врачу. Иначе...

– Что «иначе»? – вскрикнула она.

– Нужно привести врача. Своими травами ты не вылечишь его. Подумай, вдруг это что-то серьёзное? Вдруг вос-

паление?! Пётр еле выкарабкался, помнишь, чего это стоило ему? Он до сих пор кажется мне гораздо апатичнее, чем был до болезни.

– Ну, хорошо, я понимаю! – срывающимся, охрипшим от бесконечной колыбельной, чтобы ребёнок забылся неблагоприятным сном, прошептала Елена. – Только где мы возьмём этого доктора?!

– Я знаю одного. Мы были дружны до революции.

– Буржуй? – усмехнулась Елена. Она стала неоправданно желчной.

– В общем-то, да.

– Ну и что ты собираешься говорить ему? «Простите, товарищ, вы по старой дружбе, несмотря на то, что я переметнулся на сторону вашего врага, должны помочь. Сын моей любовницы тяжело болен». Bravo!

– Но почему ты думаешь, что он знает?

– Да кто не знает? Ты – персона известная. Охотники за чужими жизнями передают сплетни лучше телеграфа.

Потом до неё достучался рассудок, и, подняв на Алексея загнанные глаза, она быстро отчеканила:

– Да – да, Лёша, ты должен привести его сюда. Я... я боюсь... я так боюсь... Приведи его, пожалуйста, – взмолилась она. – Сделай что-нибудь, я больше не выдержу!

Он кивнул, бросил встревоженный взгляд на остающихся в сером утре неуютной комнаты и вышел на улицу.

Свирепый февральский ветер тотчас наотмашь ударил его

в лицо. Покрепче закутавшись в пальто, он поспешно зашагал к центру города. Его надежды относительно спокойного разговора с бывшим приятелем, которого он, что случалось крайне редко при познании человеческой природы, уважал, не оправдались.

В квартире доктора Ирбена теперь располагался штаб белогвардейцев. Сам господин Ирбен, помятый, недружелюбный, непричесанный и сонный, являл собой сильное расхождение с тем доктором, которого ожидал увидеть Алексей. В недоумении оглядывая врача, пока тот силился вспомнить, где он видел волевое лицо гостя, Алексей удивлялся произошедшей перемене. Впрочем, он был достаточно опытен, чтобы понять, что война уродует души через лица.

– Здравствуйте, доктор. Вы, наверное, помните меня. Я Алексей Нестеров, сын Марии Литовой.

Доктор встрепенулся. Его седые космы задрожали, почуяв сквозняк.

– Алексей? – он помолчал. – Давно не видел вас. Какими судьбами?

За спиной доктора ходили и говорили люди. Чудилось, что Ирбен боится их. Его глаза не могли найти покой в какой-то определённой точке. Поняв, зачем Алексей потревожил его, доктор недовольно вздохнул. Потом, вспомнив свой врачебный долг, он, тихо ворча что-то себе под нос, оделся и поплёлся за Алексеем.

– Куда вы так несётесь, молодой человек? – ворчливо

спрашивал он на каждом перекрёстке.

– Там мальчик... Три года. Наверное, воспаление лёгких.

– Позвольте это мне решать.

Доктор устал в последнее время. Во время Первой мировой войны он ни одной ночи не провёл в тишине, ни одного дня не посвятил внукам. Он всецело принадлежал государству, и это надоело даже ему, от природы добродушному человеку. Теперь он, несмотря на закончившуюся для России войну, обязан был привечать у себя дома целый полк воинственных аристократов, которых, сам выйдя из низов, смутно побаивался. Его дочь вышла замуж за русского офицера старинного дворянского рода, и тот, не считаясь с мнением тестя, планировал свержение диктатуры пролетариата в его квартире. По совместительству с предоставлением помещения Ирбен зашивал колотые раны белых мстителей, слушал их планы и поддакивал. Сейчас на Алексее он постарался выместить хотя бы часть своего неудовлетворения действительностью.

Доктор недолго возился с мальчиком.

– Это не воспаление лёгких. Ангина. Не понимаю, как вы могли перепутать. Это способен определить любой дурак, – едко сказал он.

Алексей напрягся, но промолчал. От этого человека зависело слишком многое. Ирбен оставил на тумбочке несколько бутылочек с лекарством, выписал рецепт, дал матери нужные указания, поминутно разбавляя озабоченный тон сар-

кастическими замечаниями о неосведомлённости Елены относительно детских болезней. Та стерпела всё, жадно ловя каждое слово.

– Алексей, вы должны проводить меня назад. Этот квартал небезопасный. Будет неприятно, если кто – то узнает меня.

Алексей неохотно кивнул и вышел за дверь.

– Возвращайся скорее, – шепнула ему Елена. – Тогда я смогу пойти за лекарствами.

Он снова кивнул. Он хотел сказать, что не хочет провожать доктора. Ведь не одному Ирбену грозила опасность на улице. В квартире доктора скопилось много меньшевистских сил, и Алексею показалось, что кого-то из них он знает. Но, посмотрев на неё, озабоченную и уставшую, он решил не будоражить её лишним раз. Он часто прятал что-то важное в душе и поступил так в очередной раз. Ему легче было промолчать, чем доставлять любимым неприятности.

– Иди, иди, – она нетерпеливо подтолкнула его к двери и опять села на корточки рядом с кроватью Павла.

Зайдя в квартиру доктора во второй раз, Алексей снова испытал неприятное чувство смеси антипатии и беспокойства. Взгляды сидящих за столом офицеров, пьющих вино, щедро поддержали его неприязнь.

– Спасибо за всё, – сказал Алексей Ирбену. – Не знаю, как благодарить вас.

– На здоровье, – проворчал доктор, не желая показывать,

как ему приятно помогать людям. – В следующий раз берегите своего сына.

Алексей улыбнулся.

– Постараюсь.

В этот момент он встретился взглядом со знакомым прапорщиком. Тот смотрел пристально и зло. Такие глаза Алексей видел раньше у публичных женщин, которым на этом свете нечего осталось терять. Но к тем людям он испытывал жалость, а к тому, сидящему в углу – только нерасположение, которое, как и влюблённость, может зародиться с первого взгляда.

– Прощайте, – поспешно добавил Алексей и повернулся к выходу.

– До свидания, – доктор забылся и перестал казаться вредным.

Человек, пристально разглядывающий Нестерова, издевательски усмехнулся.

– Батюшки, – крикнул он. – Неужели это вы, Алексей Нестеров? Столь приятная встреча!

Алексей сурово оглянулся на него, размышляя про себя, стоит ли отвечать.

– Ну что же вы, не припоминаете старых товарищей? Нехорошо, Нестеров! Или вы совсем уже поменяли кожу, перебежав к большевикам?

Теперь стало не до шуток. Дворяне за столом и те, кто находился в комнате, притихли, разом повернувшись в сторо-

ну Алексея.

– Ну почему же, – ответил Алексей в тон. – Я не забыл вас, Василий Ильич. Только вот вы правы – не по пути нам.

– Друзья, смотри-ка, наш дорогой Нестеров покраснел. Переметнулся к пролетариям, предал Россию!

Гул в комнате усилился. Алексей не собирался никого переубеждать. Время пламенных речей прошло. Он не нашёл выхода лучше, чем просто оставить спорщиков прежде, чем разжигающий сам себя Василий успел сказать что – нибудь ещё. Не из трусости он хотел избежать скандала – он думал о Елене и Павле. Она ждала его, он должен был спешить. Всё остальное не существовало в февральской метели, забрасывающей раненый Петроград.

Алексей прошёл несколько шагов прежде, чем услышал скрип двери и неровные шаги у себя за спиной.

– Нет, Нестеров, – развязно проговорил всё тот же мужчина. – От нас ты так просто не убежишь. Объясняйся!

Алексей понял, что попал в переделку. Сердце его начало учащённо биться, он мобилизовал на отпор все силы. Голос его звучал на удивление простодушно.

– Почему же я должен уходить *от вас*? Я уйду просто так, из надобности. Не могу же я целый день сидеть возле вас и ждать, пока вы изволите сказать что-то ещё.

Василий и двое его спутников уже были порядком пьяны. С пьяными Алексей предпочитал не иметь никаких дел, морщась из-за их непредсказуемости.

– Значит, – злобно начал Василий, – ты переметнулся к этим свиньям и ещё смеешь шутить с нами, теми, кто Родину не бил! Ты мерзавец, Нестеров, мерзавец и трус. Предал дворян. И ради кого?!

Алексей усмехнулся и без всякого раболепия посмотрел на него.

– Я, может быть, и мерзавец, но, по крайней мере, в отличие от вас, не размазня, лижущая водку на оккупированной квартире и мнящая себя при этом избавителями.

Василий захрипел, пытаясь выдавить из себя ругательства. Неожиданно он ударил Алексея и с удовлетворением увидел, как по его бледному лицу бежит, дрожа, красная полоса. Алексей забыл об осторожности, которая и не была ему свойственна. Оказавшись в своей излюбленной стихии, он с азартом ответил на удар. Товарищи Василия, менее пьяные, чем он, не пытались разнять дерущихся, прося их образумиться. Они с увлечением созерцали, а сущность, вырвавшись из барьера воспитания и безукоризненных манер, захватывала их, требуя крови.

Видя перед собой искажённое лицо выдуманного врага, Василий чувствовал, как ненависть затапливает всё его существо. Вся его жизнь пошла прахом из-за революции, он оказался наедине сам с собой и не знал, кого винить в том, что стало с его семьёй и им самим. Как будто махнув рукой на совесть, не помня ничего, ни о чём не думая, он выхватил из кармана нож и в запальчивости вогнал его в Алексея

прежде, чем тот кинул его в снег.

Алексей с замутнённым удивлением ощутил, как мгновенно разгорелась боль вокруг раны, и, ещё не понимая, что с ним произошло, упал, отчаянно пытаясь ухватиться за воздух.

Поняв холодом, врезавшимся в сознание, *что* он сделал, Василий мгновенно пришёл в себя. Этого он совершать совсем не собирался. Его друзья в замешательстве замерли на месте. Быстро оправившись от оцепенения, они поспешно схватили Василия под руки и, не оглядываясь, скрылись.

Несмотря на боль, с каждой минутой разрастающуюся внутри, Алексей смог встать на ноги. В те минуты, когда он не спеша добирался до дома, он не думал ни о чём. Нарастающая усталость мешала ему мучиться, ненавидеть или бояться. Сила духа помогала с каким-то трезвым безразличием чувствовать, как терпкая жидкость просачивается сквозь пальцы и марает пальто.

Глава 17

– Лёша, Павлуша уснул. Первый раз за день спокойно, без хрипа. Твой доктор – настоящий волшебник! – блаженно шепнула Елена, едва успев открыть дверь на его стук.

– Да-да, – напряжённо ответил Алексей.

Стоило Елене увидеть испарину на его лбу и блуждающий взгляд, в ней пробудилось беспокойство.

– Ты странно выглядишь, Лёша. Что с тобой?

– Всё хорошо, только немного поранился, – нехотя ответил он, садясь на диван.

– Где? Покажи!

Он, в ознобе откинув голову назад, позволил ей осмотреть его.

Её мысли подпрыгивали вверх неуверенными толчками, пока она в оцепенении смотрела на отвратительный порез у Алексея под рёбрами.

– Кровь... О боже! Лёша, Лёшенька, что же делать?! Что делать...

В отчаянии она хотела бежать на улицу за помощью, но его ослабевший голос остановил её.

– Тише, тише, Лена. Всё будет хорошо. Ты только останься рядом. Пожалуйста.

– Но ты ранен...

– Пустяки. Заживёт, – он вымученно улыбнулся. Это по-

чему-то успокоило её.

Елена, как умела, обработала рану. К вечеру кровотечение стало тише, но совсем не прекратилось. Елена ругала себя за безынициативность. Алексей, сохраняя безразлично – уверенное настроение, не отпускал её от себя. Он не верил, что может умереть именно теперь. Его жизнь, хоть и нельзя было назвать её счастливой, была связана с этой истощенной, но по-прежнему прекрасной женщиной. Чем больше он понимал себя, тем больше дорожил ей, которая, брыкаясь и ворча порой, верно направляла его, сама того не понимая. Благодаря ей он научился любить жизнь здесь и сейчас, а не в далёком будущем. Несмотря на то, что идеи и гордость, которыми они мерились, отдалили их друг от друга, они крепко срослись душами.

Когда Алексей забылся тревожным сном, Елена поднялась на ноги, надеясь всё-таки позвать на помощь. Ей не давало покоя кровотечение. Она видела такое у солдат, и надежды их судьба не внушала. Ей было дико его лихорадочное безразличие к себе.

С трудом потянувшись, она ощутила небывалую усталость, наваливающуюся на человека, когда он меньше всего надеется отдохнуть. Внезапно в голову Елены влетела резонная мысль: «А к кому идти за помощью?» Большевики, занявшие дом, не появлялись в нём уже три дня. На улицах творилось такое, что люди предпочитали не выходить из своих пристанищ. Елена, как загнанный в угол ребёнок, почув-

ствовала полное бессилие и расстроено взгляделась в бездонную темень окон.

Когда его придавленные стоны, начавшиеся ещё ночью, затихли, она, надеясь, что всё страшное позади, выпрямилась и посмотрела на него. Несколько минут недоумённо узнавая неподвижное, словно восковое, лицо, она удивлялась, почему он не просыпается. «Наверное, ему лучше, дыхание стало тише».

Внезапно её горячим ядом продырявила догадка. Первые мгновенья Елена, приоткрыв рот из-за собственной глупости, способной выдумывать такое, отгоняла её от себя.

– Лёша, проснись.

Прикоснуться к нему Елена не решалась. Как будто то, что она противилась, способно было изменить необратимое решение всемогущей судьбы. Чувствуя всё ширящийся внутри ужас, она, поверив, сжала зубы, не позволяя непрошеным слезам разесть её. словно во сне она чувствовала, что ноги приросли к полу. Она не могла подняться.

Через минуту ей расхотелось рыдать. Но и жить тоже. Она просто сидела на полу возле дивана и ждала судного дня. Все мысли исступления и отчаяния, не реализовавшись, расплывались внутри под ударом сильнеешего горя, когда – либо сваливавшегося на неё. По опыту она знала, что за первой болью последуют следующая, ещё боле щемящая. Но ей было всё равно. Раньше она бы звала на помощь и бешено кричала. Теперь она знала, что это ничего не изменит. Пути на-

зад нет, и она хочет навсегда остаться здесь. Для неё больше не существует ничего. Всё окончательно потеряло смысл.

Почувствовав через разочарованный стук горя, как испуганный сын, хрипло кашляя, трётся об её ногу, Елена выплыла из забытья и растоптала жалость к себе. Вот оно, то, ради чего ей ещё стоит жить, ради чего возможно заставить весь мир склонить перед ней голову. Пока её мальчик трясётся от холода, страха и одиночества, она сидит здесь и не понимает, зачем жить. Два невинных существа, вверенные её заботе, не должны расплачиваться за её горе, ошибки и промахи. Она потеряла слишком много, но не всё. И она найдёт в себе мощь для того, чтобы дать им шанс жить, а не существовать. Через призму посещающих её видений Елена не слышала, как Алексей, очнувшись, окликает её.

Алексей медленно поправлялся, вручённый заботам бывших кухарки и прачки. Эти грузные женщины с изрытыми лицами внушали ему надежду, безграмотно болтая и не принимая его отказы поесть. Найдя их по соседству и взывая о помощи, Елена была удивлена их согласию ухаживать за больным. Она же, колясь по городу, искала средства на жизнь. Их с Алексеем вера в людей постепенно возрождалась. Он быстро, быстрее, чем возможно было, поднялся на ноги и начал в свою очередь приносить пользу овдовевшим

женщинам.

– Сколько людей уже погибло, сколько ещё погибнет. Ничего не меняется, судьбы переломанные, души развеянные у нашего кровавого поколения. Люди продолжают думать, что кровью они дойдут до чего-то. А ничего не изменится, ничего! Мы ничего не можем... – сказала ему Елена летним вечером в ответ на его вопиющую холодность к её уговорам эмигрировать, как сейчас аристократы поступали поголовно.

– Кое-что можем. Пытаться возродить потерянное, только лучше прежнего.

– Опять ты за старое? Я думала, эти мысли давно не посещают тебя.

Елена сказала это без удивления. Её уже ничего не способно было затронуть.

– Посещают. Не так просто отказаться от них, – мрачно изрек Алексей и насупился.

– Теперь людям нашего склада не место здесь. Мы не выживем в этой стране.

– Это потому, что люди нашего склада ничего не умеют кроме как жаловаться. Ты на этих женщин посмотри. Вот у кого поучиться жизнелюбию и силе! Бороться надо во что бы то ни стало. Меня удивляют твои речи.

Алексей сказал так, но сам давно понимал новые воззрения Елены.

– Боролись мы раньше, и что? Тебе легче от этого? Ты сам говорил, что война изначально не несёт в себе ничего

светлого.

– Ты считаешь, что у людей нет права на месть?

Елена не ответила. Ей было странно теперь разговаривать с ним. Она не помнила, что чувствовала, когда поняла, что ужас потери беспричинен, но теперь ощущала почти неловкость, находясь с ним подолгу. Ей мнилось, что он ненавидит её заганность и резкий тон, но не просила прощения, а ещё сильнее ожесточалась.

Он помолчал, потом, как гром среди могил, прозвучали слова:

– Я пойду за Петром.

Сердце Елены замерло.

– Повтори, – проскрежетала она, опуская починенную рубашку на колени.

– Я записываюсь в ряды Красной армии, – отчеканил Алексей, давая понять, что возражения абсолютно бесполезны. – Нам нужен порядок. Эти женщины рассказали мне, как над ними издевались белые.

– А над дворянами издевались красные... – сказала она машинально.

– И ты предлагаешь ничего с этим не делать? Во мне словно воскресло то, что затерялось на время. Я понял, что поступал как отступник, веря, что всё вновь отвратительно и дело наше дрянное.

– Ты не сделаешь этого! Ты сам говорил...

– То, что я говорил, забудь. Я не отказываюсь, но Россия

сейчас на грани гражданской войны. Фактически она уже началась. Я знаю, что война – нелепость, ужасная грязная нелепость...

– И ты всё равно идешь воевать! – закричала Елена. Она обхватила голову руками и старалась не слышать того, что он говорил, уверяя её, что так и должно быть. Она думала о нищете, холоде, вшах, преступниках, стучащихся в дом, повешенных детях. Она убила бы его, несущего чепуху. Горячее сиюминутное желание не осуществилось, потому что она не могла сдвинуться с места, а только шептала что-то бессвязное. Ей показалось, что она снова сходит с ума, но в душе всё равно теплилась надежда, что он одумается.

– Теперь всё для меня изменилось. Ольга, Наталья, ты, Пётр... Они никому не сделали ничего плохого, но... Чем быстрее мы восстановим мир, изгоним анархию, тем быстрее мы сможем воскресить нас, наши былые желания, нашу страну... Стать на сторону красных – единственный способ остановить эту пропасть, восстановить Россию из пепла.

– Ты собираешься убивать? – безразлично спросила Елена. Ей показалось, что она засыпает. Плакать она не могла – казалось, всё слёзы истратились.

– Нет, – поспешно заверил он, для убедительности беря её за локоть. – Мы должны попытаться наладить жизнь... Хотя бы ради детей! Ты что, хочешь, чтобы они оказались в каменном веке? Видишь, что творится? Я не вижу другого выхода. Иногда мужчины должны решать, что важнее – соб-

ственный мир или счастье близких.

– Вот ты и выбираешь собственный мир. Для тебя важнее самоутверждение...

– Нет, нет, Лена, нет! Успокойся только!

– Успокоиться... Как ты себе представляешь это?! Как прикажешь мне выживать во время войны без мужа с двумя детьми на руках?

– Не будь же такой эгоисткой!

– Я эгоистка? – ошарашено пролепетала Елена, переводя, наконец, на него свой вымученный взгляд.

Воздуха в комнате перестало хватать, совсем как в прежние времена рюшечек и тесёмочек.

– Да, я эгоистка, если хочу выжить, когда ты непонятно ради чего бросаешь меня.

– Ты так ничего и не поняла. Пётр ушёл чёрт знает куда, я не могу оставить его в этом сумасшествии!

– Причём здесь Пётр?! Уже им прикрываешься, только чтобы унять свою безумную обузу? Это ты ничего не понял. А я мешаю тебе жить так, как ты мыслишь, знаешь... – оже-сточённо подытожила она. – Всегда мешала. Зачем вообще ты пошёл на это? Неужели ты действительно любил меня? Или это была нереализованная страсть из прошлого?

– Нет. Не просто страсть, – примирительно ответил Нестеров, опустив плечи. – И почему «любил»? Я не отказываюсь от тебя и сейчас.

– Есть вещи важнее чувств. Что я буду делать здесь со слу-

чайными заработками, с двумя ртами, пока ты будешь доказывать всем свою цельность?! Если придётся осваивать профессию, потребуется время, а его нет... Я же ничего не умею.

– У нас не осталось выбора. Что, прикажешь мне отсиживаться на чердаке, пока все воюют?

Через несколько минут Елена, никем не удерживаемая, вышла из дома вместе с одетыми детьми. Алексей не старался удержать её, поскольку представлял, что она вернётся. Он столько всего передумал о том, что делать дальше, что совсем забыл о её реакции. «Семья в таких делах – одна кричащая помеха», – вспомнил он фыркающий шёпот Евгения. Поразмыслив, Алексей с гадливостью на душе решил, что на время гражданской войны Елене лучше будет жить у друзей. Жаль только, что все они рассеялись по свету, как будто их и не было. Нехотя он согласился, что отправить её за границу, как полчища бегущих из некогда хлебосольной и сытой России владельцев золотых запасов, будет предпочтительнее. Хотя его согласия она и не ждала. «Это ненадолго, – убеждал он себя. – Скоро всё встанет на свои места. Только бы переждать противодействие белых».

Пока Елена собирала ещё не проданные драгоценности, фотографии и кое-какие деньги, дети даже не плакали. Павел с ужасом наблюдал за горячо любимой матерью и понимал, что происходит страшное. В его крошечном мирке всё переворачивалось. Но, пока мама была рядом, пока целовала его и спокойным мягким голосом уверяла, что бояться

нечего, он старался, как учил его Алексей, не показывать слабость, а загонять её внутрь и там пытаться удушить. Для крошки в этом методе было много непонятного.

Глава 18

Наталья Орлова, случайно встретившись с Еленой месяц назад, не хотела поддерживать знакомство с семьёй, доставившей её дочери столько неприятностей. Тем не менее, вступив в разговор с Еленой, Наталья Львовна не могла не сказать той свой новый адрес, посчитав это чересчур невежливым. Впрочем, Елена не просила её раскрывать новые тайны семейства Орловых. Она недоумённо улыбнулась, поблагодарила Наталью Львовну и вернулась домой с одним желанием – прилечь.

Аделаида долго не могла восстановить душевное равновесие после печальной истории с неудавшимся браком. «Впрочем, это было к лучшему», – думала Наталья Львовна. Аркадий Петрович, хоть и обладал всеми возможными и невозможными достоинствами, был, несомненно, стар для Адочки. Избавление от деспотичного начала, которого так боялась Наталья Львовна, *запрещая* дочери думать о возобновлении отношений с Грушевским (Орлова старшая не кричала и не угрожала, она добивалась желаемого страдальческим видом и мнимым самопожертвованием), не принесло их семье счастья. Ада, потерпев первую неудачу в любви, кинулась за второй.

Её новый жених, не слишком привлекательный, но душевный врач, погиб на линии фронта в первые месяцы войны.

После этого Ада, и прежде не отличавшаяся мягкостью и терпением к чужим порокам, слушая мать только из жалости и немного – из страха, грубила всем всегда, пытаясь хоть как-то заглушить тоску. Аду стали опасаться. Друзья недоумевали и косились, но по-прежнему благоговели перед её уверенностью и горячностью, свойственным цельным натурам. В её лице, и прежде немного высокомерном, прорывалась теперь откровенная злость. Замуж она больше не стремилась, с брезгливостью разглядывая возможных претендентов, бледных и хмурых из-за общих проблем. Никто больше не казался ей достойным.

Вспомнив недавнее свидание с Еленой, Наталья Львовна подготовилась к худшему, увидев её на пороге своего нового обиталища. Елена бормотала что-то бессвязное, держала за руки двух грустных детей и являла собой удручающую картину. То, как она изменилась, Наталья Львовна подметила тщательнее, чем кто-либо другой, видящий Елену каждый день. От восторженной и иногда румяной девочки осталась измождённая невзгодами женщина, смотрящая на неё волчьими глазами. В них скрывалось, прорываясь, отчаяние потерявшего всё человека. Наталье Львовне стало страшно смотреть на гостью, и она впустила её в квартиру без лишних вопросов.

– Наталья Львовна... Простите, но мне не к кому больше идти... У меня ни друзей, ни родственников не осталось... Я... Вы – последние, кто мне может помочь.

Наталью Львовну неприятно поразило то, как Елена говорила – сдавленно, боясь, что закончить фразу не сможет, скрывая, быть может, душу, готовую разорваться. Поняв, наконец, что случилось путём мучительного допроса, когда каждое слово с усилием приходилось вынимать из Елены, Наталья Львовна пыталась сделать для гостьи что-то хорошее. «Боже, бедная девочка, сколько она натерпелась...» – думала, испытывая приливы жалости, Орлова. В обычное время Елена не могла выносить сочувствие к себе, но теперь ей стало тепло.

– Вы порвали с Алексеем Нестеровым? – спросила, наконец, Наталья Львовна, заботливо вглядываясь в лицо Елены.

– Не знаю... Так или иначе, сейчас он уйдёт воевать, а я одна не проживу. Так страшно, что гражданская война всё-таки начинается... Вот только я надеюсь, что он одумается. Он упрям, но понимает, что нужно делать, а чего не следует... Боже, как мужчины бывают глупы!

– Да, из-за них все беды... Вы слышали о печальной участи Романовых? Понятно, сейчас их никто не жалеет, но... Такая жестокость... Анастасии всего семнадцать лет... Я не могу представить, если они сделали бы что-то с Адочкой...

Наталья Львовна прижала ладонь к губам и согнулась. Елену щипало в сердце. Расстрел царских детей казался ей чудовищным, но сейчас, под действием своих проблем, она уже не реагировала на это как в июле.

– Да, вы правы... Самое страшное, что мы не можем ни-

чего сделать, только смотреть. Табакерка открыта. Они... Я могу понять, хоть и не имею права одобрять или порицать что-то – это ведь ход истории, мы не можем анализировать его и после искать правильный путь, казнь Николая и Александры Фёдоровны. Они были взрослыми людьми и видели всё, а ничего и не предпринимали. По политическим интересам... Но дети... Невинны.

– Да, да... – закрыла глаза Наталья Львовна. – Хотя, сейчас, конечно, их кончина не вызывает ни у кого жалости. Всем, даже дворянам, просто плевать! Это невыносимо.

– Наталья Львовна, – вздохнула Елена, вынужденная поддерживать разговор, – почему вы плачете об Анастасии, но не проливаете слёзы о тысячах других загубленных русских девушках и юношах, уничтоженных и Николаем, ведь всякое было. Почему теперь это стирается в вашей памяти, а остаётся только несправедливость, направленная на власть имущих? О простых трудягах всегда вспоминают в последнюю очередь.

Наталья покосилась на Елену, а та поспешила оборвать разговор, почувствовав, что разумного выхода не предвидится. Как всегда в дискуссиях с правоверными буржуа...

Когда две женщины договорились о том, как будут жить дальше, в комнату вошла третья. Ада Орлова заострилась, похудела, отчего её бёдра стали казаться уже, чем нужно. Впрочем, такое впечатление могло сложиться из-за того, что носили они теперь не туалеты от лучших столичных порт-

ных, а простые платья и костюмы, удобные для жизни. Новая одежда не могла искусно скрывать недостатки фигуры. Со времени начала Первой мировой, за исключением редких торжественных случаев, женщины, понимая ситуацию, одевались скромно и сдержанно, хоть и привыкли быть ухоженными и элегантными. Елене казалось свинством вычурно выражаться в то время, когда кто-то погибает.

Увидев мать, в обнимку сидящую с Еленой, Ада оторопела. Её длинные ресницы над остреньким носиком удивлённо дрогнули.

– Здравствуй, Ада, – просто сказала Елена.

Не успела Аделаида открыть рот, как вмешалась её мать.

– Адочка, Лена поедет с нами за границу. В Германии живут её родственники, они помогут ей. Нельзя, чтобы бедняжка пропала здесь.

Ада не сопротивилась. Её давняя обида давно прошла. Иногда Ада всерьёз думала, что Елена могла быть права, а сгруппировала она сама, прогнав одну из немногих достойных людей, которых знала. Залечив своё уязвлённое тщеславие насмешками над другими, Ада научилась отличать истинных людей от рабов чужого мнения. Дружить Аделаида умела, и сейчас жалела, что столько времени плавала в мелочных чувствах. Жалела она и о том, что рассказывала всем и каждому про причастность Алексея к большевикам, про их с Еленой греховный союз. Впрочем, всё равно все узнали бы об этом, так что она не так уж виновата.

Недели до отъезда Елена провела по-домашнему уютно. Долгий процесс залечивания непоправимых ран облагораживался заботой потерянных, как Елена считала, для неё женщин. И, хоть она не могла в одночасье оправиться от всего и начать смеяться, цель её жизни не была потеряна с единственным мужчиной, которого она любила. Порой слишком сильные удары кажутся мельче, чем являются на самом деле. Елена в полной мере ощутила это, ведь только через несколько дней после разлуки с Алексеем она впервые разразилась настоящей истерикой. До этого она видела перед глазами туман, и, хоть понимала, что мир никогда не станет прежним, испытывала только пустоту внутри и колющее желание согреть пальцы.

Елена не представляла, как оставаться в России. Мучили её, скорее, практические вопросы – на что кормить детей. А Родина – мать превратилась в мачеху, хотя с её метаморфозами она уже примирилась.

– Бежим как крысы с тонущего корабля, – невесело констатировала она Аделаиде.

– А что нам еще остается? Сгинуть в подвалах большевиков? Уволь.

– Я о том, что как-то это не по-человечески, – не сдавалась Елена, хотя понимала правоту Ады. – Мы разрушили их мир собственным бездействием, не спорь, пожалуйста. А теперь, доведя их до разрухи, преспокойно отплываем?

– Преспокойно? – воскликнула Ада. – Сколько мы вынес-

ли страха и косых взглядов тех, кто недавно был ничем?

– Да, но мы уедем и обретем шанс зажить прилично. А они? Что ждет их, оставшихся на родине?

– Знаешь, Лена, нам сейчас о себе надо думать. Это один из основных законов существования – каждый отвечает сам за себя. Не разберу, почему поднимают такую шумиху с помощью обездоленным. Никто не позаботится о бедных лучше их самих, а они сидят, сложа руки, и ждут подачки, чтобы потом стало им еще хуже. Кто может упрекнуть нас в том, что мы были обеспеченны? Так всегда и везде – человечество делится на богатых и бедных. А, раз так, есть в этом, должно быть, смысл. Не нужно винить себя, ты вечно раздуваешь из мухи слона, прямо как этот твой...

Она осеклась, но Елена, погруженная в раздумья, не заметила этого.

– Я так мало сделала. Помогала только нескольким семьям, пока была богата. Могла бы больше, но предпочитала копаться в своей голове, а не приносить пользу людям.

– Не помогла никому твоя польза. Ну, насытились они один, два раза, и что? Наплодили ещё больше таких, как сами, и влачили жалкое существование уже с детьми. Кому стало лучше? Работать надо.

– А если бы я спасла чью-то жизнь, это тоже было бы бессмысленно?

– Им не просто подачки надо приносить, а учить, чтобы они самостоятельно научились зарабатывать.

– То есть ты считаешь, что мы лучше их? – Елена не была уязвлена в лучших порывах, потому что давно подозревала подобные взгляды подруги.

– Если мы попали в ячейку избранных, да.

– Но не смогли удержать ее и, имея силу и власть, распоряжаться судьбами, сделать так, чтобы нас любили за справедливость, а не казнили. Проиграли мы Россию.

– Нам помешали. Если бы эти большевики не полезли...
– уверенно констатировала Аделаида.

На пристани царила давка. Тащили куда-то саквояжи, наполненные фамильными реликвиями, ругались с персоналом по старым дворянским привычкам, негодовали из-за обслуживания и неудобства. Впрочем, большинство пассажиров потерянно проталкивалось внутрь корабля.

Алексей пришёл проводить Елену, крепко обнял детей. Наталья Львовна с вызовом оглядывала его, а он смотрел только на Елену. Она молчала, и это было молчание чужого человека. В тот момент она чувствовала почти всё кроме любви. В странной отрешённости, как перед длительным сном, она рассуждала, что вряд ли увидит его ещё раз, но признание этого не резало. Встряхнувшись, она подумала: «Что за вздор?» Реалистичные мысли не пугали её цинизмом, как раньше, а лишь вызывали тайное неудовлетворе-

ние. «Всё будет хорошо, мы ещё увидимся», – убедила она себя, обнимая, наконец, много лет любимое существо и в последний раз чувствуя его тепло.

– Я подумал... Ты права, поезжай. Что тебе делать здесь в бедности и унынии?

Елена оторопела, чувствуя, как голова наливается огненным непризнанием. Она не хотела верить в то, что он говорил, несмотря на то, что понимала его правоту. Её трясло как на сильном ветру.

– А ты? – сумрачно прошептала Елена.

– Со мной всё будет хорошо. Какое-то время ты поживёшь за границей, я в это время займусь делом, потом здесь всё наладится, и ты приедешь обратно. Пиши мне на этот адрес, – он поддел ей измазанную бумажку.

Алексей хотел бы оставить её возле себя, но любовь для него заключалась именно в признании, что счастье близких дороже собственного благополучия от их близости. Несмотря на то, что Елена изводила и мучила его неустойчивостью поведения в последнее время, он желал чувствовать её рядом. «Пусть разбиваются мечты, но не надежды», – подумал он, созерцая, как она отходит от него, и, странно двигая рукой, пятится к кораблю.

В немом горе они расстались. Не желая видеть никого больше, Елена смотрела назад, пока Нестеров не превратился в точку. Ему вдруг отчаянно, до боли в голове, захотелось закричать, удержать её, схватить в охапку, защитить, пообещать.

щать, что все изменится. «Как я выживу без тебя в этом аду?» – в нелепом отчаянии подумал он, но удержался, развернулся и побрёл прочь, не представляя, что предпринять дальше.

С его дыханием для неё не завершилась жизнь, но эпоха настала следующая. Он унёс с собой остатки блистательного мира её юности, искрящегося шампанским и светскими приёмами, безумного и великого. В такие моменты, как осознание новой вехи своей дороги жизни сложнее всего уснуть, потому что не знаешь, как начать новый день.

Глава 19

Первые годы в эмиграции Елене пришлось туго. И дело было не только в том, что жизнь пришлось начинать с чистого листа. Время от смерти Ольги до личных успехов Елена позже не могла вспомнить. Все переживания остались замурованными в толстую кирпичную стену. Она вспоминала только безбрежную, как море, на котором они прощались с отчизной, тоску. Но она привыкла к этому чувству.

Всё пошло прахом – не только состояние, связи и самоуважение, но и размеренность, которой она так дорожила. Стиснув зубы, хоть это и претило ей, из-за необходимости когтями прорывать себе новую дорогу, Елена не роптала больше и не опускалась в печаль. Она как данное приняла изменение и в воздухе, и в себе. Она не получала отдушину в том, что, закрывая глаза после дня, в течение которого приходилось делать столько разных вещей, мгновенно касалась мира, существующего теперь лишь в воспоминаниях, стихах и картинах. Тем дороже оказались спасенные дореволюционные вещи, ставшие реликвиями. Когда Елена чувствовала, как сердце начинает щемить от несущихся вдогонку воображению образов прошлого, она пыталась подавить видения. Но потом всё равно опускалась в свой внутренний океан. Ощущение неправдоподобности происходящего, безнадежного отчаяния и абсурдности мысли, что жизнь может

продолжаться постепенно растаяли, оставив только тину на дне души.

Сначала Елена жила у Елизаветы и Фридриха, которым помогли немецкие родственники. Затем, устроившись на работу журналистом, она сумела перебраться в отдельную квартирку. Ей не пришлось, как другим белоэмигрантам, работать таксистом или гувернанткой. Елена писала правду, за что иногда навлекала на себя гнев власть имущих. Это не пугало её, а, наоборот, приносило мрачное удовлетворение. Она никого и ничего больше не боялась. Она стала жёсткой и смелой, оставаясь душевной умницей, но огонь, разжигаемый Алексеем, потух. Тлели только угли.

В юности, находясь ещё в полусонном состоянии и думая, что жизнь – это сплошная сказка, Елена полагала (притом, что собственного мнения на этот счёт не имела), что эмансипация, которую так страстно проповедовали многие сильные женщины того времени, только мешает спокойной жизни под крылом мужа. К такой участи она готовилась. Со временем, под действием множества чужих мнений, она, наконец, обрела своё. Это убеждение, необходимое любой умной женщине, она отстаивала всю жизнь. Оказалось, что просвещённая Европа в освобождении прекрасного пола отстала от «варварской» России, властительницы великой культуры, которая даже после революции не зачахла, а распустилась новыми бутонами.

Елена охотно учувствовала в феминистских митингах, со-

браниях, на которые богато было время, где каждый чувствовал себя вправе высказываться, и пыталась помочь юным девочкам. Во времена её детства женщина была богиней. Богиней, которой восхищались, которую, пышно разодетую, любили рассматривать на светских приёмах, которой целовали руки, но мнения которой не спрашивали и не слишком заботились о её мыслях вообще. За подчёркнутой галантностью пряталось презрение. Елена предпочла быть человеком. Она не хотела преклонения или обожания, ведь за внешним благополучием и популярностью таких женщин часто преобладало скрытое от посторонних, порой даже от себя, несчастье, загнанность и невежество в элементарном.

Всю оставшуюся жизнь Елена с неизменной грустью вспоминала Алексея, Ольгу, Петра и Наталью, не понимая, чем заслужила остаться живой. Ей казалось, что тех, кто исчез из её жизни, никто не заменит. Они были неповторимыми, а остальные, те, кто встречался после, обыкновенными людьми, которым с ними невозможно было сравниться. После описанных событий она закрыла своё сердце для новых связей. Елена не хотела больше никого любить, чтобы больше так не страдать, не останавливаться на грани безумия из-за потерь. Призраки прошлого часто снились ей, и, просыпаясь посреди ночи в блаженной истоме, она лихорадочно пыталась вспомнить сновидение во всех подробностях. От этого становилось тепло и легко. Та жизнь казалась далёкой, нереальной, туманной и разбавленной фантазиями, как глу-

бокое детство. Но она была чудесна в этих снах, где все снова были молоды, полны задора и живы. Елене иногда даже не верилось, что всё это действительно происходило. И она скорбела со всей страстью, на которую осталась способна. Эта примятая горечь переходила и на далёкую уже родину, ставшую туманом. Тоска по отчему краю пронизывала всё её существо. Но вернуться Елена не могла – никто из родных не хотел этого.

Уже привыкнув к Германии и заработав там уважение, Елена вышла замуж снова. Второй раз она связала себя с мужчиной, притянув его неугасающей, а все сильнее разгорающейся вязкой нежностью, потому что хотела помощи. Её новый муж, человек достойный, хотел найти именно такую жену, как Елена – логичную, аккуратную, без претензий на его личное время. А Елене ближе всего оказался он – умный и неконфликтный. Во втором браке она была счастливее, чем в первом. Она относилась к мужу со спокойной благодарностью. Внутренних метаний или истерик из-за того, что не тот рядом с ней, больше не случалось. То ли Елена Грушевская стала мудрее, то ли новый муж оказался лучше первого. По-своему она даже полюбила его, но это было тусклое подобие могучего чувства, закрывшего глаза вместе с Алексеем Нестеровым. О его конце Елена узнала из письма одной учительницы, ответившей на кипу её посланий.

Что ещё могло случиться с колеблемым мятежником в то бурное время? Его жизнь затерялась во мгле множества пе-

репаханных эпохой душ. Она представляла, как приятно ему было после всех стенаний почувствовать под щекой рыхлую мягкость русской земли и понять, что не нужно больше ничего доказывать, драться с собой. Даже кристальная чистота неба не искупит всего безумия мира, лучше пожертвовать всем ради вечного покоя. Можно просто лежать так с пулей в спине и ждать, когда последние капли жизни вытекут из тебя. Елена не могла, хоть и первое время страстно этого желала, вернуться на родину и отыскать его следы. Все обиды между ними казались теперь настолько нелепыми, что было стыдно вспоминать их.

Елена продолжала жить, а не существовать, и местами была счастлива, но... любовь, парящую над жизнью, заставляющую думать, что взлетаешь, ей не суждено было пережить вновь. Это было не мечтательное чувство, а настоящая земная страсть, способная поколебать убеждения человека. И нельзя было сравнить это с тихим обожанием детей и внуков, а так же благодарностью человеку, заменившему им отца и деда. Елена понимала, что любить дано было ей единственный раз, и не огорчалась, благодаря судьбу за то, что было дано.

Выйдя замуж, Елена могла передать часть своих забот о малышах няне и сосредоточиться на профессии. Если бы её новый муж, расчётливый, но не лишённый души человек обладал проницательностью, он быстро понял бы, что, как ни старается Елена освободиться, не может забыть прошлое. И

он, её новый спутник, не выдерживает сравнения с тем, кто навсегда, пусть и невидимо, останется с ней.

Аделаида Орлова, как и Елена, выбрала своей ареной журналистику и яростно нападала на тех, кто переметнулся к большевикам, даже если эти люди принадлежали к ним с самого начала. Несмотря на то, что к эмигрантам относились как к предателям, Ада выставляла перебежчиками и охотно жалила тех, кто не считался с ней. Бессмысленная злоба выливалась на страницах и доставляла ей некоторое облегчение. Ада не хотела довольствоваться малым и благодарить жизнь за то, что та вообще у неё осталась. Это было не в её правилах, особенно, если она вытаскивала раненных солдат с передовой в годы, изобилующие вспышками безумия. Она рвалась домой, но мать, всё ещё опекавшая её, слёзно умоляла остаться. Ада сдавалась, кляня в душе весь мир. Эмигрантскую жизнь, полную лишений, она, как и Елена, представляла бледным ребёнком роскошной петербургской.

– Это не жизнь, а насмехательство над прошлым, – злобно говаривала она Елене во время редких встреч.

Елена вздыхала и молча кивала головой. Им всегда находилось, о чём поговорить и кого вспомнить. Это стало своеобразным ритуалом.

Балы, которые Ада посещала теперь, колеся из Франции в Германию, она презирала. Всё казалось ей казенным, блёклым и размеренным. Не было больше в поле её зрения безумных игроков, спускавших за рулеткой и картами всё состоя-

ние, забывая об участии жены и дюжине ребятишек, которым надо было получать образование, вступать в брак и продолжать череду вялых аристократических будней. Не было блестящих красавиц, прижимающих к груди плоские бальные туфли; разорившихся ловеласов, обольщающих наивных девиц ради успешной женитьбы; приживалок, знающих своё место; молоденьких юнкеров, жаждущих охватить мир. Ада возненавидела Европу, в её глазах России она не годилась и в подмётки.

Александр, приободрившись благодаря преданной Наталье, доблестно ринулся в гражданскую войну. Только не на прежней стороне он воевал. Уважаемая Ирина Жалова, выступавшая против связи сына с «беднячкой» и прикрывавшаяся оскорблённой добродетелью, скончалась от сердечного приступа в тысяча девятьсот двадцатом году, узнав, на чьей стороне обитает теперь её опора и единственная надежда. Прежняя жизнь не вынуждала Александра менять что-то, да он и не хотел. Но повсюду развернулась новая, захлёстывая и обнадеживая, поэтому он поневоле принял новые правила и расписался с Натальей.

Аглая и её дети включились в строительство новой жизни и были несказанно довольны этим обстоятельством. Сыновья очень помогали матери в её непростой жизни. Елена не имела с ними никакой связи, поэтому ничего точнее не знала.

Все они не были лучше или хуже тех, кто жил потом. Они

были другими. Другими людьми, на долю которых выпало больше, чем они могли пережить. И так же, как их предшественники и потомки, они обязаны были терпеть слабости и ошибки сильных мира сего.

Елена явилась свидетельницей того, как её обожаемый сын вырос, получил достойное образование и должность. Он удачно женился на сухой, по мнению Елены, но умной и преданной немке. С разницей в четыре года на свет появились внуки. Старшего Елена просила назвать Алексеем, а младшую – Ольгой. Павел настолько любил мать, так ценил всё, что она сделала для него, что с радостью выполнил её просьбу. Его жена не считала необходимым ссориться с родственниками из-за имён детей. Елена воцарилась на страже своих семейных ценностей и ревностно охраняла родных, иногда чересчур контролируя их. Но все, хоть и бунтовали порой, любили её и были благодарны.

Машенька хорошо помнила своих родителей и находила утешение в том, что говорила о них с Еленой. Она не вышла замуж, посвятив себя науке, в которой достигла определённых успехов. Унаследованный от родителей ум, который Ольга успешно зарыла в семью, дочь развила и использовала по назначению. Она не жалела о том, что не создала своего очага, ведь была желанным гостем в семье своей второй матери.

Во время Второй мировой войны семье Елены пришлось несладко. Только что родился Алексей, а Германия напала

на Советский Союз. Елена, и раньше не одобряющая политику фашизма, не могла спокойно смотреть на то, что происходит между двумя её любимыми державами. Вся её семья участвовала в антифашистском движении. Елена с Марией, невесткой и младенцем вынуждены были покинуть воинственную Германию в то время как муж и сын подались на фронт. За границей, снова ощутив себя беженкой, Елена лечила солдат, издавалась в газетах и твёрдо верила в то, что жизнь наладится. Она раскаивалась в том, что раньше, из-за нелюбви к правителям, не хотела помогать бойцам. Елена думала теперь, что некрасиво ради принципов обрекать, быть может, людей на страдания и смерть. Скольким солдатам она могла помочь во время Петровой мировой войны? Несчастья на её доле на этом закончились. Сын и муж возвратились с фронта. Правда, Павел сильно изменился, утратив былую мягкость и реже выражая собственные чувства. Но, главное, он остался жив.

Уже после капитуляции Германии со смесью иронии и скрытого ужаса она отметила в дневнике, в какое время ей довелось жить. «Меня не мучила совесть оттого, что я сбежала из России ещё до красного террора. Я была небывало опустошена и хотела только покоя и благополучия детей. Только потом во мне проснулись чувство несправедливости, скорби, уныния, ностальгии... Это мучительно». Елена Грушевская была свидетельницей двух мировых войн и русских революций, и, поскольку ей повезло родиться женщиной, про-

жила достаточно, чтобы заклинять потомков не продолжать то, что начали их отцы и деды. Она без радости созерцала новую эпоху, слишком суровую и стирающую всё, что ей было неуютно. К новой жизни она не могла приноровиться, по-прежнему находя утешение в искусственном мире красоты.

На её долю выпало сомнительное преимущество созерцать то, как цепляющийся девятнадцатый век был разбит, как гибла её страна и судьба, а из пепла возродилась новая, как человечество во второй раз решило уничтожить себя, как резкий скачок развития выбил из колеи пуритан. Елена не поверила бы всему этому, узнай она в начале пути, к чему придёт прогресс, и ничему уже не удивлялась.

Петру после смерти жены казалось, что жизнь его кончена, что ему, несмотря на дочь, нечего терять. В репрессиях после Великой Отечественной войны он провёл несколько лет, что сильнее откровенных побоищ изморило его и сделало ещё более непохожим на себя. От него, реабилитированного и доживающего свой непростой век с иссушенной душой, никуда больше не рвущейся, Елена в пятьдесят девятом году получила подробное письмо с рассказом о своих злоключениях и просьбой сообщить что-нибудь о Марии. Тон послания был сух и сжат, но Елена не сомневалась, что Пётр испытывал не меньшую бурю в душе во время написания, чем она при прочтении. Именно тогда Елена убедилась, что Алексей погиб пятого сентября восемнадцатого года, через неделю после её отплытия, когда за одну ночь в обеих

столицах начавшийся красный террор уничтожил две с лишним тысячи человек. Пётр услышал это от общих знакомых, но лично подробностей не знал, хотя и предполагал, что его давний, далёкий, но единственный друг пытался спасти людей. Судьба раскидала их слишком далеко, и даже в своей стране они не смогли найти друг друга.

«Я не знаю, что наскочило тогда на меня. Это было как туман, лихорадка... Я думал только, почему Ольга поступила так. Хотелось, чтобы её смерть не была напрасной, чтобы время, задушившее её, стало светлее. Я хотел порядка, хотел нести людям добро, я так долго бездействовал. В молодости я считал революцию чем-то модным и приятным, раз пойдут в неё все, я за ними. Потом, видя зверство на улицах, я отрёкся ото всего, решив, что смогу жить в стороне. Не получилось... Началось братоубийство, и мне поневоле пришлось выбирать свою сторону. Это не описать словами, да я и не смогу. Я думал, это ненадолго, потом завертело так... уже после гражданской узнал, что вы уехали... Да так и лучше – что я мог дать Машеньке? Это как Цветаева – дочь погибла от голода, да «так лучше». Действительно, лучше умереть и в блаженной темноте не знать ничего. Я тянул бы Машу на дно, а с тобой у неё появился шанс. Не знаю, почему я не прервал эту бессмысленную череду ужаса. Не смог. Верно, несмотря ни на что теплится во мне любовь к этой чёртовой жизни. Хотя, может быть, это обычная трусость...

Спасибо тебе за всё. Напиши мне, пожалуйста, как она?

Вспоминает ли обо мне? Кто знает, может, когда-нибудь свидимся».

Елена в унынии поглощала письмо. Она страстно хотела получить какую-нибудь весточку «с того света», как она называла Россию, а, получив, долго не могла вернуться к своему обычному настроению. Она и представить не могла, что творилось с Петром все эти годы, чем он жил на свободе. Что может чувствовать человек, у которого отняли всё, стёрли прошлое и кинули в скуку и прозябание? Елена не могла поверить, что страна, кровавой ценой свергнувшая самодержавие, не смогла остановиться на разумном и продолжала калечить своих детей. Не в её привычках стало критиковать власть, она понимала, как мало могут сделать верхушки, если низы не хотят, но всё же... Она пыталась убрать из себя резкие замечания, таящие в себе опасность. Как бесчестно!

Великие правители, по её разумению, перевелись. Ни Сталин, ни Гитлер не имели возможности в её понимании называться так. Тем не менее, она принимала, хоть и нехотя, помня о жертвах, факт, что обычные люди всё же жили лучше теперь, чем до революции.

– Они великие убийцы, но назвать великими политиками их – преступление. Да, они как никто повлияли на ход истории, много намолотили, но... Мы же должны думать о милосердии! – заявлял Павел.

– Петра Первого тоже в своё время ненавидели и считали тираном. Но он сделал для страны больше, чем все poste-

пенные преобразователи, – огрызалась его дочь.

Павел смотрел на неё с тайным упрёком и думал, как мог вырастить такую буку.

«Видно, время такое...» – рассуждала Елена Аркадьевна, ловя внуков на страстном противлении чему-то, будь то учёба, права чернокожих или родительская опека. Она пыталась объяснить им, что они не имеют права очернять одних и восхвалять других. «Это ведь предвзятость».

– Никто не может анализировать то, что прошло, а тем более – предлагать пути решения ушедших уже проблем. Это дурни, Лёша, считающие себя богами, – объясняла она разгорячённому внуку. – Даже мы, живя в то время, не могли, не знали. Если бы знали, жили бы сейчас иначе...

Алексей, негодуя на «стариков» за то, что они не понимают его природного порыва изменить вселенную, фыркал и отворачивался.

Елена удивлялась тому, что ничего, в сущности, не изменилось. Двадцатый век мечтал о свободе, а наткнулся на угрозу глобального выживания. Натерпевшись войн, люди захотели мира, издавая сотни декретов о процветании и покое, но ничего не изменилось. Так же дети рвались в бой, так же отцы удерживали их, пытаясь втолковать, что ни одно убеждение не стоит потерь. И вновь все запутались и недоумевали. Но ничего не изменилось.

...А умирать Елене не хотелось несмотря ни на что. Смертельная тоска была страшнее всего, что пришлось ей выне-

сти. Жажда жить по-прежнему теплилась в ней, странно было думать, что всё кончится, уйдёт в небытие, стоит закрыть глаза и понять, что тепло медленно покидает так хорошо послужившее ей тело... От смерти не было лекарства, не было противоядия. Нельзя было просто захотеть жить вечно, заставить себя, как раньше, не думать о плохом. Всю свою жизнь Елена положила на два принципа – мир и любовь. Любовь не только к человеку, но и к жизни, любовь к самой любви. Она не зря прошла подаренное ей счастье быть. И, хоть была ещё крепка и относительно здорова, Елена готовилась уйти и приучала себя к мысли, что существует непроглядная темнота, как во сне без сновидений. И вместе с тем она была бесконечно благодарна жизни за то, что та у неё была.

Глава 20

Майским утром тысяча девятьсот шестьдесят третьего года, на следующий день после приезда Александра Жалова, Елена Аркадьевна постучала в комнату своей внучки.

– Оленька, ты спишь? – шёпотом спросила она.

Спросонья Ольга не сразу поняла, что происходит. Сев на кровати и удивлённо смотря на бабушку, она догадалась, что та не просто так потревожила её утреннюю полудрёму. Хитро улыбаясь, она, как ни в чём не бывало, спросила:

– Бабушка, что это ты спозаранку вскочила?

– Оленька, – мягко ответила Елена Аркадьевна. – Я всю ночь не могла уснуть, всё думала о твоей просьбе. Так много мыслей, воспоминаний, боли и сомнений, что свою жизнь я прожила не так, как намеревалась...

– Бабушка, ну что ты! – с укором улыбнулась Ольга. – Тебе ещё жить да жить, ты такая крепкая! Ты ещё нас переживёшь.

– С этим не поспоришь, но, родная... У каждого человека наступает в жизни время, когда он должен, наконец, облегчить душу и рассказать то, что важнее всего, понимаешь?

– Понимаю... – недоуменно протянула Ольга, пытаясь придать лицу значительную торжественность, свойственную случаю.

Обведя глазами небольшую аккуратную комнату внучки,

Елена Аркадьевна заметила на тумбочке у кровати томик Цветаевой и грустно улыбнулась. Та же самая поэтесса, только не великая ещё, а начинающая свой литературный путь, так же лежала на её собственной тумбочке полвека назад. Внезапно Елене стало так тепло, что она заулыбалась и решила, наконец, преодолев неловкость и желание казаться безупречной перед любимой внучкой, открыть ей всё без утайки, перестать носить это в себе. Она часто хотела сделать это, но каждый раз останавливалась.

Елена Аркадьевна знала своих детей и внуков лучше, чем они могли подумать, поэтому улыбнулась и с нежностью посмотрела на девушку. Та напоминала её саму в молодости. Сейчас, пытаясь выдержать экзамены в университет, Ольга жила с бабушкой, чтобы быть ближе к центру Ганновера. Её брат Алексей тоже частенько проводил время у Елены Аркадьевны, хоть и мнил, что его никто не способен понять.

– Это только с высоты лет кажется, что в молодости была прекрасная жизнь, а время всё беспощадно смело. Но это не совсем так, да иначе и не бывает. Жизнь прожить – не поле перейти, знаешь ли... – Елена всегда разговаривала со своими внуками на русском языке, вставляя в речь пословицы и поговорки. – В тот год, тысяча девятьсот одиннадцатый, кажется (это ведь было так давно, точно и не скажешь), я жила, как и ты сейчас, свою восемнадцатую весну...

Ольга благодарно устроила щёки на подушке и неотрывно смотрела в пронзительные выцветшие глаза бабушки, как

будто боясь упустить что-то из её рассказа.

После нескольких часов воспоминаний, прерванных некстати вскочившим солнцем, Ольга, утирая чистые глаза, посмотрела на обожаемую бабушку в несколько ином свете. Отношение как к святыне, видевшей на своём веку великие события, несомненно, укрепилось в ней. Раньше Ольга имела смутное представление о жизни бабушки в России, и довольствовалась клочками отдельных моментов. Ни о каком осуждении с её стороны и речи быть не могло, ведь бабушка была почти идиолом, на который нужно равняться.

Елена Аркадьевна, вздохнув, подытожила:

– Бог знает, для чего я рассказываю это тебе... Не только чтобы предостеречь от моих ошибок. Наверное, просто снять груз стольких лет. Страшно держать это в себе, хотеть открыться людям, которые значат для меня все, и трусить... И, знаешь еще, это у меня с юности – какое – то предубеждение, что меня не поймут или поймут не так...

Оля понимающе погладила бабушку по кончикам шершавых пальцев.

– Что было самым сложным, бабушка? Видеть, как рушится твой мир, умирают люди? Или жить на чужбине, вспоминая расцвет жизни?

– Самым страшным было жить с этим грузом, – тихо ответила Елена, и Ольга поникла. – Мир изменился до неузнаваемости, дорогая, – продолжала она бодрым, но не звонким голосом, – но человеческие чувства, стремления, потребно-

сти всегда одни и те же. Порядочность, доброта, честность, совесть, способность любить всегда остаются несмотря ни на что, всегда будут недооценены при жизни людей, их имевших, и возносимы потом. Что бы ни происходило с миром, люди останутся такими, как были. На то мы и люди. Характеры не умирают, не может измениться суть. Так что не грусти, малышка.

Поджав рот в знакомом Ольге движении, Елена продолжала:

– Так всегда было и будет. Мир не изменить никакими идеями, как бы мы не пытались. Для этого нужны века, поколения... нужда в этом, понимаешь? При этом изменится только часть жизни, кусок. Основа всё та же. Мировое господство невозможно, это лишний раз подтвердил сорок пятый год. Сейчас я вспоминаю, как страшно мне было, когда твои дед и отец уходили воевать... когда Павла ранило... Я тогда думала то же, что во время Первой мировой – зачем всё это? И сколько ещё крови прольётся, прежде чем люди научатся не поддаваться лозунгам и политике мерзавцев, жаждущих чего угодно, только не благополучия своих подданных. Сколько бы идей не выдвигалось человечеством, все они лишь попытка дойти до чего-то и ложны – до причины, до сути дойти невозможно. Лучше жить с тем, что проверено веками. Хотя и здесь нас ждёт подвох – новое тоже необходимо, но оно должно идти постепенно. Как жили бы мы сейчас без телевидения, освоения космоса? Ведь ты на-

верняка не хочешь вернуться во времена, когда автомобили были дефицитом. Мне до сих пор сложно противопоставлять прошлое и настоящее – это разные жизни, да и люди во мне разные...

– Конечно! – с воодушевлением подхватила Ольга, расширяя глаза. – Это было кошмарное время! Как ты вообще могла жить в нём?

– Оля, – устало улыбнулась Елена Аркадьевна. – Не суди так однобоко. Категоричность – признак узости мышления. Ты ведь не знаешь всего, атмосферы того времени.

– Прости, бабушка. Я вовсе не думаю, что ты жила в плохое время. Я просто имела в виду отсутствие водопровода и прочее... Знаешь ведь, иногда ляпнешь то, что совсем не думала...

– Водопровода и электричества не было только у крестьян, да и не только до революции, но и долго после. Я тоже не думаю, что жила в неподходящее время. Раз мы родились в то время, и выжить смогли. Человек ко всему может приспособиться. Жизнь не может быть плохой, если человек сам не сделает её таковой. В молодости я чуть не загубила себя на корню, потом в восемнадцатом пришлось худо... Но всё это мелочи, когда я вижу вас с Лёшей... За всю жизнь я не узнала ничего, чего не знала бы в двадцать лет.

Слившиеся с ней за долгие годы воспоминания, ставшие достоянием, золотым запасом души, вновь обступили Елену, и она погрузилась в привычную апатию. Она любила родных,

но никогда Оля не помнила, чтобы Елена совсем, до костей обнажала душу, точно была в ней преграда от людей, улавливающая щелчок и не дающая вновь разбередить древние раны. Разъедающая горечь из-за невозможности изменить прошедшее подтачивала душевную стойкость Елены, хотя обычно она не позволяла себе этого.

А в родной России живёт всё, как прежде. Сколько бы ни прошло по её золотистым полям ураганов, ни смело простых человеческих судеб, она стоит. И только тоска при виде нищих заставляет задуматься, сколько пришлось ей пережить. Одна из величайших стран мира ждёт новых туч и нового солнца. Ничего не меняется, только новые люди становятся выброшенными на великий путь под названием жизнь.

Пролетит весной, жужжа громовыми раскатами, майский жук, и стихнет всё опять. Только пронзительный запах сирени волнует сердце, оставляет в душе почти желанную недосказанность. В последнем тёплом напеве дня читается тихая грусть. Розово – золотое небо всё ярче смеётся по мере того, как солнце погружается в безбрежный горизонт заката. Смутно смотрит на свои владения золотой шар, отправляясь на покой, чтобы утром вновь возродиться.

Едва отправляется светило в подземное царство, небо расцветает тонкими гранями малинового, фиолетового, розового, лилового, персикового, алого, сливового. Игра оттенков, с каждой минутой меняющая свои очертания, навеивает мысли, что небо живое, так же молодеет и стареет. В золотых

лентах заходящего пламени все цвета сливаются в непередаваемой красоты картину, уловить прелесть которой не способен ни один художник. Серебристые отсветы облаков, горящие тусклыми искрами, несутся по зелёным волнам новорождённой листвы.

У расплывающейся линии горизонта яркими языками костра тлеет жизнь нескгибаемого народа. Что ему до войн и мирового могущества? Не об этом он грезит, а о спокойной жизни, заполненной незатейливыми человеческими радостями.